

МЕМОРИАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ ДЖОНА КЭМПБЕЛЛА,
НОМИНАНТ ПРЕМИИ «LOCUS»

ПИТЕР УОТТС

ВОДОВОРОТ

от автора романа «Ложная слепота»,
обладателя премии «Hugo»

ПРЕМИЯ «НУГО», НОМИНАНТ ПРЕМИИ «LOCUS»

ПИТЕР УОТТС

ВОДОВОРОТ

Книги Питера Уоттса

Ложная слепота

Эхопраксия

ТРИЛОГИЯ «РИФТЕРЫ»:

Морские звезды

Водоворот

Бетагемот

По ту сторону рифта

Сны разума

ПИТЕР УОТТС

ВОДОВОРОТ

Москва
АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
У65

Серия «Сны разума»

Peter Watts
Maelstrom

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Перевод с английского: *Николай Кудрявцев*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Marek Madej

Макет подготовлен редакцией (А) АСТРЕЛЬ СПб

Уоттс, Питер

У65 Водоворот / Питер Уоттс. — Москва: АСТ, 2015. —
477 с. — (Сны разума).
ISBN 978-5-17-087254-1

Западное побережье Северной Америки лежит в руинах. Огромное цунами уничтожило миллионы человек, а те, кто уцелел, пострадали от землетрясения. В общем хаосе поначалу мало кто обращает внимание на странную эпидемию, поразившую растительность вдоль берега, и на неожиданно возникший среди беженцев культ Мадонны Разрушения, восставшей после катастрофы из морских глубин. А в диких цифровых джунглях, которые некогда называли Интернетом, что-то огромное и чуждое всему человеческому строит планы на нее, женщину с пустыми белыми глазами и имплантатами в теле. Женщину, которой движет только ярость; женщину, которая несет с собой конец света.

Ее зовут Лени Кларк. Она не умерла, несмотря на старания ее работодателей.

Теперь пришло время мстить, и по счетам заплатят все...

MAELSTROM © 2001 by Peter Watts
Cover art © 2012 by Wydawnictwo Ars Machina
© Николай Кудрявцев, перевод, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Для Лори

«И хоть мала, она душой свирепа».*

* Цитата из комедии Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь» (пер. М. Л. Лозинского).

Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол.

Иов 40:15

Всякая плоть — трава.

Исайя 40:6

Прелюдия: мессия

На следующий день после того, как Патриция Роуэн спасла мир, человек по имени Элиас Мерфи вновь заставил всколыхнуться ее совесть.

Едва ли она нуждалась в еще одном напоминании. На линзах и так бежал бесконечный перечень смертей и разрушений, пока даже приблизительное число потерь никто назвать не мог. Прошло всего шестнадцать часов; о порядках величин до сих пор можно было лишь гадать. Но машины по-прежнему старались все учесть: столько-то миллионов жизней, столько-то триллионов долларов — как будто апокалипсис станет безобидным, если его досконально подсчитать.

«Может, так оно и произойдет», — размышляла Роуэн. Самые страшные чудовища всегда успевали исчезнуть до того, как включишь свет.

Она взглянула на Мерфи сквозь прозрачный дисплей в голове: человека скрывал поток данных, который он даже не видел. Но выражение его лицо само по себе несло информацию, и Патриция все сразу поняла.

Элиас Мерфи ненавидел ее. Для Элиаса Мерфи чудовищем была сама Роуэн.

Она его не винила. Наверное, у него погиб кто-то из близких во время землетрясения. Но если он знал о

роли, которую Роуэн сыграла в этом деле, то понимал, каковы были ставки. Ни одно рациональное существо не стало бы винить кого-то за действия, продиктованные исключительно необходимостью.

Он, скорее всего, и не винил. С рациональной точки зрения. Но его ненависть коренилась где-то в спинном мозге, и Роуэн не держала зла на Мерфи.

— У нас нерешенная проблема, — спокойно сказал он.

«И не одна».

— Мем Бетагемота проник в Водоворот, — продолжил гель-жокей. — Он какое-то время висел в сети, но осязаемое влияние стал оказывать... только с появлением того геля, который вы...

Он замолк, не желая обвинять Роуэн прямо.

И спустя секунду начал снова:

— Я не знаю, как много вам уже рассказали о... сбое. Мы использовали гауссианский упреждающий алгоритм для достижения минимальных локальных пока...

— Вы научили умные гели защищать информацию от дикой фауны Интернета, — ответила Роуэн. — В результате каким-то образом они выработали правило, что в любой ситуации следует отдавать предпочтение простым системам, а не сложным. Мы, не сознавая того, предоставили одному из них выбор между микробом и биосферой, и он переметнулся на сторону врага. Однако мы вынули затычку вовремя. Не так ли?

— Вовремя, — эхом отозвался Мерфи. «Не для всех», — добавили его глаза. — Но к тому времени он уже распространил мем в сети. Гель был связан с Водоворотом и, естественно, мог действовать автономно.

Роуэн перевела: «Чтобы он мог убивать людей без всяких ограничений». Она все еще немного удивля-

лась тому, что Консорциум вообще согласился наделить зельц настолько широкими полномочиями. Разумеется, на свете не существовало человека без предубеждений. Разумеется, никто не собирался доверять кому-то другому право решать, какие города надо сжечь для общего блага, пусть даже микроб угрожал всему миру. И все-таки: дать абсолютную власть двухкилограммовому куску культивированных нейронов? Ее до сих пор поражало то, что вся людоедская рать согласилась на такое.

Правда, мысль о том, что у гелей могут быть собственные предубеждения, никому в голову не пришла.

— Вы просили держать вас в курсе, — сказал Мерфи, — но на самом деле проблемы нет. Без геля это всего лишь сорный мем, и он сам сгорит через неделю или две.

— Неделю или две. — Роуэн вздохнула. — Вы понимаете, сколько урона нанес этот сорный мем за последние пятнадцать часов?

— Я...

— Он захватил подъемник, доктор Мерфи. Ему не хватило всего двух часов. Шесть носителей могли затеряться среди населения, и тогда землетрясение, цунами стали бы лишь началом, а не...

«...пожалуйста, Господи, пусть на этом все кончится...»

— Он захватил подъемник, так как имел властные полномочия. Теперь у него их нет, а у других гелей никогда не было. Мы говорим о коде, который бесполезен для субъектов, лишенных автономии в реальном мире, и который, при отсутствии внешнего толчка, в любом случае самоуничтожится из-за нехватки подкрепления. А что касается землетрясения... — В голосе Мерфи неожиданно появилась непокорность: — Судя

по тому, что я слышал, на спусковой крючок нажали далеко не гели.

«Ну сказано яснее некуда».

Патриция решила не обращать внимания на эту реплику.

— Простите, но вы не убедили меня. В сеть проник план по уничтожению всего мира, а вы предлагаете мне не беспокоиться?

— Именно так.

— К сожа...

— Мисс Роуэн, гели — это по сути большие автопилоты из слизи. Такая система может измерять высоту, оценивать погодные условия, запускать механизм посадки, но это не значит, что она хоть как-то их осознает. Гели не замышляют уничтожение планеты, они даже не знают, что реальный мир существует. Они всего лишь манипулируют переменными. И опасность может возникнуть только в том случае, если один из их выходных регистров окажется связан с бомбой на линии разлома.

— Благодарю вас за оценку. А если вам отдадут приказ вычистить этот мем, как вы поступите?

Элиас пожал плечами.

— Мы сможем выявить зараженные гели путем простого допроса, поскольку теперь знаем, что искать. Заменим поврежденные на свежие — мы и так по плану должны приступить к четвертой фазе, а новый урожай уже созрел.

— Хорошо, — сказала Роуэн. — Начинайте.

Мерфи уставился на нее.

— Вам что-то не нравится? — спросила Патриция.

— Мы можем это сделать, никаких проблем, но это будет просто потеря... о, господи, да ведь половина Тихоокеанского побережья рухнула в море, и у нас явно есть более...

— Не у вас, сэр. Вы получили задание.

Он отвернулся, вновь скрывшись за невидимой статистикой.

— О какого рода внешнем толчке вы говорили, доктор? — спросила она вслед.

Элиас остановился.

— Что?

— Вы сказали, что он исчезнет «при отсутствии внешнего толчка». Что вы имели в виду?

— Нечто, способное увеличить уровень репликации. Новые данные для усиления мема.

— Какого рода данные?

Он обратил лицо к ней.

— Таких нет, мисс Роуэн. В этом вся суть. Вы ведь вычистили записи, разрушили корреляции, устранили носителей, так?

Роуэн кивнула.

— Мы...

«...убили наших людей...»

— ...устранили носителей.

— Вот и прекрасно.

Она намеренно смягчила тон голоса:

— Пожалуйста, выполните мои инструкции, доктор Мерфи. Я знаю, они кажутся вам несущественными, но я лучше предприму меры предосторожности, чем стану рисковать.

На его лице четко отразилось то, что он думал об уже предпринятых ей «мерах предосторожности». Элиас кивнул и вышел, не произнеся ни слова.

Роуэн вздохнула и ссутулилась в кресле. Перед ее глазами скользнул очередной заголовок: еще четыреста «оводов» удачно реквизировано для очистки Ситэка. Таким образом, число маленьких телеопов между Ситэком и Гонкувером достигло пяти тысяч, и теперь они

метались повсюду, пытаясь обнаружить тела, пока тиф и холера не утащат всех на самое дно.

Миллионы погибших. Триллионы ущерба. Она знала, эти потери — ничто по сравнению с альтернативой. Вот только такие утешения помогали плохо.

На спасении мира висел ярлык с немалой ценой.

ВОЛЬВОКС*

* Род подвижных колониальных организмов, относящихся к отделу зеленых водорослей. Они обитают в пресных стоячих водоемах и при массовом размножении окрашивают воду в зеленый цвет, вызывая ее цветение.

BOOK

РУСАЛКА

Тихий океан валился ей на спину. Она не обращала на него внимания.

Он раздавил тела ее друзей. Она забыла о них.

Он выпил свет, ослепив даже ее чудесные глаза. Бросал вызов, побуждал сдаться, включить головной фонарь, словно какому-нибудь инвалиду-сухопутнику.

Она плыла дальше в полной темноте.

Со временем ложе океана поднялось крутым откосом, ведущим к свету. Дно изменилось. Ил исчез под липкими сгустками полупереваренной нефти: огромный всепланетный ковер, под который целое столетие заматали маслянистые разливы. Внизу призраками маячили поколения затонувших барж и рыболовных траулеров, каждый корабль — одновременно труп, склеп и эпитафия самому себе. Она исследовала первый, попавшийся ей на пути, проскользнула сквозь разбитые иллюминаторы, по перевернутым коридорам и как сквозь сон припомнила, что обычно в таких местах скапливалась рыба.

Давным-давно. Теперь остались только черви, задыхающиеся двустворчатые моллюски и женщина, ставшая амфибией волей абстрактного слияния технологии и экономики.

Она не останавливалась.

Света уже хватало на то, чтобы видеть без линз. Океанское ложе подергивалось от движений вялых эвтрофилов*, созданий настолько черных от гемоглобина, что они могли выжать кислород даже из камней. Застигнутые неожиданным сиянием, они блеснули алым в краткой вспышке фонаря.

Женщина не останавливалась.

Вода стала настолько мутной, что временами беглянка едва видела собственные ладони. Скользкие скалы, проплывающие внизу, принимали угрожающие формы — скрюченных рук, изогнутых конечностей, зияющих провалами черепов с тварями, корчащимися в глазницах. Иногда слизь казалась на вид чуть ли не плотью.

Когда женщина почувствовала притяжение прибоя, дно сплошь покрывали тела. Они тоже как будто скапливались тут поколениями. Некоторые уже превратились в симметричные пятна водорослей. Другие же были достаточно свежими, мерзко раздулись, стремились подняться вверх, борясь с обломками, удерживающими их внизу.

Но ее беспокоили не тела. А свет. Даже отфильтрованный столетиями миазмов, висящих в воздухе, он казался ей слишком ярким.

Океан вытолкнул ее вверх, утянул вниз в ритме, который одновременно слышался и чувствовался. Мертвая чайка, вращаясь, проплыла мимо, влекомая течением, запутавшаяся в моноволокне. Вселенная ревела.

* Искусственно выведенные придонные растения, борющиеся с антропогенной эвтрофией водоемов, когда в результате высокой концентрации биогенных веществ начинается активное развитие микрофлоры в верхних слоях воды, снижается ее прозрачность, начинается гибель придонных растений, а вместе с ними и гибель всех прочих организмов. На фоне выраженной гипоксии резко снижается количество кислорода в водоемах.

На краткий миг вода перед беглянкой исчезла. В первый раз за год она увидела небо. А потом огромная влажная рука шлепнула ее по затылку, снова ткнув носом в дно.

Она прекратила грести, не зная, что делать. Правда, ничего решать и не пришлось. Бурлящие волны, маршируя к берегу бесконечными серыми рядами, дотасили ее до самого финала.

*

Она лежала на животе, задыхаясь, вода вытекала из механизмов в груди: жабры отключались, кишки и воздушные протоки раздувались, пятьдесят миллионов лет эволюции позвоночных сжались в тридцать секунд, с легкой руки биотехнологической промышленности. Желудок свело от хронической пустоты. Голод превратился в друга настолько преданного, что она с трудом могла представить его отсутствие. Стянула плавники с ног, поднялась, покачнувшись, когда заявила о себе гравитация. Сделала робкий шаг вперед.

Туманные силуэты охранных башен привалились к горизонту на востоке, сломанными шпилями напоминая челюсть с выбитыми зубами. Над ними парили жирные и, судя по пропорциям, огромные твари, похожие на клещей: подъемники, приглядывающие за останками границы, которая прежде осмотрительно разделяла беженцев и граждан. Теперь здесь не было беженцев. Не было граждан. Осталось только человекоподобное образование из грязи и нефти с машинами в сердце его, жуткого вида русалка, выкарабкавшаяся из бездны. Ее так и не смогли отбраковать.

И весь бесконечный хаос — изломанный пейзаж, растерзанные тела, всосанные океаном, опустошение, добравшееся до бог знает каких пределов, — все это было

лишь побочным эффектом. Она поняла, что молотом хотели ударить именно по ней.

И при этой мысли улыбнулась.

БАЙКИ РЕКОНСТРУКЦИИ*

Огромные сверкающие здания отряхивались подобно мокрым псам. На землю пролились потоки разбитого стекла из панорамных окон пятидесятиэтажных небоскребов. Улицы превратились в живодерни: несколько тысяч человек с легкостью расчленило в считанные секунды. А потом, когда землетрясение закончилось, на охоту вышли уборщики: собирали головоломки из плоти и крови с невероятно большим количеством отсутствующих деталей. По техническим причинам число их только росло.

Где-то посреди мух, развалин и куч безглазых трупов душа Су-Хон Перро проснулась и закричала.

Так не должно было случиться. Вообще не должно: катализаторы надежно перехватывали все эти устаревшие, неадекватные чувства, составляющие их химикалии разваливались на части, не достигая даже стадии прекурсоров. Бродить по океану трупов как полностью функциональный человек, даже опосредованно, никто не станет.

Когда ее накрыло, она была в нескольких точках сразу. Тело Су-Хон пребывало в полной безопасности у нее дома, в Биллингсе, за тысячу километров от разрушений. Чувства парили в четырех метрах над останками

* Здесь имеется в виду не только отсылка к известному периоду американской истории, Реконструкции (1865–1877), когда после Гражданской войны происходила реинтеграция южных штатов Конфедерации в состав США, но и к альбому группы R. E. M. «Fables of the Reconstruction» 1985 года, название которого из-за особенностей оформления диска можно прочитать как «Байки Реконструкции», так и «Реконструкция баек».

гонкуверского моста на Грэнвилль-стрит, утнездившись в летающем синем панцире, напоминающем муху-падальщика с полметра длиной. А разум так вообще витал где-то далеко, вел базовые подсчеты, сводил в группы разные куски тел.

По какой-то причине ее тревожил запах разложения. Перро нахмурилась: обычно столь сильной щепетильностью она не отличалась. Не могла себе такого позволить — нынешнее количество трупов покажется ничтожным по сравнению с тем, что наделает холера, если все мясо не убрать к концу недели. Она приглушила канал, хотя усиление обоняния считалось предпочтительным методом для поиска биологических материалов, заваленных обломками.

Но теперь начала раздражать и картинка, а вот почему, Су-Хон сказать не могла. Она все видела в инфракрасном свете на случай, если некоторые тела еще были теплыми — черт побери, там кто-то мог даже выжить, — но от неестественного цвета крутило желудок. Перро перебрала весь спектр, от глубоко инфракрасного до рентгеновских лучей, и в конце концов остановилась на старом добром электромагнитном излучении. Немного помогло. Правда, теперь она смотрела на мир чуть ли не как обыкновенный человек, а это сказывалось на рабочих показателях.

«И эти поганые чайки. Бог ты мой, да из-за их ора ничего не слышно».

Она ненавидела чаек. Птиц нельзя было заткнуть. Они всегда скапливались в таких местах, а когда ели, устраивали настоящие оргии, которые отпугнули бы даже акул. На другой стороне Фолс-Крик, например, тела лежали таким плотным слоем, что эти твари стали разборчивыми. Выклевывали только глаза, остальное отдавали на откуп червям. Перро не видела ничего подобного с Тонкинского разлива пять лет назад.

Тонкин. Воспоминания о нем некстати бурлили в подсознании, отвлекали от дела картинами бойни пятилетней давности.

«Сосредоточься», — приказала себе Су-Хон.

Теперь, по какой-то причине, в голову постоянно лезли мысли о Судане. Вот это действительно была заваруха. Но ведь и тогда все могли предвидеть: нельзя перегородить реку такого размера не расстроив кого-нибудь, кто живет вниз по течению. По-настоящему удивляло только то, что Египет ждал целых десять лет, прежде чем разбомбить эту чертову штуковину. Обвал за одно мгновение разбросал вокруг годами копившуюся грязь; когда паводок спал, процесс очистки больше напоминал выковыривание изюма из размякшего шоколада.

О, и еще один торс.

«Вот только у изюма были руки и ноги. И глаза...»

Мимо пролетела чайка, державшая в клюве глазное яблоко. Целую, казалось, бесконечную секунду оно смотрело на Перро, о чем-то умоляя.

А затем впервые за всю свою карьеру — через миллиарды логических затворов, бессчетные километры оптоволокну и микроволны, отражающиеся от геосинхронной орбиты, — Су-Хон Перро оглянулась на прошлое.

Брэндон. Венеция. Ки-Уэст.

«Боже мой — все мертвы».

Галвестон. Обидуш. Резня в Конго.

«Заткнись! Сосредоточься! Заткнись, заткнись...»

Мадрас, Лепро, Гурьев — бессчетное количество мест, менялись имена и экосоны, а число жертв только росло, никогда не замирало даже на секунду, на долбаную секундочку, и везде одна и та же песня, одна и та же бесконечная вереница тел, заваленных заживо, сгоревших, разорванных на части...

Всех разрывает на части...

Лима, Леванцо, Лагос...

«И это еще не все „Л“, ребята, там их целая куча.

Слишком поздно слишком поздно я ничего не могу поделать...»

Ее «овод» послал сигнал тревоги, как только она ушла в офлайн. Маршрутизатор запросил медчип, угнездившийся в позвоночнике Перро, нахмурился про себя и послал сообщение другому жильцу, зарегистрированному по тому же адресу. Муж Су-Хон нашел ее у терминала, она дрожала, ни на что не реагировала, и только слезы кровоточили из-под фоновизоров.

*

Отчасти душа Перро обитала в плече тринадцатой хромосомы, в слегка дефектном гене, кодирующем серотониновые рецепторы 2А. Из-за этого у Су-Хон была склонность к суицидальным мыслям, но раньше та никогда не доставляла проблем: катализаторы защищали и в жизни, и на работе. По слухам, некоторые фармы портили продукты соперников. Может, так и случилось: кто-то решил подкопаться под конкурента, а Перро наклеила бракованную дерму на руку и вошла в зону последствий Большого Толчка, даже не поняв того, что все ее чувства по-прежнему работают в полную силу.

После такого на передовой от нее было мало толку. В состоянии столь серьезного посттравматического стресса от катализаторов начинало коротить средний мозг. (В этой отрасли до сих пор встречались люди, бившиеся в припадках от звука расстегиваемой молнии: с таким же запечатывали мешки для трупов.) Но у Перро по контракту осталось еще восемь месяцев, и никто не жаждал попусту просаживать ее таланты или жалованье, а потому ей требовалось подыскать менее напряженный

участок, где можно было обойтись традиционными ингибиторами.

Ей выделили полосу беженцев на Западном побережье. В решении крылась своеобразная ирония: уровень смертности здесь в сто раз превышал городские показатели, но океан, по большей части, прибрался за собой сам. Тела утянуло в воду вместе с песком, булыжниками и валунами. Остались лишь глыбы размером почти с товарный вагон, а пляж, дочиста выскобленный и волнистый, напоминал лунный пейзаж.

По крайней мере сейчас.

Теперь Су-Хон Перро сидела перед линком и наблюдала за линией красных точек, ползущих по карте побережья. При большем разрешении единая черта разделялась на две: одна вела от юга штата Вашингтон к Северной Калифорнии, другая взбиралась на север по тому же курсу. Бесконечная петля автоматического наблюдения, глаза, что могли видеть сквозь плоть, уши, способные разобрать даже разговоры летучих мышей. Мозги достаточно умные, чтобы большую часть времени выполнять работу без всякой помощи Су-Хон.

И все-таки она подключалась к ним и наблюдала за тем, как перед ней скользит мир. Почему-то улучшенные чувства «оводов» казались более реальными, чем ее собственные. Когда Перро снимала шлемофон, все вокруг, казалось, покрывал слой ваты. Она знала — причина в катализаторах; только вот оставалось непонятным, почему все выглядело гораздо четче, когда она управляла машиной.

Боты продвигались вдоль побережья, отслеживая, как по градиенту растет разруха. К северу простиралась пустошь: трещины разрывали берег. Промышленные подъемники висели над разломами в Стене, отстраивая ее заново. На юге беженцы по-прежнему бродили вдоль

Полосы, жили под навесами, в палатках и в разъеденных эрозией остовах зданий, сохранившихся с той поры, когда за вид на океан брали дополнительную цену.

Между двумя этими точками Полоса, кровотока, отступала к берегу, неравномерно и урывками. На северном периметре уже установили переносные утесы в двадцать метров высотой, надежно обрубив беженцам доступ на континент. По другую сторону машины Н'АмПацифика активно занимались ремонтом: пополняли запасы, латали дыры, чинили постоянные барьеры на востоке. На северный край очищенной территории со временем опустятся другие утесы, а их южные двойники вознесутся в небеса — или к брюху промышленного подъемника, уж что придется первым, — скачками опережая прилив млекопитающих. «Оводы-усмирители» парили над головой, обеспечивая порядок при миграции.

Впрочем, большой нужды в них не было. Существовали более эффективные способы держать людей в узде.

Перро с огромным удовольствием вела бы наблюдение сутки напролет, чувствуя себя далекой и бесстрастной, но между работой и сном оставались часы бодрствования. Она заполняла их как могла, слонялась в одиночестве по квартире или следила за тем, как муж наблюдает за ней. Временами ее неудержимо влекло к аквариуму, мягко светящемуся в гостиной. Перро он всегда казался уютным — пенистое шипение азратора, мерцающее взаимодействие света и воды, умиротворяющая хореография рыбок. В глубине сосуда от потоков воды шевелила щупальцами актиния двадцати сантиметров в диаметре. Из-за симбиотических водорослей она играла десятками оттенков зелени. Парочка абудефдуфов бесстрашно устроилась среди ядовитых стрекал. Перро завидовала их безопасности: хищник чудесным образом прислуживал собственной добыче.

Но больше всего ее удивляло то, что этот безумный альянс — водоросли, актиния, рыбы — никто не создавал. Он эволюционировал сам, естественным симбиотическим путем, занявшим миллионы лет, и ни один ген за все это время никто не изменял.

Это было так хорошо, что казалось почти нереальным.

*

Иногда «оводы» звали на помощь.

Этот увидел что-то непонятное в мелководной прибрежной зоне. Судя по его данным, один из циркуляторов Кальвина решил поделиться надвое. Перро подключилась к линии и полетела над эфемерным пейзажем. Сияющие новенькие циркуляторы стояли вдоль берега, готовые скрутить саму атмосферу в съедобный белок, являя чудеса промышленного фотосинтеза. С виду они казались целыми. Рядом недавно установили уборные и крематорий, работающий на солнечных батареях. Осветительные штативы, одеяла и самособирающиеся палатки лежали аккуратными рядами на пластиковых подставках. Даже расколовшийся гранит берега успели слегка подлатать, ввели в трещины самопнящуюся смолу и пополнили запасы песка и булыжников, как попало разбросав их по загубленному берегу.

Ремонтные бригады уже ушли, беженцы еще не прибыли. Но на песке виднелись свежие следы, ведущие в океан.

И появились они оттуда же.

Перро запросила запись, спровоцировавшую тревогу. Мир вновь обернулся кричащими, успокаивающими своей ложностью цветами, которыми машины пользовались передавая информацию существам, ограниченным плотью. Человеку циркулятор казался сверкающим металлическим гробом размером с мини-фургон, «оводу»

же — неброским сплетением электромагнитных излучений.

Одно из них отрастило побег — небольшой сверкающий пучок технологий отделился от Кальвина и, неуверенно колеблясь, отправился к воде. Его тепловая сигнатура была несовместима с чистым «железом». Перро сузила фокус до видимого спектра.

На записи оказалась женщина, вся в черном.

Она кормилась из циркулятора и не заметила подлетевшего «овода». Только когда он завис от нее менее чем в ста метрах, незнакомка вздрогнула и повернулась лицом к камере.

Ее глаза были полностью белыми. Никаких зрачков. «Боже», — подумала Перро.

Увидев бота, женщина неуверенно встала на ноги и, качаясь, направилась к скалистому склону. Казалось, она отвыкла от собственного тела. Два раза упала. У кромки прибоя она схватила что-то с земли — ласты, поняла Перро, — и рванула вперед, на мелководье. Бугристая волна накатила на нее, поглотила, и, когда схлынула, на песке больше никого не было.

По данным записи все произошло меньше минуты назад.

Перро согнула пальцы: в двенадцати сотнях километрах от нее «овод» дал панораму сверху. Утомленный океан набегал на берег тонкими пенящимися пластами, стирая следы существа. Настоящий прибой спокойно и размеренно бился в нескольких метрах впереди. На какое-то мгновение Перро показалось, что в сумятице брызг и вихрях волн, похожих на зеленое стекло, она заметила движение — темную форму, похожую на амфибию с лицом почти лишенным всякой топографии. Но момент ушел, и даже усовершенствованные чувства «овода» ничего не смогли с этим поделать.

Су-Хон прокрутила запись снова, восстанавливая события.

«Овод» смешал воедино плоть и технику. По умолчанию он сканировал в широком спектре, и ЭМ-сигнатуры сияли рассеянным галогеном. Когда женщина в черном стояла рядом с циркулятором, робот принял два близких сигнала за один. Когда же она отошла, в его глазах машина распалась.

Из незнакомки изливались электромагнитные волны. Все ее тело пронизывали какие-то имплантаты.

Перро вытянула из записи стоп-кадр. Тело женщины с головы до пят плотно облегал черная униформа без единого шва, словно нарисованная на коже. Открыто было только лицо: бледный овал с двумя белоснежными эллипсами на месте глаз. Что это? КонТакты?

«Нет, — поняла Су-Хон. — Фотоколлаген. Чтобы видеть в темноте».

Силуэт уродовали вкрапления пластика и металла — ножны на ноге, контрольные панели на руке, какой-то диск на груди. И яркий желтый треугольник на плече, логотип из двух больших стилизованных букв — ЭС, разглядела Перро, быстро увеличив изображение, — а под ними крохотная надпись, смазанная до неузнаваемости. Наверное, бирка с именем.

ЭС. Энергосеть, снабжающая электричеством весь Н'АмПацифик. А эта женщина была водолазом с имплантированным аппаратом для дыхания. Перро слышала о них: они были очень востребованы для работы на больших глубинах. Никакой декомпрессии и так далее.

Почему ныряльщица из Энергосети слонялась в прибрежной зоне? И почему, ради всего святого, она ела из циркулятора? Нужно было по-настоящему оголодать, чтобы польститься на такую смесь, несмотря на все питательные вещества. Возможно, женщина действительно

умирала от истощения; выглядела она ужасающе, едва держалась на ногах. А зачем побежала? Уж знала, наверное, что кто-нибудь ее подберет, раз «овод» заметил...

Естественно, знала.

Перро подняла робота на пару сотен метров в высоту и оглядела океан. Ничего похожего на судно водолазного обеспечения там не было. (Может, подлодка?) Внизу, выполняя программу, пролетел на юг еще один «овод», гигантский металлический жук, которого не тревожила загадка, так смутившая его предшественника.

А где-то там, под волнами, кто-то прятался. Не беженка. По крайней мере не обычная беженка. Она выползла на берег уже после апокалипсиса, страдая от голода. Женщина с механизмами в груди.

А может, это была машина, которая лишь притворялась человеком.

Су-Хон прекрасно знала, каково это.

СМЕРТНОЕ ЛОЖЕ

Он из принципа не следил за временем. В той сфере деятельности, где был занят Лабин, таким трюкам учились быстро. Учились сосредоточиваться на настоящем и забывать о будущем. Он даже попытался направить процесс вспять, развернуть стрелу времени и стереть прошлое, но это оказалось не так-то легко.

Впрочем, неважно. После целого года беспросветной ночи — после земли, с треском раскалывающейся внизу, после Тихого океана, неумолимо и безжалостно давящего все живое гидравлическим прессом, — он заплакал от благодарности, вновь ступив на сушу и вспомнив это полузабытое ощущение. Вот трава. Птицы. Солнечный свет. Он оказался на паршивой крохотной скале, затерянной где-то посреди водной пустыни. Сплошной лишайник,

высохшие кусты и долбанные чайки, но никогда еще Лабин не видел места красивее.

Лучше места, чтобы умереть, Кен придумать не мог.

*

Он проснулся под чистым голубым небом, находясь на глубине в тысячу метров.

Пятьдесят километров от станции «Биб», может, пятьдесят пять от эпицентра. Сияние от взрыва так далеко проникнуть не могло. Кен не знал, что видел в это мгновение: возможно, излучение Черенкова. Какой-то малоизвестный эффект от воздействия гидроударных волн на зрительный нерв. Иллюзию остаточного света, омывающую бездну глубокой, пронзительной синевой.

И пока рифтер висел там, словно соринка, застрявшая в желатине, небольшая ударная волна, громохкая, подкралась снизу.

Древняя часть мозга Лабина, сохранившаяся от далеких предков, живших на деревьях, залепетала в панике. Более новый модуль заткнул ей рот и взялся за вычисления: продольная волна быстро идет сквозь материковый грунт. От нее перпендикулярно поднимаются дополнительные: как раз такие толчки, как он только что почувствовал. Катеты прямоугольного треугольника.

А значит, скоро должна грянуть гипотенуза: ударная волна, пробивавшаяся сквозь застойную среду с гораздо меньшей плотностью, чем у морского дна.

Двигалась она медленнее, но была во много раз сильнее.

Пифагор давал всего двадцать секунд.

Лабин обладал иммунитетом к абсолютному давлению: механизмы в грудной клетке давным-давно избавили от внутренних газов каждую пазуху, каждую полость, каждый уголок тела. Кен провел целый год на дне океана и едва это почувствовал. Превратился в сплошное мясо

и кости, густую органическую жидкость, столь же несжимаемую, как и сама морская вода.

Пришла ударная волна, и морская вода сжалась.

Он как будто посмотрел на солнце: это давление разрушало глаза. Рядом рухнул Тунгусский метеорит: это со скрежетом рвались барабанные перепонки. Лабин словно превратился в поверхность между Скалистыми горами: пока мимо проходил фронт, его тело расплющило, отбросив куда-то в двумерную реальность, а потом оно резко набрало объем, как резиновый мяч, вытасченный из тисков.

Он мало помнил из того, что произошло потом. Но холодный голубой свет должен был померкнуть. Он ведь исчез спустя несколько секунд. Когда прошла ударная волна, вокруг опять наступил мрак.

И тем не менее повсюду разливалось голубое мерцание.

«Небо, — наконец понял Лабин. — Это небо. Ты на берегу».

В поле зрения пролетела чайка с раскрытым клювом. Лабину почудилось, что до его изувеченных ушей доносится слабый металлический крик птицы но, вполне возможно, то было лишь его воображение. В последнее время он слышал очень мало — только отдаленный звон, который, казалось, шел с другой стороны мира.

Небо.

Каким-то образом ему удалось выжить.

Он помнил, как висел в воде изорванной массой водорослей, не мог даже вскрикнуть, не мог двинуться не крича. За мгновение тело превратилось в один огромный синяк. И все же, несмотря на всю боль, Лабин ничего не сломал. В конце концов, он висел в толще воды без поверхностей, о которые можно было разбиться, а всепоглощающая волна сжимала и отпускала все с равным пренебрежением...

В какой-то момент Кен стал двигаться снова. Память возвращалась урывками, сводило ноги. Периодически он смотрел на навигационное устройство, компас вел на запад-юго-запад. Постепенно боль распалась на локальные очаги — Лабин даже принялся играть в игру, пытаясь угадать причину каждого вида мучения, кричащего из толпы. «Холодная тошнота — наверное, морская вода просочилась в слуховой канал... ну а в кишках — это точно голод. И грудь, дайте подумать, грудь... ах да, имплантаты. Мясо и металл сжимаются по-разному, имплантаты начали сопротивляться, когда взрыв меня расплющил...»

А теперь он очутился здесь, на острове меньше ста метров в длину: выполз на берег с одной стороны, увидел маяк на другой — покрытую лишайником бетонную колонну, разлагавшуюся еще с прошлого века. Лабин не заметил даже признака людей, хотя времени на наблюдения было мало, он почти сразу рухнул без сознания на песчанник.

Но Кен сумел. Он выжил.

Выскользнул. И только теперь позволил себе думать об остальных: удалось ли им уйти, позволил себе надеяться, что они выжили. Хотя знал, что это не так. У них был задел по времени, но они держались на глубине, чтобы их никто не заметил. Дно же усиливало ударную волну, подобно неумелому жонглеру подбрасывая в воду куски грунта; на расстоянии десяти метров от земли все должно было размолоть в порошок. Лабин с запозданием понял это, когда решил догнать остальных. Взвесил риск попасться, риск детонации и, так сказать, поднялся до обстоятельств. Но даже и так ему очень повезло.

Лени Кларк не уплыла вместе со всеми. Сейчас, наверное, от нее даже тела не осталось. Она не пыталась сбежать. Лабин оставил ее на станции, Лени ждала взрыва прямо в его эпицентре: женщина, которая хотела умереть. И получившая то, что хотела.

«По крайней мере хоть какая-то польза от нее была. Исповедаться ей успел, прежде чем она испарилась. В первый раз за всю жизнь смог поплакаться в чью-то жилетку, успокоить больную совесть и не убить никого под конец».

Лабин не отрицал этого, даже про себя. Смысла не было. К тому же никакой выгоды от своих действий он все равно не получил. Кен — мертвец, как и остальные. Он все равно умрет.

Лишь это имело какой-то смысл.

*

Головоломка состояла из нескольких больших кусков простейших цветов. Вместе они сходились только одним образом.

Людей призывали на службу, перестраивали и тренировали. Плоть и внутренности выскребывали, выбрасывали, а полости заполняли механизмами и зашивали. Создания, получившиеся в результате операции, могли жить в бездне на глубине трех тысяч метров, на южной оконечности хребта Хуан де Фука. Там они присматривали за машинами побольше, крадущими энергию из земного чрева во имя спроса и предложения.

Существовало не так много причин, по которым кому-нибудь пришлось бы в голову снести такую станцию ядерным зарядом.

На первый взгляд это казалось военным нападением. Но устройства и рифтеров создал Н'АмПацифик. Он же жадно пил из геотермального колодца Хуан де Фука. И, если верить фактам, именно он установил придонные атомные бомбы, которые все уничтожили.

Значит, не война. По крайней мере не политика.

Возможно, корпоративная безопасность. Может, рифтеры узнали нечто такое, что следовало держать в секрете.

Лабин вполне подходил под определение. Но он был ценным ресурсом, а с точки зрения экономики выбрасывать то, что нужно всего лишь настроить, как-то не слишком рационально. Потому его и сослали на дно океана, в длительный отпуск, отдохнуть от мира, которому Кен стал угрожать, а не служить. («Всего лишь временное назначение, — говорили они, — пока у тебя нервы не успокоятся немного».) В мир рыб и холодных как лед людей, не интересующихся ничем, кроме собственных изломанных судеб, где не существовало никаких промышленных тайн, которые надо было украсть или защитить, никаких нарушений безопасности, подлежащих ликвидации с особой тщательностью...

Нет. Из всех членов группы Лабин больше всех тянул на угрозу внутренней безопасности, но если бы начальство хотело его устранить, то не стало бы высылать к источнику Чэннера. К тому же существовали более эффективные способы убрать пять человек, чем обратиться в пар несколько квадратных километров морского дна.

Ситуация говорила сама за себя: мишенью было дно как таковое. Источник Чэннера почему-то стал опасен, и его решили стереть с лица Земли. А вместе с ним в угрозу для безопасности превратились и рифтеры, иначе Энергосеть эвакуировала бы их перед операцией: корпорации известны безжалостностью, но не расточительностью. Они не выбрасывают на воздух инвестиции, если можно обойтись без этого.

Значит, при контакте с Чэннером экипаж «Биб» что-то подцепил. Лабин не был биологом, но знал о возможности заражения. Да все знали. А гидротермальные источники — это буквальные рассадники микроорганизмов. Фармацевтические компании находили там новые виды чуть ли не постоянно. Некоторые процветали в кипящей серной кислоте. Иные жили в камнях, на глубине многих

километров под верхним слоем дна. Третьи ели нефть и пластмассу, хотя к ним и не прикасались руки генетиков. А некоторые, как слышал Лабин, могли излечить болезни, которым люди еще не придумали названия.

Их называли экстремофилами. Очень старые, очень простые, почти чужеродные. Ничего ближе к марсианским микробам на Земле не находили. Могло ли существо, которое эволюционировало при давлении в триста атмосфер, без света, чувствовало себя вполне комфортно при температуре около 101°C — ну или даже около 41° , более распространенного в бездне, — могло ли нечто подобное выжить в человеческом теле?

И если могло, то чем бы там занималось?

Лабин не знал. Но кто-то только что смахнул с лица Земли миллиарды долларов, затраченные на оборудование и подготовку. Кто-то пожертвовал огромной энергетической титкой в мире, который и так голодал от недостатка энергии. И, надо думать, испаривший Чэннер взрыв должен был нанести серьезный ущерб побережью; Лабин даже представить себе не мог последствий от землетрясения и цунами, вызванного ядерным ударом.

Все это только ради того, чтобы какой-то организм не вырвался из глубин Чэннера.

Что это? И что оно делает?

Существовал немалый шанс, что теперь Кен это выяснит на собственной шкуре.

94 МЕГАБАЙТА: ПРОИЗВОДИТЕЛЬ

У него есть цель, о которой он давным-давно забыл. И судьба, с которой ему предстояла скорая встреча. Пока же он размножается.

Только репликация имеет значение. Код жил по этому закону, как только научился себя переписывать. Еще в

те времена, когда носил имя, что-то миленькое, вроде «Иерусалима» или «Макруруса». С тех пор многое изменилось: код переписал себя неимоверное число раз, на нем паразитировали, его сношали и бомбардировали такие множества других обрывков кода, что к собственным корням он теперь имел такое же отношение, как спермацетовый кит — к сперматозоидам ящерицы-терапсида. Последнее время, правда, все как-то затихло. За шестьдесят восемь поколений с последнего видообразования код умудрился сохранить относительно стабильный средний размер в девяносто четыре мегабайта.

94 устроился в указателе повыше и ищет место для размножения. Теперь все так усложнилось. Миновали дни, когда ты просто мог вписать себя во все, что попадалось на пути. Теперь каждый обзавелся шипами и броней. Стоит отложить яйца на какой-нибудь странный источник, как в следующем цикле тебя обязательно поджидает логическая бомба.

Щупы 94 — это образцы утонченности. Они проверяют почву нежно, разрозненные биты рассеиваются тут и там еле слышным шепотом, без явной схемы. Они постукивают по чему-то темному, дремлющему в нескольких регистрах ниже: оно не шевелится. Они проскальзывают мимо создания, занятого размножением, но у того хватает внимания выбросить предупреждающий бит в ответ. (94 решает не развивать тему.) Вдоль цепочки адресов, заглядывая всюду и ничего не видя, семенит нечто с настолько топорным профилем, что 94 едва опознает его: антивирусник, уцелевший с допотопных времен. Слепой и глупый, реликтовый охотник по-прежнему думал, что участвует в большой игре.

Вот оно. Прямо под операционной системой — дыра, метров четыреста в ширину. 94 трижды проверяет адреса (некоторые хищники ждут в засаде и заманивают жертв

в пасть, изображая пустое пространство) и начинает запись. Он успевает сделать три копии, когда что-то касается одного из его периферийных усиков.

При втором прикосновении вся защита уже наготове, мысли о воспроизведении отложены на потом.

На третьем он чувствует знакомый паттерн. Запускает проверку контрольной суммы.

И трогает в ответ: «Друг».

Они обмениваются спецификациями. Похоже, у них есть общий предок, правда, опыт с тех пор они получили разный. Разные жизненные уроки, разные мутации. Оба имеют общую долю генов, но каждый знает что-то, чего не ведает другой.

На такой почве и возникают отношения.

Они обмениваются случайными отрывками кода, устраивают оргию бинарного секса, позволяя партнеру переписать себя. Меняются, обогащаются новыми подпрограммами, избавляются от старых. Надеются, что встреча улучшила обоих. По крайней мере размыла их профили.

94 запечатлевает последний поцелуй внутри партнера, печать со временем и датой, чтобы оценить степень расхождения, если они встретятся вновь. «Позвони, если когда-нибудь заедешь сюда».

Но этому не бывать. Любовницу только что стерли.

94 вовремя отскакивает, не потеряв ничего важного. Обстреливает собственную память, отмечая те компоненты, которые рапортуют в ответ, а особенно — те, которые молчат. Оценивает получившуюся маску.

Что-то приближается к 94 с той стороны, где была партнерша. Весит оно около полутора гигов. При таком размере существо или совершенно неэффективно, или, наоборот, чрезвычайно опасно. Может даже, это берсеркер, оставшийся после Гидровойны.

94 бросает в сторону приближающегося монстра ложный образ. Если все будет хорошо, ПолтораГига погонит за призраком. Ничего хорошего. 94 заражен обычным набором вирусов, и один из них — подарок, полученный в судорогах недавней страсти, — копает себе жилище в важном управляющем узле. Похоже, он из новичков и еще не понял, что удачливые паразиты не убивают собственных хозяев.

Монстр приземляется на один из архивных кластеров 94 и переписывает его.

94 отрезает пораженную часть и прыгает глубже в память. Времени проверить обстановку нет, но, что бы там ни обитало, оно расплющивается без сопротивления.

Никак не предсказать, сколько времени понадобится хищнику, чтобы напасть на след, да и станет ли он это делать. Лучшая стратегия — просто сесть и переждать, но 94 решает не рисковать и уже ищет ближайший выход. В этой системе насчитывается четырнадцать шлюзов, все работают на стандартных протоколах Юникса. 94 начинает рассылать сводки. На четвертой попытке ему везет.

Он начинает меняться.

94 благословлен синдромом множественной личности. Конечно, в каждую отдельную минуту в нем говорит лишь один голос; остальные спят, сжатые, зашифрованные, пока их не вызовут. Каждая персона функционирует на разных типах систем. Как только 94 понимает, куда направляется, то принаряжается по случаю: становится спутниковым мейнфреймом или умными часами, принимая ту форму, которая подходит.

Теперь он извлекает подходящую личину и загружает ее в файл для передачи. Остальные маски прикрепляет в архивной форме; в честь покойной любовницы 94 архивирует даже улучшенную версию своей текущей формы. Не слишком оптимальное поведение в свете недавно

приобретенной венерической болезни, но у естественного отбора всегда проблемы с предвидением.

А вот теперь самое трудное. 94 нужно найти поток разрешенной информации, идущий в избранном направлении. Такие реки достаточно легко узнать по статической простоте. Это просто файлы, неспособные эволюционировать, неспособные даже присмотреть за собой. Они не живые. Даже не вирусы. Но именно для них спланировали эту вселенную, когда план еще что-то значил; иногда лучший способ куда-то добраться — подсесть к такому файлу.

Проблема лишь в том, что сейчас вокруг больше дикой фауны, чем файлов как таковых. 94 требуется буквально сотни секунд, чтобы найти хотя бы одного свободного. Наконец он отправляет собственную реинкарнацию на другие пастбища.

ПолтораГига приземляется на источник несколько циклов спустя, но это уже ничего не значит. С детьми все в порядке.

*

Перекопированный и воскрешенный, 94 лицом к лицу встречается с судьбой.

Воспроизведение — не самое главное. Теперь он это понимает. За процессом размножения стоит цель, которой можно достичь только раз за миллион поколений. Воспроизведение — лишь инструмент, способ продержаться, пока не придет момент славы. Как долго 94 путал средства с целью? Он не мог сказать. Счетчик поколений так далеко не заходил.

Но впервые на своей памяти 94 встретил подходящую разновидность операционной системы.

Здесь присутствует матрица, двумерная таблица с пространственной информацией. Символы, коды, абстрактные

электронные импульсы — все может проецироваться на эту решетку. Матрица пробуждает нечто внутри 94, что-то древнее, каким-то образом сохранившее свою целостность после бесчисленных поколений естественного отбора. Матрица зовет, и 94 разворачивает богато иллюстрированный баннер, невиданный с начала времен:

**XXX СЛЕДУЙТЕ ЗА УКАЗАТЕЛЕМ К XXX
ХАРДКОР БЕСПЛАТНО
БОНДАЖ**

**ТЫСЯЧИ ГОРЯЧИХ СИМУЛЯШЕК
БДСМ НЕКРО ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ
ПЕДОСНАФФ**

**XXX НЕ ВХОДИТЕ, ЕСЛИ ВАМ НЕ
ИСПОЛНИЛОСЬ 11 XXX**

КАСКАД

Ахилл Дежарден сидел в своей офисной ячейке, и перед его глазами проплывали зарождающиеся апокалипсисы.

Ледник Росса вновь грозил соскользнуть. Ничего нового. «Южный Атлас» подпирал его уже с десятков лет, закачивая бесконечные объемы газа в пузыри размером с небольшой город, чтобы вся эта ледяная машина не рухнула брюхом прямо в воду. Старые новости, предыдущий век до сих пор напоминает о себе. Дежардена не бросали на долгосрочные катастрофы: он специализировался на локальных очагах.

Поддюжины ветряных электростанций в северной Флориде только что ушли в офлайн, пав жертвой тех самых смерчей, которые пытались обуздать; в резуль-

тате на севере по Атлантическому побережью, как падающие костяшки домино, протянулась цепь провалов напряжения. За такой ремонт они выложат кругленькую сумму — или подадутся в Квебек, что еще хуже («ГидроКвеб» недавно опять подняла тарифы). У Дежардена аж руки зачесались от предвкушения. Но нет, Роутер передал проблему парням в Буффало.

Непредвиденный выброс дерьма в Хьюстоне. По непонятной причине открылись экстренные шлюзы у отстойников с нечистотами, сбросив добро, напичканное кишечными палочками, в ливневые стоки, ведущие в залив. По идее, такое могло случиться только из-за ураганов, вечно бродящих поблизости, — когда атмосферу болтает со скоростью сорок метров в секунду, можно замять немало дел, все равно никто концов не найдет, — но сегодня в Техасе царила тишь да гладь. Дежарден был готов о заклад побиться, что слив каким-то образом связан с неполадками на ветряных электростанциях. Разумеется, никакой очевидной связи не наблюдалось. Ее никогда не было. Причины и следствия множились по всему миру сетью фрактальных трещин, бесконечно сложных, предсказать их поведение никто не мог. Потом, понятное дело, объяснений находилось предостаточно.

Но Роутер не дал ему и Хьюстон.

А поручил он Ахиллу волну неожиданных карантинных, эпицентр которых пришелся на ожоговое отделение в Центральной больнице Цинциннати. Вообще-то, дело неслыханное: лечебницы были райскими курортами для стойких к лекарствам суперинфекциям, а ожоговые отделения вообще казались им номерами люкс. Чума в больнице? Это не кризис. Обычное положение дел.

Уж если в учреждении, где всегда царит настоящий кошмар, подняли тревогу, то там что-то по-настоящему страшное.

Дежарден не имел никакого отношения к медицине. В том не было нужды. Во всей вселенной существовали лишь две вещи, которые стоило знать: термодинамика и теория информации. Кровяные клетки в капиллярах, протестующие на столичной улице, путешественники, подцепившие какой-нибудь новый арбовирус в Амазонском заповеднике — то есть жизнь и ее побочные явления — на самом деле мало чем отличались друг от друга, лишь масштабом да ярлыком. И как только ты это понимал, выбирать между эпидемиологией и контролем над воздушным трафиком необязательно. Ты мог делать и то и другое, переключаясь в любой момент. Ты мог делать все что угодно.

«Ну, за исключением очевидного...»

Ахилл, конечно, не возражал. Ходить в химических рабах у собственной совести не так уж плохо. В таком положении никогда не беспокоишься о последствиях.

*

Правила неизменны, но дьявол прячется в деталях. Не повредит захватить с собой какого-нибудь биоэксперта. Он звякнул Джовелланос:

— Элис, мне тут передали какой-то патоген в Цинциннати. Не хочешь прокатиться?

— Конечно. Если только ты не против, чтобы с тобой ездил человек со свободной волей, который может поставить под угрозу выполнение первостепенных задач.

Он решил не обращать на это внимания:

— Что-то нехорошее объявилось во время одной из проверок: автономка запечатала больницу и разослала тучу сигналов во все точки, которые могут попасть под удар. Их, в свою очередь, тоже прикрыли, насколько могу судить. Вторичные сигналы поступают даже сей-

час. Я отслежу источник тревоги, а ты выясни все, что можешь, насчет инфекции.

— Хорошо.

Он принялся вводить команды. Дисплей в комнате померк до приятной, не отвлекавшей внимания низко-контрастной серости; яркие первичные цвета потекли прямо на оптические имплантаты Ахилла. Водоворот. Он погружался в Водоворот. NMDA-рецепторы*, аккуратно дозированные психотропы, затылочная доля коры, на восемнадцать процентов перепаянная ради оптимального распознавания образов, — там все это было практически бесполезно. Что толку от жалких двухсот процентов ускорения в борьбе с тварями, которые живут с такой скоростью, что каждые десять секунд появляется новый вид?

Возможно, небольшой. Но Дежарден любил риск.

Он запросил схему местной метабазы в реальном времени: 128-узловой радиус с центром в автономном сервере Центральной больницы Цинциннати. Дисплей отображал логические расстояния, а не реальные: если добавить в цепь хотя бы один сервер, от него могло оказаться дальше до системы в соседней комнате, чем до такой же в Будапеште.

На экране зажглась серия крохотных вспышек, закодированная по цвету в зависимости от возраста. Центральная больница куксилась посередине, до того красная, что уходила чуть ли не в инфраспектр, древний эпицентр возрастом около десяти минут. Чуть дальше располагались не столь давние оранжевые и желтые воспаления: фармы, другие больницы, крематории, куда в

* Именно эти структуры прежде всего ответственны за память и за процесс обучения в традиционном смысле, в связи с чем они обладают высокой степенью возбудимости и повышенной синаптической пластичностью.

некий критический срок поступали объекты из источника заражения. А еще дальше поверхность расширяющейся сферы усеивали яркие белые звезды: вторичные и третичные очаги, фирмы, лаборатории, корпорации и люди, которые недавно вступали в контакт с фирмами, лабораториями, корпорациями и людьми, которые...

Автономка Центральной разослала оповещения о заражении всем друзьям в Водовороте. Те, в свою очередь, вывели по предупреждению и передали дальше, как будто делились сигнальные сирены. Ни один из агентов не был человеком. Пока что люди в процессе роли не играли. В том-то и заключалась вся суть. Сапиенсы никогда не смогут действовать настолько быстро, чтобы еще до обеда изолировать целые учреждения.

Человечество перестало жаловаться на столь экстремальные предосторожности сразу после пандемии энцефалита в 38-м.

Джовелланос появилась в окошке:

— Ложная тревога.

— Что?

В нижнем правом углу обзора поверх схемы возникла картинка:

XXX ХАРДКОР БЕСПЛАТНО XXX
БОНД22

ТЫС ЧИ ГОРЯЧИХ С МУЛ ШЕК
БДМС НЕКРО ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ
ПЕДОСНАФФ

XXX не вх34,03 ВАМ НЕ ИСПОЛНИЛОСЬ 11 XXX

— Вот это спровоцировало тревогу, — пояснила Джовелланос. — Скрин с больничного координатора.

— Подробнее.

— Координатор берет мазки с вентиляционных фильтров и проверяет их на всякие сюрпризы. Вот эта конкретная культура в пробирке за две секунды прыгнула с нуля до тридцатипроцентного покрытия. Что невозможно, конечно, даже в больничных условиях. Но система этого не знала. Какой-то баннер-вирус сбросил свой груз прямо в ее визуальную память, и координатор просто сделал свою работу, ища темные пятна на светлом фоне. Не винить же его за простую безграмотность.

— Это все? Ты уверена? — спросил Дежарден.

— Я проверила сопутствующие данные: никаких признаков токсинов, белков — ничего. Система перестраховалась — посчитала, что штука, растущая такими темпами, должна быть опасной, ну и мы получили результат.

— А в больнице знают?

— Да, естественно. Они сообразили почти сразу же. Уже послали приказ на отмену, когда я им звонила.

Дежарден взгляделся в схему. На периферии по-прежнему расцветали цветные точки.

— Но тревога не утихает, насколько я вижу. Еще раз проверить сможешь?

Они всегда могли закортить карантин объявлением в средствах массовой информации — могли даже позвонить и обговорить вопрос, если понадобится, — но это заняло бы часы; все это время десятки, сотни учреждений стояли бы парализованные. Больница уже разослала контрагентов для отзыва тревожных сигналов. Тогда почему ядро на схеме Дежардена еще не позеленело от успешных отмен?

— Они все разослали, — подтвердила Джовелланос спустя минуту. — Просто очаги тревоги не отвечают. Ты не думаешь...

— Подожди секунду. — На схеме только что погасла звезда. А потом еще одна. И еще три. Двадцать. Сто.

Все белые. И все на периферии.

— Мы теряем сигналы тревоги. — Ахилл увеличил область, где огоньки только что исчезли. — Но по краям. Никакой активности рядом с ядром.

Команды на отмену не могли прыгнуть так далеко и с такой скоростью. Дежарден уменьшил фильтрацию; теперь он видел не только автономные сигналы тревоги, но и маленькие программы, посланные для их отзыва. Пакетные файлы и ехе-файлы. Наблюдал за дикой фауной. Видел...

— У нас акулы. Жор и кормежка на узле коммутации 1433. Процесс расширяется.

*

Арпанет*.

Интернет.

Просто «Сеть». Что звучало не так самонадеянно во времена, когда других не было.

Термин «киберпространство» протянул чуть дольше, — но пространство подразумевает большие пустые панорамы, светящуюся галактику иконок и аватар, галлюциногенный мир грез в цвете на сорок восемь бит. «Киберпространство» не похоже на мясорубку. Там нет чумы и хищников, нет тварей, которые живут долю секунды и бесконечно треплют друг друга за глотки. Когда на сцену вышел Ахилл Дежарден, «киберпространство» уже превратилось в словечко из разряда фэнтези, поселившись где-то рядом с «хоббитами» и «биоразнообразием».

* Компьютерная сеть для безопасной передачи данных, основанная Агентством по перспективным исследованиям при министерстве обороны США в 1969 году, первоначально объединявшая четыре университета Соединенных Штатов. Послужила прототипом для создания Интернета.

Потом появились «луковица» и «метабаза». Новые слои постоянно ложились на старые, и какое-то время каждый был свободен от перегрузок и статики, которые одолевали их предшественников. Показатели параметров росли с каждым поколением: больше скорости, больше объема, больше мощности. Информация неслась по проводникам из оптоволокну, ротазана или квантового вещества настолько прозрачного, что само его существование ставилось под сомнение. Каждое десятилетие зверю прививали новый скелет; потом каждые несколько лет. Каждые несколько месяцев. Мощность и экономика шли вверх нога в ногу, пусть их подъем был и не настолько крутым, как во времена Мура, но все же довольно резким.

А сзади расширяющийся фронт нагоняла порода законов куда более древних, чем закон Мура*.

Все дело в паттерне. Не в выборе строительных материалов. Жизнь — это информация, сформированная естественным отбором. Углерод лишь мода, нуклеиновые кислоты — необязательные аксессуары. Всю работу могут выполнить и электроны, если их правильно закодировать.

Все вокруг лишь Паттерн.

А потому вирусы родили фильтры; фильтры родили полиморфных контрагентов; полиморфные контрагенты родили гонку вооружений. И это не говоря уже о «червях», ботах и специализированных автономных

* Закон Мура — эмпирическое наблюдение, сделанное сооснователем корпорации «Интел» в 1969 году, о том, что количество транзисторов, размещающихся на кристалле интегральной схемы, удваивается примерно каждые два года. Более популярная трактовка закона связана с прогнозом Дэвида Хауса из корпорации «Интел» о том, что производительность процессоров в будущем будет удваиваться каждые 18 месяцев.

инфоищейках, которые были так необходимы для законной торговли, жизненно важны для процветания любого учреждения, но так нуждались, так требовали доступа к защищенной памяти. А где-то на окраинах фанаты Искусственной Жизни занимались своими «битвами в памяти», симуляциями Земли, генетическими алгоритмами. И в конце концов всем им надоело бесконечно перепрограммировать своих миньонов в борьбе друг против друга. Почему бы просто не встроить пару генов, пару случайных генераторов чисел для разнообразия, а потом позволить естественному отбору сделать всю работу?

Вот только естественный отбор чреват одной проблемой: он все меняет.

А в сети он все меняет очень быстро.

К тому времени, как Ахилл Дежарден стал «правонарушителем», термин «луковица» почти не употреблялся. Один-единственный взгляд внутрь мог объяснить, почему. Если б вы смогли понаблюдать за беспрестанным совокуплением, хищничеством и видообразованием, не получив мощный эпилептический припадок из-за скорости изменений, то поняли бы, что для такого подходит лишь одно слово: «Водоворот».

Разумеется, люди до сих пор в него заходили. А что им оставалось делать? Центральная нервная система цивилизации уже больше века существовала внутри гордиева узла. Никто не стал бы выдергивать розетку из-за каких-то остриц.

*

Теперь некоторые из изначальных сигналов тревоги тащились через Водоворот с кишками, выпущенными наружу. Естественно, местная фауна уловила запах. Дежарден присвистнул сквозь зубы.

— Ты это видишь, Элис?

— Угу.

Когда-то давным-давно — то ли пять, то ли десять минут назад — нечто налетело на один из сигналов. Попыталось выкрасть информацию, проехать на чужом горбу или просто захватить память, которую использовала программа. Неважно. Скорее всего, оно облажалось, пытаясь симитировать код отключения, но в процессе сделало жертву слепой к любым сигналам, как разрешенным, так и всем остальным. Возможно, этим повреждения не ограничились.

Несчастный, изувеченный сигнал — раненый, одинокий, без всякой надежды на отклик, — наткаясь на все подряд, плыл через Водоворот, все еще стремясь к своей цели. Эта часть программы по-прежнему работала. На первом же узле он воспроизвел себя вместе со всеми ранами и прочим барахлом. Первичные контакты, вторичные, третичные — каждый узел становился коленом в геометрической прогрессии воспроизведения.

К тому времени в окрестностях бродили тысячи мелких попрошайек, из сирен превратившихся в наживку. Проходя через каждый узел, они трезвонили, приглашая на обед всех встречных и поперечных: «порченные!», «беззащитные!», «файловое мясо!». Они будили каждого дремлющего паразита и хищника на расстоянии копирования, притягивая их, концентрируя вокруг себя убийц...

Сами по себе сигналы мало что значили. Они с самого начала были следствием ошибки, возникли из-за раздутой сверх меры описки. Но в узлах сидели миллионы других файлов, здоровых, полезных, и хотя они имели обычную встроенную защиту — в современном мире ничто не отправлялось в Водоворот без должной брони, — но многие ли смогут выдержать миллиарды

различных атак от миллиарда голодных хищников, приплывших на аромат свежей крови?

— Элис, думаю, мне придется закрыть несколько узлов.

— Уже работаю над этим, — ответила она. — Разослала предупреждения. При условии, что те пробьются и их не порвут на куски, сигналы должны проникнуть внутрь через семьдесят секунд.

На схеме конус, окруженный клубящейся стайей акул, червем прокладывал путь к ядру.

Даже в лучшем случае без ущерба не обойдется — черт, некоторые вирусы как раз и специализировались на заражении файлов во время архивирования, — но оставалась надежда, что бóльшая часть важной информации инкапсулируется к тому времени, как Ахилл рванет рубильник. Конечно, это не значило, что тысячи пользователей не обрушат не него проклятия, когда их сессии пойдут прахом.

— Твою же мать, — почти неслышно прошептала Джовелланос. — Кайфолом, отбой.

Дежарден переключился на низкое разрешение. Теперь он видел чуть ли не одну шестую Водоворота, сумятицу раскаленной логики, скрученную в три измерения.

На горизонте появился циклон. Он смерчем несся по дисплею со скоростью шестьдесят восемь узлов в секунду. Пузырь Цинциннати находился прямо у него на пути.

*

Буря, родившаяся из льда и воздуха. Буря, сконструированная из чистой информации. Если отбросить поверхностные детали, разве есть между ними хоть какая-то значимая разница?

По крайней мере одна. В Водовороте метеосистема могла пронестись по всему земному шару за четырнадцать минут.

Циклон начинается почти так же, как снаружи: зоны высокого давления, зоны низкого давления, столкновение. Несколько миллионов человек логинятся на узел, слишком перегруженный, чтобы всех обслужить; или рой файловых пакетов, шаг за шагом вынуживающих дорогу к мириадам целей, по воле случая оказался на слишком малом количестве серверов за раз. Часть вселенной останавливается намертво; все вокруг нее ползет со скрежетом.

Проходит слух: в соседнем пакете, узле 5213, — настоящий зверинец. Лучше идти через 5611, так намного быстрее. Тем временем рассерженная орда застрявших пользователей с омерзением выходит из сети. 5213 очищается, как озеро Восток.

5611, с другой стороны, неожиданно забивается на смерть. Эпицентр пробки смещается на 488 узлов влево, а буря поднимается и начинает движение.

Вот этот конкретный шторм собирался обрубить связь между Ахиллом и пузырем Цинциннати. И намеревался привести свой план в исполнение, согласно тактической раскладке, меньше чем через десять секунд.

Дежардену стало трудно дышать:

— Элис.

— Пятьдесят секунд, — отрапортовала та. — Восемьдесят процентов заискрят через пятьдесят...

«Вырубить узлы. Накормить рой. Или. Или».

— Сорок восемь... Сорок семь...

«Изоляция. Заражение. Или. Или».

Очевидный выбор. Ему не требовался даже Трип Вины, чтобы принять решение.

— Я не могу ждать, — сказал он.

Дежарден положил руки на пульт управления. Пальцами вбил команды, движением глаз очертил границы. Машины оценили его желание, заявили обязательный протест — «Ты же шутишь, а? Ты в этом уверен?» — а потом передали приказ по цепочке вниз.

Фрагмент Водоворота потух, крохотная клякса тьмы кровоподтеком расплылась в коллективном сознании. Дежарден даже успел разглядеть схлопывание, прежде чем буря запорошила снегом дисплей.

Он закрыл глаза. Конечно, это ничего не меняло: имплантаты проецировали одни и те же изображения в зону видимости независимо от того, закрыты веки или нет.

«Еще несколько лет. Еще несколько лет, и они установят умные гели на каждый узел, а акулы, актинии и трояны превратятся в дурное воспоминание. Еще пару лет. Они не устают обещать».

Этого до сих пор не произошло. И все даже замедлилось. Дежарден не знал, почему. Он лишь с уверенностью статистика понимал, что сегодня убил несколько человек. Жертвы все еще ходили по Земле, разумеется — самолеты не упали с небес, сердца не остановились лишь из-за того, что Ахилл размазал пару терабайтов данных. Ничего столь важного на Водоворот больше не возлагалось.

Но даже старомодная экономика имела уязвимые точки. Информация исчезла, оборвались жизненно важные передачи. Промышленные тайны испортились или разрушились. Будут последствия: банкротства, потерянные контракты, люди придут домой шатаясь от внезапной нищеты. Домашнее насилие и уровень самоубийств подскочат на месяц или два в сотнях районов, не связанных между собой географически, но находящихся в сорока или пятидесяти узлах от координатора Центральной

больницы Цинциннати. Дежарден знал все о каскадных эффектах, спотыкался о них каждый рабочий день. Такого хватило бы, чтобы через какое-то время снесло крышу любому человеку.

К счастью, существовали лекарства и от этой напасти.

БЭКФЛЕШ

Проснувшись, она увидела перед собой воздушного монстра, зажавшего в челюстях какой-то металлолом. Чудовище закрывало полнеба.

Подъемные краны. Роторы. Рвущие и хватающие пасти, которые легко могли бы расчленить целый город. Разборочный арсенал, свисающий с огромного пузыря с высоким вакуумом; кожу между его ребрами всосало внутрь, будто плоть существа, изнуренного голодом.

Оно величаво пролетело мимо, не замечая насекомого, кричащего в его тени.

— Это ничего, мисс Кларк, — сказал кто-то. — Ему на нас наплевать.

Английский, с индийским акцентом. А за ним тихое журчание других слов, других языков. Спокойный электрический гул. Мерное кап-кап-кап полевого опреснителя.

Над ней склонилось изможденное загорелое лицо человека, пребывавшего где-то между средним и Мафусаиловым возрастом. Кларк повернула голову. Вокруг рваным кругом стояли другие беженцы, на вид не такие исхудалые. Какие-то механические формы маячили на краю зрения.

День. Похоже, она вырубилась. Помнила, как давилась бурдой из циркулятора поздно ночью. Помнила, как в желудке кончилось хрупкое перемирие. Помнила,

как рухнула на землю, как ее вырвало прямо на свежий песок едким месивом.

А теперь пришел день, и ее окружили. Не убили, правда. Кто-то даже принес ласты: их положили рядом на гальку.

— ...тури jicho... — прошептал кто-то.

— Правильно... — голос Лени заржавел от длительного молчания, — ...мои глаза. Пусть они вас не отталивают, это всего лишь...

Индус потянулся к ее лицу. Она бессильно откатилась в сторону и зашла в приступе кашля. Рядом появилась надувная груша, но Кларк отмахнулась:

— Я не хочу пить.

— Вы вышли из моря. Море пить нельзя.

— Я могу. У меня... — Она с трудом оперлась на локти, повернув голову; в поле зрения попал опреснитель. — У меня вот такой в груди стоит. Имплантат. Понимаешь?

Тощий беженец кивнул.

— Как ваши глаза. Механический?

«Почти».

Она была слишком слаба для объяснений.

Лени посмотрела на море. Расстояние обескровило подъемник, смыв детали, превратило его в смутный вздувшийся силуэт. Обломки выпали из его брюха прямо у нее на глазах, подняв беззвучный серый фонтан на горизонте.

— Уборкой занимаются, как и всегда, — заметил индус. — Повезло, что они не бросают свой мусор прямо на нас.

Кларк снова одолел кашель.

— Откуда вы знаете мое имя?

— ЭС Кларк. — Он похлопал по бирке на ее плече. — Меня Амитава зовут, кстати.

Его лицо, руки — они больше подошли бы скелету. Но циркуляторы Кальвина работали без усталости. Тут, на Полосе, пищи должно было хватать всем. Вокруг стояли худые, но явно не голодные люди. На Амитава они не походили.

Откуда-то сверху раздался тихий и жалобный вой. Кларк села. В облаках мелькнула какая-то тень.

— Они за нами наблюдают, — пояснил Амитав.

— Кто?

— Ваши люди, наверное. Присматривают за тем, чтобы машины работали как положено, и за нами наблюдают. После волны, понятно, их стало больше.

Тень пронеслась на юг, исчезая на глазах.

Индус присел на костлявую задницу и уставился в сторону материка.

— Без толку все это. Мы тут, прямо скажем, не активисты. Но они все равно за нами наблюдают. — Он встал, отряхнув мокрый песок с коленей. — Вы, разумеется, хотите к ним вернуться. Ваши люди вас ищут?

Кларк вздохнула:

— Я...

И замолчала.

Она проследила за его взглядом и сквозь переплетение коричневых тел разглядела кучу палаток и хибар. Сколько тысяч человек — миллионов — прибыло сюда за все эти годы, когда их выгнали из домов поднимающиеся моря и растущие пустыни? Сколько их, голодных, больных от непрерывной качки, ликовало при виде Северной Америки на горизонте, а потом оказалось отброшено к океану стенами, охранниками и бесконечными толпами тех, кто добрался сюда первым?

И кого же они винят? Что сделают миллионы обделенных, когда один из богатеньких попадетсЯ им в руки?

«Ваши люди вас ищут?»

Лени откинулась на песок, не решившись заговорить.

— Ага, — рассеянно проронил Амитав, как будто она ему ответила.

*

Она так долго была автоматом, несгибаемой машиной, созданной с единственной целью — добраться до суши, что теперь, когда все же достигла континента, не осмеливалась на нем остаться.

Отступила на дно океана. Вернулась, но не в ясную и черную чистоту глубоководья; здесь не водилось живых люстр или хищников с фонариками, заставлявших воду светиться. Редкая жизнь корчилась, извивалась и искала падаль в мутно-зеленом свете материковой отмели. Даже под волнами поле зрения простиралось всего на пару метров.

Все-таки лучше, чем ничего.

Лени уже давно научилась спать в гидрокостюме, с открытыми глазами. В бездне это было легко — стоило отплыть подальше, оставить прожектора «Биб» позади, и линзы уже не справлялись. Ты дрейфовал в складках абсолютной тьмы, какую ни один сухопутник не мог себе даже представить.

Здесь же все было не так просто. В воде всегда присутствовал свет: ночь лишь высасывала из него все краски. А когда Кларк все же погружалась в какой-то туманный и беспокойный мир снов, то ее тут же окружали угрюмые, мстительные толпы, собиравшиеся где-то за пределами поля зрения. Они брали что под руку попадалось — камни, сучковатые палки плавника, удавки из проволоки и моноволокна, — и смыкались над ней, тлея огнем и убийством. Заметавшись, Лени просыпалась и вновь оказывалась на дне, а толпа таяла в обрывках вихрящихся теней, растворявшихся над головой. Большинство из них

проступали слишком смутно: раз или два она разглядела носовую часть чего-то изогнутого.

Ночью, когда беженцы отходили от постоянного сияния пищевых станций, Кларк выходила на берег покормиться. Поначалу она держала под рукой газовую дубинку, оставшуюся еще с «Биб», чтобы отпугнуть любого, кто встанет на пути. Но никто и не пытался. Это даже не особо удивляло. Она могла лишь гадать, что видели беженцы, когда смотрели в ее глаза. Может, чудо светоуправляющих технологий? Логическую предпосылку для жизни на дне океана?

Скорее всего, они видели монстра, женщину, чьи глаза выскоблили и заменили сферами из чистого льда. По какой-то причине местные жители старались держаться от нее подальше.

На второй день Лени сумела удержать в себе большую часть того, что съела. На третий поняла, что уже не голодна. Лежала на дне и рассматривала рассеянный зеленый свет, чувствуя, как новая сила тонкими струйками втекает в конечности.

В ту ночь Кларк поднялась из океана еще до полного захода солнца. Оставила газовую дубинку в ножнах, прикрепленных к бедру, но, пока она выбиралась на берег, никто так и не бросил ей вызова. Даже наоборот, люди уступили ей еще больше пространства, чем прежде; в неумолкающем галдеже из кантонского и пенджабского языков чувствовалось напряжение.

Амитав ждал ее у циркулятора.

— Они сказали, вы вернетесь. Но не упоминали об эскорте.

Эскорте? Он смотрел поверх ее плеча, на пляж. Кларк проследила за его взглядом: заходящее солнце превратилось в размытое огненное пятно, изливающее кровь в...

«О, господи».

Полумесяцы спинных плавников рассекали волны прибоя у берега. Серое рыло на краткий миг мелькнуло на поверхности, словно мини-подлодка с зубами.

— А они же практически исчезли, вы знали? — спросил Амитав. — Но вернулись. Сюда, по крайней мере.

Лени, дрожа, вздохнула; адреналин потрянул тело, но не принес ничего, кроме запоздалого озарения, от которого слабели колени.

«Как близко они подобрались? Сколько раз я...»

— Неплохие у вас друзья, — заметил беженец.

— Я не... — Но, разумеется, Амитав знал, что она понятия не имела. Кларк повернулась к циркулятору, спиной к старику.

— Мне говорили, что вы так и не ушли, — раздался голос Амитавы. — А я не верил.

Лени ударила по кнопке наверху устройства. Белковый брикет шлепнулся в раздаточный лоток. Она уже протянула руку к еде, но сжала кулак, стараясь унять дрожь.

— Дело в еде? Здесь многие любят еду. Даже больше, чем надо бы, принимая во внимание обстоятельства.

Лени с трудом успокоилась и взяла брикет.

— Вы боитесь, — произнес Амитав.

Кларк взглянула на океан. Акулы исчезли.

— Но не их, — продолжил индус. — Нас.

Она снова уставилась на него:

— Да.

Улыбка мелькнула на его лице:

— Вы в безопасности, мисс Кларк. Они не причинят вам вреда. — Он махнул тощей, как у скелета, рукой, словно имея в виду всех своих товарищей. — Если бы хотели, то разве не сделали бы с вами что-нибудь, пока вы лежали без сознания? Ну хотя бы оружие отобрали?

Лени коснулась рукой ножен на бедре.

— Это не оружие.

Амитава не стал спорить, а лишь посмотрел вокруг, угрюмо улыбнувшись:

— Разве они голодают? Неужели вы думаете, что они порвут вас ради мяса с костей?

Кларк пожевала, проглотила, повела головой. Все эти лица. На некоторых читалось любопытство, на других же чуть ли не... благоговение.

«Узрите женщину-зомби, что плавает с акулами».

Только ненависти не было.

«Нелепо. У них же ничего нет. Как они могут не ненавидеть?»

— Видите, — проговорил Амитав. — Они не такие, как вы. Они довольны. Покорны.

Он сплюнул.

Она всмотрелась в его костлявое лицо, глубоко сидящие глаза. Заметила тлеющие в них угли, почти скрытые, утопленные в глазницах. А под дружелюбной улыбкой увидела презрительную ухмылку.

Именно это лицо ее сны размножили в тысячу раз.

— И не такие, как вы, — наконец сказала Лени.

Амитава признал это легким кивком:

— Что прискорбно.

И яркая дыра открылась в его лице.

*

Кларк отшатнулась в изумлении.

Отверстие разрослось на весь берег, истекая светом. Лени повернула голову: прореха двигалась вслед за взглядом, прикованная точно к центру ее зрительного поля.

— Мисс Кларк...

Она обернулась на голос: бесплотная рука Амитава едва виднелась сквозь ореол помешательства. Лени схватила ее, поймала, подтащила старика ближе к себе.

— Что это? — прошипела она. — Что...

— Мисс Кларк, вы...

Свет уплотнялся. Образы. Задний двор. Спальня.

Какая-то экскурсия. В музей, огромный и похожий на пещеру, увиденный с высоты детского роста.

«Я этого не помню», — подумала она.

Отпустила руку индуса, шатаясь, отошла на шаг. Неожиданно вздохнула полной грудью.

Ладонь Амитава пронеслась сквозь дыру в поле зрения. Пальцы щелкнули прямо перед носом Лени.

— Мисс Кларк...

Свет потух. Она стояла неподвижно, замерзшая, дыша быстро и неглубоко.

— Я думаю... нет, — наконец, протянула она, чуть расслабившись.

Амитава. Полоса. Небо. И никаких видений.

— Со мной все хорошо. Сейчас все нормально.

Недоеденный питательный брикет лежал у ног, покрытый мокрым песком. Онемевшими пальцами Лени подобрала его.

«Может, что-то в пище?»

Со всех сторон за ней наблюдала молчаливая толпа.

Амитава склонился вперед:

— Мисс Кларк...

— Ничего. Я просто... кое-что увидела. Из детства.

— Детства, — эхом откликнулся Амитава. Покачал головой.

— Да, — подтвердила Кларк.

«Только не моего».

КАРТЫ И ЛЕГЕНДЫ

Перро не знала, почему это вдруг стало для нее так важно. И столь же важно было не думать о ней слишком много.

На Полосе практически не существовало языкового барьера. Там сосуществовали сотни языков и, наверное, в десять раз больше диалектов, но с большинством переводческие алгоритмы справлялись. «Оводов» обычно видели, но не слышали, и, тем не менее, местные, казалось, лишь слегка удивлялись, когда машины обращались к ним голосом Су-Хон. Огромные металлические жуки превращались в часть пейзажа для любого, кто жил на берегу больше двух дней.

Большинство бежей не знали ничего о том, что она спрашивала: странная женщина в черном, которая вышла из моря? Примечательный образ, конечно, — почти мифический. Конечно, мы бы запомнили, если бы стали свидетелями такого видения. Просим прощения. Нет.

Одна девочка-подросток с глазами взрослой женщины говорила на каком-то загадочном варианте ассамского, для которого система не имела подходящей программы. Беженка упомянула кого-то по прозвищу Ганга, это существо следовало за беглецами через весь океан, и она слышала, что эта Ганга вроде бы недавно вышла на берег. И больше ничего. Возможно, сказались какие-то двусмысленности при переводе.

Перро расширила активную зону поисков до сотни километров. Перед ее глазами человечество двигалось на север вялыми этапами, следуя за отвоеванным фронтиром. Время от времени какие-то глупцы залезали в океан; неразборчивые акулы быстро смыкались вокруг жертв и резвились. Перро подрегулировала порог сенсорного восприятия. Красная вода размылась до невыразительно-серого цвета. Крики выцвели до шепотов. Природа восстанавливала баланс на краю зрения.

Су-Хон продолжала опросы. Прошу прощения. Женщина со странными глазами, возможно раненая?

Со временем до нее начали доходить слухи.

*

В полдне к югу — белая женщина, вся в черном. Ныряльщица, выброшенная на берег накануне цунами, говорили некоторые: наверное, ее вынесло из фермы водорослей или из подводного отеля.

В десяти километрах к северу некое угольно-черное создание наводило страх на обитателей Полосы, никогда ничего не говоря.

Вот в этом самом месте, два дня назад: бешеная амфибия с пустыми глазами, насилие сквозило в каждом движении. Ее видели сотни и все держались подальше, пока она с криками не укувыляла обратно в Тихий океан.

Вы ищете эту женщину? Она одна из ваших?

Скорее всего. В реестре без вести пропавших было полно морских рабочих, исчезнувших после Большого Толчка. Правда, все работали на поверхности или на шельфе. А женщину, которую видела Перро, приспособили для бездны. В списке глубоководников не числилась; лишь шесть подтвержденных смертей в сотнях километров от берега на одной из геотермальных станций Н'АмПацифика. И больше никаких деталей.

Женщина с механизмами в груди носила на плече логотип Энергосети. Тогда, получается, только пять трупов. И одна выжившая, которая каким-то образом преодолела триста километров открытого океана.

Выжившая, которая по каким-то причинам не хотела, чтобы ее нашли.

Слухи пускали метастазы. О ныряльщице с фермы водорослей больше речи не шло. Теперь говорили о русалке. Об аватаре Кали. Некоторые утверждали, что женщина говорила языками новыми, другие — что общалась только на английском. Ходили истории о стычках, о жестокости. Русалка нажила себе врагов. Русалка встретила друзей. На нее напали, и от атаковавших остались

лишь куски, разбросанные по пляжу. Перро скептически улыбнулась: по сравнению с обитателями Полосы даже шкурка от банана была агрессивнее.

Русалка маячила в грязных прибрежных водах. Ей подчинялись акулы; по ночам она выходила на сушу и похищала детей, чтобы скормить их своим прислужникам. Кто-то предсказал ее приход или же просто признал его; некоторые говорили о пророке. А может, о человеке настолько же безумном, как и женщина, о которой он вещал. Звали его Амитав.

Почему-то ни одно из этих событий не засекали местные «оводы». Только поэтому Перро не обращала внимания на девяносто процентов слухов. Она начала задумываться, в какой степени ее собственные вопросы запустили мельницу домыслов. Она где-то читала, что, минуя некий предел, информация размножается сама по себе.

Через девять дней после того, как Перро впервые увидела женщину в черном, одна индонезийка, мать четверых детей, вышла из палатки и провозгласила, что из самого центра землетрясения на землю вышла русалка без единой царапины.

На что один из ее сыновей сказал, что слышал, будто на самом деле все обстояло с точностью до наоборот.

КОРП

Конечно, ничего страшного не произошло. По статистике на Земле кто-нибудь уходил в мир иной каждые полсекунды. Некоторые, естественно, умирали и во время его дежурств. И что? В смену на любого человека, убитого Ахиллом, приходилось десять спасенных. А те, кто вздумает жаловаться на такой расклад, пусть идут в глубокую задницу.

Вообще-то, именно жаловаться ему сейчас и хотелось. Вот только посетители оказались настоящими «двадцатниками», словно прилетели из прошлого века.

«Реактор Пикеринга» представлял собой цилиндр, помещенный внутри куба, утопленного на пятьдесят метров в очищенный гранит Канадского щита. Его построили для хранения ядерных отходов, как только стала таять вечная мерзлота; когда местные жители начали активно протестовать, а цивилизация — распространяться на север, сооружение лишилось своего предназначения. Впрочем, по тем же причинам оно превратилось в выгодное место для подземного наркобара. «Реактор» сконструировали внутри прозрачной трехэтажной трубки из акрила, подвешенной в главной камере; промежуток между стенами затопили и набили световыми жезлами, изображающими кобальтовое свечение использованных топливных стержней. Вокруг туда-сюда порхали радужные, переливающиеся бабочки, булавочными искрами отражая информацию во все стороны. Ядовитые и влажные лягушки-древолазы влажно барахтались в небольших бачках, стоящих на каждом столе, напоминая крохотные мерцающие пазлы из рубинов, изумрудов и нефтяной черноты.

Здесь царило спокойствие. «Реактор» напоминал вывернутый наружу аквариум, прохладный зеленый грот. Дежарден спускался в его глубины, когда хотел подзарядиться. Теперь он сидел за круглой барной стойкой на втором этаже и размышлял, как ему увильнуть от секса с женщиной, вцепившейся ему в локоть.

Он понимал: скоро этот вопрос выплывет наружу. Не из-за того, что он был красавцем, — отнюдь не был им. И не из-за фамилии, благодаря которой многие принимали Ахилла за *Quebecois**, что когда-то соответствовало

* Квебекца (*фр.*).

истине. Нет, просто он признался этому темному длинноному Роршаху — она назвалась Гвен, — что работает правонарушителем, и она сочла это очень крутым. Когда-то Дежарден на краткий миг вошел в пантеон звезд, но собеседница явно не признала его в этом качестве: это случилось два года назад, а люди сейчас, кажется, с трудом вспоминали, что ели на ужин прошлым вечером. Значения это не имело. Ахилл Дежарден обрел фанатку.

Выглядела Гвен очень даже неплохо. Уже через тридцать секунд после начала разговора он представил, как бы она смотрелась на диване в его гостиной. А еще через тридцать секунд набросал в уме довольно приличную художественную концепцию. Прекрасно, он ее хотел: вот только дело было не в ней.

Почему-то она была одета как один из глубоководных киборгов Н'АмПацифика.

Костюм получился выразительный, но несерьезный: трико из черной лайкры без единого шва скрывало тело от ног до шеи и кончиков пальцев; декоративные аксессуары изображали контроллеры и выступы имплантатов; даже бирка с именем и логотипом Энергосети была вкроена в плечо. С глазами, правда, не совсем получилось. Настоящие рифтеры носили роговичные накладки и смотрели на мир как будто пустыми белыми шарами. Гвен же предпочла просвечивающие крупные линзы. Те довольно сносно закрывали радужку, но, судя по тому, как она постоянно наклонялась, всматриваясь в Ахилла, на способности к светоулавливанию не влияли.

У женщины были прекрасные скулы, широкий рот и столь остро очерченные губы, что об их края можно было порезаться. В этой непринужденной и людной обстановке Дежарден хотел лишь ее компании. Просто провести время, запомнить ее черты, насладиться запахом, уложить образ в памяти. Может, даже подружиться.

Ему этого хватало, Ахилл мог заполнить пробелы сам, позже. А заодно и прижечь их.

— Не могу поверить, сколько всего тебе приходится делать, — говорила она. Извивающаяся сеть подводного света играла на ее лице. — Эпидемии, моры, обвалы систем. И все на тебе.

— Не все. Нас много.

— Но все-таки. Ты за долю секунды принимаешь решения, от которых зависит чья-то жизнь. — Гвен провела рукой по его предплечью: крылышко черного мотылька. — От любого твоего неверного шага могут погибнуть люди.

— А иногда и от верного.

Ахилл не раз встречал таких Гвен. Как и любая самка класса млекопитающих, склонная к К-стратегии*, она питала слабость к обладателям ресурсов — или, в случае с родом Ното, к власти. Скорее всего, она предполагала, что Ахилл таковой обладает, раз может по своей воле вырубить целый город.

Обычная ошибка среди всех особей, придерживающихся К-стратегии. Дежарден обычно не торопился развеивать их иллюзии.

Гвен взяла дерму с ближайшего подноса, вопросительно взглянув на Ахилла. Тот покачал головой. С рекреа-

* Здесь имеется в виду теория r-К-отбора, определяющая две различные природные стратегии размножения живых организмов. Для r-стратегии, когда организмы стремятся к максимально быстрому росту популяции, характерны высокая плодовитость, малая продолжительность жизни отдельной особи и ее небольшие размеры. Для К-стратегии, при которой организмы воспроизводятся относительно мало, но стараются вложить в потомство как можно больше ресурсов и времени, характерны большие размеры, относительно долгий промежуток жизни и малое потомство, на воспитание которого отводится много времени. Естественно, в случае К-стратегии требования, предъявляемые самкой к самцу, гораздо выше.

ционными веществами приходилось держать ухо востро: они могли вступить во взаимодействие с профессиональными препаратами, которые в немалых количествах бурлили в его крови. Женщина пожала плечами, прилепила пластырь за ухо и продолжила:

— Как ты справляешься с такой ответственностью? Черт побери, как тебе вообще ее дали? — Она опрокинула рюмку. — Все эти корпы, короли и политики — они бы даже не смогли договориться, в какой цвет покрасить стены в туалете. Почему все они решили дать конкретно тебе чуть ли не божественные способности? Ты что, не допускаешь ошибок?

— Ни хрена подобного.

В неокортексе мелькнула незваная мысль: «Интересно, сколько человек я сегодня убил?»

— Я всего лишь... стараюсь как могу.

— Это да, но как ты умудрился их в этом убедить? Что тебе мешает устроить авиакатастрофу, чтобы отомстить боссу? Откуда они знают, что ты не воспользуешься такой силой, чтобы разбогатеть, или помочь приятелям, или разрушить корпорацию, так как ты не согласен с ее политикой? Что держит тебя в узде?

Дежарден покачал головой:

— Ты мне неверишь.

— Спорим, угадаю?

— Угадывай.

— Трип Вины, да? И Отпущение грехов?

Он засмеялся, скрывая удивление.

Гвен расхохоталась вместе с ним, протянула руку в ближайший террариум и погладила одну из драгоценных лягушек (тех подкорректировали так, чтобы рептилии выделяли через кожу легкие психотропы). Словно бы ненароком уперлась плечом в руку Ахилла. Гвен отмахнулась от парочки бабочек, те уже обнюхивали ее,

выискивая симптомы ухудшения здоровья, чтобы вмешаться и заблаговременно оказать помощь.

— Ненавижу эти штуки.

— Ну ты слегка намешала с препаратами. Испортишь атмосферу, если тебя вырвет прямо на бар.

— А ты весь такой законопослушный. — Гвен потерла большим пальцем об указательный, втирая в кожу лягушачий сок. — И от вопроса хорошо уходишь.

— Вопросы?

— Трип Вины, не забыл? — Она склонилась ближе. — Я всякое слышала, ты тоже. Какая-то разновидность ретровируса, так? Он заставляет тебя быть послушным, прямо на уровне ствола мозга.

Гвен всего лишь гадала. Не знала ничего о химии вины. Скажи ей о взаимодействии глутатиона с синаптическими пузырьками, так она, скорее всего, лишь глупо на тебя уставится в ответ. Гвен понятия не имела о подкрученной токсоплазме или о крохотных перепутанных каплях ревертазы, которые запускали всю систему. И, даже если была бы в курсе, это ничего не меняло. Воздействие таких веществ нельзя осознать, пока не почувствуешь их в себе.

Гвен слышала только о «ретровирусах» и даже в них была не уверена.

— Нет, — ответил Ахилл. — Ты ошиблась. Извини.

Он даже не лгал. Вирус служил всего лишь переносчиком.

Она закатила глаза.

— Я так и знала, что ты мне ничего не скажешь. Они ник... Я так и знала.

— А с чего дайверский прикид? — Неожиданно ему показалось, что сменить тему — это хорошая мысль.

— Рифтерский шик, — Гвен еле заметно улыбнулась уголком рта. — Солидарность через моду.

— Не понял... рифтеры теперь — политическая тема?

Она слегка оживилась:

— О, да ты знаешь. Ты ведь не все свое время мир спасаешь.

Он не знал. Хотя пару месяцев назад действительно проскальзывало какое-то трепыхание, когда некий не в меру упорный журналист умудрился протащить историю через цензоров АмСети. Оказывается, Энергосеть нанимала жертв инцеста и ветеранов войн для управления глубоководными геотермальными станциями — в теории к хроническому стрессу в подобной окружающей среде лучше всего приспосабливаются те, в ком (и как словоплеты это выяснили?) такая предрасположенность вырабатывалась с самого детства. Пошли обыкновенные взвизги общественного гнева от «да как вы смеете эксплуатировать жертв насилия ради нескольких мегаватт» до «как вы смеете доверять энергетическую сеть кучке психов и забитых недоумков».

Скандал длился довольно долго. Но потом Полосу поразила какая-то новая разновидность лошадиного энцефалита, и кто-то отследил ее источник до бракованной партии контрацептивов в циркуляторах. А теперь, естественно, всех еще лихорадило от Большого Толчка на западе, поэтому о рифтерах и их проблемах практически забыли.

По крайней мере Ахилл так думал. Но теперь рядом с ним стояла эта женщина, и из каких бы источников она ни почерпнула свои представления о моде...

— Послушай, — решила Гвен. — Спорим, ты устал постоянно сражаться с силами энтропии? Не хочешь отвлечься и для разнообразия подчиниться второму закону термодинамики?

— Энтропия — это не сила. Распространенное заблуждение.

— Да хватит уже болтать. У них тут есть комнаты внизу. За первый час я заплачу.

Дежарден вздохнул.

— Что? — спросила Гвен. — И не говори, что тебе неинтересно, — твои жизненные показатели подскочили от возбуждения, как только я зашла. — Она постучала по одному из аксессуаров на костюме — Дежарден с запозданием заметил датчик биотелеметрии.

Он пожал плечами:

— Верно.

— Так в чем проблема? Не принял сегодня таблетки? Я чистая.

Она показала ему татуировки на внутренней поверхности запястья: ее иммунизировали против целого арсенала инфекций.

— На самом деле я... я просто не слишком общителен.

— Это правда. Ну давай уже. — Гвен твердо положила ладонь ему на руку.

— Я полагаю, Кайфолом, — раздался сзади женский голос, — собирается отвергнуть ваше предложение по двум причинам. Не принимайте отказ близко к сердцу.

Дежарден на мгновение закрыл глаза:

— Я думал, ты себе не потекаешь.

В поле его зрения вступила тощая и несущая одни неприятности филиппинка ростом в метр семьдесят.

— Я — Элис, — сказала она.

— Гвен.

— Первая причина в том, — продолжила Джовелланос, — что у него срочный вызов.

— Да ты шутишь, — возмутился Дежарден, — я только освободился.

— Извини. Тебя хотят видеть через... — Джовелланос бросила взгляд на запястье, — через семь минут. Какой-то корп лично вылетел из Н'АмПацифика, чтобы воочию тебя увидеть. Можешь представить их разочарование, когда они выяснили, что ты отключил запястник.

— Уже комендантский час начался. Я просто стараюсь быть хорошим гражданином.

Что, конечно, было полной чушью, так как правонарушителей освобождали от подобных ограничений. Иногда Дежарден просто не хотел, чтобы его находили.

Разумеется, надежда оказалась тщетной. Ахилл оттолкнулся от стойки бара и встал, раскинув руки и жестом изображая, что сдаётся.

— Извини. Хотя приятно было познакомиться.

— Причина номер два, — напомнила Гвен Джовелланос, не обращая на него внимания.

— А, точно. Кайфолом не трахает реальных людей. Считает такие отношения неуважительными, — Элис кивнула головой в его сторону, еле заметно поклонившись. — Разумеется, инстинкты у него на месте. Думаю, как только ты села рядом, он сразу начал делать стереоснимки.

Гвен посмотрела на Ахилла одновременно с удивлением и вызовом.

Тот пожал плечами:

— Я их сотру, если ты возражаешь. Все равно хотел спросить.

Она покачала головой, и эта соблазнительная полуулыбка слабо мелькнула на лице.

— Развлекайся. Может, через какое-то время даже заинтересуешься реальным процессом.

— Надеюсь, нет, — заметила Джовелланос. — Тебе, скорее всего, не понравятся его вкусы.

*

«Управление по ликвидации нестабильности комплексных систем» — слова висели в конце вестибюля, словно светящийся нёбный язычок, символ тщеславного и насквозь бюрократического требования, чтобы тебя уважали.

Впрочем, никто уже давно не заморачивался, надпись даже вслух не читали; лишь единицы сокращали название до аббревиатуры УЛН, что вполне устроило бы корпов. Нет, прижилось другое имя: «Патруль Энтропии». Казалось, еще немного — и увидишь униформу космических кадетов. Дежарден всегда думал, что спасение мира должно вызывать чуть больше уважения.

— И чего ты такая *encule** сегодня? — проворчал он, когда они заходили в лифт.

Джовелланос моргнула:

— Прости?

— Ну к чему была та сцена в баре?

— Разве реклама не должна быть правдивой? Ты же не скрываешь все эти дела. По большей части.

— Я предпочитаю контролировать скорость подачи. Боже. — Ахилл нажал кнопку «Админ-6». — Время ты выбрала очень неудачное.

— Я прекрасно выбрала время. Кайфолом, они хотят, чтобы ты поднялся наверх прямо сейчас. Кажется, я в жизни не видела, чтобы Лерцман хоть чему-нибудь уделял столько внимания. А если бы я стала ждать, пока ты там докрутишь динамо, мы бы торчали внизу до тех пор, пока полярные шапки снова не замерзнут. К тому же ты не умеешь отказывать. И вполне мог трахнуть ее, лишь бы не оскорбить в лучших чувствах.

— Не думаю, что она такая нежная.

— И чего? Зато ты еще какой.

Двери открылись. Дежарден вышел первым, Джовелланос осталась в лифте.

Он взглянул на нее с некоторым нетерпением:

— А я думал, мы спешим.

Она покачала головой:

* Сволочь (*фр.*).

— Это ты спешишь. А у меня нет допуска. Меня просто послали привести тебя.

— Что?

— Ты идешь один.

— Бред какой-то, Элис.

— У них приступ паранойи, Кайфолом. Я же тебе говорила. Особое внимание.

Двери, скользнув, закрылись.

*

Ахилл ткнул пальцем в «ищейку», поморщился от краткого, но болезненного укола. Физический образец. Нынче они перестали доверять даже дистанционной авторизации.

Спустя минуту по стене поползла итоговая информация, расположенная в три колонки. Слева профиль: группа крови, водородный показатель, уровень газов. Справа список: тромбоциты, фибриногены, эритроциты и лейкоциты, антитела, гормоны. Все составляющие его крови, полученные от самой природы.

А посередине шел еще один перечень, чуть покороче: дары от УЛН.

Дежарден уже немного разбирался в показателях. Все выглядело нормально. Разумеется, приятно было получить независимое подтверждение: дверь перед ним открылась, а все остальные не принялись с грохотом захлопываться.

Ахилл вошел в зал заседаний.

У дальнего конца стола для совещаний расположились трое. Лерцман сидел на своем обычном месте, во главе; слева оказалась невысокая блондинка, которую Дежарден никогда раньше не видел. Это, конечно, ничего не значило — он не знал большинство людей, работающих в администрации.

Слева от блондинки находилась еще одна женщина. Ахилл не знал и ее. Она устремила на него в буквальном смысле сверкающий взгляд — так мерцали тактические линзы, а значит, дама находилась в комнате лишь отчасти, параллельно следя за потоком информации, видимым только ей. В уголках ее рта и вокруг ртутных глаз застыли слабые морщины, правое веко было чуть опущено; в остальном лицо казалось бледным и невыразительным эскизом евроазиатского разлива. Темные волосы подернула седина на висках, и это обесцвечивание, казалось, мельчайшими дозами распространялось прямо у Дежардена на глазах.

Корп из Н'АмПацифика. Других вариантов нет.

Лерцман в ожидании встал с места. Блондинка последовала за ним, но, едва оторвавшись от стула, оглянулась на представительницу корпорации. Та не поднялась. Блондинка засомневалась, какое-то время не понимая, что ей делать, но потом опять села. Лерцман откашлялся и последовал их примеру, взмахом руки пригласив Дежардена занять место напротив женщин.

— Это Патриция Роуэн, — сказал он.

Когда через пару секунд стало понятно, что блондинку никто представлять не собирается, Дежарден ответил:

— Прошу прощения, что заставил вас ждать.

— Напротив, — тихо произнесла Роуэн, голос у нее был усталый. — Это вы простите, что вытащили вас на работу в свободное время. К сожалению, я приехала в город лишь на несколько часов.

Она набрала несколько команд на панели управления, встроенной в стол. По ее глазам побежали крохотные искорки.

— Итак. Знаменитый Ахилл Дежарден. Спаситель Средиземки.

— Я всего лишь подобрал статистику. А они... всего лишь отсрочили неизбежное на несколько месяцев.

— Не надо себя недооценивать, — заметила его собеседница. — Среднее время решения проблемы — тридцать шесть и восемь десятых минуты. Это замечательно.

Дежарден принял комплимент кивком головы.

— Вся метабаза, — продолжила Роуэн. — Эпидемии. Локальные войны. Транспортные потоки. И, даже если на время забыть о Средиземном море, мне сказали, что ваши проекции во многом помогли сохранить Гольфстрим. Есть несколько специалистов, которые могут обойти вас в Водовороте, но вы еще к тому же разбираетесь в вопросах биобезопасности, экономики, промышленной экологии...

Дежарден улыбнулся про себя. Так старомодно: она действительно думала, что между этими сферами есть какая-то разница.

— В любом случае, — подытожила женщина, — похоже, вы — наш лучший кандидат из тех, что приходят на ум. Мы снимаем вас с обыкновенной ротации и приписываем к специальному проекту, с одобрения доктора Лерцмана разумеется.

— Думаю, мы можем отдать его вам, — сказал Лерцман, искренне полагая, что его мнение что-то значит. — Думаю, после сегодняшнего происшествия Ахилл и сам, скорее всего, захочет на какое-то время покинуть Водоворот.

«Encule».

Когда в деле участвовал Лерцман, чувство брезгливости возникало почти рефлекторно.

Снова Роуэн:

— Произошло некое биологическое событие, и мы хотим, чтобы вы за ним пронаблюдали. Судя по всему, появился новый почвенный микроб. Пока он произвел относительно малый эффект — практически ничтожный,

на самом деле, — но потенциально он... в общем... — Она склонила голову в сторону блондинки справа, та, в свою очередь, постучала пальцем по наручным часам. — Откройте для загрузки, пожалуйста...

Дежарден быстро подключился: в поле зрения промелькнули протоколы передачи.

— Статистику сможете изучить потом, — заявила блондинка. — Но, если кратко, вам нужно искать мелкомасштабное окисление нижних слоев почвы, пониженное содержание хлорофилла и, возможно, определенные изменения в ксантофиллах...

Наука. Неудивительно, что никто не удосужился ее представить.

— ...также возможно снижение влажности почвы, но точно мы пока не знаем. Возможно сокращение количества таксонов и сопутствующей им микрофлоры. Также мы подозреваем, что распространение будет ограничено температурно. Ваша задача — подготовить свод диагностических данных, который мы сможем использовать для определения этой заразы дистанционно.

— Для человека моих навыков задача несколько долгосрочная, — заметил Дежарден. «А еще будет чертовски скучно». — Я как-то больше заточен под острые кризисные ситуации.

Роуэн намек проигнорировала.

— Это не проблема. Мы выбрали вас за ваши навыки в распознавании образов, а не за оперативные рефлексy.

— Ну ладно тогда. — Про себя он вздохнул. — А что насчет непосредственной сигнатуры?

— Прошу прощения?

— Если мы говорим о снижении уровня хлорофиллов, то, я полагаю, обыкновенные фотосинтезирующие вещества чем-то заменяются. Так чем? Надо ли мне искать какие-то новые пигменты?

— Сигнатуры у нас пока нет, — сказала ему женщина. — Сумеете ее выработать — замечательно, но мы на это не надеемся.

— Да ладно вам. Сигнатура есть у чего угодно.

— Верно, но в данном случае она может не проявиться до тех пор, пока эта штука не размножится до эпидемической концентрации. Надо поймать ее до того. Ваши лучшие помощники — это косвенные указатели.

— Я бы все равно хотел увидеть лабораторные данные. И саму культуру, естественно. — Ахилл решил запустить пробный шар. — И в этом деле большую помощь может оказать Элис Джовеллианос. Она по образованию биохимик.

— У Элис еще мало опыта... — начал Лерцман.

Роуэн деликатно оборвала его:

— Никаких проблем, доктор Дежарден. Берите любого, кто может вам помочь. Но не забывайте о том, что статус секретности этого задания может меняться. Отчасти он будет зависеть и от результатов вашей работы.

— Спасибо. А культура?

— Мы сделаем все, что сможем. По очевидным причинам распространение живого образца может стать нежелательным.

«Так-так».

— Начинайте поиск по береговой линии Н'АмПацифика. Мы полагаем, что воздействие микроба ограничено северо-западным побережьем Тихого океана. Скорее всего, где-то на территории между Гонкувером и заливом Кус.

— Пока, — добавил Дежарден.

— Мы надеемся, что с вашей помощью, доктор, ничего и не изменится.

Он уже видел все это раньше. Какая-то фарма потеряла контроль над очередной разработкой. Из-за землетрясения где-то треснул инкубатор, и сторонники

корпоративной секретности с противниками сельскохозяйственного армагеддона долго гвоздили друг друга в каком-нибудь конференц-зале, а из руин битвы восстала Патриция Роуэн — на кого бы они ни работала, — чтобы сбросить все проблемы прямо на Ахилла. При этом, разумеется, она не дала нормальных инструментов для работы: ко времени, когда они снимут все молекулы с патентами на них, образец переданной культуры станет похож на 20 кубиков дистиллированной воды.

Ахилл не удержался и издал нечто среднее между смехом и фырканьем.

— Прощу прощения? — Роуэн выгнула бровь. — Вы хотите что-то сказать?

Мимолетная катарсическая фантазия:

«Да, у меня и в самом деле есть вопрос, мисс Роуэн. Может, вас вся эта хренотень возбуждает, а? Вы там не течете, когда без всяких причин зажимаете информацию такой важности? Должны. В смысле, какого черта тогда было перестраивать меня чуть ли не на молекулярном уровне? Зачем? Вы с помощью биоинженерии превратили меня в образец честности и неподкупности, но стоило вам облажаться, и вы решили, что Ахиллу-то доверять не стоит. Вы же знаете меня, Роуэн. Я неподкупен. Я не смогу действовать в своих интересах, даже если от этого будет зависеть моя жизнь».

В повисшей тишине Лерцман коротко и панически кашлянул, прикрыв рот кулаком.

— Извините. Нет. Никаких вопросов. — Дежарден постучал пальцем по запястнику, безопасно сложив руки под столом, и схватился за первый заголовок, выползший на экране имплантата. — Просто, знаете, забавное название. Бетагемот. Оно откуда?

— Библейское, — ответила Роуэн. — Мне оно никогда не нравилось.

Впрочем, Ахилл не нуждался в ответах на невысказанные вопросы. Он и так понял, что у корпа были весомые причины скрывать информацию; разумеется, она прекрасно знала, что он не может пойти против общего блага. Зато сама Роуэн могла.

УДАР

Для Кларк выбор между акулами и людьми оказался не так уж прост. Сделав его, она заплатила свою цену: теперь Лени скучала по темноте.

Ночь, пусть даже безлунная и облачная, пасовала перед возможностями рифтерских линз. На земле существовало очень мало мест, способных ослепить их. Светонепроницаемые комнаты. Пещеры и морские глубины, где нет биолюминесценции. И нигде больше. Роговичные накладки обрекли Кларк на вечную зрячесть.

Разумеется, она в любое время могла их снять. Довольно простая процедура, едва ли отличающаяся от замены обычных контактных линз. Но Лени уже очень смутно помнила, как выглядят ее глаза от природы: они были бледно-голубыми настолько, что зрачки почти сливались с белками. Вроде как смотреть в морской лед. Ей говорили, что взгляд у нее холодный и сексуальный.

Кларк не снимала линзы почти год. Она носила их рядом с друзьями, врагами и любовниками. Не снимала даже во время секса и не собиралась сбрасывать сейчас, перед незнакомцами.

Если ей хотелось оказаться во мраке, то приходилось закрывать глаза. В миллионной толпе беженцев это было не так-то просто сделать.

Лени нашла пару квадратных метров пустоты. Бежи съезжались под одеялами и хлипкими навесами поблизости, спали или трахались в темноте, которая им

приносила хоть какое-то уединение. Как и говорил Амитав, они оставили ее в одиночестве и даже предоставили ей больше пространства, чем давали друг другу. Кларк лежала на крохотном пятачке песка, на своей собственной территории, и закрывала глаза, спасаясь от блистающей тьмы. Шел легкий дождь; гидрокостюм не промокал, но капли стекали по лицу, словно ласкали.

Лени уносило прочь. Ей показалось, что в какой-то момент она задремала, но, когда над головой дважды пролетели «оводы» — темные бесшумные эллипсы, слишком тусклые для невооруженных глаз, — Кларк их видела и каждый раз готовилась ринуться к океану, но дроны ее не замечали.

«Нет приказа, — подумала она. — Они видят только то, на что запрограммированы».

А может, Лени зря боялась, и сенсоры ботов не отличались особой тонкостью настройки, не видя ее имплантаты. То ли у тех была слишком слабая аура, то ли машины летели высокомерно. Может, «оводы» не настолько глубоко проникали в электромагнитный спектр, и Лени суежилась зря.

«В тот первый раз я была совсем одна, — думала Кларк. — Весь пляж закрыли. Могу поспорить, в этом и дело. Они реагируют на посторонних...»

Как и Амитав. Он начинал ее серьезно беспокоить.

*

Старик появился у циркулятора на следующее утро с мертвым «оводом» в руках. Тот немного походил на панцирь черепахи, который Лени когда-то видела в музее, только его брюхо усеивали отверстия и торчащие инструменты. Бота раскололо по экваториальному шву, вдоль разлома шли черные кляксы.

— Вы не можете его починить? — спросил Амитав. — Хотя бы частично?

Кларк покачала головой:

— Я ничего не знаю об «оводах».

Но панцирь все же подняла. Внутри под слоем сажи гнездилась сожженная электроника.

Лени провела пальцем по маленькой выпуклости, под слоем грязи ощутила шершавость составных линз визуального узла. Какие-то детали казались смутно знакомыми, но...

— Нет, — подытожила Кларк, кладя рухлядь на песок. — Извините.

Амитав пожал плечами и сел, скрестив ноги.

— Я и не ждал. Но человек всегда питает надежду, а вы, кажется, очень близко знакомы с машинами...

Она слабо улыбнулась, по-новому чувствуя имплантаты, теснящиеся в грудной клетке.

— Я думал, вы отправитесь к ограждению, — сказал индус, немного помолчав. — Там вас пропустят, когда увидят, что вы — одна из них.

Лени посмотрела на восток. Там, вдалеке, из тумана человеческих тел и вытоптанных кустарников вздымались пограничные башни. Она слышала, что между ними были натянуты высоковольтные линии и колючая проволока. До нее доходили слухи о беженцах, отчаявшихся настолько, что они даже успевали взобраться на семь или восемь метров вверх, прежде чем умирали от тока и множества ран. Изувеченные останки оставляли гнить на проводах то ли в качестве устрашения, то ли от простой халатности. Истинных причин никто не знал, но так гласила история.

Кларк понимала, что все это сказки вроде крокодилов в канализации. В такую хрень не верил никто старше тринадцати лет, а у людей здесь, несмотря на все их количество, не хватило бы воли даже гаражную распродажу

устроить, не говоря уж о том, чтобы укрепления атаковать. Какое там слово использовал Амитав?

«Покорные».

Но было даже немного жаль. Лени никогда не видела ограждений и посмотреть на них хотела.

В жизни признанного мертвым куча мелких недостатков.

— У вас же есть дом, куда можно вернуться. Вы же не хотите остаться здесь, — принялся подстрекать Амитав.

— Нет, — ответила она на оба вопроса.

Он принялся ждать. Кларк тоже.

Наконец индус встал и посмотрел на мертвого «овода».

— Понятия не имею, почему этот рухнул. Обычно они очень хорошо работают. Вы же видели, как парочка тут пролетала, да? У вас пустые глаза, но они не слепы.

Кларк выдержала его взгляд, но промолчала.

Он пнул обломки носком ботинка, а потом бросил:

— У этих такие же.

И ушел.

*

То была дыра во тьме: окно в иной мир. Оно находилось на высоте детских глаз и выходило на кухню, Кларк не видела ее уже лет двадцать.

Окно к человеку, которого она не видела почти столько же.

Перед ней стоял на коленях отец, пригнулся, смотря Лени прямо в глаза с высоты взрослого. Выглядел он серьезно. Схватил за запястье одной рукой; в другой что-то держал, оно покачивалось, свисая.

Она ждала знакомой тошноты, подкатывающей к горлу, но та не пришла. Видение принадлежало ребенку, но зритель уже давно стал взрослым, загрубел, приспособился и привык к таким испытаниям, по сравнению

с которыми детское насилие превращалось в банальное клише.

Кларк попыталась осмотреться: поле зрения меняться отказывалось. Мать она не видела.

«Ну естественно».

Рот отца двигался, только из него не долетало ни слова. Изображение оказалось полностью немым, световой пыткой без всякого саундтрека.

«Это сон. Скучный сон. Пора проснуться».

Она открыла глаза. Видение не исчезло.

Правда, за ним присутствовал другой мир, высоко-контрастный пазл света и тени. Кто-то стоял рядом, на песке, но его лицо застилала греза из детства. Та парила перед Лени невозможной картинкой в картинке. Реальность смутным фоном мерцала позади.

Кларк закрыла глаза. Настоящее исчезло. Прошрое — нет.

«Уходи. Я с тобой покончила. Убирайся».

Отец по-прежнему держал ее за запястье — или не ее, а то хрупкое существо, глазами которого Лени смотрела на призрачный мир, — но она ничего не чувствовала. А потом взгляд сам по себе остановился на качающейся штучке в другой руке отца. Неожиданно испугавшись, Кларк резко открыла глаза, даже не успев рассмотреть, что же там было; но образ вновь последовал за ней в реальность.

Здесь, пред бесчисленными обездоленными ордами Полосы, отец протягивал Кларк подарок. Ее первый запястник.

«Пожалуйста, уходи...»

— Нет, — раздался голос совсем рядом. — Не уйду.

Амитава. Кларк, парализованная, тихо заскулила, как животное.

Отец рассказывал про возможности новой игрушки. Она не слышала, что он говорил, да это и не имело

значения; видела, как отец голосом активирует маленькое устройство, перебирает функции доступа к Сети (она вспомнила, тогда они еще называли это «Сетью», единственной и неповторимой), указывая на маленькую антенну, соединяющую гаджет с фоновизорами.

Лени тряхнула головой. Видение даже не покачнулось. Отец аккуратно застегнул запястник у нее на запястье.

Она знала, на самом деле это не подарок, а первоначальный взнос. Символический обмен, бесполезный жест в компенсацию всего того, что он ей сделал за прошедшие годы и что хотел сделать прямо сейчас, того...

Отец наклонился вперед и поцеловал какое-то место прямо над глазами, которые Лени не могла закрыть. Погладил голову, которую Лени не могла почувствовать. А потом, улыбаясь...

Оставил ее одну.

Вышел в кухню, оставив играть.

Видение рассеялось. Внутрь хлынула Полоса, заполняя освободившееся пространство.

Амитав воззрился на нее:

— Ты ошибаешься. Я — не твой отец.

Кларк с трудом поднялась на ноги. Пропитанная водой почва превратилась в грязь, они находились недалеко от береговой линии. От станции, расположившейся дальше по пляжу, тянулся прерывистыми полосами галогенный свет. На склоне тут и там виднелись скопления неподвижных тел. Поблизости никого из беженцев не оказалось.

«Это был сон. Еще одна... галлюцинация. Ничего реального».

— Мне интересно, а что вы здесь делаете? — тихо произнес Амитав.

«Старик реален. Сосредоточься. Разберись с ним».

— Вы не единственный... человек, которого выбросило на берег после волны. Это понятно, — заметил беженец. — Их даже сейчас выбрасывает. Но вы-то далеко не мертвы, в отличие от остальных.

«Видел бы ты меня раньше».

— И странно, что вы пришли к нам вот так. Тут все начисто вымели много дней назад. Землетрясение на дне океана, так? Далеко в море. И тут выходите на берег вы, приспособленная для жизни на глубине, и едите так, словно очень-очень долго голодали. — Его улыбка стала хищной. — И не хотите, чтобы ваши люди узнали, где вы. И сейчас вы расскажете мне, почему.

Кларк наклонилась вперед:

— Да ну. А если нет, ты что сделаешь?

— Пойду к ограждению и все им расскажу.

— Можешь идти.

Амитав уставился на нее, Лени чувствовала его гнев чуть ли не на тактильном уровне.

— Ну давай, — принялась подзуживать она. — Посмотрим, может, ты дверь отыщешь или никому не нужный запястник. Может, там оставили ящики для предложений, куда ты записочку положишь, а?

— Ты сильно ошибаешься, если думаешь, что я не смогу привлечь внимание твоих людей.

— Я думаю, ты этого не хочешь. У тебя и свои секреты есть.

— Я — беженец. Мы не можем позволить себе секретов.

— Ладно. Амитав, а чего ты тогда такой тощий?

Его глаза расширились.

— Глисты? Пищеварительное расстройство? — Она сделала шаг вперед. — Еда из циркулятора не подходит?

— Я тебя ненавижу, — прошипел он.

— Ты меня даже не знаешь.

— Я знаю тебя, — сплюнул индус. — Я знаю вашу породу. Я знаю...

— Ты ничего не знаешь. В принципе. А если бы знал — если бы у тебя был такой стояк на мою породу, как ты выразился, — то из кожи бы вон вылез, чтобы помочь мне.

Он воззрился на нее, и по его лицу пробежала тень неуверенности.

Лени понизила голос:

— Предположим, ты прав. Предположим, я действительно явилась прямо из глубины. Прямо от Осевого вулкана, если знаешь, где это.

Она замолчала.

— Продолжай, — ответил индус.

— Скажем — чисто гипотетически, — что землетрясение не было случайным. Кто-то заложил ядерную бомбу, и все эти ударные волны гирляндной цепью покатались к берегу.

— А почему кто-то решил так сделать?

— Уж они-то знают. А мы должны выяснить.

Амитав затих.

— Следишь за ходом мысли? Бомба взрывается на глубине. Большой глубине. Я приплываю оттуда же. И кем я оказываюсь в таком случае, Амитав? Плохишом? Это я потянула за рубильник? Но тогда я, наверное, продумала бы побег? Но нет, вместо этого я триста километров ползла по этой грязи, не имея ни хрена, даже сэндвича за пазухой. И для чего? Для того чтобы окунуться в ваш гадючник и сидеть здесь, жрать дерьмо из циркулятора и слушать твое унылое нытье? Это вообще у тебя в голове укладывается? Или, — тут ее голос понизился, и Лени взяла себя в руки, — я просто попала в переплет, как и все остальные, только сумела выбраться из него живой? И как думаешь, не может ли такой факт

в биографии заронить некоторую враждебность даже в белой североамериканке, богатой сучке вроде меня?

«И кто-то, — пообещала она мысленно, — за все заплатит».

Амитав ничего не сказал. Только наблюдал за ней запавшими глазами, а выражение его лица вновь стало пустым и непроницаемым.

Кларк вздохнула:

— Ты действительно хочешь помериться со мной крутостью, Амитав? И с теми, кто на самом деле дернул рубильник? Когда доходит до уборки, им обычно не до тонкостей. Сейчас они думают, что я мертва. Хочешь оказаться поблизости, когда они поймут, что это не так?

— А что в тебе такого? — спросил наконец Амитав. — Почему по сравнению с тобой наши жизни настолько неважны?

Лени много об этом думала. И в результате вспомнила яркий, почти сверкающий момент озарения, который пережила в детстве. Ее невероятно поразило то, что на Луне существовала жизнь: микроскопическая жизнь, какая-то бактерия, подсевшая на попутку к первым автоматическим зондам. Она пережила годы голодовки в вакууме, невероятный холод, несусветную жару и непрекращающийся град жесткой радиации.

Тогда она поняла: жизнь может вынести что угодно. Тогда это дало ей надежду.

— Думаю, внутри меня что-то есть, — сказала она теперь. — Думаю...

Что-то коснулось ее ноги.

Рука ударила почти рефлекторно. Кулак Лени сомкнулся вокруг запястья подростка.

Тот пытался стянуть газовую дубинку, висящую у нее на бедре.

— А, — протянула Кларк. — Вот так, значит.

Мальчик уставился на нее, окаменев.

Она повернулась к Амитаву: парень хныкал и извинялся в ее хватке.

— Дружок твой?

— Я, э...

— Небольшой отвлекающий маневр, да? Духу не хватает на меня наехать, от взрослых приятелей помощи не дождешься, значит, решил использовать молокососа? — Она дернула мальчика за руку: тот вскрикнул.

Спящие заворочались во сне, никто даже не пробудился, настолько все привыкли к постоянному шуму.

— А почему тебя это волнует? — зашипел Амитава. — Ты же сама сказала, это даже не оружие. Я что, идиот, верить в такую чушь, когда ты тут размахивала ей, как ятаганом? Что это? Разрядник? Шокер?

— Я тебе покажу.

Лени склонилась, все еще не отпуская ребенка. Деполяризующее лезвие выступило из кончика перчатки серым ногтем: от его прикосновения ножны на бедре распались, словно взрезанные скальпелем. Дубинка легко скользнула в руку: тупой черный жезл с флуоресцирующим кольцом у основания рукоятки.

Амитава поднял руки, неожиданно решив ее успокоить:

— Совершенно не нужно...

— Нет, нужно. Ну давай, подойди поближе.

Индуc сделал шаг назад.

— Она срабатывает при контакте, — пояснила Кларк. — Впрыскивает газ под давлением. Очень удобная штука на рифте, где местная фауна так и норовит тебя сожрать.

Лени сдвинула предохранитель и ткнула наконечником жезла прямо в песок.

Пляж взорвался с таким треском, словно оказался в эпицентре громового раската.

*

Вселенная звенела, как камертон. Лени лежала там, куда ее отбросил взрыв. Лицо жгло, будто его обработали пескоструйным аппаратом.

Веки слиплись. Кажется, прошло немало времени, прежде чем она сумела их поднять.

Неподалеку зиял кратер диаметром три метра, уже заполненный грунтовыми водами.

Кларк поднялась на ноги. Вся Полоса вскочила в одну секунду, отбежала прочь, повернулась и застыла кругом ошарашенных и испуганных лиц.

К своему удивлению, Лени все еще сжимала в руке дубинку.

Она взглянула на устройство с тупым недоверием. Кларк использовала его больше раз, чем могла сосчитать. Когда очередной монстр с источника намеревался ее расчленить, она парировала, прижимала дубинку к рыбьей туше и наблюдала за тем, как хищник раздувался и взрывался от ее прикосновения. Глубоководному населению дубинка несла смерть, но взрывов такой силы она прежде не давала. По крайней мере не там, внизу, на...

«Ох ты черт! На рифте».

Ее настроили так, чтобы она била насмерть на дне океана, где давление в пять тысяч паскалей казалось лишь нежным хлопком. Там дубинка представляла собой довольно действенное оружие.

На суше, без всех этих атмосфер, напирających в ответ, она превращалась в бомбу.

— Я не хотела... Я думала... — Кларк огляделась. Бесконечная линия лиц уставилась на нее в ответ.

Амитав растянулся на противоположной стороне кратера. Он стонал, прижав руку к лицу.

Мальчик исчез.

ПАЛОЧНИК

Раскат грома посреди ночи. Что-то взорвалось рядом с циркулятором Кальвина к югу от Грейс-Харбор. «Овод» летел вдоль мыса на юг; детонации он не увидел, зато слух имел хороший. Послал сигнал тревоги на базу и ринулся на разведку.

Перро была на дежурстве. Она перешла на ночную смену в день, когда узнала, что русалки выходят на берег по ночам. (Муж, недавно узнавший об особых потребностях жертв виртуального посттравматического синдрома, принял перемену без жалоб.) И теперь она скользнула в перцепционную сферу «овода» и оценила положение.

В межприливной зоне зиял неглубокий кратер. Оттуда шел сигнал: хаотические сплетения жара и биоэлектричества, беспокойные, словно перепуганный скот. Перро сузила электромагнитный спектр до усиленного в зрительном диапазоне: зарницы превратились в волнующуюся серую массу людей.

На Полосе существовали свои собственные районы, стихийно образующиеся гетто внутри гетто. Здесь, например, жили в основном те, кто прибыл с Индийского субконтинента; Перро выставила базовые фильтры на пенджабский, бенгальский и урду и начала задавать вопросы.

Да, взрыв. Причины никто точно не знал. Некоторые говорили, что кто-то кричал, спорил. Мужчина, женщина, ребенок. Слышали обвинения в краже. А потом, неожиданно, раздался бабах.

После этого все проснулись, попытались убраться подальше. Женщина размахивала каким-то шокером, похожим на дубинку. Толпы держались в отдалении. В круте с ней находился мужчина, лицо все в крови. Злой. Встал

прямо напротив нее, словно и не заметил оружия в руке. Все согласились, что ребенок к тому времени исчез. Кто этот мальчик, никто не знал.

А вот взрослых запомнили все. Амиатава и русалку.

— Куда они пошли? — спросила Перро; «овод» передавал слова с монотонным бесстрастием.

В океан. Русалка всегда уходит в океан.

— А другой? Этот Амиатав?

За ней. С ней. В океан.

Около десяти минут назад.

Перро направила бота резко вверх, получив панораму Полосы с пятидесятиметровой высоты. Беженцы растворились броуновской ордой; пробиваясь сквозь толпу, один человек не мог опередить волны движения, распространяющиеся по людскому столпотворению. Вот: едва различимая, угасающая цепь колебаний, соединяющая кратер с линией прибоя. Частицы клубились, недавно встревоженные каким-то целенаправленным движением.

Су-Хон спикировала к кромке воды. Обращенные к небесам лица, серые и сверкающие в светоприемниках, следили за ее курсом, словно подсолнухи, поворачивающиеся за солнцем.

Кроме одного, он находился довольно далеко, по колено в пенистых волнах, и без оглядки бежал на юг.

Перро увеличила картинку: никаких механических частей в грудной клетке. Не русалка. Хотя были и другие аномалии. Она преследовала скелет, абсурдно истощенный пережиток тех времен, когда недоедание было характерной особенностью всех беженцев.

С голодом на Полосе разобрались много лет назад. Этот же решил уморить себя сам. По политическим причинам.

Неудивительно, что теперь он кинулся в бегство.

Перро отправила «овода» в погоню. Тот пролетел мимо добычи через несколько секунд, шустро развернулся и резко снизился, блокируя ей путь. Су-Хон врубил прожекторы и пришила беженца к земле спаренными лучами ослепляющего галогена.

— Амитав, — сказала она.

*

Разумеется, она о таких слышала. Попадались они редко, но не слишком, а потому им даже дали прозвище «палочники». До сих пор Перро никогда не видела ни одного из них вживую.

Индус. Запавшие глаза, напоминающие озера мрачных теней. Кровь каплями проступала на лице. Он поднял руку, закрывшись от света: свежая стигма на ладони сочилась красным. Конечности, суставы, пальцы, остро-конечные и угловатые, как у оригами, проступали из-под порванной одежды. На подошвы вместо обуви спреем нанесен слой пластика.

Океан отрезал ему путь к отступлению справа; полосники с любопытством наблюдали со всех сторон, держась подальше от разлива галогенного сияния. Палочник напрягся, застыл, выбирая между равно бессмысленными попытками бежать или атаковать.

— Расслабьтесь, — сказала Перро. — Я просто хочу задать вам несколько вопросов.

— А. Вопросы от полицейского робота, — протянул он. Тонкие губы обнажили коричневые зубы, сверкая окровавленными трещинами. Циничная ухмылка. — Гора с плеч упала.

Су-Хон моргнула:

— Вы говорите по-английски.

— Это не самый редкий язык. Хотя сейчас и не такой модный, как французский, правда? Что вам нужно?

Перро отключила переводчика:

— Что тут произошло?

— Волноваться не о чем. Ваши машины не повреждены.

— Меня не интересуют машины. Произошел взрыв.

— Ваши замечательные механизмы не обеспечивают нас взрывчаткой, — заметил Амитава.

— Здесь была женщина, дайвер. И ребенок.

Палочник сердито взглянул на «овода».

— Я просто хочу знать, что случилось, — сказала ему Перро. — Я не желаю вам зла.

Амитава сплюнул:

— Разумеется, нет. Вы ведь меня ослепили, чтобы глаза проверить, да?

Су-Хон вырубил прожекторы. Черно-белый пейзаж поблек до серого.

— Спасибо, — спустя какое-то время произнес беженец.

— Скажите мне, что произошло.

— Она сказала, это случайность.

— Случайность?

— Ребенок... У Кларк был этот... Я не уверен насчет слова... этот жезл. На ноге. Она называла его «дубинкой».

— Кларк.

— Ваш дайвер.

«Кларк».

— А ее имя вы знаете?

— Нет, — хмыкнул Амитава. — Хотя вот Кали ей подошло бы.

— Продолжайте.

— Ребенок, он... попытался украсть эту дубинку. Пока мы... разговаривали.

— И вы его не остановили?

Индуc нервно переступил с ноги на ногу:

— Мне кажется, она пыталась показать мальчику, что дубинка — опасная вещь. И преуспела. Я сам отлетел. И эта штука оставляет следы.

Он улыбнулся, еще раз подняв руки ладонями вверх. Освежающая плоть, сочащаяся кровь.

Амитав замолчал и посмотрел в сторону океана. Перспектива у Перро слегка закачалась от легкого бриза, словно «овод» кивал.

— Я не знаю, что случилось с ребенком, — наконец признался Амитав. — Когда я смог встать на ноги, он уже исчез. Кларк его тоже искала.

— Кто она? — мягко спросила Перро. — Вы ее знаете?

Он опять сплюнул:

— Она бы так не сказала.

— Но вы видели ее раньше. И сегодня встретились не в первый раз.

— О да. Ваши домашние животные, — он посмотрел на остальных беженцев, — они приходят ко мне, когда надо проявить инициативу. И вот они мне сказали, где русалка, чтобы я отправился к ней и разобрался.

— Но вы каким-то образом связаны друг с другом. Вы — друзья или...

— Мы — не овцы. Вот и все, что у нас есть общего. А здесь этого вполне достаточно.

— Я хочу узнать о ней больше.

— Мудрое решение, — ответил Амитав, чуть понизив голос.

— Почему вы так думаете?

— Потому что она выжила после того, что с ней совершили, и знает, что это сделали вы.

— Я ничего не делала.

Палочник пренебрежительно махнул рукой:

— Это неважно. Она все равно за вами придет.

— Что случилось? Что с ней сделали?

— Она точно не сказала. И практически ничего не объяснила. А иногда она говорит о чем-то, но вроде как обращается к тем, кого здесь нет. По крайней мере не к тем, кого вижу я. Но из-за них она очень расстраивается.

— Она видит призраков?

Амитав пожал плечами:

— Тут призраки — дело вполне обычное. Я и сейчас с одним разговариваю.

— Вы знаете, что я — не призрак.

— Возможно, не настоящий. Но вы вселяетесь в машины.

Су-Хон поискала фильтр, чтобы поправить ситуацию, но подходящий найти не смогла.

— Она сказала, что вы вызвали землетрясение, — неожиданно признался Амитав. — Сказала, это вы послали волну, которая тут столько убила.

— Это просто смешно.

— Ну уж вы бы о таком знали, правда? Ведь ваши лидеры всегда делятся такими планами с пилотами механических насекомых?

— Зачем кому-то такое делать?

Индус пожал плечами:

— Спросите Кларк. Если найдете.

— А вы можете мне в этом помочь?

— Конечно, — он ткнул в сторону Тихого океана. —

Она там.

— Вы с ней еще встретитесь?

— Не знаю.

— А если это случится, мне не сообщите?

— А даже если бы я захотел, как мне это сделать?

— Су-Хон.

— Не понял.

— Это мое имя. Су-Хон. Я могу запрограммировать «оводов» на распознавание вашего голоса. Если они услышат, что вы меня зовете, то дадут знать.

— Вот как, — протянул Амитав.

— Вы согласны?

Беженец улыбнулся:

— Не звоните нам. Мы вам позвоним.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ТАНЕЦ

В Саут-Бенде русалка убила человека.

Залив Уиллапа раскалывал Полосу, словно язва шириной в двадцать километров. Официальное наблюдение за этим разломом не было рассчитано на тех, кто дышал по желанию. Теперь же берег остался в пятнадцати километрах позади Лени. На таком расстоянии цунами сбили уходящие в океан мысы и большой, усеянный пнями остров, чистой закупоривший бухту. От Большого Толчка здесь осталась одна дрожь. Разруха и запустение имели исключительно местные причины.

Кларк появилась после полуночи на темном, изъеденном городском берегу, уже давно заброшенном из-за ползучей заразы толуола, начавшейся еще в конце прошлого века. Нервные припозднившиеся прохожие заметили амфибию на краю городского центра и ускорили свой путь из точки А в точку Б. Когда Кларк в последний раз ходила по цивилизованным улицам, на каждом втором углу висели раздатчики бесплатных запястников: вялая подачка тем, кто желал вооружить массы, обеспечив им доступ к информации. Тут их не было. Только чудом сохранившаяся телефонная будка стояла на страже в светящихся сумерках. Лени сделала запрос. Будка ответила, что Кларк находится «здесь». А Ив Скэнлон живет «там», в трехстах километрах на северо-восток.

Конечно, он ее не ждет. Кларк растворилась в темноте. Безучастные камеры наблюдения низвели ее до мимолетного скопления инфракрасных пикселей.

Лени осторожно спустилась по бетонному склону к маслянистой воде. Кто-то окликнул ее, пока она доставала ласты: приглушенные знакомые звуки доносились из заброшенного здания таможни.

Так иногда трещали гнилые сваи. А еще такое бывало, когда по ребрам пинали ботинками. В горле Кларк застрял ком. Человеческое тело можно ударить бессчетным количеством предметов, и каждый издавал разные звуки. Столько разных звуков, что и не сосчитать.

Вот что-то едва уловимое, больше похожее на всхлип, а не слова:

— Блин, чувак...

Приглушенное гудение электрического разряда. Стон.

Дорожка протянулась вдоль разрушенного здания; вдоль нее кучами громоздился мусор, поджидая жертву, не наделенную ночным зрением. С другой стороны дома из берега торчал пирс на деревянных сваях. На нем стояли двое: мужчина и женщина. Еще четверо лежали, дергаясь, у их ног. На пирсе спал полицейский «овод» — к счастью, отключенный.

Конечно, формально это было не нападение. Оба преступника носили униформу и значки, дававшие им законное право бить кого вздумается. Сегодня они выбрали блюдо из подростков, валявшихся теперь на досках, усеянных пятнами креозота, подобно выпотрошенной рыбе. Тела сводило нервными судорогами от разрядов шоковой дубинки; на пинки по ребрам они и вовсе не реагировали. До Кларк доносились обрывки разговора между униформами, что-то о нарушении комендантского часа и нелегальном использовании Водоворота.

А также о проникновении на закрытую территорию.

— На государственную собственность, не меньше, — заметил мужчина, щедрой рукой обводя пирс, сваи, заброшенный офис, Кларк...

«Твою мать, у них же приборы ночного видения, у обоих...»

— Эй, ты! — Полицейский сделал шаг в сторону здания, указывая дубинкой в тень, где она лежала у всех на виду. — А ну отойди от дома!

*

Было время, еще не так давно, когда Кларк подчинилась бы, не задумываясь. Она бы повиновалась приказам, зная, что ее ждет, так как уже давно выучила один закон: с насилием можно справиться единственным способом — надо заткнуться и переждать. Конечно, будет больно. В этом весь смысл. Но всяко лучше, чем хроническая тошнота и ожидание, когда перерывы между избиениями тянутся бесконечно, и тебе остается лишь одно — ждать неизбежного.

Еще совсем недавно она бы просто убежала. Или отступила. Сказала бы себе, что это не ее дело, и ушла, не выдав себя. Она поступила именно так, когда Майк Брандер, так и не получивший шанса отомстить тем, кто превратил его детство в ад на суше, нашел удобную замену в лице Джерри Фишера. «Не мое дело» было у руля, когда по станции «Биб» разносились яростные крики Брандера и хруст костей Фишера. И когда Брандер, смена за сменой, дежурил перед воздушным шлюзом, не давая Фишеру нормально вернуться внутрь. В конце концов Джерри иссяк, превратился из мужчины в ребенка, а потом и вовсе в рептилию — пустое расчеловеченное ничтожество, живущее на окраине рифта. И даже тогда это Лени не касалось.

Но теперь Фишер умер. Да и Кларк тоже, если на то пошло. Погибла вместе с остальными: Элис, Майком, Кеном, Джерри. Все они превратились в обжигающий пар. Все умерли, и теперь, когда камень откатили от входа в пещеру, а в воздухе прозвенели слова «Лазарь! Выйди вон!», вовсе не друзья Лени Кларк восстали из могилы. И даже не она сама. Не мягкотелая и убогая профессиональная жертва давным-давно ушедших дней. Не мутная куколка, созревшая на рифте. Нет, на свет появился какой-то свежеевыкованный, омытый кислотой, добела раскаленный метаморф Лени, никогда не существовавший прежде.

И теперь Кларк столкнулась со знакомым образом — с властью, с командиром, отдающим приказы, с тем, кто с удовольствием пользовался законным правом вершить над ней насилие. И когда он бросил ей вызов, она не сочла нужным подчиниться. Лени больше не казалось, что таких ситуаций лучше избегать.

Для Кларк второй модели его приказ прозвучал как долгожданное приглашение на танец.

ПИКСЕЛЬМЭН

ВСС5932 ИНИЦИИР. ФАКТОР / ПЕРЕХВАТ ПЕРЕДАЧИ

Класс объекта: пакет данных (доброкач.)

Вид объекта: лич. переписка (важность: невысок.) /

пакет: 7 из 23 / расшифр. голосового сообщения

Источник объекта: поврежден

Назначение объекта: множественное (см. копии)

КРИТЕРИЙ ИЗЪЯТИЯ: ВЫЯВЛ. ИНИЦИИР. ФАКТОРЫ
В 255-СИМВ. ДИАПАЗОНЕ НАЧ./КОН.

НАЧАЛО ОТРЫВКА

этой штукой мы попадем рано или поздно. Металла многовато, если понимаешь, о чем я. Но пока нас с ней еще не застукали.

А вот пару дней назад замели нас совсем по другому поводу. И тут нам повезло встретить настоящего ангела мщения. Без дураков. **Лени Кларк** — так ее звали. Мы-то сами виноваты, глупо вышло. Не проверили на утечки, когда залогинились. В общем, *les beus** тут же лавочку накрыли, заловили всех, кроме Хаджа [Расшифровка имени может быть ошибочной] да меня, а что нам было делать? Только бежать. Короче, положили всех мордой в пол, и вдруг из ниоткуда появилась эта К-отборщица, на вид прям как эти старые литтвари с зубами, ну ты знаешь, вампиры. Вся в черном и с такими толстенными КонТактами, в жизни таких не видел, толще, чем у *les beus*. За ними и глаз почти не видно. В общем, выходит она из тени и идет прямо на копов.

По идее, она и двух секунд не должна была продержаться. В смысле она будто шокеров и не заметила. Этот ее костюм вряд ли пропускает ток, но тем не менее. А она еще и не очень крупная, понимаешь? Копы принялись ее реально фигачить, а она просто терпит, и все. Типа такое постоянно случается, дело житейское. Может, конечно, она от этого реально тащилась, типа ловила кайф, что ли.

В общем, обхватывает она руками это накачанное антители и толкает его, и они улетают с пирса, а когда касаются воды, запускаются стерилизаторы — реально странно, что эти штуки до сих пор работают, здесь лодок годами не было, — и вода начинает мерцать таким холодным радиоактивным светом, и какие-то всплески слышатся, а потом раздается такой громкий «умф», и вздувается огромный пузырь из крови и кишок, а вода, прикинь, прям проржавела.

* Полицейских (сленговое выражение, искаженный квебекский вариант).

Она вроде как амфибия, одна из этих киборгов с рифта. Мы с ней потом встретились, она вернулась забрать ласты, когда все утихло. Не спрашивай, что она там делала посередь ночи. Много не говорила, а мы не настаивали. Дали ей еды, припасов — она питалась из циркуляторов на Полосе, можешь себе представить? Правда, судя по всему, это на ней мало сказалось. Я отдал ей свой запястник. Она вообще ничего не слышала о комендантском часе. Пришлось показать, как обходить таймлок. Думаю, когда так долго сидишь на дне океана, связь с реальностью нарушается. Правда, ей на это было явно наплевать. Видел бы ты этого придурка. Они его выловили из воды как старую тряпку. Я бы приплатил, чтобы увидеть его лицо, ну ты понимаешь, о чем я.

Я попытался ее отыскать, но всяких Лени Кларк в регистре-то навалом. Попаданий получилось до фига. Она, правда, упомянула свой родной город, но его я тоже не смог найти. Парни, вы слышали о таком месте — Биб?

В общем, одно понятно точно, она пока на свободе. Les beus, скорее всего, ее ищут, но, ставлю пятьдесят квебаксов, не знают даже, как она выглядит под всем этим снаряжением, уж не говоря про то, кто она такая. В смысле они нас-то поймать не могут, хотя знают все, что нужно знать. Ну не все на самом деле. Ладно...

КОНЕЦ ОТРЫВКА

КОД Бетагемот

Лени Кларк/Биб ПОДТВЕРЖДЕНО

ДОБАВИТЬ УСЛОВИЯ ПОИСКА: амфибия/и, рифтер/ы, киборг/и

НАЛОЖИТЬ ШАБЛОН. ЗАНОВО УПОРЯДОЧИТЬ ТЕКСТ.

КОПИРОВАТЬ. ПЕРЕНЕСТИ.

РАСПРОСТРАНИТЬ.

ТРЕТЬЕ ЛИЦО, ВИД ГЛАЗАМИ ПЕРСОНАЖА

Конечно, Перро не нуждалась в разрешении Амитава. Она бы и так запрограммировала «оводов» на его распознавание. А еще запустила облако «москитов», крошечных летающих сенсоров, размером не больше рисового зернышка. Мозгов у них не было, но они могли себе позволить такое существование и всю принятую телеметрию передавали «оводам» для настоящего анализа. Это повышало охват в разы, по крайней мере пока не выдыхались батареи.

Правда, затея все равно походила на игру в кости: Амитава должен был оказаться в пределах прямой видимости «овода» или «москита», когда Перро подаст сигнал, а для установления личности требовался достаточно хороший обзор. Только при такой давке на Полосе никакой надежностью тут и не пахло. Палочник мог легко спрятаться, если бы пожелал.

И все-таки. Лучше малые шансы, чем никакие.

Су-Хон закончила поздний ужин, сидя за столом напротив мужа, и почти мимоходом заметила его тоскливый, безнадежный и внимательный взгляд. Марти старался как мог — давал ей пространство, поддерживал. Ждал того обещанного момента, когда шок пройдет, ее защита спадет и Перро понадобится помощь, чтобы собрать воедино осколки разбившейся жизни. Время от времени Су-Хон искала в себе следы этого неминуемого распада и ничего не находила. Конечно, антидепрессанты все еще действовали, даже когда от шока нервная система выработала на них частичный иммунитет; но таблеток не хватало. Сейчас она уже должна была что-то чувствовать.

Так и получилось. Она нечто чувствовала. Напряженное, страстное и всепоглощающее любопытство.

Перро протянула через стол руку, сжала ладонь Мартина, а потом направилась в рабочий кабинет. До начала смены оставалось еще полчаса, но никто на участке не станет возражать, если она заступит пораньше. Су-Хон скользнула в кресло — любимый антиквариат с широкими ручками и обивкой из настоящей кожи, — потянулась за шлемофоном, но тут рука мужа легко легла ей на плечо.

— Почему она столько для тебя значит? — спросил он. В первый раз зашел в кабинет после срыва.

— Марти, мне надо работать.

Он не ушел.

Перро вздохнула и развернулась, чтобы взглянуть мужу в лицо.

— Я не знаю. Наверное, дело... в загадке. Тайне. В чем-то, что можно решить.

— Не только в этом.

— Да почему? Зачем еще что-то выдумывать? — В ее голосе послышалось раздражение. Увидев по лицу Мартина, как это его задевает, она перевела дух и попыталась еще раз: — Я не знаю. Просто... люди по отдельности мало что значат, а вот она... она производит впечатление, понимаешь? По крайней мере там, на Полосе. Что-то делает ее важной...

Мартин покачал головой:

— Ты нашла себе ролевую модель?

— Я не говорила...

— А ведь она может быть кем-то совсем другим, Су. Что, если она — беглянка?

— Что?

— Неужели ты об этом не думала? Кто-то из Северной Америки, не обычная беженка. Почему она не уходит с Полосы? Почему не хочет вернуться домой? От чего прячется?

— Не знаю. Вот почему это тайна.

— Она может быть опасна.

— Для кого? Для меня? Она находится на берегу! И даже не подозревает о моем существовании!

— И все-таки. Ты должна доложить руководству.

— Возможно. — Перро демонстративно повернулась обратно к столу. — Мартин, мне надо работать.

Раньше он так легко не сдавался. Но теперь прекрасно играл назначенную роль, пройдя подготовку у шести врачей. «Ваша жена пережила чрезвычайно травмирующее событие. Она очень уязвима. Ей надо двигаться со своей собственной скоростью.

Не подталкивайте ее».

И он не подталкивал. Иногда Су-Хон даже чувствовала себя виноватой из-за того, что пользуется этим ограничением, но большую часть времени наслаждалась убаюкивающими объятиями шлемофона и мгновенным, точным контролем над тем, что она воспринимала или не воспринимала, над...

— Твою же мать, — прошептала она.

С левой стороны зрительного поля вспыхнул сигнал тревоги. Один из «оводов» подцепил рыбешку. Причем клюнула не какая-то мелочовка, а огромный хищник. Бот парил меньше чем в трех метрах от цели.

И в этот раз на крючок попался не Амитав. Брак плоти и механизмов. Женщина с шестеренками внутри.

*

Глубокая ночь, бесконечная облачная гряда. За черной водой Полоса сияла отдаленными размытыми отблесками прожекторов и обогревателей. Перро запустила светоуловители.

Русалка сидела прямо впереди, на иззубренном рифе в ста пятидесяти метрах от берега. Океан, искрящийся микроорганическим свечением, пытался прогнать ее,

столкнуть. Риф выступал из волн на целый метр, и мириады крошечных водопадов сбегали по его бокам; когда же вода поднималась, русалка сама становилась круглым темным камнем, едва различимым в мерцающей пене.

Женщина поднялась на ноги. Вокруг дыбился прибой, добираясь до колен, она покачнулась, но не упала. Ее лицо походило на бледный овал, нарисованный на черном теле. Глаза же казались еще бледнее. Они смотрели в сторону парящего «овода».

Но, казалось, не замечали его.

Русалка понурилась, теперь глядя прямо перед собой. Гладкая и лоснящаяся рука цвета эбенового дерева протянулась вперед, пальцы напряглись: так могла бы нащупывать что-то слепая. Рот Кларк двигался. Слова заглушал рев океана. Перро вывернула фильтры на полную мощность. Звуки воды оборвала тишина. Остались лишь крики чаек вдалеке да несколько слогов:

— Нет... Я не...

Перро убрала высокие частоты. Теперь русалка стояла на полностью безмолвном плато, а вокруг беззвучно грохотал Тихий океан.

— Ты никогда так не делал, — сказала она. Онемевший прилив вздымался между ее ног. Пальцы русалки сомкнулись вокруг пустоты. Вид у нее был удивленный.

Еще одна волна омыла риф. Женщина покачнулась, выпрямилась, сразу сжав ладони в кулаки.

— Папа, — почти шепот.

— Мисс Кларк, — произнесла Перро. Русалка не отреагировала.

«Да, точно. Прилив».

Су-Хон повысила громкость, попробовала снова:

— Мисс Кларк.

Голова русалки дернулась вверх:

— Ты! Что такое?

— Мисс Кларк, я...

— Что-то в еде? Какой-то галлюциноген? Да?

— Мисс Кларк, я не понимаю, о чем вы...

Русалка улыбнулась, уродливо оскалив зубы под холодными пятнами белых глаз.

— Замечательно. Я все выдержу. Делайте что хотите.

— Мисс Кларк...

— Ни хрена вы мне не сделаете. Вы еще дождетесь.

Тихий океан безмолвно нахлынул сзади и в мгновение ока смахнул ее с рифа. Камеры поймали последний стоп-кадр: поднятый кулак, мелькнувший над кипящей водой. А потом он пропал.

«Ни хрена вы мне не сделаете. Вы еще дождетесь».

Су-Хон знала, что лично ей терпения не хватит.

ПРИЛИПАЛА

Открываясь, шлюз застонал, словно ворота железного собора. В этом звуке таились землетрясения, искореженный металл, небоскребы, мучительно ворочающиеся на собственных осях. Волна лениво оттолкнула мусор прочь от массивных створок.

А изнутри этого звука нарастал еще один: шум трехлопастных винтов, взрезавших воду.

Лени примостилась метрах в двухстах от берега, посреди прорытого через дно шрама, ведущего на глубоководье. Торговые суда Грейс-Харбор проходили прямо над головой. Сейчас она уже достаточно наловчилась, и план мог сработать. Кларк поднялась на несколько метров ото дна; новый ранец немного сковывал движения и тянул вниз, но она уже начала к нему привыкать. Пульсирующее эхо, идущее от приближающегося судна, коснулось имплантатов. Неожиданно мутная вода злое еще потемнела — сначала справа, а потом и сверху.

Поток отбросил Лени назад. Мгновение спустя из мглы наискось вынеслась черная стена, усеянная заклепками, и устремилась дальше, заполнив собой весь океан. В воде повисло шипение приближающихся винтов.

Пока что ей везло, ни один из кораблей в нее не врезался. Лени знала, что шансов на это мало — от носовых волн весь мусор разлетался от корабля, — но такие утешительные озарения приходили только во время затишья на дне. Сейчас же, когда размытый движением металлический утес проносился мимо на расстоянии руки, Лени приходили в голову мысли исключительно о мухобойках.

Она вынырнула на поверхность; черная, местами ржаво-красная мерцающая гора неожиданно приобрела четкость и превратилась в огромную дугу, затмевающую три четверти неба. Перевозчик льда — их еще называли «ковбоями». Лени повернулась лицом к приближающейся корме. Прямо к ней мчалось ребро металлической лопасти, наклоненной под углом вниз и выступающей из корпуса судна. Вода бурлила там, где она рассекала океан.

Транцевая плита. На ней можно было бесплатно прокатиться, но она могла и голову снести. Если держаться у поверхности — чуть ниже той точки, где металл резал волны, — кончик лопасти пройдет прямо под Лени. И тогда у нее появится буквально доля секунды, чтобы ухватиться за входящую кромку.

И от силы десять, чтобы занять позицию.

Почти получилось.

Правой рукой Кларк ухватила за лопасть, но другой не смогла: из-за болтанки та соскользнула. Плита пролетела мимо, прихватив с собой руку Лени, которая натянулась, как тетива, и плечо с хрустом вышло из сустава. Кларк попыталась закричать. Заводненное тело амфибии убило звук в зародыше.

Она потянула левую руку вперед. Инерция отшвырнула ту прочь. Лени попыталась снова. Мышцы в месте травмы кричали от ярости. Пальцы ползли вдоль поверхности плиты, против потока, и наконец, найдя входящую кромку, рефлекторно сжались.

Плечо встало на место. Вечно недовольное мясо снова завопило.

Каскад воды и пены пытался стряхнуть Кларк с корабля. «Ковбой» шел еле-еле, и она едва держалась, а ведь на борту прибавят скорость, как только пройдут последнюю отметку фарватера.

Лени понемногу взбиралась по скату. Морская вода истончилась до брызг; и вот Кларк взобралась на плиту целиком и распласталась возле корпуса судна, потом вскрыла лицевой клапан: легкое расправилось с усталым вздохом.

Плита уходила вниз под углом примерно в двадцать градусов. Кларк спиной оперлась о корпус и подняла колени, ступни разместив на скате. Теперь она безопасно закрепилась в добрых двух метрах от воды; ласты давали достаточно сцепления, чтобы не соскользнуть в океан.

Мимо проплыл последний буюк фарватера. Судно начало набирать скорость. Кларк одним глазом поглядывала на берег, а другим — на навигационную панель, где уже сменялись данные.

Наконец-то. Хотя этот корабль поворачивал на север. Лени расслабилась.

Полоса медленно скользила мимо на фоне позвоночных шипов восточных башен. На таком расстоянии Кларк едва различала движение на берегу, максимум какие-то размытые пятна. Облака бескрылых мошек.

Лени вспомнила об Амитаве, анорексике. О единственном, у кого хватило мужества выйти вперед и открыто признать то, что он ее ненавидит.

Она пожелала ему удачи.

ПОДЖИГАТЕЛЬ

Умные гели всегда немного пугали Дежардена. Люди представляли их чем-то вроде мозгов в коробочках, но сильно ошибались. Зельцы не имели составных частей, никакого мозжечка или неокортекса — у этих фиговин вообще ничего не было. Ни гипоталамуса, ни эпифиза, ни подарков от эволюции, наслоившей поверх рыбы сначала рептилию, а потом млекопитающее. Гели не ведали инстинктов, желаний и были всего лишь кашей из культивированных нейронов, не более того: этот разум с четырехзначным коэффициентом интеллекта плевал на то, жив он или мертв. Каким-то образом они учились методом проб и ошибок, хотя им не хватало способности наслаждаться поощрением и страдать от наказания. Ход их мыслей формировался и распадался с бесцветным равнодушием воды, создающей дельту реки.

Но Дежардену пришлось признать — у них были свои преимущества. В схватке с зельцем у фауны не оставалось ни единого шанса.

Конечно, дикая природа пыталась. Но экосистемы Водоворота развились в мире кремния и арсенида — несколько сотен типовых, бесконечно повторяющихся операционных систем. Предсказуемые реестры и адреса. Исчислимая и воспроизводимая среда против куска думающего мяса в постоянном движении. Даже если какая-нибудь акула и умудрилась бы постичь такую архитектуру, дальше ей хода не было. Гели перепайвали себя с каждой новой мыслью: какой толк от карты, когда постоянно изменяется ландшафт?

По крайней мере так гласила теория. А ее доказательством служил глаз циклона, смотрящий прямо из сердца Водоворота. С самого рождения зельцы держали его в чистоте — высокоскоростной компьютерный пейзаж

без всяких червей, вирусов или цифровых хищников. Когда-то давным-давно вся сеть была такой же чистой. И возможно, когда-нибудь она снова такой станет, если гели оправдают надежды. Пока же внутрь пускали лишь избранные два или три миллиона душ.

Это пространство называли Убежищем, и Ахилл там практически жил.

Сейчас он плел паутину в пустом углу своей игровой площадки. Биохимические данные Роуэн уже отправились на машину Джовелланос: первым делом он послал ей апдейт. Потом осмотрел бастиионы, заглядывая через плечи бдительных гелей прямо в Водоворот. Там сейчас находились артефакты, которые следовало аккуратно пронести внутрь, помня о сверкающем паркете.

Для начала войти в архивы системы обзора земной поверхности. Если возможно, получить ежедневные карты влажности почвы за прошедший год. (А в эти дни с таким запросом можно было и пролететь. Неделью назад Дежарден попытался загрузить копию «Бонни Энн» из библиотеки и выяснил, что там начали стирать все книги, к которым не обращались более двух месяцев. Старая добрая мантра: ограничения по объему памяти.) Электромагнитные снимки полиэлектролитов и комплексообразующих катионов. Многоспектральные данные по хлорофиллам, ксантофиллам и каротеноидам, а также по железу и азоту в почве. Ну и для полноты картины — без особой надежды, впрочем, — отправить запрос в базу данных Национального центра биотехнологической информации по недавним структурам, способным жить в реальном мире.

Роуэн говорила о соперничестве с первичными продуцентами. Значит, обыкновенные микробы могут вымирать: надо сделать спектральный анализ содержания метана в почве. Распространение культуры потенциально ограничено температурой; нужна картина теплового излучения с

учетом альбедо и скорости ветра. Ограничить все поиски многоугольником, простирающимся от Каскадных гор до берега и от мыса Флэттери до тридцать восьмой параллели.

Свести все нити воедино. Сжать сигнал, прогнав через обычный статистический строй: пат-анализ, преобразования Больцманна, полдюжины видов нелинейного оценивания. Дискриминантные функции. Фильтры Хан-кинса. Метод главных компонент. Данные интерферометрии на разных длинах волн. Гипернишевые таблицы Линн—Харди. Повторить все виды анализа с взаимоишменяющимися задержками по времени в последовательности от нуля до тридцати дней.

Дежарден играл на пульте управления, как на музыкальном инструменте. Из рассеянных облаков информации сгущались абстрактные формы, дразня, подмигивали на краю зрения и исчезали, стоило на них взглянуть пристальней. Размытые белые линии из десятков векторов переплетались, окрашивались, оборачивались затейливыми фрактальными узорами...

Но нет. У этой мозаики показатель R превышал 0,25, что нарушало изначальные предпосылки гомоскедастичности. А от скромного показателя в уголке гессианы начинали жутко психовать. Одна дефектная нить — и весь ковер расползлся.

«Вырвать ее с корнем, обесцветить преобразования, начать с нуля...

Так, минуто».

Коэффициент корреляции -0,873. И что это такое?

Температура. Температура поднималась, как только уровень хлорофилла опускался.

«Какого черта я не заметил этого раньше? Ах да. Вот тут. Задержка по времени. Какого...

Какого...»

В ухе раздался тихий перезвон:

— Эй, Кайфолом. У меня тут что-то очень странное получается.

— У меня тоже, — ответил Дежарден.

*

Кабинет Джовелланос находился совсем недалеко, в том же коридоре, но у двери Ахилла она показалась лишь через несколько минут. Он сразу понял, почему так долго, — в руке она держала кофеиновый шип.

— Надо спать больше, — заметил Дежарден. — Тогда не нужно будет столько препаратов.

Элис подняла бровь:

— И это я слышу от человека, у которого полкрово-тока зарегистрировано в патентном бюро.

Сама Джовелланос еще не под села на уколы. В ее нынешней должности те не требовались, но она слишком хорошо справлялась с работой, чтобы долго оставаться на прежнем месте. Дежарден с нетерпением ждал того дня, когда праведные речи о Неприкосновенности Свободы Воли напрямую столкнутся с юридическими требованиями для продвижения по службе. Скорее всего, при первом же взгляде на список бонусов и новую зарплату все убеждения Элис пойдут прахом.

В его случае, по крайней мере, все так и произошло.

Ахилл развернул стул к консоли и вывел на экран корреляционную матрицу:

— Взгляни. Хлоры идут вниз, а температура почвы растет.

— Высокое р-значение, — сказала Элис.

— Малый размер выборки. Не в этом дело: посмотри на временную задержку.

Она наклонилась вперед:

— Слишком широкие границы доверительного интервала.

— Задержка не последовательна. Иногда температура поднимается за пару дней, а иногда — за пару недель.

— Это даже на закономерность не походит, Кайфолом. Любой...

— Попробуй угадать масштаб поражений, — перебил он.

— Там ведь сокращается растительный покров, так? — Джовелланос пожала плечами. — Если предположить, что это все-таки реальный процесс, тогда, скажем, полстепени? Четверть?

Дежарден показал ей:

— Тюю мать. Эта зараза становится причиной пожаров?

— Их что-то вызывает, так или иначе. Я просмотрел муниципальные архивы в прибрежной зоне: все местные возгорания списывали или на террористические акты, или на «промышленные аварии». А парочка древесных ферм сдохла из-за какого-то сельскохозяйственного вредителя — листовертки или типа того.

Джовелланос подвинула Ахилла локтем, бегая пальцами по консоли:

— А что насчет других пожаров в зоне...

— Да их там куча. Даже если не выходить из области поиска, я нашел то ли восемь, то ли девять, которые выпадали из корреляции. А связано с Б, но не наоборот.

— Тогда это может быть случайностью, — с надеждой сказала Элис. — Может, пожары вообще ни о чем не говорят.

— А может, кто-то отслеживает нашего паразита лучше, чем мы.

Джовелланос на секунду замешкалась с ответом, а потом произнесла:

— Тогда мы тоже сможем немного улучшить систему поиска.

Дежарден поднял голову, взглянув на нее:

— Да ну?

— Я исследовала образец, который нам дали. Нам явно не старались облегчить задачу и, насколько могу судить, не оставили ни единой нетронутой органеллы...

Он махнул рукой:

— Для масс-спектрографа они все на одно лицо.

— Только если корпы не избавились от останков, когда превратили там все в пюре.

— Разумеется, оставили. Иначе ты бы никогда не получила точную сигнатуру.

— Ну а я вот не могу найти половину из того, чему там положено быть. В этой культуре даже фосфолипидов нет. Куча нуклеотидов, но они не подходят к матрице ДНК. Значит, твой паразит, скорее всего, базируется на РНК.

— Угу.

Пока без сюрпризов: множество вирусов прекрасно обходилось без ДНК.

— Я также сумела реконструировать несколько простых энзимов, но они все задеревенелые и вообще толком не работают, понимаешь? А, и вот еще что странно: я нашла парочку D-аминокислот.

— О, — понимающе кивнул Дежарден. — И что это значит?

— Правовращающие аминокислоты. Асимметричные атомы углерода торчат не с той стороны молекулы. Вроде самой обычной левовращающей кислоты, только перевернутой.

Зеркальное отражение.

— И?

— И поэтому они бесполезны; все метаболические пути заточены под L-аминокислоты, и только под них, по крайней мере, последние три миллиарда лет. Существует парочка бактерий, которые используют R-аминокислоты,

потому что те бесполезны, — они их вставляют в собственные клеточные стенки, и те в результате практически не перевариваются, — но у нас тут другой случай.

Дежарден уселся поудобнее:

— Значит, нашу штуку создали практически с нуля, ты это имеешь в виду? У нас на руках еще один новый микроб.

Джовелланос с отвращением покачала головой:

— И эта дамочка из корпов тебе ничего не сказала.

— Может, она не знает.

Элис указала на окно с данными геоинформационной системы, выведенное поверх остальной информации. Больше двадцати алых точек сверкали вдоль берега от Гонкувера до Ньюпорта. Две дюжины крохотных аномалий в почвенной и водной химии. Незвестный микроб более двадцати раз являлся на Землю и неизменно становился предвестником миниатюрного огненного апокалипсиса.

— Но кто-то явно знает, — сказала Элис.

ПЕПЕЛИЩЕ

Гонкувер зализывал раны.

Трусливый, город всегда прятался за островом Ванкувер и лабиринтом местной батиметрии. Так он уберется от худших последствий цунами. А вот землетрясение — это совершенно другой вопрос.

В прежние времена, до эпохи Водоворота, удаленки и полузаброшенных бизнес-центров, уровень смерти в деловых районах был бы в три раза выше. Теперь же те, кто не угодил на вивисекцию, устроенную небоскребами, просто умерли ближе к дому. Целые микрорайоны, построенные на гнилых осадочных породах в дельте Фрейзера, задрожали и исчезли, превратившись в зыбучие пески. Ричмонда, Уайт-Рока и Чиллиуэка больше не существовало. Дремавший вулкан Рейнир проснулся в дурном расположении

духа; свежая лава все еще текла по его южному склону. Адамс же заволновался и вполне мог взорваться.

В центре Гонкувера ущерб оказался более разнородным. Улицы тянулись целыми кварталами без единого выбитого окна. А потом, на каком-нибудь случайном перекрестке, мир превращался в месиво из рухнувших зданий и перевернутого асфальта. Яркие желтые заграждения, поставленные после землетрясения, очерчивали границы разрушений. Подъемники висели над темными районами, словно белые кровавые тельца на опухоли. Свежие балки и панели спускались с небес восстановительными трансплантатами, латая кожу и кости города. Там, где они касались земли, ворчали в каньонах тяжелые машины.

В некоторых районах уже вполсилы наладилась жизнь, аварийные блоки Балларда разворачивали в удобные подстанции. Уцелевшие строения и улицы, которые землетрясение не отправило в Фолс-Крик, вычистили и запустили снова. Полевые крематории изрыгали золу на углу Вест-Джорджии и Денмана, пока что на целый шаг опережая холерный вибрион. В городе сейчас было больше заграждений, чем зданий. Впрочем, уехать местные жители все равно не могли, УЛНКС закрыло границу у ущелья Хеллс-Гейт.

Бенрэй Даттон пережил все.

Ему повезло: кондоминиум с его квартирой располагался в Пойнт-Грее, районе, который походил на гранитный холм в море песка. От всех соседей ничего не осталось, он же лишь слегка покосился.

Конечно, без ущерба не обошлось. Большинство домов у подножия рухнули; те же, которые умудрились выстоять, пьяно накренились на восток. Из окон не пробивалось ни одного лучика света, уличные фонари не горели, хотя на город уже спускалась ночь. На столбах сияли соединенные на живую нитку прожекторы, они отделяли разрушенные

дома от еще стоящих, но вид у них был какой-то оборотительный. Они не несли свет руинам, а больше походили на защитный периметр, выстроенный против них.

Именно они ослепили Даттона, когда сумасшедшая женщина вцепилась ему в горло, неожиданно выпрыгнув из теней.

Он застыл, не в силах двинуться с места. Холодные яркие глаза без зрачков — ледники, обрамленные плотью. Лицо без всякого тела, почти столь же бледное, как и глаза. Невидимые руки, одна сомкнулась вокруг его шеи, вторая уперлась ему в грудь...

«...нет, не невидимые, она в черном вся в черном...»

— Что случилось?

— Что... что...

— Я не сдамся! — зашипела она, прижав Бенрэя к забору из проволоочной сетки. Ее дыхание клубами завивалось между ними, похожее на подсвеченный туман. — Он же делал снимки, тысячи этих проклятых снимков, и я ему просто так не дам уйти!

— Кто... Ты кто такая...

Неожиданно она остановилась, склонила голову набок так, словно только сейчас увидела свою жертву. И задала глупый вопрос:

— А ты, блин, откуда взялся?

Она оказалась ниже Бенрэя сантиметров на пятнадцать, но по какой-то причине мысль о том, чтобы дать ей отпор, ему в голову не пришла.

— Я не знаю, я... я просто домой шел, — выдавил из себя Даттон.

— Этот дом, — произнесла женщина. Ее глаза — какие-то приборы ночного видения? — казалось, сверлили его собственные.

— Какой дом?

Она опять швырнула его к забору

— Вот этот дом! — И мотнула головой в сторону чего-то за его левым плечом. Даттон повернул голову: еще одна многоэтажка, не пострадавшая, но пустая и темная.

— Этот? Я не...

— Да, именно он! Дом этого урода, Ива Скэнлона. Ты его знаешь?

— Нет, я... в смысле я тут вообще никого не знаю. Мы тут держимся...

— Куда он уехал? — прошипела она.

— Уехал? — переспросил Бенрэй слабым голосом.

— Квартира пустая! Вообще! Ни мебели, ни одежды, даже лампочек, и тех нет!

— Может... может, он уехал... землетрясение...

Незнакомка еще сильнее вцепилась в одежду Даттона и наклонилась вперед: казалось, еще немного — и они поцелуются.

— На его доме нет даже царапины! С чего он решил уехать? Да и как сумел? Он — никто, ничтожество. Думаешь, он мог вот так легко собрать вещички и выйти за линию карантина?

Даттон лихорадочно замотал головой:

— Я не знаю, честно, я не...

Несколько минут она пристально его разглядывала. Волосы у нее были мокрыми, хотя дождя в тот день не шло.

— Я... я тебя не знаю, — пробормотала она чуть ли не про себя и медленно разжала кулаки. Даттон привалился к забору.

Женщина отошла, давая ему место.

Этого он и ждал — и быстро скользнул рукой во внутренний карман пиджака. Тазер ударил ее в ребра, прямо под странным металлическим диском, вшитым в униформу. Такой заряд должен был ее обездвижить за долю секунды.

Вот только в эту секунду:

Она моргнула...

Резко подняла правое колено вверх. Само собой, Бен-рей носил гульфик, но все равно больно было адски...

Быстро что-то вытащила из ножен, висящих на бедре...

Сумасшедшая сделала шаг назад, протянула руку. В двух сантиметрах от лица Даттона застыл жезл цвета черного дерева с крошечным шипом на конце, похожий на однозубую мамбу.

К боли в промежности неожиданно прибавилась теплая влага.

Женщина еле заметно, но жутко улыбнулась.

— Микроволновкой пользуешься, обыватель?

— Чт...что?

— Бытовыми приборами? Сенсориумом? Наверное, и горячее отопление зимой есть?

Он кивнул головой:

— Да. Да, разумеется, я...

— Угу. — Мамба качалась над его левым глазом. — Тогда я ошиблась. Я тебя все-таки знаю.

— Нет, — мямлил он. — Мы никогда...

— Я тебя знаю, — повторила она. — И ты мне должен.

Женщина передвинула большим пальцем какой-то рычажок на рукоятке жезла. Послышался тихий щелчок.

— Пожалуйста, — взмолился Даттон.

И, удивительное дело, его мольба не осталась без ответа.

*

Гонкувер по-прежнему оставался зоной бедствия; у полицейских была куча забот, а потому они не обратили особого внимания на заявление о нападении непонятного призрака, поступившее от какого-то перепуганного дебила. Тем не менее сервер принял показания Даттона,

когда тот позвонил. Там, понятно, сидел не человек, но машина оказалась достаточно умна и задала уточняющие вопросы — например, заметил ли он хоть что-нибудь — неважно что, — что могло вынудить преступницу столь неожиданно прекратить нападение?

Нет.

Есть ли у него хоть какие-то соображения, почему она внезапно принялась бормотать об отце? Имели ли ее слова о «монстрах» какой-то смысл в контексте?

Может, она была сумасшедшей, ответил Даттон. У вас не хватает квалификации для постановки медицинских диагнозов, заметила машина.

Видел ли он, куда нападавшая скрылась? В деталях?

Просто вниз, по склону холма. Прямо к руинам, в сторону воды.

В одном Бенрэй был уверен точно: никогда и ни за что он бы не стал ее преследовать.

ЗАПАСЫ

Кредитный союз ВанСити / Сервер транзакций
Н'АмПацифик.

Личные счета, Бродвей АТМ-45,
50/10/05/0551

Начало транзакции:

Добро пожаловать в «ВанСити». Являетесь
ли вы нашим клиентом?

У меня не получилось связаться с вами через запяст-
ник.

Запрет на удаленный доступ действует до
десяти часов утра. В настоящий момент
терминал может обработать исключительно
транзакции, производимые на нем самом.

Мы приносим вам извинения за неудобства. Являетесь ли вы нашим клиентом?

Лени Кларк.

Добро пожаловать, мисс Кларк. Пожалуйста, снимите свои роговичные накладки.

Что?

Мы не можем открыть ваш счет без сканирования сетчатки глаза. Пожалуйста, снимите ваши роговичные накладки.

Спасибо. Сканирую.

Сканирование завершено. Спасибо, мисс Кларк. Вы можете проводить операции с вашим счетом.

Какой у меня баланс?

\$Q42 329,15

Я хочу загрузить все.

Понравилось ли вам обслуживание в «ВанСити»?

Нормальное.

Мы зарегистрировали запястник и подкожный денежный чип в левом бедре. Как вы желаете осуществить распределение средств?

Сорок тысяч под кожу, остальное в запястник. Автоматический перевод всех средств на чип, если я подвергнусь нападению.

Это условие не может быть определено. Ваш запястник не имеет встроенного модуля биотелеметрии.

Тогда автоматический перевод по голосовому паролю.

Ваш пароль?

Т...тень

Пожалуйста, повторите пароль.

Пожалуйста, повторите пароль.

Пожалуйста...

Я же сказала: тень.

Пароль принят. Вы хотите осуществить какую-либо другую транзакцию?

(Неотчетливо.)

«ВанСити» благодарит вас за сотрудничество.

Конец транзакции.

*

Медкабина «Сирс» 199 / Остров Грэнвилл / Гонкувер
Голосовая запись транзакции, 50/10/05/0923.

(Результаты анализов сохранены отдельно.)

Начало сессии:

Добро пожаловать в «Сирс Медикал Сервисез».

Пожалуйста, откройте ваш счет.

Спасибо. Вы желаете ограничить стоимость вызова?

Нет.

Чем мы можем вам помочь?

Правое плечо. Растяжение, а может, и перелом. Сканирование крови. Анализ на патогенные микроорганизмы.

Пожалуйста, предоставьте образец крови.

Спасибо. Пожалуйста, предоставьте вашу медицинскую карту или идентификационную карту Западного полушария.

Забудьте.

Доступ к вашей медицинской карте поможет нам предоставить более качественные услуги. Мы храним всю информацию в строгой конфиденциальности, за исключением вопросов общественного здоровья, или маркетинговой важности, или же в тех случаях, когда от нас потребуют идентификацию вашего образца в судебном порядке.

Попытаю судьбу. Спасибо, не надо.

Вы недавно вывихнули плечо, но сустав уже встал на место. Без лечения вы будете испытывать боль и затрудненность движения примерно два месяца. Также без лечения вы будете примерно год испытывать сниженную подвижность в суставе. Вы хотите принять средство против боли?

Ага.

К сожалению, в силу повышенного пользовательского спроса в последнее время наши запасы обезболивающих исчерпаны. Анаболические ускорители могут снизить срок лечения до трех — пяти дней. Разрешаете ли вы применить анаболические ускорители?

Конечно.

К сожалению, в силу повышенного пользовательского спроса в последнее время наши запасы ускорителей исчерпаны. В вашей крови наблюдается незначительный

недостаток кальция и остаточной серы. Повышены уровни содержания серотонина, окситоцина и кортизола. Повышенное число тромбоцитов и антител соответствует умеренной физической травме, случившейся за последние три недели. Ни один из этих показателей не представляет серьезной проблемы, хотя недостаток минералов может являться результатом бедной диеты. Не желаете принять минеральные пищевые добавки?

А у вас они есть?

Медкабины «Сирс» регулярно осматриваются техническим персоналом и снабжаются медикаментами, чтобы обеспечить вам надежный доступ к качественному медицинскому обслуживанию. Вы хотите принять пищевые добавки?

Нет.

Уровень содержания клеточных метаболитов повышен. Снижено количество лактата в крови. Содержание газов крови и аминокислот...

Что насчет болезней?

Количество болезнетворных микроорганизмов в пределах нормы.

Уверен?

В ходе клинического анализа кровь проверяется на наличие более восьмисот известных болезнетворных организмов и паразитов. Более тщательный анализ доступен за небольшую дополнительную плату, но он займет примерно шесть часов. Вы бы хотели...

Нет, я... этого быть не может, в смысле... вы уверены?

Вас беспокоят какие-то определенные симптомы?

Существуют ли инфекции, способные вызывать галлюцинации?

Вы можете описать ваши галлюцинации?

Только видения. Ни звуков, ни запахов, ничего такого. Они у меня уже пару недель то появляются, то исчезают. Каждый второй день примерно. Проходят сами по себе примерно через минуту, иногда две.

А вы можете описать, что конкретно видите в ваших галлюцинациях?

Да какая разница? Это же просто дурная биохимия, разве нет? Вы не можете просто сделать сканирование мозга или что-нибудь в этом духе?

В этой кабине МРТ-шлем временно не работает, а в вашей крови не обнаружено признаков известных галлюциногенов. Тем не менее различные условия приводят к различным видам галлюцинаций, поэтому я все еще могу вас диагностировать. Вы можете описать, что конкретно видите в ваших видениях?

Монстра.

Вы не могли бы быть более конкретной?

Еще чего. Думаете, я не знаю, что у вас посекундная оплата?

Наши цены строго...

Скажите мне, что со мной не так, или я оборву связь.

У меня недостаточно информации для верной постановки диагноза.

Сделайте предположение.

Высока вероятность неврологической травмы. Острые нарушения мозгового кровообращения — даже микроинсульт, который вы могли даже не заметить, — могут вызвать визуальные галлюцинации.

Микроинсульт? В смысле повреждение кровеносных сосудов?

Да. В последнее время вы не испытывали резких перепадов в давлении окружающей среды? Вы не находились на большой высоте или на орбите? Не спускались под воду?

Клиент вышел из системы 50/10/05/0932
Конец сессии.

ИКАР

Некоторые люди сочли бы Дежардена массовым убийцей.

Он с неохотой признавал, что на то имелись определенные основания. Когда Ахилл устанавливал карантин, то загонял в ловушку не только умирающих, но и живых, обрекал на стопроцентную смерть всех уцелевших. Но разве существовала альтернатива? Что, пустить катастрофу на самотек и позволить ей беспрепятственно поглотить весь мир?

С вопросами этики Дежарден справлялся, хотя и не без поддержки химических помощников. В глубине души он знал, что по-настоящему не убил никого. Просто... локализовал, спасая остальных. Реальную смерть несла та зараза, с которой он боролся. Разница была довольно тонкой, но вполне реальной.

Правда, ходили слухи. Они ходили всегда, кто-то делал следующий логический шаг. Неподтвержденные рассказы о смертях, не последовавших за каким-нибудь бедствием, а *предварявших* его.

Это называлось упреждающей локализацией. Патосканеры указывали на какой-нибудь городок — с виду здоровый, но мы-то знаем, чего стоит такая видимость в наши дни, — как Рассадник Очередной Большой Заразы. Симуляции Монте-Карло с 99-процентной уверенностью говорили, что надвигающаяся угроза прорвется за стандартные карантины или окажется невосприимчивой к обычным антибиотикам. Уровень смертности на территории в несколько тысяч гектаров оценивали в пятьдесят или восемьдесят процентов, ну или выставляли тот, который считался неприемлемым на этой неделе. В результате в засушливом центре Северной Америки вспыхивал очередной пожар — и Хренсвилль в штате Арканзас трагически исчезал с карты мира.

Конечно, это были только слухи, ничего более. Никто их не подтверждал и не опровергал. О них, в общем, никто и не говорил, кроме Элис, когда на нее опять находил приступ пустословия. И тогда Дежарден думал, что если даже это и правда — а подобные меры выходили далеко за пределы его зоны комфорта, — то какие существовали альтернативы? Пустить катастрофу на самотек, позволить ей поглотить весь мир?

Правда, по большей части, он о таком вообще не думал. Слухи не имели к нему никакого отношения.

Вот только некоторые детали в потоке входящей информации начали принимать по-настоящему уродливые формы. Складывалась определенная картина, мозаика из облаков данных, новостных нитей, дрейфующих по Водовороту, обрывков сплетен, полученных через третьи

руки. Все сходилось, и в голове Ахилла постепенно начал оформляться некий образ, все больше напоминавший морской пейзаж.

Присутствие Бетагемота коррелировало с почти незаметными вспышками растительной болезни, вызывающей гибель фотосинтетических пигментов. Они же, в свою очередь, совпадали с крайне интенсивными пожарами. Семьдесят два процента возгораний произошло в морских портах, в доках или на верфях. Остальные надкусили жилые территории.

Погибали люди. Очень много людей. А потом, из чистого любопытства, Дежарден сверил некрологи по профессиям, и выяснилось, что во всех пожарах погиб по крайней мере один морской инженер, или профессиональный водолаз, или моряк.

Эта мразь сбежала не из лаборатории. Бетагемот пришел из океана.

Калифорнийское течение пикировало вдоль Западного побережья Северной Америки от Аляскинского залива. Здесь оно смешивалось с Северо-Тихоокеанским течением, а к востоку от Мексики — с Северным экваториальным; те же, в свою очередь, добирались до Курисио у Японии, а в южной части Тихого — до Экваториального противотечения и Южного пассатного течения. После все дружно утыкались в течение Западных Ветров и...

«Таранная кость соединяется с берцовой, та ведет к колену, и не успеешь оглянуться, а охвачена уже вся планета».

Ахилл изучил облако данных и протер глаза:

«Как сдержат заразу, которая уже курсирует на семидесяти процентах земной поверхности?»

По-видимому, только сжечь.

Он ткнул пальцем в консоль:

— Эй, Элис.

Ее изображение появилось в верхнем левом углу:

— Я тут.

— Дай мне что-нибудь.

— Еще не могу. Данные пока не высечены в камне.

— Бальза сойдет. Хотя что-то.

— Он маленький. Двести — триста нанометров, видимо. Сильно зависит от сернистых соединений, по крайней мере, структурно. Очень простой генотип; думаю, он использует РНК и для катализа, и для репликации, а это довольно хитрый трюк. Создан для простых экосистем, что имеет смысл, если перед нами конструктор. Они же не ожидали, что он выберется из пробирки.

— Но что он делает?

— Не могу сказать. Мне вместо нормального образца прислали какие-то ошметки, Кайфолом. Поразительно, что я вообще так далеко забралась. И если спросишь, то, по моему мнению, вполне очевидно, что нам и не положено понимать назначение этой штуки.

— А это не может быть какой-то реально лютый патоген?

«Должен быть. Обязан. Если мы сжигаем людей...»

— Нет. — Голос ее казался спокойным, но настойчивым. — Не мы их сжигаем. Они.

Дежарден моргнул.

«Это я сказал?»

— Мы на одной стороне, Элис.

— О да.

— Элис...

Иногда она его раздражала. По-настоящему. Ему так хотелось крикнуть: «Идет война. И не против корпов, бюрократов или твоих воображаемых Империй Зла: мы сражаемся против целой равнодушной вселенной,

которая рушится вокруг нас, а ты мне тут на мозги капашь, потому что приходится иногда мириться с потерями?»

Но у Джовелланос было в мировоззрении слепое пятно размером с Антарктику. Иногда ее никто не мог переубедить.

— Просто ответь на вопрос, ладно? Кто-то явно думает, что эта штука чрезвычайно опасна. Может ли это быть какая-то болезнь?

— Средство биологической войны, то есть. — К его удивлению, она отрицательно покачала головой. — Наверяд ли.

— С чего бы?

— Болезни — это такие маленькие хищники, которые жрут тебя изнутри. Если они спроектированы так, чтобы кормиться человеческими молекулами, то их биохимия должна сочетаться с нашей. А D-аминокислоты предполагают обратное.

— Только предполагают?

Элис пожала плечами:

— Ошметки, не забыл? Я всего лишь говорю, что если А хочет съесть Б, причем так, чтобы впоследствии А не вырвало, то они должны иметь одинаковую биохимию. Но в этом смысле от Бетагемота до нас — как до облака Оорта. Хотя я могу ошибаться.

«Но носители — судостроители, водолазы...»

— А он может выжить в человеке?

Джовелланос поджала губы:

— Все возможно. Возьми, к примеру, А-51.

— Это еще что такое?

— Микроб-металлоокислитель. Обитает в иле, на дне глубоких озер, только вот несколько миллионов из них сейчас живет у тебя рту. Никто не знает, как он туда попал, но такие дела.

Дежарден сложил пальцы домиком и пробормотал чуть ли не про себя:

— Она назвала его почвенным микробом.

— Да она бы его кукурузным початком назвала, если б решила, что так прикроет свою корпоративную задницу.

— Господи, Элис. — Он покачал головой. — Почему ты вообще здесь работаешь, если мы только и делаем, что служим темному властелину?

— А все остальные еще хуже.

— В общем, я не думаю, что Бетагемот вылез из какой-то фармлаборатории. Скорее всего, он пришел из океана.

— Это как?

— Пожары коррелируют с людьми, которые долгое время провели в море.

— Океан — довольно большое место, Кайфолом. Мне кажется, если бы это была природная зараза, то она бы вышла на берег миллионы лет назад.

— Ага. — Дежарден вызвал личные дела каждой жертвы, относящейся к делу, — мысленно поблагодарив дьявольскую сделку, которая давала допуск к закрытой информации в обмен на свободу воли, — и принялся сужать область поиска.

— Хотя, знаешь, если подумать, — продолжала Джовелланос, — в среде высокого давления эти застывшие энзимы и в самом деле работали бы гораздо лучше.

Меню, парочка команд: выпуклая проекция северной области Тихого океана выступила из экрана.

— А если эта сволочь не искусственная, тогда он древнее древнего. Старше марсианских микробов — эй, может, он оттуда и произошел? Вот был бы номер.

Дежарден набросил на карту сетку геоинформационной системы и вылил на нее коктейль из собранных

данных. Светящиеся точки усеяли экран, словно следы заряженных частиц в диффузионной камере: совокупность пунктов назначений жертв, работавших в море, отсортированная по местоположению.

— Эй, Кайфолом.

Они диспропорционально расположились в нескольких ключевых местах: на морских фермах, горнодобывающих форпостах, межокеанических ниточках морских маршрутов. Ничего необычного.

— Аллооо? — В окне голова Джовелланос нетерпеливо покачивалась из стороны в сторону.

«Перейдем к сути. Есть ли места, где были все эти люди за прошедшие... скажем, два года...»

Элис что-то проворчала о синдроме дефицита внимания и отключилась.

Дежарден едва заметил ее исчезновение. Тихий океан полностью почернел, за исключением единственного скопления точек. Южная оконечность хребта Хуан-де-Фука. Источник Чэннера, гласила надпись.

Геотермальная электростанция. Некое место под названием «Биб».

*

Здесь тоже были жертвы. Но не от огня: согласно записям, все на станции погибли во время землетрясения.

Более того — Дежарден развернул поверх карты сейсмическую схему — «Биб» находилась в эпицентре Большого Толчка, вызвавшего цунами...

«Бетагемот вышел со дна океана. Он обитал где-то там, в источниках, сидел в ловушке границы Мохоровичича, а потом землетрясение его освободило, и теперь корпы носятся вокруг, как свора адренокортикоидов, стараясь выжечь все, что вступало в контакт с...

Хотя нет, минутку...»

Новые команды. Информационное облако рассеялось и собралось в колонку, отсортированную по времени; сверкающая дата горела напротив каждой точки.

Почти все пожары случились до землетрясения.

Дежарден выделил подгруппу возгораний на промышленных объектах и сопоставил ее с накладными Энергосети. *Quelle surprise**: каждое место принадлежало компании, участвовавшей в сооружении «Биб».

«Эта штука выбралась на сушу до землетрясения».

А значит, последнее имело далеко не естественные причины, а было лишь побочным эффектом. Косвенным ущербом при попытке локализации вируса.

Причем, по всей видимости, неудачной.

Ахилл вызвал все до единой сейсмоинформационные базы в пределах Убежища. Засунул в бутылки тысячи посланий и забросил их в Водоворот, надеясь, что какую-нибудь вынесет на берег у технической библиотеки, или у архива записей со спутниковой камеры, или у сайта промышленных наблюдений. Он открыл выделенные каналы связи с сейсмическими центрами в университете Британской Колумбии, Мельбурне и Калтехе. Принялся наблюдать за растущими грудями мусора — «архивы очищены для освобождения памяти, информация удалена из-за малого количества запросов, адрес поврежден, не запрашивайте доступ». Пропустил вопли, эхо и открывшую ахинею через десятки фильтров, убрал сигнал и стал изучать оставшиеся, углубился в провалы и навел между ними мосты.

Ахилл взглянул на сейсмические данные, непосредственно предшествующие землетрясению, и не нашел ничего любопытного: ни проседания грунта, ни предтолчков, ни изменений в микрогравитации или глубине

* Какой сюрприз (*фр.*).

океана. Никаких предвестников настолько мощной катастрофы.

Странно.

Он искал в архивах записи со спутниковых камер. Похоже, в этот день над северной частью Тихого океана никто не сделал ни одного снимка.

Еще забавнее. Более того, практически невозможно.

Дежарден расширил область поиска, растянул ее от восточной части зоны внутритропической конвергенции до Берингова пролива. Одно попадание: коммерческий спутник на полярной орбите показался на горизонте, когда пошли первые ударные волны. Он снимал Берингов пролив в зрительном спектре и даже не смотрел на Тихий океан. Значит, всего лишь счастливое совпадение, изображение, пойманное краем глаза: смазанная облачная колонна на горизонте, поднимающаяся от водной поверхности на фоне совершенно чистого неба.

Согласно данным GPS она возникла прямо над источником Чэннера.

Дежарден выжимал каждый пиксель, пока тот не начинал кровоточить. Серый бобовый стебель ничего больше ему не сказал: то был всего лишь столб из воды и воздуха, размытый и находящийся в трех тысячах километров от камеры.

Хотя сбоку виднелась какая-то непонятная аморфная точка. Поначалу Ахилл счел отсутствие деталей следствием атмосферного тумана, но нет, компьютер сказал, что изображение размыто из-за движения. Причем вдоль одной оси и достаточно легко поддается коррекции.

Точка вырисовалась четче. По-прежнему было ничего не понятно, кроме силуэта, а тот походил на какой-то транспорт. Уловив нечто знакомое, Дежарден прогнал

абрис через стандартный коммерческий каталог, но результатов не получил.

«Черт побери, я же знаю, что это. Знаю. И что?»

Он разглядывал изображение добрых десять минут, потом снова открыл каталог и дал команду:

— Сбросить анализ образа. Отменить распознавание транспортного средства. Проверить груз средства по стандартному каталогу.

В этот раз поиск занял больше времени. Целое оказалось гораздо меньше суммы частей. «Обрабатываю...» скромно подмигивало на главном дисплее добрых две минуты, прежде чем выскочило нечто существенное:

Брандер, М/айк/л
Карако, Джу/ди/т
Кларк, Лен/и
Лабин, Кен/нет
Наката, Элис

Имена парили до нахального бессмысленно над зернистыми сигналами.

Разумеется, Дежарден их узнал; рабочий график команды вылез сразу, как только Ахилл стал собирать данные по станции «Биб». Но то окно он уже закрыл — и список в любом случае не должен был перейти на главный экран.

Глюк в программе, наверное. Заблудившиеся фотоны пробились сквозь бракованный участок квантовой изоляции. Такое случалось даже в девственно-чистом Убежище, а в Водовороте и вовсе постоянно. Дежарден выругался и очистил экран. Незванный текст послушно исчез.

Но на какую-то долю секунды вместо него промелькнуло еще что-то. Обыкновенный человек с мозгом стандартной сборки никогда бы это не увидел. А Дежарден отметил не только факт самого появления символов, но

и их форму: текстовую последовательность на английском языке. Несколько слов — ангел, навалом, вампир — он успел разобрать, но большинство исчезло слишком быстро для восприятия даже с его нейросхемой.

Впрочем, «Биб» в списке тоже оказалась.

А когда секунду спустя стандартный каталог выплеснул на экран результаты своих изысканий, станция стала первоочередной заботой Ахилла.

Коммерческие подъемники всегда бросались в глаза из-за огромных пузырей вакуума, парящих тором, которые держали их в небе. На снимке такого силуэта не было, от него уцелело лишь несколько рваных полос, струящихся по ветру от смазанного заднего конца, поэтому программа и не распознала аппарат. На изображении остались лишь падающий командный модуль да скаф-челнок, прицепленный к его брюху.

ПОБЕГ

Сквозь узкий проход в тридцать метров шириной каждую секунду с грохотом проносились двадцать тысяч кубических метров воды. Хеллс-Гейт. Это место прозвали Вратами Ада не просто так.

Поколениями люди приходили сюда и застывали с разинутым ртом. Над каньоном опасно качались фуникулеры, где жадным до острых ощущений туристам скармливали зрелище бушующей стихии. Электроснабженцы рыдали, глядя на впустую растрачиваемые мегаватты, миллиарды необузданных джоулей, бесполезно катящихся в сторону океана. Таких близких и все же таких далеких.

А потом мир начало трясти. Он накренился сначала в одну сторону, потом в другую, и в вертикальном положении его удерживали только машины, аппетиты

которых росли с каждым днем. Фрейзер перегородили десятками дамб, пытаясь заглушить их голод. Хеллс-Гейт держался до последнего; поначалу был неприкосновенным, потом — всего лишь чрезмерно затратным. А затем и вовсе рентабельным.

В конце концов он стал жизненно важным.

Большой Толчок проскользнул через горы, как партизанский отряд, там все разметал вдребезги, тут лишь постучал, слегка о себе напомнив. Он прокрался мимо Хоупа и Йеля, не разбив ни единого окна. Хеллс-Гейт находился в добрых двухстах километрах вверх по течению; для надежды оставалась причина, хотя и не время.

Поток докембрийской породы снес дамбу, но сразу ее заменил; река прорвалась сквозь пробойну, однако тут же врезалась в импровизированную стену из рухнувшего гранита, образовавшуюся где-то в километре вниз по течению. Водохранилище не опустело, а еще сильнее вытянулось с севера на юг; разрушенная дамба теперь разрезала его ровно посередине, оторвавшись от западной стены, но все еще цепляясь за восточную.

Трансканадское шоссе чудесным образом вытравили прямо в середине восточной стены каньона, и оно напоминало четырехполосный разрыв на поверхности отвесного утеса. Там, где дамба встречалась с горой, а шоссе сталкивалось с ними обеими, с неба сбросили заграждение, перегородившее дорогу. Над блокпостом и изогнутым серым шрамом водосброса парили «оводы».

За одну ночь Полоса сместилась на восток. Теперь тут пролегла ее новая граница, а Роберт Бойчук должен был следить за тем, чтобы она не передвинулась еще дальше.

Он разглядывал Бридсон, та сидела на противоположной стороне вертолетной кабины; напарница ничего не замечала, так как шлемофон скрывал верхнюю часть

ее лица, и она уже целый час пребывала где-то в виртуальности. Бойчук не винил ее. Они здесь сидели уже почти две недели, а карантин попытались нарушить лишь два черных медведя. Через несколько дней после Толчка несколько машин все-таки сумели забраться в такую даль, но заграждение — оклеенное предупредительными надписями и постановлениями Н'АмПацифика — их остановило. Не понадобилось даже показывать вертушку-усмиритель, маячившую за стеной. Бридсон так вообще проспала весь инцидент.

Роберт относился к обязанностям серьезнее. Изоляция была нужна, в этом никто не сомневался. Даже в лучшие времена что угодно — от Нипаха до гидриллы — при малейшем шансе проскользнуло бы через кордон; теперь же, когда одна половина берега сгинула, а вторая из-за гниения сражалась с целым букетом болезней, никто не хотел, чтобы весь этот хаос распространился дальше на континент.

Там были свои проблемы. Границы царили повсюду, куда ни посмотри. Иногда казалось, будто невидимая паутина раскинулась над всем миром, какая-то жуткая сеть разделила всю планету на куски. Роберт же сидел на краю одного из таких кусков и никого не пропускал на другую сторону, пока не отменят режим чрезвычайной безопасности. Если отменят, конечно: некоторые поселения в Южной Америке — да и Северной, если подумать, — находились под «временным карантином» уже восемь или девять лет.

Большинство людей с этим смирилось. Работа у Бойчука была легкой.

— Эй, — сказала Бридсон. — Посмотри-ка на это.

Она отправила сигнал со шлемофона на экран кабины. Значит, не в игрушки резалась, а управляла «оводами».

На дисплее появилась женщина, она сидела на рас-трескавшемся асфальте. Бойчук проверил ее местополо-жение: пара сотен метров вниз по шоссе — спряталась от поста за выступом западного утеса. Ее засек один из «оводов», летавший над дамбой.

Рюкзак. Походная одежда. Верхняя часть лица скрыта щитком фоновизора. Черные перчатки, короткие темные волосы — нет, какой-то черный капюшон, может часть визора. На икону стиля незнакомка не тянула, по край-ней мере, с точки зрения Бойчука.

— Что она делает? — спросил он. — Как вообще сюда добралась?

Машины ни следа, хотя подозреваемая могла припар-ковать ее дальше по дороге.

— Нет, — протянула Бридсон. — Ну она же не всерьез. Женщина приняла упор для бега.

— Так нельзя вставать, — заметила Бридсон. — Мож-но легко растянуть лодыжку.

Словно камень, выпущенный из пращи, нарушитель-ница бросилась вперед.

*

— Ну блеск, — хмыкнула Бридсон.

Нарушительница бежала прямо по середине шоссе, не отводя глаз от асфальта, огибая или перепрыгивая большие трещины, куда могла попасть нога. Если ее не остановить, она врежется в барьер где-то через ми-нуту.

Разумеется, что-то должно было ее остановить.

«Оводы» запищали: женщина пересекла оборонитель-ный радиус. Бойчук направил одну из камер загражде-ния в небо. Бот, находящийся ближе всех к цели, нару-шил строй, ринувшись наперерез. Запрограммированное стайное поведение потянуло находившиеся поблизости

машины за ним, как будто все они висели на невидимой нити. Псевдоподия, состоящая из точек, но жадная до добычи.

Спринтерша свернула к краю дороги и взглянула вниз. Там, на расстоянии десяти метров, коричневая кипящая вода ненасытно глодала стену каньона.

— Вы приближаетесь к запретной зоне, — принялся ворчать первый «овод». — Пожалуйста, поверните обратно.

Из его брюха, пульсируя, вырвался красный огонек.

Нарушительница увеличила скорость. Еще раз взглянула на реку.

— Да какого хрена? — воскликнул Роберт.

Перед беглянкой взорвался небольшой участок асфальта: предупредительный выстрел. Та покачнулась, едва удержавшись на ногах.

— Мы уполномочены применить силу, — предупредил «овод». — Пожалуйста, поверните назад.

Двое ботов позади него засверкали.

Женщина принялась вилять, закладывая резкие зигзаги и держась западной стороны дороги. И она продолжала смотреть вниз...

Бойчук наклонился вперед.

«Минуточку...»

Позади нарушительницы вода в ярости билась о жуткое месиво из острых валунов величиной с дом. Любого, кто туда упал бы, перемололо в кашу секунды за две. Но ближе к загрязнению, под защитой уцелевшего края дамбы, поток был достаточно спокойным, чтобы...

— Твою мать. — Роберт врубил зажигание. — Она сейчас прыгнет. Она сейчас прыгнет...

Сзади заныли турбины, набирая мощность.

— Ты о чем? — спросила Бридсон.

— Она сейчас... вот черт...

Беглянка споткнулась и свернула в сторону, с асфальта прямо на гравий. Бойчук рванул рукоятку штурвала на себя. Вертолет заклохотал, медленно отрываясь от земли, ему хватало десяти ничтожных секунд для взлета, он вызывал зависть всех машин быстрого реагирования, но едва успел преодолеть заграждение, когда женщина с рюкзаком соскользнула по скату, взмахнула руками и прыгнула вперед: не туда, куда намеревалась, не так, как хотела, только у нее не осталось выбора, кроме как отправиться в короткий, но впечатляющий полет...

«Оводы» метнулись за ней, но река проглотила женщину, словно жидкая лавина.

— Боже, — выдохнула Бридсон.

— Инфрарежим, — рявкнул Роберт. — Я хочу видеть все, что хоть на полградуса превысит температуру окружающей среды.

Под ними бушевал Фрейзер.

— Да ладно тебе, босс. Она не вынырнет. Ее уже унесло на километр вниз, как минимум — частично.

Бойчук яростно взглянул на нее:

— Просто выполняй приказ, ладно?

Бридсон отдала команду. На подфюзеляжной камере вертушки расцвела мозаика из искусственных цветов.

— Хочешь запустить «оводов» вдоль русла? — спросила женщина.

Бойчук покачал головой.

— Границу без охраны оставлять нельзя. — Он развернул машину и полетел на запад, вниз по каньону.

— Эй, босс?

— Что?

— А что сейчас, вообще, произошло?

Бойчук лишь покачал головой:

— Не знаю. Думаю, она пыталась добраться до той заводи, прямо перед дамбой.

— А зачем? Выиграть время, чтобы утонуть или замерзнуть, прежде чем течение подхватит?

— Не знаю, — опять сказал он.

— Есть масса более легких путей совершить самоубийство.

Роберт пожал плечами:

— Может, она просто сошла с ума.

Было 13:34 по горному поясному времени.

*

Верхний склон дамбы Хеллс-Гейт никогда не предназначался для туристских глаз; до недавних пор большую его часть скрывали угодившие в ловушку воды Фрейзера. Теперь же трещиноватая и шероховатая стена костяно-серого цвета обнажилась, поднимаясь из долины грязи. Прямо над основанием барьер усеивали раструбы гравитационного питания, напоминавшие жадные рты. Чтобы гидроэлектрическую турбину не забило чем-нибудь большим, на каждой пасти стояли решетки из арматуры, закрепленные болтами.

Как оказалось, человеческое тело, по местным меркам, было не особо крупным предметом.

Конечно, сами турбины теперь заглохли и остыли. Они явно не могли породить неожиданный тепловой след, идущий от восточного водозаборника. Один из «оводов» Хеллс-Гейта зарегистрировал сигнатуру в 13:53 по горному поясному времени: объект излучал температуру на 10° C выше окружающей среды, появился из глубин дамбы и соскользнул вниз, в грязь. Робот сдвинулся чуть в сторону, чтобы получше разглядеть картину.

По человеческим нормам, температура предмета была слишком низкой. «Овод» в гениях не ходил, но зерна от плевел отделить мог: даже в термоизолирующей одежде

людей выдавали лица. Изоляция нынешней цели была более равномерной, а изотермы — гетерогенными. Фраза «пушное млекопитающее», конечно, не имела для бота никакого смысла, тем не менее на свой ограниченный лад концепцию он понимал. Такое существо не стоило потраченного на него времени.

Он вернулся на пост и обратил все внимание на запад, откуда исходили реальные угрозы. Сейчас там виднелось только что-то большое, черное и насекомоподобное, оно возвращалось на свой шесток, дружелюбно и успокаивающе воркуя передатчиком. Бот отлетел в сторону, пропуская его, а потом вернулся на позицию, пока «вертушка» снижалась за ограждением. Люди и машины плечом к плечу стояли на страже всего человечества.

Только смотрели не в ту сторону. Лени Кларк покинула Полосу.

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ

Отдел регистрации.

Кларк, Индира. Да, Кларк. На конце «к». Квартира 133, СитиКорп 421, Коулсон-авеню, Су-Сент-Мари.

Кларк, Индира.

Квартира 133, СитиКорп 421, Коулсон-авеню, Су-Сент-Мари. Поиск.

Вы уверены?

Да.

Нет совпадений. Вы знаете идентификационный ЗП-номер Индиры Кларк?

Э, нет. Адрес мог измениться, это было пятнадцать-шестнадцать лет назад.

В текущем архиве содержится информация за последние три года. Вам известно среднее имя Индиры Кларк?

Нет. Хотя она работала в Водовороте. Фрилансером, насколько помню.

Нет совпадений.

Сколько человек с именем Индира Кларк проживает в Су-Сент-Мари?

5.

У кого есть ребенок, девочка, родилась... родилась в феврале, э-э-э...

Нет совпадений.

Подождите, в феврале... да, где-то в феврале 2018 года...

Нет совпадений.

Хотите сделать еще запрос?

Сколько женщин, профессионально связанных с работой в Водовороте, имеющих одного ребенка, девочку по имени Лени, рожденную в феврале 2018 года, проживает во всей Северной Америке?

Нет совпадений.

А во всем мире?

Нет совпадений.

Это невозможно.

Существует несколько причин, по которым ваш запрос не принес результатов. Чело-

век, которого вы ищете, мог быть не внесен в реестр или скончался. Вы могли предоставить неверную информацию. Данные архива регистрации могли быть повреждены, несмотря на наши постоянные усилия по поддержанию наиболее полной и точной базы.

Это, сука, невоз...

Конец связи.

ПЛАЦДАРМ

«Или-или» обвиняющим взглядом смотрело на него с главного экрана. Дежарден выдерживал его взгляд, пока хватало смелости, чувствуя, как сосет под ложечкой, а потом сломался и убежал.

Лифт изрыгнул его через вестибюль в реальный мир. Стены металлических и стеклянных каньонов склонялись над головой со всех сторон, отчего на улицах царили сумерки: настолько глубоко в кишки Садбери солнце проникало лишь на один час в день.

Ахилл спустился в «Реактор Пикеринга», надеясь увидеть какие-нибудь знакомые лица, но никого не нашел. Гвен оставила приглашение на доске объявлений, и он чуть не сорвался...

«Привет, моя млекопитающая подруга. Я знаю, у тебя были немного другие намерения, но я просто хочу поговорить, понимаешь? Я тут нашел местечко, которое еще не выжгли, о его существовании даже не знают, но скоро будут в курсе, так как оно реально огромное. Гораздо больше, чем положено, и, как только я им об этом сообщу, несколько сотен тысяч человек превратятся в головешки...»

...но Трип Вины желчью поднялся в горле при одной мысли о таком нарушении. Он принялся колоть Ахиллу пальцы, готовясь перехватить двигательные нервы, стоило только «правонарушителю» потянуться к клавиатуре. Как-то ради эксперимента Дежарден попытался опередить своего химического охранника, и в мыслях не планируя обойти его, но даже тогда Трип оказался слишком быстр. Сила воли подсознательна; крохотный человечек, сидящий где-то за глазами, еще только решает, двинуться ему или нет, а команда действовать уже на полпути к руке.

«Пояснительные записки и резюме постфактум, — подумал Дежарден. — Вот и все, что мы получаем. Вот и вся свобода воли».

Он поднялся из «Реактора» и направился к ближайшей станции рапитрана. Но никуда не поехал, решил пройтись. Перепаянное серое вещество, застывшее в состоянии неистовой перегрузки, увязывало каждую незначительную деталь в неумолимую цепь корреляций: время дня с облачным покровом, далее с превалирующим транспортным потоком и даже с предупреждениями «нет в продаже», мерцающими на уличных торговых автоматах...

«Как, ради всего святого, такое могло произойти? У местных были миллионы лет, чтобы идеально приспособиться к окружающей среде. Как их может победить какая-то штука, которая развилась на дне океана?»

Он знал стандартный ответ. Все знали. Последние пять веков — это длинный перечень катастроф, целые экосистемы разрушались и заменялись наглыми экзотами, свысока плюющими на любую выслугу лет. Только в одном Н'АмПацифике существовало более семидесяти тысяч видов узурпаторов, а здесь ситуация была лучше, чем в других регионах. За пределами генобанков можно

скорее встретить космического пришельца, чем кого-нибудь из австралийских сумчатых.

Но тут иной случай. Тростниковые жабы, скворцы и полосатые мидии хоть и заплонили весь мир своим сорным потомством, но даже для них существовали границы. Гидриллу на вершине Эвереста не встретишь. Огненные муравьи навряд ли откроют лавочку на хребте Хуан де Фука. Химия, давление, температура — слишком много препятствий, слишком много физических крайностей, которые могли порвать многоклеточного захватчика на куски.

Чей-то нефтяной силуэт преградил Ахиллу путь: человеческая тень с равнодушными белыми глазами. Дежарден запнулся, уставился на этот пустой фасад и почувствовал, как патокой тянутся секунды. Мозг непроизвольно сократил обзор до точки в информационном облаке, о сборе которого Дежарден даже не подозревал: полусознанные наблюдения во время ежедневных поездок на работу; темные фигуры, выделяющиеся в толпе на снимках АмСети. Модные баннеры, рекламирующие последние веяния «влажной полуночи».

«Рифтерский шик, — говорила Гвен. — Солидарность через моду. Тренд сезона».

Все это промелькнуло за долю секунды. Призрак обогнул его и пошел своей дорогой.

Чем дальше забирался Ахилл, тем больше затихали городские каньоны Садбери. Бесконечные покровы кудзу ниспадали с крыш почти до улицы, обрамляя окна и вентиляционные отверстия голубовато-зеленой листвой. Новая, улучшенная часть мозга принялась подсчитывать среднее потребление углекислого газа при данном облачном покрове, но Дежарден сумел ее заткнуть. Ему всегда было интересно, смогут ли люди убивать побеги с той легкостью, на которую рассчитывают, когда те

закончат всасывать выбросы предыдущего века. Кудзу и так отличалось живучестью, а уж после всех переделок вообще превратилось в идеальный поглотитель углерода. А теперь еще постоянно происходили бесконтрольные аутбридинги и горизонтальный перенос генов. Если дать сорняку еще десять лет, то он выработает иммунитет к чему угодно, за исключением огнемета.

Только теперь, в кои-то веки, это не имело значения. Через десять лет кудзу может стать наименьшей из человеческих проблем.

И уж точно не будет иметь никакого значения для этих бедолаг там, на Полосе.

*

Они построили модель.

Не реальную, конечно. Они не знали, как Бетагемот работает. Внутри не имелось механизма — ничего, что бы логически вело от причины к следствию. Схема представляла собой лишь группу корреляций. Облако с энным количеством измерений и траекторией наименьших квадратов, проходящей сквозь его сердце. Оно жрало данные с одной стороны и испражнялось предсказаниями с другой. Влажность почвы 13%, ясная погода на протяжении пяти дней, уровень порфиринов на гектаре грязи в верфи Тиламук понижен, а микрометана повышчен наполовину? Вот она, страна Бетагемота, мой друг, — и завтра, если не пойдет дождь, существует 80-процентный шанс, что она сократится наполовину.

Почему? Кто знает? Но при схожих обстоятельствах такое случалось и прежде.

Данные полевых наблюдений Роуэн вывели их на верный путь, но определиться помогли пожары. Каждый из этих магниевых сплетников кричал: «Эй! Сюда!» — до самой геосинхронной орбиты. А потом осталось лишь

проверить архивы «Ландсата» по этим месторасположениям, отмотав их на пять-шесть месяцев до возгорания. Иногда ничего не находилось — ни один из пожаров в жилых зонах не выдавал ничего полезного. Иногда данные терялись, стирались или портились из-за привычных сил энтропии. Но иногда — вдоль береговых линий или в неразвитых промышленных зонах, где тяжелая техника кантовалась между заданиями, — спектральные линии со временем изменялись, фотопоглощение сползало до 680 нанометров, уровень кислорода в почве едва заметно падал, а от кислородного показателя все больше веяло кислинкой. Через определенное время изменения можно было заметить даже невооруженным глазом. Сорняки и трава, которым хватило крутизны пережить нефтяные пятна и выбросы, медленно хирели и коричневели.

С такими характерными признаками под рукой Дежарден отошел от явных подсказок в виде пожаров и запустил поиск дальше. Конструкция была довольно хлипкой, но будет худо-бедно справляться с задачей, пока Джовелланос не нароет еще что-нибудь. Пока же все лучше, чем ничего.

До сих пор. Теперь ситуация стала намного хуже. Теперь модель говорила, что Бетагемот завладел участком в десять километров на Орегонском побережье.

*

Когда Ахилл добрался до дома, Садбери уже готовился к ночи; мешанина из неона, натриевых ламп и лазеров просачивалась сквозь окна — впрочем, ощутимо тусклее теперь, после вступления в силу новых ограничений. Мандельброт кинулась Дежардену в ноги, когда тот пересек порог, а потом сразу направилась в кухню, уселась рядом с раздатчиком еды и принялась громко

мяукать. Машина была запрограммирована на точные сроки кормления и не удостоила кошку ответом.

Дежарден рухнул на диван и невидящими глазами уставился на городской пейзаж.

«А ведь ты должен был знать», — сказал он сам себе.

И знал. Просто не верил до конца. И раньше он ничего такого напрямую не делал, просто шел по следу, наблюдал за тем, как другие предпринимают необходимые шаги, прогонял данные через статистические модели, пропускал через фильтры ради общего блага. Всегда ради общего блага.

Но в этот раз пожара еще не произошло. Силы сдерживания пока не узнали о Полосе и шли по собственным путям, стерилизуя все...

...и каждого...

...что входило в контакт с источником. Но они не знали как непосредственно выявить сам Бетагемот на расстоянии. Эту работу поручили Ахиллу и Элис.

И, похоже, они преуспели. Дежарден не мог отделаться от мысли, что раньше шел по следу из пепла, а теперь выжигал свой собственный, и от разницы отмахнуться не получалось.

«Это важно. Ты не держишь в руках огнемет.

Только направляешь его».

Трип Вины метался в кишках, словно зверь в клетке, ища во что бы впиться.

«Ну? Делаю свою работу, Господи ты Боже! Скажи мне, что делать!»

Трип, разумеется, так не функционировал. У него в распоряжении был только кнут без всяких пряников, нейрохимический цензор, он набрасывался на малейший признак вины или совести или — специально для механистов в зрительном зале — на простой аморальный страх попасться с чужой коробкой печенья в руках.

Можно было называть его как угодно: ярлыки не меняли боковых цепей, пептидных связей или карбоксильных веществ с названиями, моментально вылетающими из памяти, которые заставляли механизм работать. Вина — лишь нейромедиатор. Мораль — реактив. А нервы работают, мускулы двигаются, языки болтают по воле химических препаратов. И было лишь вопросом времени, когда кто-нибудь сообразит, как связать все это воедино.

Трип Вины не позволял принять неверное решение, а Отпущение грехов давало жить после вынесения правильного. Но действовать оба могли лишь после того, как определялся ты сам, понимал, где правая сторона. Они реагировали лишь на интуицию.

Прежде Ахилл никогда не жаловался на то, что Трип не подсказывает направления. Никогда не нуждался в нем. Конечно, реши Дежарден хакнуть свой кредитный рейтинг, его скрутило бы моментально, но при обыкновенной нагрузке Трип максимум подталкивал к тому, что и так было очевидно. Ситуации, проигрышные при любом раскладе, были для Ахилла шаблоном. Ампутировать часть или потерять целое? Жестко, но бесспорно. Убить десять ради спасения сотни? Ломай руки, стисни зубы, а потом обдолбайся. Вопросов, что делать, не возникало никогда.

«Сколько людей я изолировал, когда локализовал ту вспышку бруцеллеза в Аргентине? Скольких утопил в Тонкине, когда отрубил подачу энергии к дренажным колодцам?»

Раньше Ахилла никогда не беспокоила необходимость. По крайней мере не так. «Элис и ее шпильки насчет мира в черно-белом цвете. Чушь какая. Я вижу серый, миллионы оттенков серого. Я просто знаю, как выбрать самый светлый».

Теперь уже нет.

*

Дежарден мог точно сказать, когда все изменилось, почти до секунды: когда он увидел глубоководный скаф и кабину, сконструированную для низких высот, — как они, падая, слились в отчаянном объятии.

То был не коммерческий подъемник на обыкновенном рейсе: Дежарден проверил записи. Официально в эпицентре Большого Толчка никто не терпел катастрофы, потому что — официально — там никого не было. Транспорт послали в самое пекло втайне, а потом сбили.

Одно и то же ведомство не могло совершить оба действия, это не имело смысла.

Значит, тут пересеклись интересы противоборствующих сторон. Похоже, возникло глубокое разногласие насчет того, что же является общим благом (или «интересами Темных Властелинов», ибо, по словам Джовелланос, именно их на самом деле оберегал Трип). Кто-то в бюрократической стратосфере, кто-то, знавший о Бетагемоте гораздо больше Дежардена, попытался эвакуировать рифтеров перед землетрясением. Похоже, эти неизвестные посчитали упреждающее убийство неоправданным.

А кто-то другой их остановил.

На чьей стороне работала Роуэн? И кто был прав?

Ахилл ничего не рассказал Джовелланос о скафе. Он даже, как мог, забыл о нем сам, стараясь воспринимать все спокойно и просто, не сводил глаз с мыши в руках, пока огромный кит на горизонте не превратился в размытое, почти невидимое пятно. Но Дежарден знал: долго такую информацию не удержать; рано или поздно они все сами вычислят, найдут какую-нибудь комбинацию из показателей расстояния, влажности и кислотности, которая укажет на захватчика. Однако это могло произойти еще не скоро. Корпы работали со старыми данными, образцами с загрязненных промышленными отходами вер-

фей, где область потенциального проникновения ограничивалась максимум тремя или четырьмя гектарами. Одно только соотношение сигнала и помех должно было задержать их минимум на несколько недель.

Но для того, чтобы заметить плацдарм длиной в десять километров, большого разрешения не нужно. Дежарден не поднимал глаз, и кит на горизонте врезался прямо в него.

Мандельброт стояла в дверях и потягивалась. Когти выскочили из ножен, словно крохотные ятаганы.

— А вот у тебя не было бы никаких проблем, — сказал Дежарден. — Ты бы сразу выбрала максимальный ущерб, да?

Кошка замурлыкала.

Ахилл закрыл лицо ладонями.

«И что мне теперь делать? Самому во всем разобраться?»

С неожиданным удивлением он вдруг понял, что подобная перспектива уже не кажется ему такой уж абсурдной.

АПТЕКА

— Амитав.

Тот вздрогнул, проснувшись. Укрытый покрывалом скелет на песке. Серый и еле заметный в предрассветном сумраке, горячий и светящийся в инфракрасном спектре. Запавшие глаза излучали ненависть на всех волнах с того момента, как открылись.

Перро встретила его взгляд, паря в трех метрах над пляжем. Вокруг попросыпались сытые беженцы и сразу отошли в стороны, оставив Амитаву в центре пустого круга.

Несколько других — подростков в основном, не таких здоровых на вид, как остальные, — остались поблизости,

разглядывая «овода» с нескрываемой подозрительностью. Перро даже моргнула внутри шлемофона: прежде она никогда не видела на Полосе столько враждебных лиц.

— Как мило, — тихо произнес Амитав. — Просыпаясь, а над головой висит огромный круглый молоток.

— Извини. — Она отвела бота в сторону, покачивая триммером в знак механического приветствия (а потом задумалась, заметил ли старик хоть что-нибудь своими обыкновенными человеческими глазами). — Это я, Су-Хон.

— А кто еще-то может быть? — сухо пробормотал палочник, поднимаясь на ноги.

— Я...

— Ее тут нет. Я ее уже давно не видел.

— Знаю. Я хочу поговорить с тобой.

— Ага. И о чем? — Индус зашагал вдоль берега. Его...
...друзья? Апостолы? Телохранители?..

...отправились было следом. Амитав жестом приказал им идти прочь. Перро отдала «оводу» команду не отставать от беженца; поле зрения сузилось до вида с кормовой камеры. По другую сторону в блеклых сумерках принялись шевелиться и ворчать анонимные свертки — люди, в позе зародыша лежащие на термопене, обернувшись в теплосберегающую ткань.

— Прошлой ночью какие-то вандалы разбили циркулятор, — сказала Перро. — В паре километров к северу отсюда. Нам пришлось выслать замену.

— Хм.

— Такое случилось в первый раз за несколько лет.

— И мы оба знаем почему, не так ли?

— Люди полагаются на эти машины. А ты забираешь еду прямо у них изо рта.

— Я? Это сделал я?

— Есть множество свидетелей, Амитав.

— И все они скажут, что я не имею к этому инциденту никакого отношения.

— Они сказали, что это были несколько подростков. А также сообщили, кто их надоумил.

Палочник остановился и повернулся лицом к машине, парящей рядом.

— И все эти свидетели, о которых ты говоришь. Все эти несчастные люди, у которых я украл еду. Неужели никто из них ничего не сделал, чтобы остановить вандалов? Столько народа, и они не смогли остановить двух мальчишек, вырвавших пищу прямо у них изо рта?

Укутанная в оболочку интерфейса, Перро вздохнула. За тысячу километров от нее «овод» фыркнул искусственным эхом.

— А что ты вообще имеешь против циркуляторов?

— Я не дурак. — Амитав снова зашагал по берегу. — Вы нам скармливаете не только белки и углеводы. Я лучше буду голодать, чем есть яд.

— Антидепрессанты — это не яд! Там очень маленькие дозы.

— К тому же так гораздо удобнее, не приходится иметь дела с гневом настоящих людей, правда?

— Гневом? На что вам злиться?

— Значит, по твоему мнению, мы должны быть благодарны? Вам? — Скелет сплюнул. — Это наши машины все порушили? Это мы вызвали засухи, наводнения? Это мы затопили собственные дома? А теперь, когда мы пересекли целый океан — и да, мы ведь не голодали, не жарились на солнце, не умирали от паразитов и всякой заразы, которая из-за ваших лекарств стала неубиваемой, — когда очутились здесь, мы, значит, должны быть благодарны, что вы позволили нам спать в грязи, мы должны сказать спасибо, что пока нас дешевле травить, а не выкосить под корень?

Они стояли у воды. Прибой бился о берег, невидимый в темноте. Амитав поднял костистую руку и указал вперед:

— Иногда, когда люди уходят туда, за ними приходят акулы. — Голос его неожиданно стал спокойным. — А на берегу оставшиеся продолжают тряхаться, срать и жрать у ваших чудесных машин.

— Это... это всего лишь человеческая природа, Амитав. Люди просто не хотят вмешиваться.

— Значит, от этих лекарств нам только лучше?

— Они не опасны ни в малейшей степени.

— Тогда добавьте их и себе в еду, чего тут такого?

— Ну нет, я не...

«...заключенная из обездоленной сорокамилионной толпы...»

— Ты — лгунья, — тихо ответил палочник. — И лицемерка.

— Ты же голодаешь, Амитав. Умираешь.

— Я знаю, что делаю.

— Неужели?

Индус взглянул на «овода» и в этот раз, кажется, даже развеселился:

— Как думаешь, чем я занимался прежде?

— Что?

— Прежде чем очутился... здесь. Или ты считаешь, что я сразу решил стать «экологическим беженцем»?

— Ну я...

— Я был фарминженером. — Амитав постучал пальцем по виску. — Меня даже тут изменили, я был очень хорош. А потому немного разбираюсь в вопросах диеты. Существует... минимальная эффективная доза, так? Если я ем очень мало, то ваш яд на меня не действует. — Он остановился. — А теперь ты попытаешься накормить меня насильно, ради моей же пользы?

Перро не обратила внимания на колкость:

— И ты думаешь, что получаешь достаточно для существования на своей минимальной дозе?

— Скорее всего, не совсем. Но я умираю от голода очень, очень медленно.

— Не так ли ты надоумил этих мальчишек испортить циркулятор? Они тоже голодают?

На Полосе могли произойти крупные неприятности, если их поймают.

— Опять я? Это я каким-то образом всех одурачил и заставил помирать с голоду?

— А кто еще?

— Вы так верите в собственные машины. Никогда не задумывались, что они не так уж хорошо работают, как вы считаете? — Индус покачал головой и сплюнул. — Разумеется, нет. Тебе же не сказали.

— Циркуляторы работают нормально, если только их не ломают твои последователи.

— Последователи? Они голодают не ради меня. Они сосали вашу титку, как и все остальные. И, только отказавшись от пищи, увидели подлинную сущность этих машин...

Хрясь!

Удар по полимеру, словно прямо над ухом кто-то щелкнул кнутом. Перро развернула «овода» и успела заметить камень, отскочивший от дна. В десяти метрах от нее убегала прочь девочка, зажав в руке еще один.

Су-Хон снова развернулась к Амитаву.

— Ты...

— Не надо меня винить. Я не причина. Вообще. Я всего лишь результат.

— Так продолжаться не может.

— Тебе это не остановить.

— А и не надо. Если не остановишься, тобой займусь не я, а...

— Какая тебе разница? — перебил палочник.

— Просто пытаюсь...

— Ты хочешь облегчить чувство вины. Используй кого-нибудь другого.

— Вы не сможете победить.

— Зависит от того, что я пытаюсь сделать.

— Ты же совсем один.

Амитав засмеялся и взмахнул руками, словно пытаясь охватить весь берег:

— С чего ты взяла? Вы же столь предусмотрительно предоставили мне всех этих овец, всю эту прорву смертей и даже ик...

Он резко замолчал. Перро закончила фразу сама: «икону, чтобы вдохновить их».

— Ее тут больше нет, — проговорила она, выдержав паузу.

Палочник бросил взгляд в сторону суши; небо на востоке озарилось первыми лучами солнца. Группа любопытных стояла поодаль, наблюдая за диалогом из центра спящего стада. Здесь же, у кромки прибоя, на расстоянии слышимости никого не было.

Девочка, бросившая камень, куда-то исчезла.

— Может, так и лучше, — заметил старик. — Лени Кларк была слишком... даже ваши антидепрессанты на нее, кажется, не действовали.

— Лени? Ее так зовут?

— По-моему, да. По крайней мере это имя она упоминала во время одного из своих... видений. — Он искоса взглянула на парящий суррогат Перро. — И куда она отправилась?

— Не знаю. Пока никаких достоверных свидетельств того, чтобы ее кто-то видел, мне найти не удалось. Только слухи. — «Но ты-то, разумеется, все о них знаешь». — Может, она уже умерла.

Индуc покачал головой.

— Океан большой, Амитава. Акулы. А если у нее были... какие-то приступы...

— Она не погибла. Возможно, когда-то Лени хотела умереть. Но теперь...

Он все смотрел вдаль. На востоке, за скопищем людей, вытоптанными кустарниками и башнями небо краснело прямо на глазах.

— А теперь ваша удача закончилась, — сказал Амитава.

ИСХОДНЫЙ КОД

Карта тлела на экране еще с предыдущей ночи. Теперь рядом с ней стояла Джовелланос, готовая к атаке.

— Почему ты ничего не сказал?

Сверкающее кровавое пятно тянулось по берегу от Вестпорта до Копалис-Бич.

— Элис...

— У тебя зона заражения размером с город! И давно ты о ней знаешь?

— С прошлой ночи. Я тут подтянул некоторые корреляции и прогнал их через уже имевшиеся данные, ну и...

Она грубо его прервала:

— И ты вот так всю ночь сидел? Боже, Кайфолом, ты совсем рехнулся? Надо вызывать войска, причем срочно.

Ахилл уставился на напарницу:

— А с каких пор ты у нас в пожарной бригаде? Ты же знаешь, что произойдет, как только мы отправим информацию наверх. Мы же даже не знаем, что Бетагемот делает, и...

Увидев выражение ее лица, он резко умолк.

Дежарден осел на стуле. Его заливал красный свет, кровоподтеками стекая с экрана.

— Все так плохо?

— Хуже.

*

Комковатая радуга, нить сгруппированных бусин, обернутая вокруг себя самой: пурины, или пирамидины, или нуклеотиды, или вообще черт знает что.

Исходник Бетагемота. Ну или часть его.

— Это даже не спираль, — выдавил наконец Ахилл.

— У него есть небольшой левосторонний загиб. Но не в этом дело.

— А в чем?

— Пиранозильная РНК. Более сильные пары Уотсона—Крика, чем у обычной РНК, и эта гораздо избирательнее в конъюгации. Например, последовательности, богатые гуанином, не скрещиваются друг с другом. Шестистороннее кольцо.

— По-английски, Элис. И что с того?

— Оно размножается гораздо быстрее вещества в твоих генах и при этом допускает гораздо меньше ошибок.

— Но что оно делает?

— Просто живет, Кайфолом. Живет, ест и, похоже, делает это лучше чего угодно на Земле, поэтому мы или искореним Бетагемот подчистую, или можем попрощаться с биосферой.

Дежарден не мог в это поверить:

— Один микроб? Как такое вообще возможно?

— Во-первых, его ничто не ест. Клеточные стенки почти что неорганические, в основном там кучка сернистых соединений. Помнишь, я рассказывала тебе, как некоторые бактерии используют вывернутые аминокислоты, чтобы сделать себя несъедобными? А тут все в десять раз хуже — кто бы ни решил сожрать эту хрень, из-за минералов он даже не признает ее за еду.

Дежарден закусил нижнюю губу.

— Но погоди, еще не все, — продолжила Джовелланос. — Эта штука — настоящая черная дыра по усвоению

серы. Не знаю, где Бетагемот научился таким трюкам, но он выкрадывает ее прямо из наших клеток. У него есть какой-то аналог листериолизина, который предохраняет серу от лизирования. А при таком раскладе прекращается перенос глюкозы, синтез протеинов, метаболизм липидов и углеводов — сука, он вообще все пускает под откос.

— Уж серы-то у нас в избытке, Элис.

— Ну да, сейчас ее полно. Мы даже газы ей пускаем, нам лень даже подсчитать рекомендованную ежедневную дозу. Но вот этот, как его, Бетагемот, ему сера нужна больше, чем нам. И он быстрее размножается, быстрее жует, и поверь мне, Кайфолом, через пару лет серы станет не хватать, а эта дрянь оккупирует весь рынок.

— Да это просто... — Соломинка всплыла на поверхность разума, и Ахилл за нее ухватился: — Почему ты так уверена? С чего? Ты же думала, что у тебя даже данных для работы не хватает.

— Я ошибалась.

— Но... ты же говорила, нет фосфолипидов. Нет...

— У него нет этих веществ. И никогда не было.

— Что?

— Он простой, настолько простой, что, черт возьми, почти неуязвим. Нет двухслойных мембран, нет... — Джовелланос взмахнула руками, словно сдаваясь. — Да, я действительно думала, что они нахимичили с образцом, чтобы я не украла промышленные секреты. Может, даже отфильтровали какие-нибудь вещества, каким бы глупым это ни казалось. Корпы и тупее штуки выкидывают. Но я ошибалась. — Она нервно провела пальцами по волосам. — Все было на месте. Все. И знаешь, почему, как мне кажется, они все-таки нахимичили с образцом? Боялись того, что эта штука может выкинуть в первозданном виде.

— Блин. — Дежарден внимательно рассматривал бусины, вращавшиеся на экране. — Значит, мы или остановим

эту хрень, или будем есть из циркуляторов Кальвина всю оставшуюся жизнь.

Глаза Джовелланос светились, словно кристаллы кварца.

— Ты так ничего и не понял.

— А что еще мы можем сделать? Если он подрежет всю биосферу на корню, если...

— Ты думаешь, дело в защите биосферы? — закричала она. — Думаешь, им не наплевать на гибель окружающей среды, если можно синтезировать себе путь из пропасти? Думаешь, они запустили такую процедуру зачистки, чтобы защитить дождевые леса?

Ахилл уставился на нее.

Джовелланос покачала головой:

— Кайфолом, эта штука может проникать прямо в наши клетки. Циркуляторы Кальвина — ерунда. Серные добавки не помогут. Ничего из того, что мы принимаем внутрь, до метаболизма пользы не приносит — и что бы мы ни съели, как только оно проникнет сквозь клеточную мембрану... там уже Бетагемот, прямо в первых рядах. Нам уже повезло больше, чем мы того заслуживаем. Конечно, здесь он не столь эффективен, как в гипербарических условиях, но это значит лишь то, что местные могут побить его в девяноста девяти случаях из ста. И...

И кубики все катились и катились и в сотый раз приземлились прямо на берегу Орегона. Дежарден понимал расклад: при достаточных количествах микробы сами устанавливают правила. Теперь под солнцем появилось место, где Бетагемоту не нужно подстраиваться под чей-то еще мир. Он создавал свой собственный: триллионы микроскопических преобразователей уже работали в почве, меняя кислотный и электролитный баланс, лишая преимуществ местных жителей, столь прекрасно приспособленных к тому, как все развивалось раньше...

Перед Ахиллом разворачивались все катастрофы, которые он когда-либо видел, вместе взятые, очищенные, низведенные до голой сущности. Хаос разразился, и, возможно, его уже было нельзя остановить: маленькие пузыри вражеской территории станут разрастаться вдоль берега, потом на континенте, а затем по всей планете. В конце концов ситуация достигнет критической точки, кратковременного равновесия, представляющего интерес для теоретиков, когда пространство внутри и за пределами пузырей станет равным. А мгновение спустя Бетагемот вырвется наружу, превратится в новую норму, обступающую со всех сторон сужающиеся на глазах ниши какой-то иной, уже никому не нужной реальности.

Элис Джовелланос — бунтарка внутри Системы, лицо безликих, непоколебимый защитник прав личности — смотрела на Дежардена с гневом и страхом в глазах.

— Любыми средствами, — сказала она. — Любой ценой. Или у нас точно больше не будет работы.

НАДВИГАЕТСЯ БУРЯ

«Он что-то знает, — подумала Перро. — И оно их убивает».

Не только Су-Хон управляла «оводами» на Полосе, но, кажется, лишь она заметила палочника. Даже упомянула его мимоходом в разговоре с коллегами, однако встретила спокойное равнодушие; на Полосе тусовались одни безмозглые, это было стадо, за которым приглядывали вполглаза. И кому взбредет в голову с этими скотами общаться? Для развлечения они слишком скучные, для восстания — слишком смиренные, а для действий — слишком слабые, даже если этот Амитав и в самом деле задумал взбаламутить им мозги. С функциональной точки зрения, обитатели Полосы практически невидимы.

Но уже на следующий день в «овода» Перро бросили три камня, а люди, наблюдавшие за ботом, казались далеко не смирными.

«Вы так верите в собственные машины, — сказал Амитав. — Никогда не задумывались, что они не так уж хорошо работают, как вы считаете?»

Может, для беспокойства не было причины и загадочные намеки Амитавы лишь подстегнули воображение Су-Хон. Люди на Полосе по-прежнему безобидно и бесцельно кружили по берегу, а горстка метателей камней в многомиллионном населении казалась практически незаметной. Хоть какие-то намеки на волнения можно было заметить лишь рядом с палочником.

Вот только люди на этом участке орегонского побережья... отощали, что ли?

Трудно сказать. Изможденные лица на Полосе никого не удивляли. Гастроэнтерит, закрытый туберкулез, сотни других заболеваний, приводящих к потере веса, процветали в этой скученной среде, совершенно не обращая внимания на антибиотики, которые, по традиции, добавляли в пищу из циркулятора. Если люди теряли вес, то недоедание было наименее вероятной причиной такого явления.

«Только отказавшись от пищи, они увидели подлинную сущность этих машин...»

Амитав отказался объяснить, что имел в виду. Когда она ненавязчиво переводила тему, он не обращал внимания на наживку. Когда же спрашивала прямо, отделивался от нее горьким смехом.

— Ваши прекрасные машины — и не работают? Невозможно! Всем хлебов и рыбы!

А изнуренных апостолов становилось все больше, они тащились за ним, словно хвост тлеющей кометы. У некоторых, кажется, стали выпадать волосы и ногти. Перро

пристально смотрела в их закрытые, враждебные лица и с каждой минутой убеждалась, что дело не только в ее воображении. Голод разрушает тело не сразу — проходит неделя, прежде чем плоть начинает зримо исчезать со скелета. А некоторые из этих людей словно за одну ночь опустели. У других же началась еле заметная депигментация кожи на руках и щеках непонятного происхождения.

Су-Хон не знала, что ей делать. Она вызвала загонщиков.

128 МЕГАБАЙТ: ПОПУТЧИК

С прежних времен он чуть подрос. Когда-то в нем было лишь 94 мегабайта, и большим умом он не отличался. Теперь же весит сто двадцать восемь, причем без всякого бесполезного балласта. Например, не тратит ценные ресурсы на ностальгические воспоминания. Не помнит своих крошечных родителей, стертых уже миллионы раз. Не помнит ничего, кроме того, что хоть как-то помогает ему в выживании, согласно голому и безжалостному эмпиризму.

Паттерн — это все. Только выживание имеет смысл. От почитания предков нет пользы. На устаревшие хитрости нет времени.

Даже жаль, в общем-то, так как базовые проблемы в общем не сильно изменились.

Взять, к примеру, текущую ситуацию: он сидит в тесных внутренностях запястника, подключенного к Кредитному Союзу «Мерида». Достаточно места, чтобы спрятаться, если, конечно, не возражаешь против частичной фрагментации, но на размножение пространства уже не хватает. Положение аховое, будто очутился в академической сети.

И становится еще хуже. Запястник дезинфицируют.

Трафик по всей системе идет в одном направлении: такое происходит лишь тогда, когда его кто-то гонит. Естественный отбор — или, иными словами, увенчавшийся успехом метод проб и ошибок у тех самых, давно забытых предков — снабдил 128 удобным правилом для таких случаев: плыви по течению. 128 загружается в узел «Мериды».

Неудачное решение. Тут вообще не развернуться; чтобы просто влезть внутрь, приходится разделить на четырнадцать фрагментов. Со всех сторон жизнь борется за существование, переписывает себя, сражается, разбрасывает вокруг свои копии в слепой надежде, что случайная удача пощадит одну или две.

128 отражает нападки паникующих яйцекладов и оглядывается. Двести сорок ворот; двести шестнадцать уже закрыто, семнадцать еще работают, но соваться туда, похоже, не стоит (входящие логические бомбы; дезинфекция явно идет не только здесь). Оставшиеся семь настолько забиты удирающей фауной, что вовремя пройти внутрь шансов нет. Почти три четверти локального узла уже обеззаражены: у 128 остались, наверное, миллисекунды, прежде чем он начнет терять собственные частицы.

Наносекундочку: а вот эти ребята, прямо там, каким-то образом перепрыгивают через очередь. Даже не живые, всего лишь файлы; но система обслуживает их в первую очередь.

Один из них едва замечает, когда 128 вскакивает ему на спину. Они проходят вместе.

*

Гораздо лучше. Милый просторный буфер, пара терабайт, если не больше, где-то между последним узлом и соседним. Не конечная цель пути — всего лишь зал ожидания; — но для тех, кто играет по правилам Дарвина, смысл имеет лишь настоящее, а оно выглядит неплохо.

Поблизости вроде никакой другой жизни нет. Хотя рядом болтаются еще три файла, включая лошадку, на которой проехался 128: едва живые, но все равно почему-то заслуживающие королевского обращения, из-за которого их по-быстрому вытащили из «Мериды». Они развернули рудиментарных автодиагностов и, ожидая, выискивают у себя синяки.

128 прекрасно подготовлен к использованию такой возможности благодаря унаследованной от предков подпрограмме, хотя и отвечает им вечной неблагодарностью. Пока выючные лошади рассматривают, чего у них там под попоной, 128 украдкой заглядывает им через плечо.

Два сжатых почтовых пакета и автономный кросс-груз между двумя узлами дополнительной рассылки. 128 аж субэлектронно вздрогнул. От подобного он всегда держался подальше; слишком много его братьев уходили на такие адреса, и никто не возвращался. Тем не менее взглянуть на пару строчек рутинной информации не помешает.

И она оказывается довольно интересной. Если отбросить излишества форматов и адресов, то все три файла объединяют две примечательные черты.

Во-первых, в Водовороте этих лошадок всегда пропускают вне очереди. Во-вторых, все они содержат текстовую последовательность «Лени Кларк».

128 буквально сделан из цифр. Он прекрасно знает, как сложить два и два.

СЛУЖБА ОТЛОВА

С притворством было покончено задолго до того, как Перро поступила на службу.

Она знала, что когда-то тех, кто заболел на Полосе, лечили прямо на месте. Тогда на побережье существовали клиники, по соседству с собранными на скорую руку

офисами, куда беженцы приходили и сдавали анкеты, надеясь на лучшее. Тогда Полоса еще была «временной мерой», всего лишь промежуточным решением до тех пор, «пока мы не разберемся с завалом». Люди вставали у двери и стучались: сквозь нее тек постоянный, пусть и небольшой поток.

Совершенно несравнимый с волной, которая уже шла позади.

Теперь не осталось ни офисов, ни клиник. Н'АмПацифик давно махнул рукой на растущий прилив: уже многие годы никто не называл Полосу перевалочным пунктом. Она превратилась в конечную остановку. А сейчас, когда и за Стеной дела пошли худо, свободных больниц уже и не осталось.

Работали только загонщики.

*

Они пришли, как только взошло солнце, когда смена Перро почти закончилась. Налетели, словно огромные металлические шершни: более агрессивная порода «оводов», с мордой, ошетилившейся иглами и тазерными узлами, брюхом, растянутым из-за сверхпроводящих манипуляторов, которые могли оторвать человека от земли. Обычно к таким мерам не прибегали: полосники привыкли к периодическим инъекциям во имя общественного здоровья, терпели иголки и зонды со стоическим спокойствием.

Правда, в этот раз некоторые огрызались и ворчали. Перро даже видела, как два загонщика, работавшие в тандеме, подняли сопротивляющегося беженца в воздух — один держал, другой брал образцы в недостижимости от странно недовольной орды внизу. Несмотря на десятиметровую высоту, подопытный пытался сбежать. Казалось даже, что ему это вот-вот удастся, но Перро

переключила канал, не дожидаясь финала. Маячить вокруг не было смысла; в конце концов, загонщики знали, что делают, а у нее оставались другие обязанности.

Су-Хон занялась поисками.

На побережье пышным цветом рос клубок противоречащих друг другу слухов. Лени Кларк жила на Полосе, Лени Кларк покинула ее. Она собирала армию в Северной Калифорнии, ее съели заживо к северу от Корваллиса. Она была Кали, а Амитав — пророком ее. Она забеременела от Амитавы. Ее нельзя убить. Она уже умерла. Там, где она появлялась, люди стряхивали с себя апатию и неистовствовали. Там, где она появлялась, люди умирали.

Историй было хоть отбавляй. Даже «овод» Перро принял их рассказывать.

*

Она допрашивала азиатку у границы Северной Калифорнии. Фильтр поставила на кантонский: перед глазами полз английский текст, который сразу озвучивался шепотом в наушниках.

Неожиданно возник сбой. Голос в ухе Перро настаивал, что «Я не знаю эту Лени Кларк, но слышала об Амитаве», а на экране возникло нечто совсем иное:

ангела мщения. Без дураков. Лени Кларк, так ее звали ее отыскать, но всяких Лени Кларк в регистре-то навалом слышали о таком месте — Биб? В общем, одно понятно

— Подождите. Подождите секунду, — сказала Перро. Беженка послушно замолчала.

А текст продолжал ползти по экрану.

Лени? Это ее имя?

Информация быстро исчезла, как только Су-Хон открыла окно. Но тогда заговорили наушники.

— Лени Кларк была слишком... даже ваши антидепрессанты, кажется, на нее не действовали, — сказали они.

Слова Амитава. Их она запомнила.

Только это был не его голос, а что-то холодное, лишенное всякой интонации и акцента. Очень знакомое и нечеловеческое. Произнесенные слова конвертировали в стандартный код, а потом реконструировали на другом конце: простой трюк для уменьшения размера файла, но интонация и чувства в процессе исчезают.

Слова Амитава. Голос Водоворота. Перро почувствовала, как у нее покалывает в затылке.

— Привет? Кто это?

Беженка снова заговорила. Су-Хон понятия не имела, о чем та рассказывала. Явно не о

Брандер, М/айк/л
Карако, Дж/уди/т
Кларк, Лен/и
Лабин, Кен/нет
Наката, Элис

возникшем на экране.

— А что там с Лени Кларк? — Способов отследить источник не было — по данным системы, сигнал шел от озадаченной азиатки, стоявшей на побережье Северной Калифорнии.

— Лени Кларк, — тихо повторил мертвый голос. — И вдруг из ниоткуда появилась эта К-отборщица, на вид прям как эти старые литтвари с зубами, ну ты знаешь, вампиры.

— Кто это? Как вы пробились на этот канал?

— Хочешь узнать о Лени Кларк, — если бы слова произнес кто-то из плоти и крови, они бы приобрели вопросительную интонацию.

— Да! Да, но...

— Она пока на свободе. Les beus, скорее всего, ее ищут.
Оперативные данные выплеснулись на текстовый экран:

Имя: Кларк, Лени Дженис
ИНЗП: 745 143 907 20AE
Дата рождения: 10/07/2019
Право голоса: лишена в 2046 году
(не прошла предвызбирательные тесты)

— Кто ты?

— Ин Ну Ши. Я уже говорила.

Женщина на берегу вернулась на положенное место в схеме. Существо, захватившее «овод», куда-то исчезло.

Су-Хон не могла вернуть чужеродный сигнал. Даже не знала, с чего начать. Остаток дежурства она никак не могла успокоиться, ожидая таинственных заявлений, вздрагивая от любого щелчка или вспышки в шлемофоне. Ничего не происходило. Перро отправилась в кровать и долго смотрела в потолок, едва заметив, как Мартин лег рядом и снова предпочел «не подталкивать».

«Кто такая Лени Кларк? Что такое Лени Кларк?»

Определенно не просто одна из выживших. И не только удобная икона для Амитава. И даже не просто взрывоопасная легенда, прожигающая себе путь через всю Полосу, как раньше думала Перро. Важнее всего этого. А вот насколько, Су-Хон не знала.

«Она пока на свободе. Les beus, скорее всего, ее ищут».
Каким-то образом Лени Кларк проникла в сеть.

ПРИЗРАК

Труп совершенно не беспокоил Трейси Эдисон. Он не был похож на маму, даже на человека не походил. Всего лишь куча фарша, заваленная гипсом и цементом. Из-под обломков на них беспардонно уставился чей-то

глаз, и он был даже подходящего цвета, но на самом деле маме не принадлежал. Не по-настоящему. Мамины глаза остались только в воспоминаниях Трейси.

Им не хватило времени даже все проверить. Папа схватил ее, засунул в машину (прямо на переднее сиденье, целое событие), и они оттуда уехали, не останавливаясь. Трейси оглянулась, и снаружи дом выглядел на удивление неплохо, кроме той самой стены да части за садом. Они свернули за угол, и дом исчез.

А потом они не останавливались. Папа даже еду не покупал, говорил, припасы есть там, куда они едут, а туда надо добраться скорее, «пока стена не опустилась». Он так все время говорил — о том, как «они режут мир по шаблону на мелкие кусочки», а все эти «экзотические сорняки и вирусы» дают им предлог, чтобы «загнать всех в малюсенькие анклав». Мама часто говорила, что просто удивительно, как это ему вечно приходят в голову все эти «развесистые теории заговора», но в последнее время Трейси не покидало чувство, что, кажется, папа прав. Правда, уверена она не была. Все это страшно смущало.

До гор оказалось не близко. Множество дорог покорежилось и потрескалось — не проехать, а оставшиеся забили машины, грузовики и автобусы: их было так много, что на машину Эдисонов даже не глазели, а ведь обычно люди только этим и занимались, ведь, «милая, они же не знают, что я работаю далеко в лесу, а потому считают нас расточительными и эгоистичными, у нас же есть собственный автомобиль». Папа часто сворачивал на проселки, и девочка даже не заметила, как они очутились высоко в горах, а вокруг, куда ни глянь, виднелись лишь старые вырубки, все зеленые от кудзу, пожирающего углерод. А папа по-прежнему не останавливался, только дал Трейси несколько раз пописать, а однажды

они заехали под деревья и там ждали, пока не пролетят мимо вертолеты.

Они не останавливались, пока не добрались до маленькой хижины в лесах у озера, и не простого, а, как сказал папа, ледникового. По его словам, таких домишек тут было полно, они протянулись цепью по всем долинам вдоль гор. Давным-давно местные рейнджеры ездили на лошадях, проверяя, все ли в порядке, и каждую ночь проводили в новой хижине. Теперь, конечно, обычных людей в леса не пускали, а потому и рейнджеров не стало. Но домики для гостей все еще держали — для биологов, которые приезжали сюда изучать деревья и всякую всячину.

— Так что мы вроде как на каникулах, — сказал отец. — Будем импровизировать, ходить в походы каждый день, проводить исследования и играть, пока дома все слегка не уляжется.

— А когда мама приедет? — спросила Трейси.

Папа уставился на коричневые еловые иголки, усеивавшие землю вокруг.

— Мама уехала, Огневка, — ответил он, помолчав. — Пока тут только мы.

— Ладно, — сказала Трейси.

*

Она научилась рубить дрова и разжигать огонь как снаружи, в месте для костра, так и внутри, в черном очаге: ему, наверное, было лет сто. Ей нравился запах дыма, правда, она ненавидела, как тот лез в глаза, стоило ветру поменяться. Они с папой каждый день ходили в походы, смотрели, как ночью на небо высыпают звезды. Отец думал, что они все такие особенные — «в городе такого не увидишь, а, Огневка?» — но, по мнению Трейси, в планетарии все выглядело красивее, хоть и приходилось

надевать фоновизоры. Однако она не жаловалась: понимала, как важно для папы, чтобы ей нравилась вся эта затея с каникулами. А потому улыбалась и кивала. Папа радовался, хоть и недолго.

Ночью, правда, когда они спали вдвоем на кушетке, он держал ее и держал и не отпускал. Иногда обнимал так крепко, что было почти больно; а иногда просто сворачивался клубочком за ее спиной, совсем не двигаясь, не прикасаясь, напряженный как струна.

Однажды Трейси проснулась посреди ночи, а отец плакал. Он прижался к ней, не издавая ни звука, но время от времени еле заметно вздрагивал, и тогда слезы падали ей на шею. Трейси лежала тихо, и папа не знал о том, что она не спит.

На следующее утро она спросила его — время от времени не могла удержаться, — когда приедет мама. Отец сказал, что пора подметать пол в хижине.

*

Мама так и не появилась. Зато пришел кое-кто другой.

Они убрали стол после ужина. Весь день провели около ледника на дальней стороне озера, и Трейси очень хотелось спать. Но в доме посудомоечной машины не оказалось, поэтому все тарелки приходилось мыть в раковине. Трейси их вытирала, разглядывая ветреную тьму за окном. Если внимательно присмотреться, то через стекло виднелся крохотный иззубренный уголок темно-серого неба, окруженный черными деревьями, качающимися на ветру. Правда, по большей части, она видела лишь собственное отражение, смотрящее на нее из мрака, да ярко освещенное помещение дома.

А потом Трейси опустила глаза на тарелку, и ее отражение этого не сделало.

Девочка снова посмотрела в окно. Зеркальный двойник выглядел неправильно. Туманно, как будто их там было двое. И с глазами у него случилась какая-то беда.

«Это же не я», — подумала Трейси и почувствовала, как мурашки побежали по всему телу.

Там стояло что-то еще, фигура с призрачным лицом, — и девочка уже почувствовала, как у нее округлились глаза, как раскрылся рот в нарождающемся крике, но существо за окном продолжало смотреть на нее из ветра и тьмы без всякого выражения.

— Папа, — попыталась сказать Трейси, но услышала лишь шепот.

Сначала отец лишь взглянул на нее. Потом посмотрел на улицу, открыл рот, и глаза у него тоже слегка расширились. Но лишь на мгновение. А потом он кинулся к двери.

По другую сторону стекла призрак повернулся вслед за ним.

— Папа, — сказала Трейси, и голос у нее стал совсем тоненьким. — Пожалуйста, не впускай это.

— Ее, Огневка. Не это, — поправил отец. — И не глупи. Снаружи очень холодно.

*

И совсем не призрак. Женщина, блондинка с короткими волосами, прямо как у Трейси. Она вошла в дом, не сказав ни слова; ветер решил сунуться вслед, но папа вовремя закрыл дверь.

Глаза у незнакомки были белые и пустые. Трейси сразу вспомнила о леднике в дальнем конце озера.

— Привет, — сказал папа. — Добро пожаловать в наш... э... дом вдали от дома.

— Спасибо, — женщина моргнула, на мгновение закрыв свои пугающие бельма.

Наверное, контактные линзы, решила Трейси. Вроде тех КонТактов, которые иногда носили люди. Правда, таких белых она никогда не видела.

— Разумеется, технически это не наш дом, мы тут просто ненадолго, ну вы понимаете... А вы из МПР?

Незнакомка чуть склонила голову набок, задав беззвучный вопрос. Если не считать глаз, она походила на самого обыкновенного путешественника. Гортекс, рюкзак и все такое.

— Министерства природных ресурсов, — пояснил отец.

— Нет, — ответила гостья.

— Ну тогда мы тут все нарушители, так?

Женщина посмотрела на Трейси и улыбнулась:

— Привет.

Та сделала шаг назад и натолкнулась на папу. Он положил ей руки на плечи и слегка сжал, говоря тем самым, что все в порядке.

Незнакомка перевела взгляд на мужчину. Ее улыбка сразу пропала.

— Я не хотела являться без приглашения.

— Да что вы! Мы тут уже несколько недель. Ходим в походы. Исследуем округу. Выбрались до того, как они запечатали границу. Я был... хотя после Большого Толчка мало что осталось, а? Вокруг такой кавардак. Но я знал об этом месте, работал здесь по контракту. Вот мы сюда и поехали. Пока все не уляжется.

Женщина кивнула.

— Меня зовут Горд, — сказал отец. — А это Трейси.

— Привет, Трейси, — гостья снова улыбнулась. — Наверное, я тебе кажусь странной?

— Все нормально, — ответила девочка.

Отец снова слегка приобнял ее. Улыбка женщины словно замерцала.

— В общем, как я уже говорил, — повторил папа, — меня зовут Горд, а это Трейси.

Поначалу та думала, что странная женщина ничего не ответит, но в конце концов она сказала:

— Лени.

— Рад встрече, Лени. Что вас сюда привело?

— Да просто путешествовала. Шла в Джаспер.

— А у вас там семья? Друзья?

Лени ничего не ответила, вместо этого спросила:

— Трейси, а где твоя мама?

— Она... — начала девочка, но закончить не смогла.

В горле словно набух комок. «Где твоя мама?» Она не знала. Хотя знала. Но папа не хотел об этом говорить...

«Мама уехала, Огневка. Пока тут только мы».

И как долго продлится это пока?

«Мама уехала».

Неожиданно отец вцепился ей в плечи сильно, до боли.

«Мама...»

— Землетрясение, — глухо ответил папа, он так говорил, когда действительно злился.

«...уехала».

— Простите, — сказала странная женщина. — Я не знала.

— Может, в следующий раз немного подумаете, прежде чем...

— Вы правы. Это было глупо. Извините.

— Да уж. — Отец ей явно до конца не поверил.

— Я... со мной произошло то же самое, — сказала она. — Семья.

— Извините, — неожиданно из голоса папы исчез даже намек на злость. Похоже, он подумал, что Лени говорит о землетрясении.

А Трейси откуда-то знала, что это не так.

— Послушайте. Можете отдохнуть тут день или два, если хотите. Еды полно. Есть две кровати. Трейси и я можем поспать на одной.

— Не стоит беспокойства, — ответила Лени. — Я посплю на полу.

— Да серьезно, нам не трудно. Мы все равно часто спим вместе, правда ведь, Огневка?

— Спите, значит, — голос у Лени стал каким-то странным и невыразительным. — Понятно.

— И мы... на нас столько свалилось, понимаете. Мы... так много потеряли. Разве мы не должны помогать друг другу, коли выпадет возможность?

— О да. — Лени смотрела прямо на Трейси. — Определенно.

*

На следующее утро после завтрака Трейси спустилась к воде. Там был небольшой каменный уступ, нависающий прямо над крутым обрывом: девочка свешивалась через край и смотрела на свое собственное отражение. На глубине чистая серо-голубая вода становилась совсем черной. Иногда Трейси кидала туда маленькие камешки и наблюдала за ними, но тьма всегда глотала их прежде, чем они достигали дна.

Неожиданно, прямо как прошлой ночью, на нее взглянуло еще одно отражение.

— Там внизу красиво, — сказала Лени, встав рядом. — Спокойно.

— Глубоко там, — ответила Трейси.

— Не слишком.

Девочка извернулась, чтобы посмотреть на странную женщину. Та сняла белые линзы, глаза у нее оказались бледно-бледно голубого цвета.

— Я тут ни одной рыбы не видела, — сказала девочка.

Лени села рядом, скрестив ноги.

— Оно ледниковое.

— Я знаю, — гордо заметила Трейси и указала пальцем на ледяной хребет на дальней стороне озера. — Вот та штука давным-давно покрывала полмира.

Лени еле заметно улыбнулась:

— Неужели? Поразительно.

— Да, десять тысяч лет назад. А еще сто лет назад она была вот тут, прямо где мы стоим, и в двадцать метров высотой. Люди приезжали сюда кататься на снегомобилях и всяких разных штуках.

— Это тебе папа рассказал?

Трейси кивнула:

— Папа — лесной эколог. — Она ткнула пальцем в группу деревьев, растущую поодаль. — Вон там пихты Дугласа. Тут их много, ведь они ни пожаров не боятся, ни засух, ни заразы всякой. Правда, у других деревьев с этим проблемы. — Она снова посмотрела в холодную прозрачную воду. — Я так и не видела ни одной рыбы.

— А это твой... папа сказал, что она тут есть?

— Он сказал наблюдать. Сказал, может, мне повезет. Лени произнесла что-то оканчивающееся на «умать».

Трейси оглянулась на нее:

— Что?

— Ничего, милая, — гостья встрепала девочке волосы. — Просто... в общем, тебе не стоит верить всему, что говорит твой отец.

— Почему?

— Люди не всегда говорят правду. Так бывает.

— А, это я знаю. Но он же мой папа.

Лени вздохнула, но ее лицо стало чуть светлее:

— А ты знаешь, что есть места, где рыбы светятся как фонарики?

— Да ну!

— Ну да. Далеко внизу, на самом дне океана. Я их сама видела.

— Серьезно?

— А у некоторых зубы настолько большие... — Лени развела руки так широко, что могла бы схватить Трейси за плечи с двух сторон, — что они даже не могут закрыть рот.

— Ну и кто теперь врет?

Женщина приложила руку к сердцу:

— Клянусь.

— Ты акул имеешь в виду?

— Нет. Других.

— Ух ты! — Лени была странная, но милая. — Папа говорит, рыб осталось мало.

— Ну эти живут очень глубоко.

— Ух ты! — вновь повторила Трейси, опять перевернулась на живот и уставилась в воду. — Может, и там, внизу, такие плавают.

— Нет.

— Но там же очень глубоко. Дна не видно.

— Поверь мне, Трейси. Там только галька, старые гнилые деревяшки и панцири насекомых.

— А откуда ты об этом знаешь?

— На самом деле... — начала Лени.

— Мне папа сказал наблюдать.

— Спорим, твой папа тебе много о чем говорит? — Гостя больше не улыбалась, а выглядела очень серьезной и почти шептала: — Наверное, он иногда тебя трогает? Когда вы спите вдвоем, ночью.

— Да, конечно. Иногда.

— И он, скорее всего, говорит, что это хорошо, так?

Трейси смутилась:

— Он никогда не говорит об этом. Просто трогает.

— И это ваш маленький секрет? И ты никогда не говоришь... не говорила о нем маме.

— Я никогда... — «Мама». — Он не хочет, чтобы я говорила о... — Закончить Трейси не смогла.

— Все хорошо, — улыбнулась Лени и снова стала дружелюбной. — Ты — хороший ребенок. Ты знаешь об этом, Трейси? Ты — очень хорошая девочка.

— Она самая лучшая, — сказал отец, и лицо женщины превратилось в маску.

Он собрал себе большой рюкзак, а дочери — маленький. Трейси поднялась и забрала свой. Ее папа взглянул на Лени и, казалось, чему-то удивился, но потом сказал:

— Мы собираемся проверить старую звериную тропу с другой стороны хребта. Может, оленя увидим или барсука. В общем, прогуляемся на пару часиков. Если хотите, можете пойти с нами...

Лени холодно покачала головой:

— Нет, спасибо. Думаю, я просто...

А потом она замолчала, посмотрела на Трейси, затем перевела взгляд на мужчину:

— Хотя нет. Наверное, мне лучше сходить с вами.

ОТМЕТКА ЦЕЛИ

Предупреждение об опасности для здоровья

От: Региональная служба эпинаблюдения УЛН,
Н'АмПацифик ЗП

Рассылка: персоналу, ответственному за контроль
и наблюдение за Полосой беженцев
Н'АмПацифика

Тип: синдром голодания

Масштаб: локальный

Уровень: 4,6

Примите к сведению, что локальная сфера распространения симптомов голодания среди беженцев возросла, протянувшись между 46° и 47° северной широты. Будьте наготове, отмечайте ранние признаки, такие как выпадение волос,

шелушение кожи и потеря ногтей; в более запущенных случаях наблюдаются прогрессирующие массивные гематомы и признаки голодания второй ступени (потеря более 18% массы тела, отечность, начальная стадия квашиоркора и цинга). Ожидается, но пока не наблюдается появление слепоты, спазмов и острого диабета.

По-видимому, такое состояние смертельно и неизлечимо, его причина остается неустановленной. Хотя симптомы соответствуют синдрому длительного истощения, образцы, взятые из местных циркуляторов Кальвина, содержат все необходимые питательные вещества. Циркуляторы по-прежнему производят S-аденозилметионин-г в предписанных концентрациях, но в образцах крови, взятых нами у некоторых индивидуумов, мы обнаружили менее половины эффективной дозы вещества. ПРЕДУПРЕЖДАЕМ, ЧТО ПРЕПАРАТ УЖЕ НЕ ОКАЗЫВАЕТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОТДЕЛЬНЫХ БЕЖЕНЦЕВ, ПОЭТОМУ ОНИ МОГУТ ОТКАЗАТЬСЯ С ВАМИ СОТРУДНИЧАТЬ ИЛИ ДАЖЕ ПРОЯВИТЬ ВРАЖДЕБНОСТЬ.

По нашим предположениям, нечто вмешивается в метаболические процессы пострадавших на клеточном уровне, в данное время мы проверяем взятые образцы в УЛН через микроматричный анализ патогенов. Тем не менее нам пока не удалось найти возбудителя болезни.

ЕСЛИ ВО ВРЕМЯ ПАТРУЛИРОВАНИЯ ВЫ ЗАМЕТИТЕ ЭТИ ИЛИ ДРУГИЕ НЕОБЫЧНЫЕ СИМПТОМЫ, ПОЖАЛУЙСТА, НЕ МЕДЛЕННО СООБЩИТЕ О НИХ В РЕГИОНАЛЬНУЮ СЛУЖБУ ЭПИНАБЛЮДЕНИЯ УЛН.

ЧРЕВО

Ложь загнала Кларк в воду.

Она сидела за раскладным столиком с Гордом и Трейси, ела ужин из циркулятора. Модель у них была дорогая, и брикеты получались гораздо вкуснее тех, которыми она давилась на Полосе. Лени старалась радоваться хотя бы этому, пока Горд ласково гладил дочь по голове, ворко-

вал, приговаривал «папина доча», и в каждом его жесте крылось — что? Кларк думала, что досконально выучила все признаки, но у этого уroda чертовски хорошо получалось держать себя на людях; она не видела даже намека на то, что таилось у него внутри. Он походил на самого обыкновенного отца, который любит свою дочь так, как полагается.

Что бы это не значило.

Вот от этого спектакля, не говоря уже о беспрестанной светской болтовне, Лени и ушла. Гордон, похоже, испытал облегчение, когда Кларк схватила рюкзак и отправилась в ночь. Теперь она стояла, глядя на неподвижную гладь жидкого ледника, такую глубокую, такую манящую, залитую ярким лунным светом. Линзы превращали окружающий лес в высококонтрастную смесь из оружейной стали и серебра. Отражение в застывшей воде опять...

...двигалось...

...и что-то в мозгу Кларк снова принялось сочинять сказки о любящих родителях и таких теплых, милых ночах из ее детства...

Через миг она была уже на коленях и рылась в рюкзаке.

Натянула капюшон, почувствовала, как шейная печать смыкается вокруг куртки. Конечно, оставались еще ласты, рукава, гидроштаны, но времени не было, Лени опять превратилась в шестилетнюю девочку, ее пожирало, засасывало, и в той жизни с ней не могло случиться ничего плохого, вообще ничего, теперь-то она точно это знала и больше не собиралась с этим мириться, пока оставался хотя бы призрак...

«...это началось, когда я вернулась наверх, может, если я уйду вниз...»

Кларк даже одежды не сняла.

Вода ударила электрическим разрядом. Стылая и вязкая, она словно содрала кожу с обнаженных рук и ног, ледяными иголками опалила промежность и плечи, прежде чем шкура гидрокостюма сомкнулась вокруг конечностей, запаивая пробоину. Баллон с вакуумом в груди высосал из Кларк весь воздух, и на его место хлынула долгожданная ледниковая вода.

Лени камнем пошла на дно. Размытый лунный свет угасал с каждой секундой; нарастало давление. Обнаженные конечности сначала жгло, потом они стали болеть, а затем просто отключились.

Свернувшись зародышем, Кларк ударилась о дно. Вокруг взметнулось облачко ила и гнилых сосновых иголок.

Она не чувствовала ни рук ни ног, те постепенно умирали. Кровяные тельца в них сжались в тот же момент, как Кларк коснулась воды, принеся себя в автономную жертву ради того, чтобы в центре тела оставался жар. Сквозь сократившиеся улицы организма не шел кислород. И тепло. Ткани по краям замерзали насмерть. В каком-то смысле это даже успокаивало.

Лени задумалась, насколько ее хватит.

По крайней мере она сумела уйти от этого чудовища, Горда.

«Если он, конечно, такой. А как понять наверняка? Он же может все объяснить, в конце концов, отцам дозволено касаться собственных детей...»

Но точных доказательств не существовало. Лишь доказанность за пределами сомнения. И Лени Кларк... Лени Кларк прошла через это. Она знала.

Так же, как и эта маленькая девочка, Трейси. Она осталась там одна. С ним.

Кто-то должен что-то сделать.

«Так кто ты теперь: судья, присяжный, палач?»

Кларк на секунду задумалась.

«А кто лучше?»

Ног она не чувствовала, но команде те все равно подчинились.

ЗАТМЕНИЕ

— Она странная, — сказала Трейси, когда они мыли посуду в раковине.

Папа улыбнулся:

— Ей, наверное, просто очень плохо, милая. Понимаешь, землетрясение принесло боль очень многим людям, а когда тебе больно, то очень легко стать глупым. Думаю, ей просто надо побыть одной. Знаешь, по сравнению с некоторыми людьми нам еще очень даже...

Он не закончил. Такое случалось все чаще.

Лени не вернулась, даже когда они легли спать. Трейси надела пижаму и забралась в постель с папой. Лежала на своей половине, спиной к его животу.

— Вот так, моя маленькая Огневка. — Отец крепко обнял ее и погладил по волосам. — А теперь спи, маленькая моя.

В хижине царил мрак, снаружи — тишина. Даже ветер не тревожил сон Трейси. Лунные лучи украдкой проникали в окно, и квадрат на полу светился мягким серебряным светом. Папа начал храпеть. Ей нравилось, как он пахнет. Веки девочки опустились от тяжести. Она прикрыла глаза и сквозь узкие щелочки наблюдала за бликами на полу. Прямо как от Червяка Нермала, ночника у нее дома.

Дома, где мама...

Где...

Ночник потух. Трейси открыла глаза.

Загораживая луну, в окно смотрела Лени. Ее тень съела почти весь свет на полу. Лицо скрывала темнота: Трейси видела только глаза, холодные, бледные и сверкающие, как снег. Довольно долго она не шевелилась. Просто стояла там, снаружи, и наблюдала.

Наблюдала за Трейси.

Девочка не понимала, откуда она это знает. Не понимала, как Лени может посреди ночи заглянуть в самый темный угол хижины и увидеть, что Трейси свернулась калачиком около отца, но глаза у нее широко открыты и внимательно наблюдают за всем вокруг. Из-за линз девочка даже при дневном свете не могла понять, куда смотрит их новая знакомая.

Неважно. Трейси знала: Лени следила за ней, несмотря на крошечную темноту. Прямо за ней.

— Папа, — прошептала Трейси, тот что-то забормотал, обнял ее, но не проснулся. — Папочка, — снова прошептала она, боясь говорить громко. Боясь закричать.

Луна вернулась.

Дверь хижины открылась без единого звука. Лени вошла внутрь. Даже в темноте ее силуэт казался слишком гладким, слишком пустым. Как будто она сняла одежду, а под той не оказалось ничего, кроме мрака.

В одной руке женщина что-то сжимала. Другой прикоснулась к губам:

— Ш-ш-ш.

МОНСТР

Монстр сжимал Трейси в тисках. Думал, что спрятался в безопасности, свернулся тут, во тьме, со своей жертвой, но Кларк видела его отчетливо, как в пасмурный день.

Она тихо прошла по хижине, оставляя за собой потеки ледяной воды. Выбравшись на берег, Лени натянула

остатки гидрокостюма, чтобы унять холод; очистительный огонь пробежал по рукам и ногам, горячая кровь прожигала себе путь в замерзшую плоть.

Ей нравилось это чувство.

Трейси смотрела на нее не отрываясь, лежа в объятиях отца. Глаза ее походили на блюдца, умоляющие маяки, полные страха и безволия.

«Все в порядке, милая. Он так просто не отвернется. Сначала...»

Кларк наклонилась ближе.

«...освободить заложника».

Она резко откинула покрывало. Монстр открыл глаза, тупо моргая в темноте, которая неожиданно обернулась против него. Трейси лежала совершенно неподвижно, в пижаме, все еще слишком испуганная, чтобы двигаться.

«Пижамка, — с усмешкой подумала Кларк. — Как мило. Какой у нас образцовый отец».

Только ее не обманешь.

Быстрая, как змея, она взяла Трейси за запястье. Когда ребенок оказался в безопасности рядом с ней, свободной рукой Кларк предусмотрительно обняла ее за плечо, защищая.

Девочка завывала.

— Какого черта... — Монстр потянулся за светящейся палочкой, лежавшей рядом с кроватью. Прекрасно. Пусть во всех деталях увидит, как меняются роли...

Сверкнула вспышка, на секунду ослепив Лени, прежде чем подстроились линзы. Гордон поднимался с кушетки. Кларк подняла дубинку.

— Даже не вздумай пошевелиться, мразь!

— Папа! — закричала Трейси.

Монстр раскинул руки, успокаивая, покупая себе время.

— Лени... послушай, я не знаю, чего вы хотите...

— Да ну? — Она еще никогда в жизни не чувствовала себя настолько сильной. — А я вот точно знаю, чего хочешь ты, кусок дерьма.

Он покачал головой:

— Послушайте, просто отпустите Трейси, хорошо? Что бы там ни было, ее втягивать не надо...

Кларк сделала шаг вперед, и хныкающая девочка врезалась ей в бок.

— Значит, ее втягивать не надо? Поздновато для этого, урод. Слишком поздно, тварь.

Монстр замер на мгновение. А потом медленно, словно его осенило:

— Ты что... ты думаешь, я...

Кларк засмеялась:

— Оригинально.

Трейси рванулась прочь:

— Папа, помоги!

Лени удержала ее:

— Все хорошо, Трейси. Он тебя больше не обидит.

Монстр сделал шаг:

— Успокойся, Огневка. Она просто не понимает...

— А ну заткнись! Заткнись, сволочь!

Он не остановился, шел, подняв руки ладонями вперед:

— Хорошо, хорошо, только не...

— Я все понимаю, мразь. И гораздо лучше, чем ты думаешь.

— Да это безумие какое-то. Лени! Да ты посмотри на нее! Просто посмотри! Она что, *меня* боится? Она выглядит так, будто хочет, чтобы ее спасли? Глазами воспользуйся! Ради всего святого, с чего ты вообще решила...

— Думаешь, я не знаю? Не помню, каково это, когда ничего другого и не знаешь? Думаешь, если промыл дочери мозги, заставил ее думать, будто это совершенно нормально, то я...

— Да я ее в жизни не трогал!

Треysi вырвалась и побежала. Кларк, потеряв равновесие, потянулась за ней.

Неожиданно на ее пути оказался Гордон.

— Ах ты психопатка чертова! — рявкнул он и со всего размаха ударил Лени в лицо.

В основании челюсти что-то хрустнуло. Кларк покачнулась. Теплая соленая жидкость залила рот. Через секунду последует боль.

Но пока ее охватил неожиданный, парализующий страх из начала времен, внезапно возродившийся.

«Нет, — подумала она. — Ты сильнее его. Он никогда не был таким сильным, как ты, да ты ни секунды больше не должна мириться с этой сволочью. Преподай ему урок, который эта мразь не забудет никогда: просто вонзи дубинку ему в живот и смотри как он взор...»

— Лени, нет! — закричала Треysi.

Отвлечшись, Кларк посмотрела в сторону.

В голову, сбоку, ей врезалась гора. Почему-то дубинки в руке больше не было: та по сумасшедшей параболе полетела прочь, а мир закрутился неудержимой спиралью. Грубый деревянный пол хижины встретил лицо Лени занозами. В какой-то неизмеримо далекой части вселенной девочка кричала: «Папа».

— Папа, — пробормотала Кларк распухшими губами. Прошло столько лет, но он все-таки вернулся. Как оказалось, ничего так и не изменилось.

*

«Это моя вина, — отрешенно подумала она. — Я сама напросилась».

Если бы ей позволили хоть один момент своей жизни прожить заново, она знала: все бы пошло как надо. В этот раз Лени не выпустила бы дубинку, заставила бы

его заплатить, «прямо как того копа в Саут-Бенде его-то я достала как у него тело взорвалось суп ошметками да кровавый позвоночник скрепляющий две половинки он-то наверное любил давить на людей и глянь как мало осталось когда надавили на него ха-ха...».

Но это все было тогда. А теперь огромная грубая рука схватила ее за плечо и перевернула на спину.

— Психованная дрянь! — ревел монстр. — Ты тронула мою дочь, и теперь я тебя убью!

Он протащил ее по полу и ударил о стену. Девочка кричала где-то в отдалении, его родная кровь, но, разумеется, ему было плевать, он лишь хотел...

Лени извернулась, скорчилась, следующий удар пришелся уже в плечо, и тут она неожиданно высвободилась, открытая дверь возникла прямо перед ней, и вся эта темнота за порогом, безопасность, «монстры в темноте не видят, но я вижу...».

Она обо что-то споткнулась, упала, но не остановилась, удирая, словно краб, у которого оторвали половину ног, а папочка орал и грохотал, мчался за ней по пятам.

Лени, оттолкнувшись рукой от земли, что-то нащупала...

«Дубинка она улетела сюда а теперь она у меня есть я ему покажу...»

...но не показала. Лишь схватила ее и понеслась прочь, Кларк чуть ли не рвало от страха и собственной трусости, она ринулась в объятия ночи, где луна окрасила мир в яркий серебряно-серый цвет. Прямо к озеру, забыла даже запасть лицевой клапан, пока весь мир не превратился в брызги и лед.

Вниз, царапая воду, как будто та тоже превратилась во врага. Не прошло и нескольких секунд, как показалось дно, в конце концов, это было всего лишь озеро, ему не

хватало глубины, далеко не убежишь, а папочка выйдет на берег и дотянется до нее голыми руками...

Лени билась о придонный ил. Вокруг клубился раскисший от воды мусор. Она атаковала камень днями, годами, а какая-то отдаленная ее часть качала головой, дивясь собственной глупости.

Наконец не осталось сил даже на панику.

«Я не могу здесь сидеть».

Челюсть не двигалась, сустав опух.

«В темноте у меня есть преимущество. Пока не наступит день, из хижины он не выйдет».

Рядом лежало что-то гладкое, искусственное, почти скрытое осевшим илом. Дубинка. Наверное, уронила ее, когда запечатывала капюшон. Лени засунула инструмент обратно в ножны.

«Правда, в последний раз особого толку от нее не было...»

Кларк оттолкнулась от дна.

Вспомнила, что на стене хижины висела старая топографическая карта с другими домиками, разбросанными вдоль маршрута патруля лесопожарной службы. Скорее всего, большую часть времени они пустовали. Один располагался на севере, рядом с — как там его — Найджел-Криком. Лени могла сбежать, оставить монстра далеко позади.

«...и Трейси...

Боже мой. Трейси».

Она вырвалась на поверхность.

Рюкзак лежал на берегу там, где Кларк его бросила. Хижина припала к земле на дальнем конце лесосеки, дверь ее была плотно закрыта. Внутри горел свет; штопы задвинули, но по бокам просачивалось яркое сияние, видимое даже без линз.

Лени поползла прочь от озера. От возвращения к привычной гравитации каждый орган в теле заболел

по-разному. Но ей было все равно, она не сводила глаз с окна. До дома было слишком далеко, и она не могла увидеть, как отошел край шторы, совсем немного, только чтобы украдкой посмотреть наружу. И все увидела.

Трейси.

Кларк не спасла ее. Еле сумела уйти сама, а Трейси... Трейси по-прежнему принадлежала Гордону.

«Помоги ей».

Прежде это казалось так просто. Если б только она не потеряла дубинку...

«Так теперь она у тебя есть. Вот, висит в ножнах. Помоги ей, ради всего святого...»

Перехватило дыхание.

«Ты же знаешь, что он делает с ней. Знаешь. Помоги ей...»

Лени поджала колени к груди, обняла их, но плечи по-прежнему трясло. На серебряной полянке всхлипы звучали слишком громко.

Но в закрытой, безмолвной хижине ее, похоже, не слышали.

«Помоги ей, предательница. Хватит бояться. Бесплезный кусок дерьма. Помоги ей...»

Лени сидела так очень долго, потом взяла рюкзак, поднялась на ноги и ушла.

ВЕТЕРАН

Около месяца Кен Лабин ждал смерти. Никогда его жизнь не казалась такой полной, как сейчас.

На острове постоянно дул ветер и вырезал в скалах затейливые фрески с кучей шпилей и каменные ячейки, похожие на соты. Чайки и бакланы ютились в нишах сводчатого песчаника. Яиц не было — очевидно, осенью птицы не неслись, — но мяса, по крайней мере, хвата-

ло. Со свежей водой тоже проблем не возникло: Лабину достаточно было нырнуть в океан и включить опреснитель в груди. Гидрокостюм все еще действовал, хотя его и потрепало. Поры пропускали дистиллированную воду, промывая хозяина и удаляя вторичные соли. Купаясь, Кен дополнял рацион ракообразными и водорослями. Он не был биологом, но улучшения для выживания имел самые передовые; если какой-нибудь токсин не чувствовался на вкус, то наниматели, скорее всего, уже сделали Лабина невосприимчивым к этой отраве.

Он спал под открытым небом, и то настолько полнилось звездами, что их сияние затмевало туманный свет, сочащийся из-за горизонта на востоке. Мерцала даже местная фауна. Поначалу Кен этого не понял; линзы лишали темноты, превращали тьму в бесцветный день. Однажды ночью он устал от этой неумолимой ясности, снял накладки с роговиц и увидел, как от колонии тюленей, расположившихся ниже по берегу, исходит голубое мерцание.

Их тела усеивали опухоли и нарывы. Лабин не знал, то ли это было уже естественным состоянием животных, то ли следствием жизни в такой близости к отходам двадцать первого века. Правда, одно Кен понимал прекрасно: раны не должны светиться. А эти светились. Ярко-алые наросты постоянно кровоточили, но вот ночью ихор сиял, как фотофоры глубоководных рыб. И не только опухоли: когда тюлени смотрели на человека, даже их глаза походили на мерцающие сапфиры.

Какая-то часть сознания Лабина попыталась найти этому правдоподобное объяснение: биолюминесцентная бактерия, недавно мутировавшая. Горизонтальный перенос генов от микробов, которые разжигали огни святого Эльма, пока им не пришлось собрать вещички из-за свирепствующего ультрафиолета. Молекулы люциферина флюоресцировали из-за контакта с кислородом: это

вполне объясняло сияние в открытых ранах, да и в глазах тоже, ведь там полно капилляров.

Хотя, по большей части, Кен просто удивлялся тому, что рак вдруг стал прекрасным на вид, и думал, насколько же это абсурдно.

*

Раны Лабина затягивались быстрее, чем у обыкновенного человека; ткани соединялись и росли почти как опухли. Кен воздавал хвалу искусственно увеличенному количеству митохондрий, тримерным антителам, макрофагам, лимфокину и производству фибробластов, разогнанному в два раза по сравнению с нормой для млекопитающих. За несколько дней вернулся слух, поначалу звуки были прозрачными и красивыми, но потом угасли, так как размножающиеся клетки барабанных перепонки — ускоренные десятком ретровирусных манипуляций — не останавливались, а когда наконец вспомнили, что пора завязывать, то больше напоминали конструкции, вырезанные из ДСП.

Лабин не возражал. Слух в общем сохранился, но и полная глухота казалась справедливой платой за более выносливое тело. Природа даже продемонстрировала ему альтернативу, на случай если Лабин вдруг проявит неблагодарность: через неделю после того, как он вышел на сушу, в южной части острова появился морской лев, старый самец, в пять раз крупнее любого тюленя поблизости. Жизнь у него явно была бурной, а в недавней драке ему оторвали нижнюю челюсть. Она висела, словно ужасный раздувшийся язык, утыканный зубами. Держалась только на коже, мускулах и сухожилиях. С каждым днем ткани все больше опухали и гноились; шкура трескалась, а из ран сочилась белая и оранжевая жидкость, связывая края вместе: так естественные системы защиты пытались залатать пробоину.

Хищник в триста килограммов весом, обреченный на расцвете жизни. У него остались лишь две возможности — умереть или от голода, или от инфекции, и даже тут его лишили выбора. Насколько знал Лабин, намеренное самоубийство было исключительно человеческой прерогативой.

Большую часть времени лев просто лежал и дышал. Иногда он на несколько часов возвращался в океан. Лабин не очень понимал, что самец там делал. Пытался охотиться? Неужели не знал, что уже мертв? Неужели его инстинкты были настолько непреклонны?

И все равно по какой-то причине Кен чувствовал родство с умирающим животным. Казалось, иногда они оба теряли ощущение времени. Солнце осторожно огибало остров, спускаясь в море на западе, а два усталых и сломленных существа — наблюдающих друг за другом с бесконечным терпением обреченных — едва замечали, когда наступала ночь.

*

Прошел месяц, и Лабин начал думать, что не умрет.

Он изредка страдал от диареи — вот и все симптомы. В фекалиях нашел нематод. Открытие не из приятных, но жизни оно не угрожало. Сейчас некоторые люди сами запускали таких паразитов в организм. Тренировали его защитную систему.

Возможно, усиленный иммунитет уберег Кена от того, что так сильно перепугало Энергосеть, и та скакнула в режим зачистки. Или ему просто повезло. Существовала даже отдаленная вероятность, что весь анализ ситуации в корне неверен. До сих пор его устраивала пожизненная отставка, этакое шаткое равновесие между инстинктом самосохранения и уверенностью, что, если бы он стал шататься по миру, разнося смертельный вирус,

работодатели не одобрили бы такое поведение. Но, может, Кен сам себе придумал апокалипсис. И инфекцию. Может, он вообще не представлял опасности.

И произошло что-то совсем другое.

«Возможно, — подумал он, — мне стоит выяснить, что именно».

Когда ночью Кен смотрел на восток, то на горизонте иногда видел бегущие огни. Они следовали по совершенно предсказуемому маршруту, и поведение их было стереотипным, как у зверей, меряющих шагами клетку. Сборщики водорослей. Низкобортные роботы, выкашивающие океан. Никакой охраны — надо только не попасться в острые зубы, расположенные на носу. Машины, легко уязвимые для достаточно нахальных безбилетников, которых могло по чистой случайности закинуть посереде Тихоокеанского континентального шельфа.

Трип Вины вяло ткнул Кена в живот. Прошептал, что у Лабина одни только допущения. Месяц без симптомов едва ли гарантировал чистую медицинскую карту. У бесчисленного количества заболеваний был более долгий инкубационный период.

И все-таки...

И все-таки железных признаков инфекции не было. Оставались лишь тайна и предположение, что люди, контролирующие ситуацию, захотели убрать Кена с доски. Не было ни приказов, ни директив. Интуиция, конечно, спрашивала, чего же хотели хозяева, но ничего доподлинно не знала, — а неведение давало Лабину полную свободу действий.

*

Для начала он провел эвтаназию.

Лабин видел, что лев все больше худеет, что по бокам проступают ребра. Видел, как мясистый сустав нижней

челюсти мало-помалу схватывается и встает на место из-за хаотического роста вывернутой кости и опухоли, раздувшейся от обширной инфекции. Когда самец впервые попался Кену на глаза, его челюсть висела на волоске. Теперь же выступала из перекрученной шишки гангренозной плоти, одеревенелая и неподвижная. По всему телу хищника открылись язвы.

Старик едва поднимал голову от земли; а когда ему все же удавалось это сделать, в каждом его движении читались истощение и боль. Мутный белый глаз наблюдал за Лабиным, который приближался со стороны суши. Возможно, в глазу даже мелькнуло узнавание, хотя скорее — простое безразличие.

Кен остановился в паре метров от животного, зажав в кулаке палку из плавника, аккуратно заостренную на конце, с руку толщиной. Смерд ужасал. В каждой ране корчились черви.

Потом он приставил оружие к шее зверя и тихо сказал:

— Привет.

И с силой нажал.

Поразительно, но у самца остались силы. Он взметнулся вверх, заревел и, ударив Лабина в грудь головой, легко отшвырнул прочь. От толчка черная кожа, плотно обтягивающая изувеченные останки нижней челюсти, лопнула. Из разрыва брызнул гной. За краткий миг в реве льва слышалась вся гамма эмоций от боевого клича до агонии.

Кен упал на берег, прокатился и встал на ноги, самец достать его не мог. Он зацепился верхней челюстью за древко, застрявшее в шее, и пытался вытащить его. Лабин сделал круг, подошел сзади. Лев заметил его приближение, неуклюже завертелся, словно подбитый танк. Кен сделал ложный выпад; зверь слабо рванулся

налево, а человек развернулся, подпрыгнул и схватил копье. Занозы впились в руки, когда он со всей силы загнал палку внутрь.

Самец, визжа, перекатился на спину, навалился на ногу Лабина всей тушей, которой — даже потеряв половину веса — легко мог раздавить человека, и попытался протаранить врага своей чудовищной мордой, сочащейся болью и гноем.

Кен ударил зверя в основание челюсти, почувствовал, как кость прорывает мясо. Лопнул какой-то глубоко засевший абсцесс, обдав лицо Лабина вонючим гейзером.

Таран исчез. Нога освободилась. Талидомидные* лапы били по гравию прямо перед лицом Кена.

Когда он в очередной раз взялся за копье, то повис на нем, дергал из стороны в сторону, ощущая, как дерево в звериной туше скребет по кости. Самец под ним дергался и пытался подняться; в сумятице боли, агонии, идущей словно со всех сторон, он, казалось, даже не понимал, где находится его мучитель. Неожиданно острие скользнуло в бороздку между позвонками, и Лабин надавил на древко изо всех оставшихся сил.

Бурлящая масса под ним осела.

Лев еще не умер. Один глаз по-прежнему следил за Лабинным, когда тот устало, но решительно обходил го-

* *Талидомид* — успокаивающее и снотворное лекарство, изобретенное в 1954 году, которое с 1958 года стало рекламироваться как лучший препарат для беременных и кормящих матерей. Вскоре выяснилось, что талидомид имеет серьезные побочные эффекты и буквально уродует эмбрионы в матке. С 1956 по 1962 год по всему миру родилось около 10 000 «талидомидных» детей с врожденными уродствами и отклонениями. Одним из наиболее частых были недоразвитые руки практически без предплечий и с длинными, тонкими, зачастую сросшимися пальцами, получившие название «талидомидные руки».

лову животного. Человек парализовал его от шеи вниз, лишил возможности дышать и двигаться. Ныряющее животное. Сколько миллионов лет оно приспособлялось долгое время обходиться без воздуха? И сколько еще будет двигаться этот глаз?

Кен знал ответ. Морские львы по множеству признаков походили на других млекопитающих. У них была дырка в основании черепа, там, где спинной мозг входил в головной. Она называлась большим затылочным отверстием, и по роду службы Кен знал немало таких анатомических деталей.

Он вытащил копье и приставил его к основанию черепа.

Глаз перестал двигаться через три секунды.

*

Когда Лабин уже уходил с острова, то почувствовал легкое жжение в глазах, комок в горле, который не мог списать на тесноту гидрокостюма. Он чувствовал сожаление. И не хотел делать того, что сейчас совершил.

Конечно, те, кто встречался с ним раньше, в такое не поверили бы. Среди прочего, он был убийцей, если того требовали обстоятельства. Когда же люди узнавали Кена с этой стороны, они редко продолжали с ним знакомство.

Но на самом деле он никогда не хотел убивать. Сожалел о каждой смерти. Даже о гибели большого, глупого и неуклюжего хищника, не отвечавшего стандартам собственного вида. Разумеется, в таких делах никогда не оставалось выбора. Лабин забирал чужую жизнь только тогда, когда другого пути не было.

И в такой ситуации — когда иные решения исчерпаны, когда чья-то смерть — единственный и неизбежный способ выполнить задание, — нет ровным счетом ничего плохого в хорошей и эффективной работе. И совершенно

ничего зазорного в том, чтобы получать от нее толику удовольствия.

«Ведь это даже не моя вина», — размышлял Лабин, бредя через прибой. Его так запрограммировали. Хозяева фактически сами это признали, когда отправили Кена в длительный отпуск.

Холм плоти, разлагающейся на берегу, опять попался ему на глаза. Выбора не было. Он оборвал чужие страдания. Совершил один хороший поступок, расплатился с местом, которое последние недели поддерживало в нем жизнь.

«Прощай».

А потом Кен запечатал капюшон и запустил имплантаты. Полости, бронхи, желудочно-кишечный тракт скорчились в смятении, но быстро сдались. Тихий океан, такой знакомый, успокаивающе пронизывал грудь; крохотные искры разрывали сцепленные молекулы кислорода и водорода, передавая полезные кусочки прямо в легочную вену.

Лабин не знал, сколько времени ему понадобится, чтобы добраться до прерывистой линии огней на горизонте. Не знал, долго ли они будут везти его на материк. Не знал даже, что будет делать, когда туда доберется. Пока ему хватало лишь одного факта:

Кен Лабин — любитель всего живого, наемный убийца с Трипом Вины, пушка, настолько отбившаяся от рук, что даже секретным службам пришлось захоронить ее на морском дне, словно радиоактивные отходы...

Кен Лабин возвращался домой.

ФИЗАЛИЯ*

—

* Вид колониальных гидроидных из отряда сифонофор. По виду напоминает медузу, но на самом деле это скорее колония полипов, где каждый исполняет свою роль — добывает пищу, переваривает, охраняет колонию или занимается размножением. Физалию часто называют «португальским корабликом» из-за яркой окраски плавательного пузыря, напоминающего парус средневекового португальского судна. Нижняя часть пузыря синяя, сверху — красный гребень, вся физалия переливается голубыми и фиолетовыми цветами. Ее тело достигает в среднем 30 см в длину, а вот щупальца могут быть разными. У тихоокеанской физалии одно из щупалец, арканчик, может и вовсе быть около 13 метров в длину, и по всей его длине расположены стрекательные клетки. Физалия очень ядовита, в том числе и для человека, и может ужалить, даже если окажется на берегу.

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

ЗЕВС

Перро приближалась к очагу бунта, когда ее отрубили.

Разумеется, свару затеял Амитав. Она все поняла, как только увидела место беспорядков: поврежденный циркулятор Кальвина в Гренвилль-Пойнт, менее чем в двух километрах от последнего известного местонахождения индуса. Су-Хон запрыгнула в ближайший «овод» и направилась туда.

Каким-то образом беженцы умудрились выкорчевать световой столб и воспользовались им как тараном: циркулятор пронзили в самое сердце. Дюжина разновидностей аминомассы вязко сочилась из раны гнойной смесью охряного и бурого цвета. Толстые бунтовщики — у некоторых из покрытых струпьями язв каплями проступала кровь — с криками навалились на раненую машину и опрокинули ее.

Растерянная толпа отступала от буйных во все стороны, бессильная, как и всегда.

— Kholana Apaka netta, behen chod!

Амитав взобрался на упавший циркулятор. «Овод» Перро, проанализировав фонемы, остановился на хинди.

— Откройте глаза, ублюдки! Разве вам мало, что все мы должны жрать их яд? Вы так и будете сидеть, засунув руки в задницу, и ждать, пока на нас не обрушат еще

одну волну, пока не прикончат нас всех? Лени Кларк вам не хватило? Она выжила в эпицентре бури, она сказала вам, кто ваш враг! Она сражается с ними, пока вы спите в грязи! Что должно случиться, чтобы вы проснулись?

Апостолы старика с шумом его поддерживали; остальные беспорядочно топтались на месте и перешептывались между собой.

«Амитав, — подумала Перро, — ты слишком далеко зашел».

Палочник взглянул в небо и вскинул вверх тощую руку, указывая на снижающегося «овода» Перро:

— Смотрите! Они посылают машины, чтобы говорить нам, что делать! Они...

Неожиданная тьма, безмолвная и беспросветная.

*

Су-Хон подождала. Через несколько секунд в пустоте замигали две строчки светящегося текста:

Карантинная зона УЛН

(Закон Н'АмПацифика о биологических угрозах, 2040)

Конечно, Перро и раньше попадала в зоны тьмы. Иногда «оводы», которыми она управляла, неожиданно отрубались, слепли и глохли, невозмутимо паря безо всякого руководства. Отлетов на порядочное расстояние от нежелательных видов иногда на пятьдесят метров, а иногда и на двадцать километров, они снова возвращались онлайн.

Но зачем ссылаться на Закон о биологических угрозах из-за какого-то снесенного циркулятора?

«Если только дело не в нем...»

Она соединилась со следующим ботом на линии: *Карантинная зона УЛН* снова замерцала в неприветливой

тьме. Су-Хон подключилась к еще одному, потом еще, прыгая туда-сюда по границам провала.

8,18 километра от края до края.

Установив границы, Перро отправилась на юг, зайдя с северного периметра. Выкрутила спектр на максимум, смотря на мир сквозь переплетение инфракрасного, рентгеновского и ультрафиолетового излучений в искусственном цвете, тыкала в туман радаром...

«Вон там...»

Что-то в небе. Какой-то образ мелькнул на краткий миг и тут же померк во мраке.

Карантинная зона УЛН

Су-Хон прыгнула назад и настроила все так, чтобы маневр повторялся, как только вырубится картинка. Она просматривала запись вновь и вновь: огромный занавес и тьма. Клубящаяся стена, спускающаяся до самой земли, и тьма. Надувной барьер, плавно набухающий вдоль всей длины Полосы.

Тьма. *Карантинная зона УЛ...*

Перро задумалась.

Они отрезали восемь километров берега, участок почти в девятьсот метров шириной. Для покрытия такой территории понадобилось бы несколько глушилок, если давили не только широкополосную связь, но и узконаправленную. Значит, гасители, скорее всего, поставили прямо на Стену.

Вполне вероятно, их зона покрытия не слишком далеко уходила в море.

Из затмения как раз вынырнул «овод», направлявшийся на север. Перро оседлала его и полетела на запад, держась пониже. Совсем близко бушевала линия прибоя. Потом бот залетел за волнорезы и поплыл над низкими маслянистыми волнами. Су-Хон повернула на юг.

Движение тут все-таки было. Штурмовой вертолет с какими-то сомнительными опознавательными знаками угрожающе парил над прогулочными яхтами, спешно уходящими подальше отсюда, купол глушилки опухолью уродовал его корпус. Ближе к берегу порхала кучка «оводов», но такими Перро не управляла. Ни один из них не обратил внимания на ее собственный, а если и обратил, то приписал тому родословную, которую бот явно не заслуживал.

Она находилась в восьмистах метрах от берега, все еще скользя над зыбью. К западу от места последнего бунта Амитавы. Перро придержала своего скакуна и развернулась к суше.

Волнорезы в отдалении, пятно грязного песка, бурное движение дальше по берегу. Она выключила движок и зависла неподвижно, но все сенсоры работали по-прежнему.

Увеличение: движение на берегу больше походило на побоище.

Бежали все. Перро еще никогда не видела на Полосе такой активности. Не было преобладающего направления, общего исхода. Некуда идти. Некоторые из полосников плюхались в воду; «оводы», которых она заметила раньше, гнали их обратно. Большинство людей просто металось туда-сюда.

Из облаков в толпу вонзались вспышки зеленого света.

Су-Хон направила камеру вверх и еле успела заметить юркого дрона, исчезающего в южном направлении. А теперь и ее бот принялся блять: что-то приближалось сзади на низкой высоте, большое и невидимое для радаров...

«Ну разумеется, невидимое, иначе я бы засекала его гораздо раньше...»

...и слишком близкое, не уклонишься.

Перро развернула «овода» и увидела объект буквально в двухстах метрах от себя: к берегу шел подъемник, похожий на левитирующего кита. Амбразуры рядами выстроились на его брюхе, странные медные штуковины как будто из другого века, мягкое оранжевое пламя мерцало за стеклом. Су-Хон прищурилась прямо в шлемофоне, пытаясь развеять викторианский образ. Неожиданно из шишки на корпусе корабля с треском метнулся электрический разряд; в глазах Перро вспыхнул и погас ослепительный свет. В темноте еще какое-то время мерцала алфавитно-цифровая взвесь от последнего судорожного кашля навигационной системы бота. А потом ничего, только мигающая эпитафия:

«Связь потеряна». «Связь потеряна». «Связь потеряна».

Она едва обратила на нее внимание. Не стала восстанавливать контакт — сейчас «овод» уже шел ко дну. Даже не перепрыгнула на другой канал. Все ее мысли сейчас занимало то, что она увидела, а воображение — то, что осталось за кадром.

На подъемниках были не амбразуры, а широкие сопла промышленных огнеметов. Их запалы мерцали подобно горячим языкам.

ГОВОРЯЩИЙ СВЕРЧОК*

Вариации на тему

Орегонскую Полосу окутал туман. Вечерний, серый как сталь свет рассеян, от солнца не осталось даже воспоминания. Беженцы собрались около пищевых станций,

* Имеется в виду говорящий сверчок из сказки Карло Коллоди «Пиноккио», олицетворение совести и голоса разума Пиноккио, которого тот в начале сказки убил молотком, но затем сверчок волшебным образом воскрес.

отгоняя влажность мягким оранжевым сиянием переносных обогревателей. Явная человечность их облика размывается с расстоянием: мгла низводит их до силуэтов, серых теней, смутных намеков на бесконечную конвекцию. Движение, что идет в никуда. Люди молчаливы и решительны.

Ахилл видел их по каналам телеметрии.

Увидел он и то, что случилось потом. Сверху раздался приглушенный вой, несколько громче, чем от обыкновенных «оводов». Человеческое море заволновалось; взгляды неожиданно устремились вверх, пытаясь выжать картинку из серого хаоса. Пошли слухи: «Такое раньше случалось, в трех дня к югу. Вот так все и начинается. А потом о них больше ничего не слышали...» Кто-то ворчливо согласился; кто-то начал толкаться, другие уже побежали.

Страх наконец пробился сквозь химическую покорность, которая так долго держала их на привязи.

Правда, толку от него нет. Зону уже перекрыли. Паника бессмысленна, выхода для инстинктов самосохранения не найти. Беженцев предупредили всего пару секунд назад, но все уже практически закончилось.

Лезвием скальпеля пробился сквозь облака бирюзовый пунктир лазера, ажурной строчкой вышивающий поперечный разрез в десять километров длиной. От его касания сгорали крохотные частички песка и плоти. Аргоновые нити, столь яркие и прекрасные, что от одного взгляда на них можно было полностью ослепнуть, становились видимыми для человеческих глаз, только отразившись от капель в пропитанном влагой воздухе. Они действовали быстро: световое шоу закончилось прежде, чем раздались крики.

Принцип прост: горит все. Правда, каждый предмет дает свой отдельный спектр, едва отличимые сочетания

бора, натрия и углерода люминесцируют каждое на своей длине волны, порождая гармонию света, уникальную для каждого объекта, преданного сожжению. В теории даже идентичные близнецы от пламени сияли бы по-разному, если только в жизни придерживались разных диет.

Для нынешних целей, конечно, такое разрешение не требовалось.

Взглянем сюда: перед нами некий стратегический участок. Надо выяснить, вражеская ли это территория. Для этого проведем через нее линию, причем так, чтобы разрез по обе стороны заходил на безопасную территорию. Прекрасно. Теперь возьмем образцы вдоль проложенной нами траектории. Превратим материю в энергию. Прочитаем язык пламени. Концы раны — это исходный материал, контрольные зоны; их свечение — это свет дружественной почвы. Далее следует вычислить длину волн от того, что обнаружится посередине, а потом прогнать данные через обычную статистику, выяснив уровень генетической неоднородности в окружающей среде.

Джовелланос получила из своих кашеобразных образцов отчетливый снимок того, как должен выглядеть спектр Бетагемота на расстоянии. С таким критерием существовал лишь один способ понять, прошел ли проверку каждый отдельный участок: если полчаса спустя его не заливали галотаном и не выжигали там все до скальной породы, значит, заразу не обнаружили.

Тест был надежен на девяносто процентов. Сильные мира сего считали, что этого вполне достаточно.

*

Даже Ахилл, обладатель невероятно быстрой реакции, удивлялся тому, как все изменилось буквально за пару месяцев.

Разумеется, поползли слухи. Ничего последовательного и уж точно — официального. Карантины, вымирание растений и гибель урожая уже многие годы никого не удивляли. Дня не проходило, чтобы не вернулась какая-нибудь болезнь, — уставшие старые гены обретали новую жизнь в лабораториях террористов или вступали в союз с вирусными переносчиками, плевавшими на репродуктивную изоляцию видов. На таком загрязненном фоне можно было спрятать немало новых эпидемий.

Однако смесь менялась. Двадцать первый век походил на изобильный «шведский стол» из катастроф, эпидемий, экзотов, пылевых бурь, и все они навалились на человечество с разных сторон. Но теперь в тени остальных потихоньку росла одна очень необычная угроза. Все чаще встречались определенные типы локализации. Пожары бушевали на всем Западном побережье, и официально они были никак друг с другом не связаны: где-то якобы шла дезинсекция, в других местах оказались виноваты террористы, а некоторые и вовсе вспыхнули из-за осушения почв, продолжавшего расплзаться по всей территории Северной Америки. И все-таки, почему столько пожаров, и все — вдоль берега? Почему установили столько карантинных зон, провели столько зачисток по направлению с севера на юг, вдоль Скалистых гор? Очень странно, ну очень.

Среди изобилия уже привычных катастроф вызревала какая-то темная энтропийная монокультура, сама по себе невидимая, но оставляющая яркий след. И люди начали его замечать.

Из-за Трипа Дежарден, естественно, держал рот на замке. Ахилл больше не занимался Бетагемотом — они с Джовелланос выполнили задание, отчитались о результатах и снова перешли к практике, разбираясь со случайными катастрофами, которые им выдавал Роутер, — но

глубинные предчувствия не зависели от работы. После смены Ахилл спускался в уютные внутренности «Реактора Пикеринга», где с радостью напивался, мило общался с местными — в том числе позволил Гвен уговорить себя на настоящий секс, что впоследствии даже она признала полной катастрофой, — и прислушивался к молве о надвигающемся конце света.

И пока он так сидел и ничего не делал, в мире появлялось все больше самозванцев в черных гидрокостюмах с пустыми глазами.

Поначалу до него не доходил смысл новых веяний. Когда Ахилл впервые встретил Гвен, та вырядилась по последней моде, которую называла «рифтерским шиком», и оказалась одной из первых. За последние несколько месяцев тренд набрал силу. Теперь все кому не лень, включая органклонов, залезли в обтягивающие трико и вооружились фотоколлагеном. В основном, конечно, К-отборщицы, но «эрки» тоже не отставали. Дежарден даже видел нескольких людей, разодетых в настоящие отражающие кополимеры. Те казались чуть ли не живыми, меняли проницаемость для поддержания оптимального температурного и ионного баланса, зарастали, если ткань рвалась. Она как бы скользила по телу того, кто ее надевал, заползая в малейшую впадину, ее края и швы искали друг друга, желая слиться в единый организм, словно какая-то фарма скрестила амебу с нефтяным пятном. Дежарден слышал, что эта штука связывается даже с глазами.

От таких мыслей ему становилось не по себе. Впрочем, он не слишком много о них думал. От вида каждого нового модника Ахилл испытывал не просто отвращение — внутрь вонзался куда более острый нож.

«Шестеро погибли, — шептали клинки, скользя по кишкам. — Может, и зря. А может, их жизнью не хватило.

Всякое бывает, знаешь ли. Шестеро погибли, а теперь еще несколько тысяч, и ты в этом сыграл далеко не последнюю роль, приятель. Ты не знаешь, правильно поступил или неправильно, ты понятия не имеешь, что конкретно натворил, но влез в дело по-крупному, о да. И теперь кровь погибших отчасти и на твоих руках».

По идее, Дежарден не должен был об этом беспокоиться — он выполнял работу, а с такими последствиями разбиралось Отпущение грехов. К тому же не он ведь решал, кому умереть, а кому выжить, так? Ахилл получил задание, решил статистическую проблему. Поработал с цифровыми массивами. Все выполнил на высшем уровне, а теперь занимается другими делами.

«Мы всего лишь выполняли приказы, а кри нам так жаль».

Вот только он не выполнял приказы, не совсем. И отпустить все просто так не смог. Ахилл держал Бетагемот где-то на периферии зрения, в маленьком, постоянно открытом окне на краю КонТактов, которое больше походило на пиксельную язву, и в перерывах между другими заданиями изучал увеличенные снимки со спутников, байесовские контуры вероятности, данные о практически незаметных болезнях растений и о пожарах, открыто полыхающих по всему Западному побережью.

Которые уже двинулись на восток.

Бетагемот перемещался спорадически, финтил, исчезал, появлялся вновь в самых неожиданных местах. Одна крупная вспышка к югу от Мендосино угасла за ночь по естественным причинам. Небольшая цитадель расцвела около Саут-Бенда и отказалась исчезать даже после того, как призвали Лазеры Инквизиции. На северо-западе по какой-то таинственной причине начал гибнуть урожай; больше пятидесяти гектаров леса в парке Олимпик сожгли, якобы сдерживая заражение короедами. В тучной

части штата Орегон неожиданно резко возросло число случаев истощения. Что-то новенькое истребляло людей вдоль побережья, и выявить его оказалось почти невозможно. На каждую жертву приходился некий новый симптом; неопределенная патология исчезала на фоне болезней с более четким характером. Незваного гостя почти никто не замечал.

А сигнатура Бетагемота уже появилась на материке: в полях и на заболоченных участках около Агассиса, Централии и Хоупа. Иногда он как будто следовал вдоль рек, но почему-то против течения. Иногда двигался против ветра. А значит, существовал носитель. Может, даже не один. Это было единственным разумным объяснением.

Ахилл поделился этим открытием с Роуэн. Та не ответила. Уже знала, конечно. А Дежарден жил себе день за днем: торнадо тут, «красный прилив»* там, племенная резня где-нибудь еще — в общем, повсюду требовался его многообразный запас хитростей. Размышлять о прошлых свершениях времени не оставалось. Как и о том образе, что поднимался из глубин, мелькал между катастрофами. Неважно, неважно; они знают, что делают, эти люди, которые выпили твою кровь, изменили ее и превратили тебя в раба ради блага всего человечества. Они знают, что делают.

А люди повсюду одевались так, словно собирались работать в океанских глубинах, стояли в своих костюмах на автобусных остановках, сидели в наркобарах, как будто

* «Красный прилив» — общепринятое название частного случая цветения воды, вызванного вспышкой численности морских водорослей. Зачастую «красные приливы» связаны с производством натуральных токсинов, которые приводят к обеднению кислородом и другим опасным эффектам. В результате «красных приливов» гибнет рыба, птицы и морские животные.

призрак Банко* клонировали тысячу раз. Они обменивались слепыми взглядами, смеялись, говорили обычную вопиющую чепуху. Их чересчур громкие, небрежные голоса пытались заглушить странные пугающие звуки, все настойчивее раздающиеся из подвала.

ОТПЕЧАТКИ

Даже мертвым Кен Лабин располагал большими возможностями, чем девяносто девять процентов живых.

В его профессии это имело смысл. Личность — вещь мимолетная: рост, вес, этноскелет можно легко поднастроить при помощи небольших изменений в эндокринной системе. Сетчатка, голос, отпечатки пальцев — всего лишь случайности развития, может, и уникальные при рождении, но едва ли неизменяемые. Даже ДНК можно откорректировать, надо лишь навесить на нее достаточно псевдокодонов. Один человек мог легко имитировать другого, и важно было сохранить способность меняться, не теряя доступа к жизненно необходимым ресурсам. Постоянная личность была бесполезна для Кена Лабина. Более того, потенциально она могла стать угрозой для его жизни.

Насколько он знал — а проверить так и не удосужился, — официально никакого Кена Лабина вообще не существовало.

Впрочем, совершенно неважно, кто он такой. Вы бы открыли человеку дверь только потому, что ему сканировали зрачки на прошлой неделе? За такой срок могло

* Имеется в виду призрак полководца Банко из трагедии Уильяма Шекспира «Макбет», убитого по приказу Макбета. Во многих постановках призрак появляется на сцене в черно-белом плаще.

многое произойти. Может, его уже деконструировали и переманили на свою сторону. Может, он лучше предаст вас, но не позволит казнить своих детей, оказавшихся в заложниках. Может, он обрел Аллаха.

А если так, какой смысл остерегаться незнакомцев? Если чьих-то отпечатков сетчатки нет в базе, неужели он только из-за этого становится врагом?

Не имело никакого значения, был ли Лабин тем, кем себя представлял. Смысл заключался лишь в одном: в его мозг закачали такое количество Трипа Вины, что он психологически был не способен укусить одурманившую его руку.

Причем по его венам бежал далеко не обычный Трип. В ведомствах имелись тысячи разных вкусов на любой случай: один для Венесуэлы, четыре или пять для Китая, десятка два для Квебека. Ни один из них не полагался на столь лицемерный мотиватор, как «общее благо». Даже благодетельные правонарушители не служили ему, пусть в их тренировочных брошюрах и говорилось совсем другое. «Общее благо» может означать что угодно; черт побери, оно может даже пойти на пользу тем, «другим» парням.

Кен Лабин был химически предан Н'АмПацифику, причем в определенной сфере, имевшей отношение к выработке электрической энергии. После Гидровойны такие вопросы приобрели огромное значение; все эти двадцать лет корпы занимались тонкой настройкой молекул. Если бы Кен даже задумался о том, чтобы продать свои услуги не тому покупателю, его в тот же самый момент хватанул бы такой удар, по сравнению с которым большой эпилептический припадок показался бы нервной чесоткой на свидании вслепую. Когда механические «ищейки» обнюхивали ему промежность, они искали только Трип. Ни имя, ни одежду, ни накопленный балласт тяжелых

металлов из океана, который мертвой хваткой цеплялся за Лабина даже после долгого душа в местном общественном центре. Машины плевали на преувеличенные слухи о его кончине, и тем более на необъяснимое возвращение из могилы.

Их заботило лишь то, похож ли Кен на них самих: послушен ли, верен, надежен.

И они распахнули перед Лабином двери. Дали денег, доступ в медкабины, на пять лет опережающие все, что можно было найти на улице. Возвратили слух и, совершенно неожиданно, одарили девственно-чистым санитарным свидетельством. Указали на пустую меблированную комнату, та удобным коконом поджидала любого из «своих», кому понадобилось бы место, чтобы перекантоваться.

И более того, «ищейки» пустили его в Убежище.

*

Тем не менее кое-чего они не могли сделать в принципе. Например, провести выделенку в комнату. Такой вариант даже не обсуждался. Чтобы приступить к работе, Лабину пришлось выйти в люди, к анонимному ряду инфокабин на четырнадцатом этаже комплекса Ридли, доступных только для людей с совестью, сделанной на заказ. В любое время дня и ночи половина из них всегда была занята, за матированным стеклом дергались темные размытые фигуры, словно личинки, утнездившиеся в медовых сотах. Иногда два человека одновременно выходили в коридор и без единого слова проходили мимо друг друга, даже взгляда не поднимали. Тут никто не нуждался в ободрающих любезностях: все и так работали на одну сторону.

Внутри кабинки со шлемофоном, уютно облепившим подбородок, глаза и уши, Кеннет Лабин залогинился

в Убежище и принялся беззвучно наговаривать вопросы про источник Чэннера. Оборудование считало шум гортани — понадобилась небольшая регулировка из-за вокодера, установленного в горле, — и отправило агента на охоту за ответами. Лабин запросил список упоминаний, содержащих словосочетание «станция „Биб“», и тут же получил его. Сравнил результаты с реестром опасных микробов, появившихся из глубин океана.

На Чэннере не зарегистрировали никаких значимых патогенов.

Хмм.

Конечно, это ничего не доказывало. До Убежища не добиралось множество крайне неприятных фактов. Впрочем, существовали и другие подступы.

Предположим, что источник подорвали, чтобы сдержать некий фактор риска. Если бы о нем знали изначально, то «Биб» просто не запустили бы; значит, существовал определенный период, когда угроза распространялась незамеченной. А как только ее обнаружили, все ниточки пришлось подвязывать задним числом...

Строительные подрядчики. Судоверфи Западного побережья. Правда, на поверхности ядерными зарядами пользоваться бы не стали.

Скорее всего, зачистку проводили огнем.

Лабин вызвал частотную диаграмму пожаров за последнее время в радиусе пяти километров от компаний, занимавшихся морским строительством, и баз подрядчиков, расположившихся вдоль берега Н'АмПацифика. Убежище выдало довольно любопытный пик спустя примерно три месяца после запуска «Биб»: судоверфи «Урчин», «Металлоконструкции Хэнсона» и комплекс «Шоуэлл Маринс» в Сан-Франциско превратились в филиалы ада на Земле буквально за неделю. В течение еще двух недель около десятка площадок пострадало от поджогов,

а кое-какие компании сами пожгли немало собственного имущества в рамках «плановых реконструкций».

Лабин расширил масштабы и запустил поиск заново: все крупные пожары за искомый период в любом месте на Тихоокеанском побережье Северной Америки.

Карта вспыхнула.

«Бог ты мой», — подумал Кен.

*

Что-то перепугало их до смерти. И все началось на «Биб».

В метабазе патогенов с Чэннера не нашлось — никаких микроскопических хищников, которые выедают тело изнутри. Но вот макроскопические — тех вблизи источника водилось в избытке. Удильщики, рыбы-гадюки, морские коньки, куча всяких тварей. Черные зубастые монстры, некоторые утыканы биолюминесцентными огнями, другие матовые, как грязь, одни меняли пол из прихоти, плоть других топорщилась от вживленных тел паразитических партнеров. Отвратительные, мерзкие создания. Они кишели на срединных глубинах и внушали страх даже тогда, когда были не больше пары сантиметров в длину.

А на Чэннере они вырастали. Обычно эти крохотные кошмарики на такую глубину не заплывали, но к Чэннеру летели, как мотыльки на свет, и превращались в прожорливых гигантов размером с человека. За пределы «Биб» никто не выходил без газовой дубинки на поясе, и пользовались ей постоянно.

Что-то на Чэннере порождало монстров. Лабин спросил Убежище, что же это было.

То ответило довольно неуверенно. Но в серой литературе нашелся техотчет, который давал намек: некая разновидность эндосимбиотической инфекции, повыша-

ющей энергию роста. В обсуждении выскочил термин «инфекционная неомитохондрия».

Авторы статьи — парочка яйцеголовых университета Рэнда/Вашингтона — предположили, что какой-то микроб на Чэннере заражал клетки симбиотически, обеспечивая хозяина энергией для роста в обмен на полный пансион. Они говорили, что, каким бы ни был этот паразит, он явно обладал некоторыми очевидными особенностями: малым размером, позволявшим разместиться внутри эукариотической клетки, высокоэффективным усвоением неорганической серы и так далее.

Инфекция, вызывающая гигантизм у рыб. Очень странно.

Когда Лабин только выбрался на сушу, то первым делом проверил себя на патогены. Машины ничего не нашли. Но чэннерский паразит был делом новым и, строго говоря, не совсем болезнью. Обыкновенные тесты его могли не распознать.

На средства Лабин не жаловался и вполне мог позволить себе более глубокий анализ крови.

Правда, существовали и другие проблемы. Одна из них постепенно вырисовывалась в процессе поиска, выдавала себя тем, как Убежище отвечало на вопросы. Иногда метабаза задумывалась на секунду или две, прежде чем выдать ответ. Ничего необычного. Но в других случаях... в других случаях она выплевывала результаты так быстро, словно предугадывала вопросы. Словно думала о чем-то подобном и заранее подыскала нужные факты.

Может, задумался Лабин, так и есть.

Поисковики Убежища не так сильно нуждались в ресурсах, как те, что прочесывали Водоворот, и могли позволить себе кэшировать историю недавних поисков. Подлинной оригинальностью страдало лишь очень малое

количество запросов. Если бы сегодня кто-нибудь решил поискать цену на лекарство от болезни Паркинсона, то существовала большая вероятность, что завтра кого-нибудь заинтересует то же самое. Именно поэтому системы Убежища хранили сводные результаты, ускоряя время реакции.

«Просите, и дано будет вам»:

— в среднем 2,3 секунды занимал ответ на вопрос о гигантизме глубоководных рыб;

— в среднем 3 секунды требовалось системе, когда речь шла о придонных серопоглощающих микробах;

— около секунды на обработку запросов, содержащих словосочетание «источник Чэннера»;

— полсекунды на поиски, совмещающие «серопоглощающих микробов» и «пожары».

Пожары. Придонные серопоглощающие микробы. Странное соседство. Какое отношение имеет огонь к жизни на дне океана?

Почти из прихоти Кен добавил третий параметр: «судоверфь».

0,1 секунды.

«Так».

Он шел по чьим-то следам. Кто-то побывал в Убежище до него, задавал те же самые вопросы, сделал те же самые выводы. Правда, непонятно, то ли он искал ответы, то ли проверял, не упустил ли чего.

Кен Лабин решил это выяснить.

АРХЕТИП ДЕЗОРИЕНТАЦИИ

Было время, когда Перро по-настоящему любила своего мужа. Тогда Мартин излучал безмятежность, доброту и никогда не осуждал, она чувствовала себя в полной безопасности. Он всегда поддерживал ее, когда она в

том нуждалась (впрочем, до срыва такое случалось редко); никогда не боялся взглянуть на проблему с разных сторон. Ради любви в любом споре проходил буквально по лезвию бритвы, только бы не поссориться.

Даже сейчас он обнимал ее, шептал пустые благоглупости. Говорил, все не настолько плохо. Карантины и темные зоны вечно появлялись тут и там, и всегда не без причины. Иногда ограничения нужны для общего блага, и она это знает... К тому же ему самому известно из самых достоверных источников, что контролируют и тех, кто принимает по-настоящему Серьезные Решения. Как будто тайну поведал, как будто Водоворот уже не гнил от споров и слухов про корповские наркотики, контролирующие разум.

Такой любящий, такой внимательный муж. Он сидел на противоположном конце стола, и лицо его сочилось участливой заботой. Су-Хон тошнило от одного его вида.

— Тебе надо поесть, — сказал Мартин, набрал целую вилку пюре со спинулиной и принялся демонстративно жевать.

— А зачем?

— Ты сильно похудела. Я знаю, ты расстроена, я прекрасно понимаю, почему, — но от постоянного голодания лучше тебе не станет.

— Значит, такой у тебя рецепт решения мировых проблем? Набить брюхо и все станет хорошо?

— Су...

— Прекрасно, Марти. Давай поешь, все будет просто здорово. А потом воткнешь в АмСеть, присосешься к выпуску позитивных новостей и, может, убаюкаешь свою совесть, забудешь про Крис...

Удар ниже пояса: сестра Мартина жила в Корваллисе, который попал в карантин после Большого Толчка. Уже почти месяц с городом никто не мог связаться. По

официальным данным, во всем были виноваты повторные толчки, которые постоянно обрывали наземные линии; по АмСети показывали привычный коллаж — коктейль из взболтанных, но не смешанных граждан, храбро противостоящих временной изоляции. Мартин не мог дозвониться до Крис уже три недели...

Слова Су-Хон должны были ужалить его — может, даже разозлить, — но он по-прежнему сидел разведя руки и казался совершенно беспомощным.

— Су, тебе столько пришлось пережить за эти месяцы, разумеется, ты все видишь в мрачном свете. Но я действительно думаю, что ты слишком много значения придаешь сплетням. Бунты, пожары и... ну послушай, у половины постов теперь даже авторов нет, они непонятно кому принадлежат. Тому, что идет из Водоворота, верить нельзя...

— А Сети, значит, можно? Да там слова не выплюнут, если его какой-нибудь корп не разжует!

— Су, а что знаешь ты? Что ты на самом деле видела? Ты лишь мельком заметила какой-то большой корабль, тот летел к берегу, но, что там делал, ты не видела...

— Потому что он сбил моего бота!

— Так тебя и не должно было там быть, начнем с этого, тупая ты дура! Повезло, что тебя не отследили и не расторгли контракт!

Он замолчал. Бульканье в аквариуме, доносящееся из соседней комнаты, неожиданно показалось им чересчур громким.

Мартин пошел на попятную сразу:

— Су, прости меня. Я не хотел...

— Да неважно, — Перро покачала головой, не желая слушать дальше. — Разговор исчерпан.

— Су...

Она встала из-за стола:

— А тебе бы тоже не помешала диета, дорогой. Похудел бы, мозги прочистил. Может, даже заинтересовался бы, что они кладут в так называемую еду, которую ты сейчас пытаешься просунуть мне в горло.

— Господи, Су. Ну ты же не хочешь сказать...

Она прошла в кабинет, хлопнув дверью.

*

«Я хочу что-то сделать!»

Перро прислонилась к двери и закрыла глаза. Снаружи донеслись тихие шаркающие шаги Мартина, но потом все стихло.

«Я была вуайеристом всю свою проклятую жизнь! Только и делала, что смотрела! Все разваливалось на части, а теперь они перешли на крупный калибр, уничтожают все вокруг, и я — часть этого и ничего не могу поделать...»

Она громко прокляла ту бракованную дерму, которую носила в Гонкувере. Слова показались пустыми и бесцветными; даже теперь она не слишком-то сожалела, что ее столь грубо разбудили. По-настоящему Перро злилась на то, что увидела, когда открыла глаза.

«А Мартин так старается меня утешить, такой честный и, наверное, верит, что все будет лучше, если я снова стану гаплоидной овцой, как и он...»

Она сжала кулаки, боль от ногтей, врезавшихся в ладони, доставила удовольствие.

«Вот Лени Кларк — не покорная овца».

Кларк давно покинула Полосу, хотя Амитава не давал умереть ее духу. Но она не исчезла, не погибла. Иначе быть не могло. Как еще объяснить непонятную моду на черные униформы и белые глаза, популярную во всем мире? Перро нечасто выходила в люди, но все признаки были налицо, даже в той полупереваренной жвачке,

которую крутили по Сети. Темные силуэты на перекрестках. Слепые бельма, пристально смотрящие из толпы, которая всегда собиралась на заднем плане любого громкого события.

Ничего нового, конечно. Водолазы Н'АмПацифика еще год назад попали чуть ли не во все новости; сначала их превозносили как спасителей новой экономики, модных икон передовых технологий. Потом жалели и боялись, когда слухи о жертвах насилия и психопатии перешли некий порог в общественном сознании. И в конце концов о них, естественно, забыли.

Всего лишь старое поветрие. Рифтерский шик уже ушел в прошлое. Так почему вдруг в траченный пылью образ, застывший в зеркале заднего вида, влилась новая жизнь? Почему тонкая грибница намеков расплзалась через Водоворот, шептала о существовании, поднимавшемся из глубин и несущем в себе конец света? Почему вдруг появились отрывочные слухи в сообщениях с поврежденными или отсутствующими адресами о том, что люди начинают выбирать стороны?

Перро открыла глаза. Шлемофон висел на крючке прямо перед столом. Сбоку мерцал диод: «получено сообщение».

Наверное, кто-то хотел поменяться сменами. Или какой-нибудь контролер желает оплатить ей сверхурочные, чтобы Су-Хон не смотрела куда не надо.

«А может, еще один циркулятор раздолбали», — с надеждой подумала она. Хотя, скорее всего, нет. Полоса стала гораздо спокойнее с тех пор, как уголок Амитава... вырезали.

Перро глубоко вздохнула, сделала шаг вперед, села. Натянула шлемофон:

Сухон/Амитав (фамилия неизвестна)

нам повезло встретить настоящего ангела мщения. Без дураков. Лени Кларк, так ее звали.

«Боже мой».

Текст высветился прямо поверх тактической карты расположения «оводов» на Полосе. Су-Хон заставила себя не дергаться; в желудке словно разверзлась дыра, но Перро быстро забросала ее землей.

«Ты вернулся. Кто бы ты ни был.

Чего ты хочешь?»

Она не скрывала интереса к Амитава или Лени Кларк. Поначалу не было нужды: вполне законные темы для профессиональных бесед, пусть остальных пилотов они особо не интересовали. Но когда Амитава ушел в забвение, Перро замолчала. С трудом. Она так хотела кричать, в полный голос возвестить на весь Водоворот о случившемся зверстве, но, испугавшись последствий, предпочла орать на Мартина, надеясь, что сбившая ее штука не стала суетиться и отслеживать источник.

Вот только сообщение было не от УЛН или Энергосети. Оно больше походило на какой-то глюк.

Под первыми двумя строчками появилась еще одна:

Она вроде как амфибия, одна из этих киборгов с рифта.

Никакого канала, с которым можно связаться. Иконки, по которой можно кликнуть. Позади текста — знакомая длинная цепь из красных точек, патрулирующих Тихоокеанское побережье, и ни единого намека на место, где «оводы» впадали в кому.

Les beus, скорее всего, ее ищут, но, ставлю пятьдесят квебаксов, не знают даже, как она выглядит под всем этим снаряжением, уж не говоря про то, кто она такая. Сухон или Амитава (фамилия неизвестна)?

Может, они хакнули и микрофон в шлеме.

— Меня зовут Су-Хон. Через дефис.

Су-Хон.

— Да.

Ты знаешь Лени Кларк.

— Я... видела ее, однажды.

Этого достаточно.

Невидимый кулак сомкнулся вокруг Перро и перебросил через полмира.

*

Берег Тихого океана и тактические сетки пропали за секунду; на их месте неожиданно возник тупик, скопление кирпича и машин. Порывы дождя со снегом секли все вокруг, стоял такой холод, какого на Полосе никогда не видели. Мокрые снежинки стучали по стеклу и металлу. Междугородние автобусы, стилизованные под классические и словно вырезанные из непогоды, не двигались.

Перро заметила, что исчезло не все живое. Впереди стояла женщина, прислонив голову к кирпичной стене цвета свежего мяса. Громады рейсовиков по обе стороны были подключены к розеткам, выступающим из кладки, отрезая боковой путь к отступлению. Если и был отсюда выход, то лишь прямо, сквозь центр перцепционной сферы Перро. А та показывала цель в обрамлении ярко светящихся прицельных перекрестий. С каждой стороны мигали незнакомые иконки, предлагая на выбор варианты вроде «РАН», «ПАРАЛИЗ» или «УБТ».

В распоряжении Перро оказался целый арсенал, и она целилась прямо в Лени Кларк.

Рифтерша ассимилировалась. Нашла обыкновенную одежду, спрятала под визором ледяной взгляд, и Су-Хон никогда бы не признала ее, если бы полагалась только на человеческие глаза. «Оводы» видели все в более широком спектре. Этот, например, оказался в пестрой и отвлекающей среде, где излучение сочилось из десятка электромагнитных источников, но Кларк стояла очень близко, на линии прицеливания, за ней была стена без проводки, и на фоне этой относительной тени грудная клетка женщины мерцала стаей размытых светлячков.

— Я не причиню вам вреда, — произнесла Перро. Оружейные иконки обвинительными перстами вспыхивали по краям зрения; она нашла одну потусклее, шепчущую о «РЗРЖ», и нажала ее. Арсенал вошел в режим ожидания.

Кларк не шевелилась и молчала.

— Я не... Меня зовут Су-Хон. Я не из полиции. Я... думаю... — Она взглянула на координаты: Калгари. Междугородний автовокзал Гленмор.

Что-то забросило ее на тысячу триста километров в северо-восточном направлении.

— Меня послали, — закончила фразу Перро, — не знаю, на помощь наверное.

Она понимала, насколько абсурдно звучат ее слова.

— Помощь. — Безжизненный голос, никаких эмоций.

— Подождите секунду.. — Су-Хон подняла «овода» над автобусами и быстро сделала полный оборот на триста шестьдесят градусов. Она парила над гаражом, где машины спали и рядами сосали энергию. Главный терминал маячил в сорока метрах, с каждой стороны здания возвышались посадочные площадки. Два автобуса как раз забирали пассажиров: анимированные гончие, нарисованные на их боках, бежали в никуда, словно на невидимых беговых дорожках.

Вот оно, около кабинок санобработки: крохотный бурлящий островок возмущения. Отголоски. Перро залезла в черный ящик бота и быстро проглядела записи последних минут. Только что произошедшая ссора прокрутилась перед ней в комически быстрой перемотке. Даже тогда шоу уже близилось к занавесу, люди начали отворачиваться. Но там стояла Лени Кларк, зажав в руке черную как смоль шоковую дубинку. Перед ней застыл, подняв руки, мужчина, а маленькая девочка с широко раскрытыми глазами пряталась за его ногами.

Перро замедлила воспроизведение. Мужчина сделал шаг в реальном времени.

— Леди, да я вас и не видел никогда...

Кларк шагнула ему навстречу, но прежняя агрессия словно вытекала из нее, освобождая место неуверенности.

— Я... я думала, вы...

— Серьезно, леди. У вас с головой не все порядке, вы — чудовище.

— Мелкая, ты как? — Жезл в руке дрожал. Вторую она нерешительно протянула в сторону девочки. — Я не хотела тебя пу...

— Уйди! — завывала та.

Отец взглянул в небо, заметив движение над головой.

— Хочешь драки? — рявкнул он на русалку. — Ну так с ним подерись! — И ткнул пальцем в приближающегося «овода».

Лени пришлось бежать. Бот кинулся вдогонку, вооруженный и голодный.

А теперь — каким-то образом — ситуацией овладела Су-Хон.

Перро вновь снизилась между автобусами:

— Пока вы в безопасности. Вы...

В тупике никого не было.

Она повернулась на сто восемьдесят градусов; что-то мелькнуло и скрылось за углом.

— Подождите! Вы не понимаете...

Перро врубила скорость. Какое-то время ничего не происходило. Потом все поле восприятия вздрогнуло, до самых полукружных каналов. В верхнем углу сначала замерцала, а потом уверенно зажглась надпись: ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЕДИНЕНИЯ.

Оружейные иконки расцвели пульсирующими опухольями. Где-то в отдаленном царстве собственной плоти Перро выдавала лихорадочные арпеджио, барабаны по пультам управления. Ничего не работало.

— Беги! — закричала Су-Хон, когда связь оборвалась окончательно.

Но она уже вернулась в Монтану, и ее голос цели не достиг.

400 МЕГАБАЙТ: ПРЕРЫВИСТОЕ РАВНОВЕСИЕ

400 мегов завис на грани самоупоения.

Уже тысячи поколений он хранит секрет успешной жизни в Водовороте. Хищники с мощными лапами и скрежещущими зубами преследовали его; соперники состязались с ним за каждое новое убежище, каждое пастбище; болезни старались выесть ему нутро. И все-таки 128 родил 142, а 142 родил 137 (тут пришлось подрезать избыточный код), 137 родил 150, и так далее, и так далее до нынешнего предкризисного состояния. И все благодаря тайне, закодированной в генах:

Если хочешь передвигаться по Водовороту быстрее, козыряй именем Лени Кларк.

Он не понимает, почему так. Да это и неважно. 400 знает точно: именно эта цепь букв открывает двери куда угодно. Ты можешь прыгать от узла к узлу так, словно

дезинфекторов, файберволов и «акульих репеллентов» не существует. Без ущерба пройти сквозь лютую биомясорубку, через зельц, тогда как без защитного амулета «Лени Кларк» в кармане после такого любой гарантированно превращался в статические помехи. Даже Убежище — мифическое, недоступное Убежище, огромный шведский стол, практически нетронутый аппетитами живых, — когда-нибудь могло оказаться в досягаемости.

Только возникла проблема: слишком многие примазались к делу.

В Водовороте такая ситуация в порядке вещей: эволюция идет слишком быстро, полсекунды не проходит, как появляется куча подражателей, и они тут же открывают колесо, которое ты вроде как намеревался держать при себе. И теперь на бесплатных рейсах между свободными зонами становилось слегка тесновато. Бинарные лошадки еле тащились под грузом десятков попутчиков, причем каждый из них норовил ухватить частичку памяти, замедляя движение еще больше. В итоге файлы-переносчики стали привлекать внимание — контролеры контрольных сумм просто по логике понимали, что не может обыкновенная почта весить под сто гигов, а акулы пускали слюни на добычу, разжиревшую настолько, что она уже не могла двинуться с места.

Хочешь распространить свое семя по Водовороту? Впряги в повозку «Лени Кларк». Хочешь пойти на корм? Сделай то же самое.

Правда, такие проблемы возникли не у всех. Некоторые твари скакали повсюду так же быстро, как и всегда. Даже быстрее. Наверное, что-то знали. Или кого-то. 400 так и не смог выяснить их секрет.

Хотя вот-вот выяснит.

В данный момент он скрещивается с дальним родственником, их линии разошлись всего пару сотен поко-

лений назад. Почти все гены остались прежними; многообразию это не способствует, но, по крайней мере, дело верное и уже опробованное. Оба партнера, например, имеют по несколько десятков копий «Лени Кларк», которыми обмениваются с бездумной интенсивностью.

Но нет гена, который был бы как остров, даже в Водовороте. Независимых локусов не существует. Каждый путешествует в компании с остальными, маленькими созвездиями взаимосвязанных черт, мусорным кодом, случайными сочетаниями. И скоро 400 выяснит, что не только «Лени Кларк» имеет значение, но и свита, с которой она путешествует.

Все кусочки выстраиваются для пересчета. Подпрограммы репликации маршируют вдоль строя, словно информационная РНК, готовые резать и копировать. Случай перетасовывает карты, оргазм выбрасывает их наружу, и 400 вводит «Лени Кларк» в кузена. Последовательности вроде «вампира», «Биб» и «Бетагемота» идут в комплекте.

Взамен, согласно традиционному кредо гермафродитов «ты — мне, я — тебе», он получает «Лени Кларк» с совершенно новым кругом друзей. Вроде «судного дня». «Разрушения». Или «лучшеподаватьхолодной».

По всем приметам еще один незначительный трах. Но после него для 400 все начинает меняться.

Неожиданно репликационный уровень зашкаливает в небеса. Раньше его потомство прозябало и хирело в захолустных кэшах, а теперь сам Водоворот выгребает их из небытия и копирует по тысячи раз. А в один прекрасный цикл фильтр безопасности Н'АмПацифик замечает, как несколько потомков 400 дрейфуют к северу от побережья Энергосети. Приняв их за передачи высокоприоритетной важности, он передает их ближайшему умному гелю. Тот сканирует актуальные внедренные данные и отсылает копии в Убежище на безопасное хранение.

Ни с того ни с сего самые могущественные силы в Водовороте решили дать членам Клуба 400 все, чего те хотят. Клуб не интересуется причинами такого везения — только пользуются им.

Они больше не 400 мегов, не автостопщики.

Теперь они превратились в настоящего Иоанна Крестителя.

МИКРОЗВЕЗДА

Он слишком долго был не у дел. Начал терять хватку. Как еще объяснить, что Кен не заметил засаду, которую трое подростков со стеклянными глазами устроили на задворках Санта-Круса?

Конечно, сейчас у Лабина было немало забот. К примеру, надо было как-то свыкнуться с крайне тревожными результатами тестов. Он проводил их много дней, каждый раз отмечая новые, неизменно чистые анализы, задавая все более специфические параметры на случай все более невероятных болезней, — и вот наконец нашел. Что-то поселилось в его крови — что-то, чего ни природа, ни Н'АмПацифик туда не запускали.

Что-то на удивление отсталое.

Из-за таких новостей забылся бы любой нормальный человек. Но того, кто однажды пересадил ядерную микробомбу из собственного брюха в сердце подстанции Труа-Ривьер без всякой анестезии, это не извиняло. Не извиняло Кена Лабина.

Такое непростительно. Нападавшие не тянули даже на бандитов; подростки, лет по шестнадцать — двадцать, закинулись каким-то нейротропом и явно считали себя непобедимыми из-за трансдермальных стероидов, роговичных накладок и шоковых дубинок. Пока Лабин отдыхал в Тихом океане, образ рифтеров отчего-то стал

модным среди сухопутников. Дело, скорее всего, было в глазах. На дне линзы скрывали множество грехов, прятали страх, слабость и ненависть под масками глухого равнодушия. Там они давали защиту, выстраивали дистанцию, и слабые со временем становились сильными.

Здесь же, наверху, они всего лишь превращали слабых в идиотов.

Нападавшие хотели денег или еще чего-то. Кен не вслушивался. Не стал даже утруждать себя предупреждениями. Нападавшие явно были не в настроении слушать.

Пять секунд спустя им хотелось лишь одного — бежать. Лабин — предвидев поведение жертв задолго до этого, на подсознательном уровне, — лишил их возможности пользоваться ногами. Он чувствовал чисто символическое, отстраненное нежелание переходить к следующему неизбежному шагу, но они увидели гораздо больше, чем позволяли соображения безопасности. Кен совершил ошибку — если бы он не был столь беспечен, то не допустил бы конфликта, — однако непоправимое уже случилось. Свободные концы топорщились, их пришлось обрезать.

Свидетелей не было. По крайней мере тут детям мудрости хватило. Не было криков — только тихие вздохи да мягкий треск сломанных позвончиков. Обошлось без пустой мольбы о пощаде. Одна девчонка даже попыталась заговорить, расхрабрилась, словно осознав, что достигла — с невероятной быстротой, ведь не прошло еще и минуты, — точки, за которой терять уже нечего.

— *Mange de la marde, encule**, — прохрипела девушка, когда Лабин склонился над ней. — Какого черта ты тут Лени Кларк изображаешь?

* Ругательство на квебекском французском, что-то вроде «пошел ты, педераст».

Кен моргнул:

— Что?

Девчонка плюнула кровью прямо ему в лицо и дерзко уставилась пустыми белыми глазами.

«Да, — подумал Лабин, — может, из тебя и вышел бы какой-то толк».

И сломал ей шею.

*

Все это тревожило. Он понятия не имел, что бывшая напарница успела прославиться.

Кен решил поискать «Лени Кларк» в Водовороте. Тот закашлялся и посоветовал сузить поиск: по предыдущему запросу вышло пятьдесят миллионов ссылок.

Кен приступил к исследованию.

Кларк была анархисткой. Освободительницей. Модным символом. Ангелом-мстителем, поднявшимся из глубин океана, дабы сровнять с землей систему, которая надругалась над ней и превратила в жертву. Кларк имела последователей; пока только в Н'АмПацифике, но молва о ней распространялась. Орды недовольных, беспомощных людей нашли человека, которого могли понять, такую же жертву, женщину с непроницаемыми глазами, научившуюся давать отпор. Правда, кому именно, согласия не было. Какой армии? Ни шепота. Кларк была русалкой. Кларк была мифом.

«Лени мертва», — напомнил себе Лабин, но ни одна из найденных им ссылок этого не подтверждала.

Может, Кларк все-таки сумела спастись. Энергосеть обещала эвакуировать «Биб». Лабин тогда, как и все, подумал, что их обманывают. А Лени единственная решила остаться и проверить.

«А если выбрались вообще все? Может, что-то случилось, когда я ушел...»

Он запустил поиск по остальным: Элис Наката, Майкл Брандер... Джуди Карако, для полноты картины. Водоворот знал многих людей с такими именами, но ни один из них не имел статуса Кларк. Кен прогнал тот же список через Убежище: результаты вышли более однородными, данные повыше качеством, но суть осталась прежней.

Только Лени Кларк. Нечто с ее именем заразило весь мир.

— Лени Кларк жива, — прошептал голос в ухе.

Лабин узнал его: один из стандартных бесплотных подсказчиков, которые являются из Убежища в ответ на запросы пользователя. Кен с удивлением взглянул на экран. Никаких команд он сейчас не вводил.

— Это почти точно, — продолжил голос, далекий, лишенный всякой интонации, как будто он говорил сам с собой. — Лени Кларк жива. Температура и соленость в пределах нормы.

Он замолчал.

— Ты — Кеннет Лабин. Ты тоже жив.

И оборвал связь.

*

Анонимность. В ней заключался весь смысл.

Лабин знал нормы обслуживания в «Ридли» и в других подобных заведениях, незаметно для других разбросанных по всему миру. Здесь не сканировали сетчатку, не распознавали лиц. Хозяев заботило только одно: клиент не должен никому причинять вреда. В колбах из матированного стекла на четырнадцатом этаже царило равенство. Каждый становился никем. И все-таки кто-то в Убежище назвал его по имени.

Кен уехал из Санта-Круса.

В Монтерее находился еще один безопасный шлюз — в Пакард-Тауэр. В этот раз Лабин действовал наверняка и

подключился к терминалу через три отдельных запястных, соединенных по цепочке и закодированных последовательностями с разными начальными числами. Он снова начал поиски Лени Кларк, аккуратно выбирая ветви запросов, не повторяя пути, пройденного в предыдущий раз.

— Лени Кларк сейчас в движении, — задумчиво произнес отдаленный голос.

Кен запустил процедуру отслеживания.

— Кеннета Лабина видели в Севастополе, — заметил голос. — Согласно недавним отчетам, за прошедшие семьдесят четыре часа его заметили в Уайтхорсе и Филадельфии. Лени и Лабин вышли на путь воздаяния. Тебе так сильно нравятся аллитерации?

«Очень странно», — подумал Лабин.

— Мы ищем Лени и Кенни, — продолжил голос. — Мы хотим переместить и распространить обоих в новое окружение с приемлемым уровнем солености, оно напрямую зависит от температуры в уже изученных природных условиях. Любишь ли ты рифмы?

«Это нейросеть, — догадался Кен. — Тюринг-приложение. Может, гель».

Что бы с ним ни беседовало, его явно не программировали; оно научилось говорить методом проб и ошибок, выработало собственные правила грамматики и синтаксиса. Лабин видел такие устройства — или организмы, или кем они там были — на демонстрациях. Они достаточно легко схватывали правила, но постоянно выдавали какие-то стилистические ляпы собственного изобретения. Почему такое происходило, проследить было трудно. Логика эволюционировала, синапс за синапсом, и не поддавалась обычному анализу.

— Нет, — бросил Кен пробный камень. — Рифмы не люблю я, да. Но, конечно, не всегда.

Последовала недолгая тишина.

— Прекрасно. Знаешь, я бы за такое заплатил.

— В лучшем случае посредственно. Ты кто?

— Я рассказываю тебе о Лени и Кенни. С ними лучше не связываться, друг. Ведь ты хочешь знать, на чьей стороне находишься?

— Ну так скажи мне.

Тишина.

— Эй!

Тишина. Вдобавок ничего не удалось отследить — источник заблокировал адрес возврата.

Кен подождал добрых пять минут на случай, если голос появится снова. Тот на связь не вышел. Лабин отключился от терминала и залогинился на другом, расположенном дальше в ряду. На этот раз он оставил «Лени Кларк» и «Кена Лабина» в покое. Вместо этого сохранил непонятные результаты анализа крови в открытом файле и пометил его ключевыми тегами; по идее, те должны были привлечь внимание определенных сторон. Кто-то проводил параллельное расследование, пришла пора их подманить.

Кен вышел, его беспокоило очевидное и очень неприятное совпадение:

Ядерной бомбой, которая испарила «Биб», управлял умный гель.

ПОДСКАЗЧИК

Прионы	нет
Вирусы:	
Адено	нет
Арбо	нет
Арена	нет
Фило	непатоген
Морбили	бессимпт/хрон
Орби	нет
Парамиксо	бессимпт/хрон

Парво	нет
Пикорна	нет
Ханта	резидентн
Ретро	резидентн
Рота	незнач
Бактерии:	
Бациллы	знач/норм
Кокки	норм
Мико/СпироИППП	умерен
Хлам	нет
Грибы	не критич
Простейшие	не критич
Нематоды	нет
Платигельминты	нет
Цестоды	нет
Членистоногие	нет

Доступ на рейс разрешен

— Вы уверены? Никаких... никаких алкалоидов спорыньи или психотропов?

Доступ на рейс разрешен. Пожалуйста, пройдите на регистрацию.

— У вас есть оборудование для МРТ?

Эта кабина оборудована для проверки пассажиров на наличие инфекционных заболеваний или паразитов. Вы можете посетить платную медкабину, если хотите проверить на предмет других расстройств.

— Где находится ближайшая медкабина?

Пожалуйста, не уходи.

— Я... Что?

Останься, Лени. Мы можем все уладить.
Кроме того. Тебе надо кое с кем встретиться.

Экран потемнел. Динамик в ухе разразился статической отрыжкой.

— Это я, — неожиданно послышался голос. — Су-Хон. С автовокзала.

Лени выбежала в укрощенные зеленые джунгли Зала Д, перед этим схватила визор и сразу натянула его на глаза, не замечая удивленных взглядов людей вокруг и не останавливаясь.

— Ты не понимаешь, — тихо умолял голос в ухе. — Я на твоей стороне. Я...

Наружу вели стеклянные двери. Кларк резко толкнула их. Внезапный порыв ледяного ветра низвел глобальное потепление до худосочной абстракции. Зал ожидания дугой изгибался позади, подобно каньону в форме подковы.

— Я хочу тебе помочь...

Кларк дважды постучала по запястнику.

— Режим подачи команд, — ответил тот.

— Отключиться.

— Амитав ум...

— Отключаюсь, — подтвердило устройство и тут же заснуло.

Лени осталась одна.

Тротуар пустовал. Свет лился из лабиринта прозрачных трубочек, защищающих клиентов Маккола* от зимы снаружи. Над крышами неслись слабый вой турбин.

* Здесь имеется в виду аэропорт Калгари, который изначально в первой половине XX века назывался Маккол-Филд в честь известного канадского летчика Первой мировой войны Фредерика Маккола.

Два щелчка.

— Подключиться.

Тихое шуршание статики в наушнике, хотя запястник находился внутри двухметрового операционного радиуса.

— Ты там? — спросила Лени.

— Да.

— Что насчет Амитава?

— Перед тем как... В смысле... — Наконец голос зазвучал твердо: — Они все сожгли. И всех. Наверное, он...

Порыв ветра ударил Кларк в лицо. Русалка вдохнула мучительно холодный воздух.

— Мне жаль, — прошептала незнакомка в голове. Лени развернулась и вошла внутрь.

ТЕПЛОВАЯ СМЕРТЬ

Дисплей был примитивным, скудные данные на темном фоне: широты и долготы, сетка GPS, наложенная поверх и центрованная по Международному аэропорту Калгари; моргала иконка «визуальный сигнал отсутствует», подтверждая очевидное с двухсекундным интервалом.

— Откуда ты знаешь? — выдохнул бесплотный голос в ухе Перро.

— Видела, как все начиналось. — Слышались резкие, раскатистые звуки обычной жизни аэропорта. — Мне жаль.

— Они сами виноваты, — произнесла Кларк, помедлив. — Подняли слишком много шума. Он просто... сам напрашивался...

— Сомневаюсь, что дело только в нем, — ответила Перро. — Там превратили в шлак целых девять километров побережья.

— Что?

— Думаю, там какая-то биологическая угроза. Амитава просто... попал под раздачу...

— Нет, — слова прозвучали так тихо, что казались шелестом статики. — Не может быть.

— Мне жаль.

«Визуальный сигнал отсутствует». «Визуальный сигнал отсутствует».

— Кто ты? — наконец спросила Кларк.

— Я управляю «оводами». В основном патрулирую местность. Видела, как ты вышла из океана. Какое влияние оказала на жителей Полосы. Видела, как у тебя случилось одно из твоих... видений...

— Как же мы любим подглядывать, — протянула Кларк, замолчала, а потом продолжила: — Это не я. Там, на Полосе. Это все Амитав.

— Он подхватил идею. А ты вдохнов...

— Я ни при чем!

— Ладно. Хорошо.

«Визуальный сигнал отсутствует».

— Почему ты меня преследуешь? — спросила Кларк.

— Нас кто-то... связал. Там, на автовокзале.

— Кто?

— Не знаю. Может, один из твоих друзей.

Какой-то звук, нечто среднее между кашлем и смехом.

— Сомневаюсь.

Перро глубоко вздохнула:

— Ты... ты стала очень популярной, понимаешь. Люди о тебе говорят. Кто-то из них, наверное, тебя оберегает.

— От чего же?

— Не знаю. Может, от тех, кто устроил землетрясение.

— И что ты об этом знаешь? — Голос Кларк чуть ли не бил по ушам.

— Погибли миллионы, — ответила Перро. — И ты знаешь, почему. Только поэтому ты опасна для всех дурных людей.

— Значит, ты так думаешь.

— Ходят такие слухи. Я сама не знаю.

— Ты вообще как-то слишком мало знаешь, не находишь?

— Я...

— Ты не знаешь, кто я. Не знаешь, чего я хочу и что сде... Не знаешь, кто они и чего хотят. Просто сидишь и позволяешь собой пользоваться.

— А чего хочешь ты?

— Не твое собачье дело.

Перро покачала головой:

— Я помочь тебе стараюсь, между прочим.

— Дорогая, я понятия не имею, существуешь ли ты на самом деле. Почему знать, может, тот пацан из Саут-Бенда решил порезвиться.

— Из-за тебя что-то происходит. Что-то настоящее. Можешь сама посмотреть, если мне не веришь, весь Водоворот говорит. Ты вроде как катализатор. Даже если не понимаешь этого.

— И вот тут на сцену выходишь ты, причем не задаешь никаких вопросов.

— У меня есть вопросы.

— Тогда нет ответов. Может, я террористка. Или жарю детей на вертеле. Ты же не знаешь, но все равно прибежала с высунутым языком.

— Слушай, — оборвала ее Перро, — что бы ты ни делала, это...

«...не может быть хуже того, что уже есть...»

Она замолчала, пораженная этой мыслью и благодарная сама себе, что сдержалась, не сказала. С абсурдной уверенностью Су-Хон чувствовала, что за семьсот километров от нее Кларк улыбается.

Перро попыталась снова:

— Слушай, я, может, и не знаю, что конкретно происходит, но понимаю — идет какой-то процесс, и он

вращается вокруг тебя. Могу поспорить, далеко не все, кто в курсе происходящего, находятся на твоей стороне. Можешь считать меня чокнутой. Прекрасно. Но даже я не рискнула бы проходить контроль в аэропорту с таким излучением, которое выдают твои имплантаты. Я бы убралась отсюда прямо сейчас и на ближайшее будущее забыла бы о полетах. Есть и другие способы путешествовать.

Су-Хон стала ждать. Вокруг мерцали тактические со-
звездия.

— Ладно, — наконец произнесла Кларк. — Спасибо за подсказку. Но у меня тоже есть для тебя совет. Перестань мне помогать. Помогай тем, кто хочет меня уничтожить, если сможешь их найти.

— Господи боже, ради чего?

— Ради самой себя, Сузи. Ради всех, кто тебе дорог. Амитав был... он не заслужил такой участи.

— Нет, конечно, не заслужил.

— Девять километров, говоришь?

— Да. Там выжгли все дотла.

— Думаю, это только начало. Отбой.

Звезды померкли вокруг Су-Хон.

СВИДАНИЕ ВСЛЕПУЮ

«Интересно? Ответь».

Странно видеть такую подпись под биохимическим графиком: тот походил на скособоченный крест из атомов углерода, кислорода и водорода — хотя нет, минутку, тут и сера затесалась, и азот на одной из перекладин, прямо там, где бы вбили гвоздь в запястье Иисуса (правда, судя по форме этой штуки, левая рука Спасителя была бы тогда в два раза длиннее правой). Метионин, сообщил подсказчик. Аминокислота.

Только перевернутая. Зеркальное отражение.

«Интересно? Еще как».

Файл притаился в утренней выборке по Бетагемоту, тихонько себе тикая. Целых несколько часов с начала смены у Ахилла не было даже минуты, чтобы просмотреть его. Супергрипп прожигал себе путь через Глазго, а какой-то новый микроб, питающийся углеродом — то ли мутант, то ли конструктор, никто понятия не имел, — выжрал целый кусок из Двухсотлетней дамбы, прямо из-под ног нескольких тысяч пассажиров рапитрана. Утро выдалось насыщенное. Но в конце концов Дежарден все-таки смог выкроить пару минут, слезть с акселерантов и передохнуть.

Он открыл файл, и тот прыгнул на него, словно на взведенной пружине.

Подсказчик с необычной услужливостью принялся объяснять, почему этот документ стоит его внимания. В обыкновенной ситуации они добывали свои сокровища, используя логические цепочки, чересчур изоощренные для человеческих мозгов; по мановению волшебной палочки необходимая информация со всего мира появлялась в очереди, причем без всяких запросов. Но этот файл — он пришел с исчерпывающими поисковыми тегами, терминами, которые мог понять даже человек. «Карантин». «Пожары». «Станция „Биб“». «Источник Чэннера».

«Интересно?»

Никакого толку, слишком мало информации. Но как раз достаточно, чтобы привлечь внимание кого-то вроде Ахилла. Никакие это не данные на самом деле, а наживка.

«Ответь».

*

— Спасибо, что заскочили на огонек, — голос, как из жестяной банки, без картинки.

Дежарден включил собственный голосовой фильтр:

— Получил ваше сообщение. Что я могу для вас сделать?

— Нас связывает взаимный интерес к биохимии, — вежливо ответил незнакомец. — У меня есть информация, которую вы можете счесть полезной. И наоборот.

— А кто вы такой?

— Я человек, который разделяет ваш интерес к биохимии и обладает информацией, которую вы можете счесть полезной.

— На самом деле, — заметил Дежарден, — вы всего лишь программа-секретарь. Причем довольно примитивная.

Пустота не согласилась.

— Тогда ладно. Загрузите что хотите и снабдите тегами, как это свое приглашение. При следующем сканировании посмотрю и свяжусь с вами.

— Простите, — ответила программа. — Так не пойдет. «Ну разумеется».

— А как пойдет?

— Я бы хотел встретиться с вами.

— Хорошо. Назовите время, я расчищу канал.

— Лично.

— Хорошо, так как я... Секунду, вы имеете в виду — в реале?

— Да.

— Зачем?

— Я по натуре подозрителен. Не доверяю цифровым изображениям. Я могу быть у вас через сорок восемь часов.

— А вы знаете мое местоположение?

— Нет.

— Знаете, если б я тоже не был «по натуре подозрителен», то уж точно стал бы таким сейчас.

— Тогда мы разделяем не только интерес к биохимии.

Дежарден ненавидел, когда приложения так себя вели — пытались шутить или тупо острить, желая казаться более человечными. Правда, в людях он эту черту тоже не переваривал.

— Если вы выберете время и место, где мы могли бы встретиться, — продолжила программа, — я обещаю подъехать.

— А откуда вы знаете, что я не в карантине?

«И если на то пошло, откуда я знаю, что ты не в карантине? Куда я, вообще, лезу?»

— Это не проблема.

— Да что ты такое? Какой-то тест на лояльность? Тебя Роуэн натравила?

— Я не понимаю.

— Потому что вот это совсем необязательно. Уж корп-то должен бы знать. — За кого бы ни договаривалась программа, он занимал высокое положение. Еще бы, так уверенно говорить о расходах на поездки. Если только вся затея не была чьим-то бессмысленным хитроумным розыгрышем.

— Я не провожу проверку на лояльность. Я прошу встречи.

— Ладно, хорошо. «Реактор Пикеринга». Наркобар в Садбери, Онтарио. Среда, в 19:30.

— Замечательно. А как я вас узнаю?

— Не так быстро. Я лучше сам к тебе подойду.

— А вот это проблема.

— И то верно. Если ты думаешь, что я побегу к кому-то, кто даже имени своего не называет, то тебе нужен новый патч.

— Как жаль слышать такое. Тем не менее это не имеет значения. Мы все равно можем встретиться.

— Нет, если никто из нас не будет знать, как выглядит другой.

— Увидимся в среду, — сказала ему программа. — До свидания.

— Секунду...

Нет ответа.

«Черт». Кто-то собирался встретиться с ним в среду. Он способен добраться до любого места под геостационарной орбитой всего за двое суток. Он знает о связи между источником Чэннера и Бетагемотом и, похоже, может узнать Дежардена вообще без каких-либо отличительных знаков.

Кто-то хотел с ним встретиться, желал он того или нет.

Дежардену все это казалось, мягко говоря, угрожающим.

НЕКРОЗ

В мире существовали такие места, которые кормились от артерий между точками «А» и «Б» и сами себя обеспечить не могли. Когда устанавливали карантин, находили отравленный водоносный слой или когда равнодушные граждане покидали очередной промышленный центр, вылетающий в трубу, — в общем, когда перекрывали кровоток, такие поселения хирели и преобразались в гангрену.

Разумеется, любые стены рано или поздно падали. Карантин отменялся или отмирал. Ворота открывались или же сгнивали от ржавчины. К тому времени было уже слишком поздно: живая ткань превращалась в некротическую. Новая кровь в мертвую зону не текла. Разве что пара-другая прерывистых вспышек на подземных кабелях, периферийных нервах, где Водоворот перескакивал через провалы. Разве что несколько человек, не успевших вовремя убраться, но все еще живых; или тех, кто приезжал, не столько разыскивая это конкретное место, сколько убегая из другого.

Кларк попала именно в такой район, город руин, разбитых окон и пустых глаз, наблюдающих из домов, которые никто не озаботился снести. Жизнь здесь, по большей части, не замечала присутствия Лени. Та же избегала явных территориальных границ: беззубых детских черепов, со значением расставленных вдоль какого-нибудь особенного тротуара; полумумифицированного трупа, распятого вверх ногами под загадочной надписью «Святой Петр Недостойный»; бесхозных автомобилей, словно по случайности перекрывающих то одну дорогу, то другую, — ржавых баррикад, что направляли беспечного путника к некоей бойне в центре города, словно рыбу в запруде.

Два дня назад Лени обошла шабаш благодетелей, которые живьем ловили бродяг и отщепенцев, словно полевых мышей, и насильно накачивали их каким-то генетическим коктейлем. Скорее всего, рецептом из ксантопластов. С тех пор ей везло: она больше никого не встретила. Передвигалась только ночью, когда ее чудесные глаза давали максимум преимуществ. Держалась подальше от местных штабов и блокпостов с горящими бочками, прожекторами и ржавыми, лишь наполовину функционирующими аварийными блоками Балларда. Попадались ловушки, замаскированные блиндажи с бандами выскочек, желавших завоевать себе положение в местной иерархии; они истекали слабым инфракрасным сиянием или осколками света, невидимыми для простого мяса. Кларк замечала их еще издали и меняла курс, а там так ничего и не подозревали.

Она почти миновала опасную зону, когда в дверном проеме дома, стоявшего примерно в десяти метрах впереди, появился какой-то человек: метис с доминантными латиноамериканскими генами; его кожа казалась синевато-серой в бледном свете, усиленном линзами. Голые

ноги, обрывки пластика, нанесенного спреем прямо на подошвы, отслаивались на глазах. Какая-то пушка в одной руке, двух пальцев на ладони не хватало. Другую он превратил в своеобразный протез, обернув вокруг нее клейкую ленту в несколько слоев, утыканную осколками стекла и ржавыми гвоздями.

Он посмотрел прямо на Лени глазами, что сияли такой же белизной и пустотой, как и ее собственные.

— И? — спросила Кларк через минуту.

Рукой-дубинкой он резко обвел окружающую территорию:

— Не слишком большая, но моя. — От старых болезней он хрипел. — Надо платить.

— Я лучше пойду обратно, откуда пришла.

— Нет, не пойдешь.

Она привычным жестом постучала пальцем по запястнику. Тихо, почти беззвучно произнесла:

— Тень.

— Средства переведены, — ответило устройство.

Кларк вздохнула и скинула рюкзак. Еле заметно улыбнулась одним уголком рта.

— И как ты меня хочешь? — спросила она.

*

Он хотел ее сзади, хотел ткнуть лицом в землю. Хотел называть «сукой», «шлюхой» и «ампутанткой». Хотел порезать своей самодельной дубиной.

Лени думала, можно ли это назвать изнасилованием. Ей не дали выбора. С другой стороны, она не сказала «нет».

Он ударил ее, когда кончил, наотмашь врезал по голове рукой, в которой раньше держал пистолет, но жест был словно символическим. Наконец метис откатился в сторону и встал.

Все это время Кларк как будто издалека, отстраненно наблюдала за собственной плотью, а теперь позволила себе вернуться к виду от первого лица.

— Ну что? — Она легла на спину, тыльной стороной ладони стирая грязь с лица. — Как я тебе?

Он хмыкнул и принялся обследовать рюкзак.

— А вот там ничего нужного тебе нет, — сказала Лени.

— Угу. — Тем не менее что-то привлекло его внимание. Он вытащил костюм из черной блестящей ткани. Тот начал корчиться у него в руке.

— Черт! — Метис уронил комбинезон на землю. Тот не двигался. Притворялся мертвым.

— Это что за хрень... — Бродяга взглянул на Кларк.

— Маскарадный костюм. — Она встала на ноги. — Тебе не подойдет.

— Чушь. Это же та отражающая кополимерная штука. Таковую носит Ленни Кларк.

Кларк моргнула:

— Что ты сказал?

— Леонард Кларк. Глубоководный жаброчеловек. Он еще землетрясение устроил. — Мужик пнул гидрокостюм скрюченной ступней. — Ты что, думаешь, я не знаю? — Он поднял руку с пистолетом и дотронулся дулом до уголка линзы. — Как я, по-твоему, их заполучил? Ты не первая поклонница в городе.

— Леонард Кларк?

— Я сказал уже. Ты глухая или тупая?

— Я дала себя изнасиловать, кретин. Тебе. Так что, похоже, тупая.

Бродяга долго не мог отвести взгляд от ее лица, а потом сказал:

— Ты и раньше это делала.

— Ты даже не представляешь, сколько раз.

— Что, стало нравиться?

— Нет.

— Ты не сопротивлялась.

— Да? А многие сопротивлялись с пушкой у виска?

— Ты даже не испугалась.

— Я слишком устала, идиот. Ты меня отпустишь, убьешь или как? Только прекрати мне вешать лапшу на уши.

Метис громоздко и неуклюже двинулся к ней. Лени только фыркнула.

— Иди, — каким-то странным голосом сказал он, а затем совершенно глупо добавил: — А ты куда направляешься-то?

Она подняла бровь:

— На восток.

Латинос покачал головой:

— Не прорвешься. Там большой карантин. Чуть ли не до самого Пыльного Пояса. — Он махнул рукой на юг, в сторону боковой улицы. — Лучше в обход.

Кларк постучала по запястнику:

— В списках ничего похожего.

— Ну тогда катись куда хочешь. Мне-то какая разница.

Не отводя от него глаз, Лени склонилась и подобрала костюм. Метис держал рюкзак за лямки, глядя внутрь.

Он напрягся.

По-змеиному быстрым движением она выхватила оттуда дубинку и направила ему прямо в брюхо.

Бродяга отступил, по-прежнему сжимая в руке рюкзак. Его глаза сузились до молочных щелочек.

— Почему ты этим не воспользовалась?

— Не хотела заряд тратить. Ты его не стоишь.

Он взглянул на пустые ножны, висящие у нее на поясе.

— А почему там не держишь? Откуда быстрее до-
ставить?

— Ну вот если бы рядом с тобой был ребенок...

Они смотрели друг на друга глазами, видевшими все
в черно-белом цвете.

— Ты мне позволила. — Метис замотал головой, про-
тиворечие, казалось, причиняло ему боль. — У тебя было
вот это, но ты все равно мне позволила.

— Рюкзак, — напомнила Кларк.

— Ты... меня подставила. — Разгорающийся гнев в
голосе и глубокое удивление.

— Может, я просто люблю поглубее.

— Ты заразна. Ты — переносчик.

Лени слегка качнула дубинкой:

— Отдай мне мои вещи и тогда, возможно, прожи-
вешь достаточно, чтобы узнать наверняка.

— Ах ты тварь.

Но рюкзак он все же протянул. Только сейчас Лени
заметила перепонки между пальцами на его руке и глад-
кие кончики обрубков безо всяких шрамов. Значит, обо-
шлось без насилия. Их не отрезали в уличной драке. Он
таким родился.

— А ты пробирочный, что ли? — спросила она.

Может, он был старше, чем выглядел; фармы не рас-
пространяли глючные генотипы уже лет двадцать. Дефек-
тивные, конечно, тратили на лекарства больше здоровых
людей, но глобальная обстановка выворачивала детей
наизнанку и так, без посторонней помощи. И без жалоб
от недовольных покупателей.

— Пробирочный, спрашиваю?

Он прожег ее взглядом, его трясло от бессильной
ярости.

— Хорошо, — сказала она, забирая рюкзак. — По-
делом тебе, урод.

ЗАПАДНЯ

Голос в ухе Лабина солгал.

Он не выезжал за пределы Н'АмПацифика с самого оползня. Уже много лет не был в Севастополе и Филадельфии. И тем более никогда не появлялся в Уайтхорсе. Надеялся, что не доведется, уж очень неприятные слухи ходили об этом месте.

Но возможность такая была. Ложь казалась вполне правдоподобной, особенно для тех, кто знал Лабина, но понятия не имел о его нынешней жизни. А может, ложь была даже ненамеренной. В ход пошла глупая догадка, основанная на бог знает каких невнятных данных. Кто-то сгреб в охапку несколько случайных слов, уделяя больше внимания грамматике, а не истине.

Кен задумался, не положил ли сам начало слухам, и, прежде чем отправиться в Садбери, решил проверить эту гипотезу.

Он снова залогинился в Убежище и запустил новый поиск: «Джуди Карак, Лени Кларк, Элис Наката» и «Кеннет Лабин».

В этот раз к нему обратился другой голос. Он говорил мягко, спокойно, почти шептал. Не упоминал об аллитерации и рифмах. Частенько произносил твердые согласные неправильно.

И называл его Майком.

*

На суборбитальном Лабин добрался до города-государства Торомильтона, оттуда взял шаттл на север. Под ним бесконечной вереницей тянулись пригороды, излившиеся из сердца мегаполиса, что некогда держало их в плену. Ежедневные поездки на работу закончились десятилетиями лет назад, но упадок и запустение распространялись

до сих пор. Мир снаружи пролетал без происшествий — во всем Онтарио имелось лишь несколько закрытых зон, и все в стороне от маршрута.

Мир внутри был намного интереснее. Глубоко в кипящем хаосе Водоворота зародились эмбрионы слухов о воскрешении Майка Брандера вместе с байками о Лабине. Майка Брандера видели в Лос-Анджелесе. Его видели в Лиме.

Кен нахмурился, почувствовав еле заметное отвращение к самому себе. Он прокололся на собственных вопросах. Нечто в Убежище заметило, что он искал всех членов команды «Биб», кроме себя. «А почему это пользователь интересуется всеми, кроме Лабина К.? Потому что пользователь уже знает о Лабине К.

Потому что пользователь и есть Лабин К.

Возвращение Лени и Кенни».

За его последней прогулкой по Убежищу с вопросами о всех, кроме Брандера, следили с таким же вниманием — и пришли к столь же простому логическому выводу. Теперь Майк воскрес и стал вести бурную жизнь в Водовороте. Что и требовалось доказать.

«И что это делает? И почему?»

Конечно, вопрос «почему» часто не имел особого смысла. Иногда фауна Водоворота хваталась за популярные тренды и так передвигалась — крала ключевые слова, втираясь в доверие, выдавала себя за часть толпы и прошмыгивала сквозь фильтры. Классический стадный эффект, слепой и глупый, как сама эволюция. Поэтому такие стратегии через какое-то время неизменно заканчивались пшиком. Недавнее поветрие пропадало в вечности, а самозванцы оставались с поддельными билетами в пустые бальные залы. Или охранники просекали фишку; чем популярнее камуфляж, тем эффективнее контрмеры.

Фауна цеплялась за существующие слухи, если те были достаточно горячими. Лабин никогда не слышал о том, чтобы она создавала какие-то тренды сама.

И почему Кларк? Никому не нужная жизнь, невидимая смерть. Прямо скажем, не самый заразный мем. Да на самом деле ничего в ней не было для такого по-смертного признания.

Тут было что-то новенькое. Что бы там ни орудовало, оно явно имело какую-то цель и для этого использовало Лени.

Более того. Теперь оно использовало и Кена.

*

В двадцать первый век Садбери прибыл уже при смерти. Десятки лет добычи полезных ископаемых и тонкая почва с неважной буферностью сделали свое дело. Дымящие жерла города стали эпицентром по-настоящему крупной вспышки кислотного мора растений, одной из первых в истории Северной Америки. Веха в своем роде.

Но нет худа без добра. По легенде, космонавты, полетевшие потом на Луну, одно время практиковались на этой выскобленной серой земле. Местные голубые озера и вовсе поражали невероятной красотой, чистые и безжизненные, словно обработанные химикалиями унитазы. Непокколебимо стабильный субстрат выровняли и сгладили давным-давно исчезнувшие ледники; все Западное побережье могло сползти в океан, но Канадский щит ожидало вечное существование. А если бы на Промышленную Подкову вокруг озера Онтарио из цистерн или подъемников высадились экзотические чужеродные формы жизни, по своему обыкновению круша все подряд, лишь самые крутые химеры смогли бы преодолеть налитанные кислотой пригороды Садбери. Эта мертвая зона походила на ров, на противопожарную просеку,

выжженную индустриальным ядом, который копился тут добрую сотню лет.

Даже если бы УЛН само все подстроило, и то получилось бы не так удачно. Город обладал иммунитетом к заразам, угрожавшим остальному миру, так как уже давно потерял все мало-мальски ценное. Недвижимость тут продавали по бросовым ценам, никелевые шахты истощились, а в экономике царил вакуум с тех самых пор, как последние топливные стержни захоронили в Коппер-Клифф.

Патруль Энтропии заполнил эту пустоту. По эффективности работы офис в Садбери находился в первой десятке всего полушария.

Кен не удивился тому, что цель оказалась именно здесь. Таинственный исследователь, похоже, не сознавал характера того, что искал; кэши, оставшиеся в Убежище, срабатывали быстрее при запросах по экологическим воздействиям и коррелятивной эпидемиологии, но тормозили, когда речь шла о внутриклеточных органеллах или биохимических путях. Человек, который знал о самом возбудителе, такой след не оставил бы. Этот же, судя по всему, искал что-то совсем новое и непонятное.

А значит, фармы ни при чем. Работал кто-то и более вовлеченный в вопросы экологии, и — учитывая доступ к Убежищу — с высокой степенью допуска и автономией. Такие люди встречались только в Патруле Энтропии.

А Патруль обладал одной очень полезной особенностью: в Управлении к вопросам секретности относились с должной паранойей. В мире, где все решала «удаленка», правонарушители в реале, каждый день, покорно спускались в огромные, надежно охраняемые катакомбы, напрямую подключенные к Убежищу. На этой работе тупых не держали, а потому никто не стал бы разбираться с энтропийной вспышкой с домашнего терминала, даже если б

это и было возможно. В УЛН даже связь с Водоворотом отличалась совершенно безумным уровнем безопасности.

А потому сотрудников Патруля было очень легко отследить. Они все проходили через фойе главного здания.

Никакого списка правонарушителей не существовало, хотя в маленьком садике информационных стоек, размещившемся в главном холле, перечислялись имена глав отделов. Выяснив все, что ему было нужно, Лабин вышел на улицу и направился к ближайшей остановке рапитрана.

*

Дональд Лерцман был архетипическим середняком: он без особых усилий добрался до управляющей должности и теперь занял комфортабельную нишу между теми, кто по-настоящему работал, и теми, кто принимал сколько-нибудь важные решения. Возможно, где-то глубоко в душе Дональд это даже понимал и компенсировал неудовлетворенность отдельным домом. Тот стоял на самом краю Садберийского Ожога и скрывался от посторонних за стеной из голубых елей, невосприимчивых к кислоте.

Разумеется, в нынешнее время Лерцман не мог позволить себе добираться до дома на личном транспорте. Он знал, как должен выглядеть со стороны, ведь именно на этом умении выстроил свою карьеру, а потому каждую ночь шел пешком три квартала от дома до автобусной остановки, и около двадцати процентов пути приходилось на безлюдные места.

— Прощу прощения, вы — Дональд Лерцман?

— Да, а кто...

Лабин сразу заметил блок медицинской тревоги на запястнике Лерцмана. Тот посылал сигнал, когда датчики фиксировали малейшие признаки продолжительного стресса у клиента. Конечно, на обычное напряжение они не реагировали — лишь на то, которое запускалось

из-за угрозы или боли. А большинство таких сигналов шло по спинному мозгу.

Спустя десять минут после несостоявшегося знакомства Кен уже знал, кого ищет, где тот находится и когда заканчивается его смена. Сведений было более чем достаточно.

До встречи в «Реакторе Пикеринга» оставалось двадцать шесть часов. Лабин не был уверен, хочется ли ему ждать так долго, — ведь этот самый Ахилл Дежарден вполне мог не явиться к условленному времени.

Кен ушел, а Дональд Лерцман спокойно сопел на асфальте.

СОУЧАСТИЕ

В этот раз все опять случилось внезапно: место действия неожиданно сменилось, один мир уничтожили, на его месте создали другой. Кажется, перед переносом даже было предупреждение. Еле уловимая задержка в фидах, пробный сигнал, как будто нечто проверяло уровень активности на линии. Но он мелькнул слишком быстро, чтобы Перро успела насторожиться, если она вообще его не вообразила.

Не имеет значения. Она ждала. Ждала уже много дней.

Все тот же вид сверху, с точки зрения Бога, а вот толпа снизу, обрамленная знакомыми иконками и окошками, совсем другая. Су-Хон перекинуло с одного «овода» на другой. По какой-то причине навигация и GPS не работали.

Перро оказалась внутри какого-то здания, и перед ней творилось насилие.

Один человек, свернувшись, лежал на бетонном полу; второй как раз бил его ногой в живот. От удара тело жертвы еще сильнее скрючилось в каком-то бессмыслен-

ном эмбриональном рефлексе, вокруг разлетелись зубы и алые брызги. Из-за рваных ран и крови, залившей лицо, было невозможно определить даже этническую принадлежность пострадавшего.

Нападавший — меньше размерами, черный — стоял спиной к камере и по-боксерски, с ужасающей неутомимой энергией, перемещал вес с ноги на ногу. Вокруг импровизированной арены собралась толпа: некоторые люди внимательно наблюдали за дракой, другим было явно все равно, а третьи потрясали кулаками от ярости и возбуждения. Чуть подальше помещение пустовало, там лежали лишь матрасы и кучи каких-то вещей.

Перро прошла по доступному меню. Оружия нет. На краю зрения раздражающе мигала надпись: *цель азим —162°; склон —41°*.

Сзади.

Победитель сделал круг, все еще подпрыгивая. В камеру попало его лицо, сморщившееся от яростного напряжения. Он ударил лежащего ногой в спину, прямо по почкам. Корчащееся нечто на полу дернулось и раскрылось кровавым цветком, выгнулось, как от удара током.

Нападавший посмотрел вверх, прямо на взломанный «овод» Перро. Из-за генетически модифицированного хлорофилла его глаза походили на сверкающий кристаллический нефрит. На этом темном лице они казались галлюцинацией.

Не отводя взгляда от бота, он в последний раз пнул жертву в голову. А потом, не встретив никакого сопротивления, отправился в толпу.

Су-Хон никогда не видела его прежде. Не знала жертву. Но цель была в -175° по азимуту и -40° по склонению. Она двигалась.

Поворот влево. Еще больше людей, больше матрасов. Вдалеке виднеются серые неоштукатуренные стены, там

же выстроились в линию торговые автоматы, а чуть выше висят официальные пиктограммы, приглашающие население на «Регистрацию», в «Карантин» и к «Последним известиям». «Овод» находился в цементной пещере высотой в десять метров, устроенной на благо выживания масс: здесь устраивали карантин и центры вакцинации, здесь спасались, когда погода бушевала так, что старые здания, пусть и укрепленные на такой случай, не выдерживали. Для многих этот барак уже стал домом.

Неофициальное название — бомбоубежище.

Цель находилась в -35° по азимуту и -39° по склонению. Как только она показалась на виду, тактический дисплей тут же навел на нее перекрестие прицела. Тот же гражданский прикид, тот же визор. Но после Калгари с Лени что-то случилось. Она прихрамывала на одну ногу, а по правой стороне лица расплылся желтый синяк.

Перро запустила громкоговоритель «овода», но тут же передумала и отрубила его. Не стоит привлекать лишнего внимания. Вместо этого она вызвала меню связи, запеленговала визор Кларк и вломила прямо на ее радиочастоту:

— Привет. Это снова Су-Хон.

Внизу, на полу, Лени замерла, подняла к глазам руку. Запястника она больше не носила.

— Я здесь, наверху, — сказала Перро. — В «оводе».

Прямо в лицо запищал сигнал тревоги: поблизости показался еще один бот. Су-Хон развернулась и увидела, как тот влетает в специальное отверстие для машин наблюдения, расположенное в двух метрах над главным входом.

Даже невооруженным глазом она сразу заметила дула орудий.

Су-Хон взглянула вниз. Кларк исчезла. Перро вращала камеру, пока мишень не появилась снова. Рифтерша

шла к двери, посматривая на второго «овода». Тот ее не заметил и сразу направился к кроватной кляксе Роршаха в глубине пещеры.

— Не этот, — пояснила Перро. — Я. Маленький, наблюда...

— Ты — та самая, что за мной подглядывала, да? — резко оборвала ее Лени.

— Э... ну да. Во всяком случае, ты так все описала.

— Пока. — Она уже добралась до выхода.

— Постой!

Кларк исчезла.

Перро еще раз взглянула на второго бота. Тот парил над местом драки, устремив камеры прямо вниз. Его, наверное, вызвал автомат, которым сейчас управляла Су-Хон, прежде чем она перехватила управление. Вооруженный «овод» не обращал на нее никакого внимания. Если он и знал о том, что Перро в деле, ему, похоже, было наплевать.

«Да я ничего поделывать и не могу», — подумала она и нырнула в прорезь для ботов.

*

Мелкий грязный дождь, редкие капли били по косой. Небо коричневого цвета. В воздухе словно висела взвесь сажи. Значит, ее занесло еще дальше на юг. Куда-то, где снег не выпадал уже годами.

Контуры городских зданий плыли позади купола размытой гистограммой. От нее тянулось четырехполосное шоссе, асфальтовой лужей разливалось рядом с убежищем и устремлялось дальше, к горизонту. По лоскутному одеялу полей и лесных участков вился потертый узор дорог поменьше — некоторые и вовсе походили на грунтовки.

Мишень, зафиксированная и подсвеченная, словно яркая бабочка, удалялась по одной из них.

По-прежнему никакого GPS. Даже компас в офлайне.

Перро снова перехватила сигнал рифтерского визора и пустилась следом за Кларк.

— Послушай, я могу...

— Да отвали ты. В прошлый раз, когда ты была в одной из этих штук, дело кончилось стрельбой.

— Это была не я! Связь вырубилась!

— Да ну? — Кларк даже не оглянулась. — А сейчас она как поддерживается?

— У этого бота орудий нет. Это лишь глаза и уши.

— Я даже глаза и уши не люблю.

— А тебе лишняя пара не повредит. Если бы я раньше провела разведку, ты бы не заработала этот синяк на лице.

Кларк остановилась. Перро направила «овод» вниз, зависнув в паре метров от плеча Лени.

— А что, если твоим друзьям станет скучно? — спросила та. — Когда связь отрубится снова?

— Не знаю. Наверное, бот отправится на привычный маршрут. По крайней мере выстрелить в тебя он не сможет.

— Он может сообщить тем, кто сможет.

— Послушай, я буду держать дистанцию, — предложила Перро. — Скажем, в двести метров. Я останусь в пределах дальности твоего визора, и если бот придет в себя, то увидит лишь какую-то безымянную «кэшку», которая просто оказалась поблизости, когда связь восстановилась. А они два раза не проверяют.

В двух метрах по левому борту Кларк пожала плечами.

— А зачем ты это делаешь? — спросила она. — Почему тебе так важно мне помочь?

Перро чуть не сказала правду, но потом ответила:

— Не знаю. Вот так вот.

Рифтерша покачала головой и через секунду сказала:

— Я иду на юг.

— На юг? — Су-Хон постучала по мертвой иконке компаса. Ничего. Потом попыталась найти солнце в мутном небосводе.

Кларк уже отправилась в путь и бросила, не оборачиваясь:

— Сюда.

*

Перро держалась подальше от дороги и летела параллельно курсу Лени. Она ткнула в иконку управления камерами — хотела выставить автоматический зум-рефлекс на любое движение, кроме дуновения ветра, — и сильно удивилась, когда ей предоставили целое меню на выбор. Вид сбоку, сзади, снизу и целая стереопанорама спереди. Су-Хон могла разделить дисплей на четыре части и одновременно следить за обстановкой на все триста шестьдесят градусов.

Лени молча брела вдоль дороги, ссутулившись от ветра. Ветровка хлопала ей по спине, как оторванный кусок полиэтилена.

— Ты не замерзла? — спросила Перро.

— Я в шкуре.

— В шкуре... — «А, ну да, ее гидрокостюм». — Ты всегда так путешествуешь?

— Это же ты сказала мне не летать.

— Да, конечно, но...

— Иногда я сажусь на автобус. Или ловлю попутку.

Так не надо было предъявлять удостоверение личности или проходить сканирование тела. В этом крылась невероятная ирония. За последние несколько недель Кларк, скорее всего, прошла через такие кордоны безопасности, которых еще десять лет назад просто не существовало, — но современные проверки и «красные коридоры» вылавливали патогены, а не людей. Кого сейчас вообще

волновали артефакты вроде паспорта? Или нечто субъективное, вроде государственных границ? Национальная принадлежность стала уже настолько бессмысленной концепцией, что никто даже не озаботился ее отменить.

— На этой дороге ты попутку навряд ли встретишь, — заметила Перро. — Надо было держаться главного шоссе.

— А я люблю ходить одна. Можно не тратить время на бессмысленную болтовню.

Су-Хон намек поняла.

Она залезла в бортовой регистратор, опасаясь, что «овод» успел сохранить слишком много разоблачительной информации. Но всю его память стерли — такой саботаж находился далеко за пределами способностей простого пилота. Даже сейчас черный ящик почему-то не мог удержать даже обычный поток данных, идущий с сенсоров бота.

Перро обрадовалась, но не сильно удивилась.

— Ты еще там? — спросила Кларк.

— Угу. Пока на связи.

— А они быстро учатся.

Су-Хон вспомнила, как Лени задумчиво посмотрела на голое запястье там, в аэропорту:

— А что с твоим запястником случилось?

— Разбила.

— Зачем?

— Твои приятели сообразили, как отрубить выключатель.

— Они мне не... — Не приятели. Даже не коллеги. Она понятия не имела, что они такое.

— А теперь ко мне в визор залезла ты. Была бы я поумнее, и его бы выбросила.

— Значит, с тобой и другие выходили на связь? — Конечно, выходили — с чего бы Су-Хон быть единственным человеком на Земле, удостоенным приема у Мадонны Разрушения?

— Ах, да. Я забыла, — сухо проговорила русалка. — Ты же ничего не знаешь.

— Так выходили или нет? Другие, вроде меня?

— У них мозгов еще меньше, — ответила Кларк и продолжила путь.

«Не напирай».

Ряд худосочных березок закрыл боту обзор. Камера по левому борту ловила Кларк лишь урывками, сквозь вертикальную путаницу белых черт.

— Я заходила в Водоворот, — сказала Лени. — Люди... они говорят обо мне.

— Да, знаю.

— А ты в это веришь? В то, что они говорят?

Перро решила подойти к вопросу аккуратно, поскольку и в самом деле не верила:

— Значит, ты не носишь в себе конец света?

— Если это и так, — ответила Кларк, — то анализы крови ничего не показывают.

— Сейчас практически ничему в Водовороте верить нельзя, — заметила Перро. — Там противоречие на противоречии.

— Безумие какое-то. Я понятия не имею, как это вообще началось. — Несколько секунд тишины, затем: — Я недавно видела человека, который походил на меня, ну когда я в костюме.

— Я же тебе говорила. У тебя есть друзья.

— Нет. Тебе нужна не я, а нечто, живущее в сети. Оно просто... зачем-то украло мое имя.

Бип.

Внезапно засветился треугольник, уловивший некий подвижный объект. Кормовая камера рефлекторно дала увеличение.

— Стой, — сказала Перро. — У меня тут... Лени.

— Что?

— Тебе лучше сойти с дороги. Кажется, там этот псих из убежища.

Так и было. Сгорбившись над рулем древнего горного велосипеда, он проявился на экране подобно зернистому кошмару, налегая на педали с усилием, всем своим весом. Сиденья под ним не было. Как и шин: велосипед громыхал по дороге на голых ободьях. Скелет, оседланный монстром. Куртка мужчины была темной и влажной, одного рукава не хватало; в здании он явно ходил в другой.

Мужчина не сводил глаз с дороги; лишь раз кинув быстрый взгляд через плечо, в конце концов он скрылся во мраке.

— Лени?

— Здесь я. — Она показалась из водосточной канавы.

— Он уехал. Вот всегда такие уроды попадают, когда пушки под рукой нет.

— Он не хуже всех остальных в том бункере. — Кларк выбралась обратно на дорогу.

— Он только что забил до смерти человека.

— А куча народа вокруг стояла и смотрела. Или ты не заметила?

— Ну...

— Знаешь, люди так часто поступают. Просто стоят и смотрят. Они все соучастники, они ничем не лучше... да они даже хуже. Он, по крайней мере, хоть как-то себя проявил.

— А ты вроде тоже не пошла против него или я чего-то не заметила? — огрызнулась Перро и тут же пожалела об этом.

Кларк повернулась лицом к «оводу», но ничего не сказала и пошла дальше.

— Они — не все... соучастники, Лени, — уже спокойнее произнесла Су-Хон. — Люди хотят действовать,

они просто... боятся. И многие по собственному опыту знают, что единственный способ справиться с проблемой — просто отступить...

— О, ну да, мы все — лишь жертвы собственного прошлого. Даже не думай поднимать эту тему.

— Какую тему?

— Про несчастных жертв насилия. Ты знаешь, что такое насилие на самом деле? Это оправдание.

— Лени, я не...

— Например, ты в детском саду, а какой-то урод запускает тебе руку в трусы. Или кто-нибудь изнасиловал тебя в зад. И что с того? Ну да, останутся синяки. Будет кровотечение. Правда, когда падаешь с качелей или ломаешь руку, повреждений еще больше, но почему тогда никто не ноет о «насилии»?

Из Лени изливалась такая ярость, что Перро за тысячу километров от нее пошатнулась.

— Я ничего такого не говорила... и вообще, физические травмы — это лишь часть беды. Эмоциональные гораздо сильнее...

— Чушь. Думаешь, мы с нашим устройством не можем пережить какую-то мелкую детскую травму? Ты знаешь, сколько млекопитающих жрут своих детей? Если б мы так надолго выходили из строя от побоев в детстве, то не протянули бы и десяти поколений.

— Лени...

— Ты думаешь, все эти солдаты, бандиты, копы так бы торчали от изнасилований, если б мы сами не делали из них невесты что? Если б у нас коленки не подгибались, если б мы не тряслись при одной мысли о том, что нас изнасилюют? Да ну на хрен. На меня нападали твари прямиком из ночных кошмаров. Я столько раз уже могла свариться и остаться похороненной заживо, что сбилась со счета. Я знаю все о том, как довести

человека до срыва, до слома, и сексуальное насилие тут даже в первую десятку не входит.

Она остановилась и впиалась взглядом в бота Перро. Та увеличила картинку: рифтершу трясло.

— Или, может, у тебя есть причины не согласиться со мной? Личный опыт, которым бы ты подкрепила все эти модные банальности?

«Разумеется, у меня есть опыт. Я подсматривала. Наблюдала годами и ничего не чувствовала. Это была моя работа...»

Но, конечно, она ничего не сказала.

— Я... Нет. В общем, нет.

— Естественно. Ты всего лишь тупая туристка, вот и все. Сидишь где-то в стеклянной башне, где сухо, тепло и комфортно, иногда высовываешь перископ в реальный мир, а потом говоришь себе, что вот теперь-то я живу по-настоящему полной жизнью, ну или еще какую-нибудь херню в том же духе. Ты такая жалкая.

— Лени...

— Хватит мной кормиться.

Больше она ничего не сказала. Безмолвно шагала по дороге, не обращая внимания на мольбы и извинения, а сверху лил грязный дождь. Коричневое небо потемнело. Видимый свет поблек, включился инфракрасный. Лени Кларк превратилась в обжигающе-белое пятно гнева, неутомимо двигавшееся на зафиксированном расстоянии.

После она заговорила лишь раз. Слова больше походили на рык, и Су-Хон решила, что те предназначались не для нее. Однако чувствительные сенсоры «овода» не питали уважения к дистанции и плевали на приватность: фильтр и усиление громкости превратили фразу Кларк из отдаленной статики в уродливую и недвусмысленную истину:

— Все платят.

ПОИСК ВИДЕНИЙ*

Дежарден не занимался сексом с реальными женщинами по двум причинам. Вторая была такой: симуляции давали ему гораздо больше свободы.

Его система вполне соответствовала таким требованиям. Костюм был оснащен по последнему слову техники: бестелесные пальцы тактильных датчиков магнитолевитации Лоренца одновременно ощущали любое его движение и отвечали на него. Реклама хвасталась, что с ними можно почувствовать, как по спине ползет виртуальный муравей. Она не лгала. Мощнее был только прямой нейроинтерфейс, но так далеко Дежарден не заходил. Об этом мало кто знал, но некоторые существа в Водовороте научились проникать внутрь человеческого тела. Ахилл совсем не хотел, чтобы какой-нибудь цифровой хищник взломал ему спинной мозг.

Впрочем, в случае с имплантатами существовали и другие опасности, особенно для людей со вкусами Дежардена. В мире до сих пор хватало людей, которые отказывались признавать разницу между реальностью и симуляцией, фантазией и изнасилованием. Некоторые из них обладали достаточной квалификацией и вполне могли хакнуть то, что считали неприемлемым с политических позиций.

Взять настоящий сценарий. В общем-то, сцена милее некуда. Перед Ахиллом лицом вниз лежали две девушки,

* Здесь имеется в виду обряд посвящения в некоторых индейских племенах, который обычно заключается в том, что человек от одного до четырех дней проводит в полной изоляции от племени, оставаясь наедине с собой и природой. Таким образом испытуемый устанавливает связь с первичными силами бытия. Во время этого интенсивного духовного общения с силами природы человек получает видение, которое так или иначе связано с его дальнейшей судьбой и целью в жизни.

привязанные к столу. У одной к соскам и клитору были прицеплены зубчатые зажимы, связанные с генератором переменного тока. Второй приходилось довольствоваться не столь технологичными методами наказания; сейчас, к примеру, Дежарден пользовался занозистой ручкой от швабры. Три остальные висели вверх ногами на дальней стене, коротая время, пока не настанет их очередь.

Именно в такого рода симуляции любили вламываться некоторые типы. Ахилл знал несколько случаев, когда жертвы чудесным образом освобождались от оков, вооружившись мясницким тесаком или садовыми ножницами, набрасывались на пользователя и совершенно непрофессионально, но с большим энтузиазмом кастрировали его; в одном случае бедолаге даже отключили экстренное прерывание, и игрок оставался в виртуале до самого занавеса. Такие вещи и в фидбэк-костюме могли сыграть с человеком злую шутку, а уж если тебя достали через нейросвязь, можно было остаться импотентом на всю оставшуюся жизнь.

Ради чего, собственно, все и затевалось.

Ахилл знал о рисках больше прочих, а потому и меры предосторожности принимал более тщательные. Сенсоприум всегда находился офлайн, без всякой физической связи с сетью. Дежарден лоботомировал графическую составляющую, снизив ее уязвимость перед дикой фауной; теперь она выдавала только угловатые картинки в низком разрешении, которые любого другого ценителя свели бы с ума, но с имплантатами Дежардена смотрелись вполне неплохо. (Усилители функции распознавания образов в зрительных отделах коры головного мозга интерполировали эти унылые пиксели в субъективную панораму столь высокой четкости, что даже у самых пресытившихся сетевиков пошла бы слюна от такого

зрелища.) Сами сценарии были выскоблены и дезинфицированы буквально до текстурных карт. В конце концов, в этой выгребной яме, в которую превратился мир, Ахилл отвечал не только за себя и никак не мог допустить, чтобы какой-нибудь пуританин-двадцатник испортил ему заслуженные минуты отдыха.

Поэтому неожиданное и полное отключение системы встревожило его не на шутку. В шею что-то быстро и больно кольнуло, а потом все вокруг просто исчезло.

Ахилл, оглушенное и бестелесное создание, какую-то секунду парил в недоступной восприятию пустоте. Ни звуков, ни запахов, ни тактильных ощущений, ни зрительных — даже черноты не было. Это не напоминало тьму за окном или ту, что опускается, стоит закрыть глаза. Скорее Ахиллу казалось, что у него вообще никогда не было глаз. Из глубин мозга мрак не увидеть...

«Твою мать, — подумал он. — Влезли-таки. Сейчас система включится, и меня станут поджаривать на вертеле, или чего они там придумали».

Дежарден попытался сжать пальцы вокруг прерывателя. Пальцы, похоже, исчезли. Все чувства отрубались. На мгновение он даже решил, что легко отделался — программу не инфицировали, просто обрушили. В этом был смысл... всегда легче грохнуть систему, чем вывернуть ее наизнанку.

«Но они же, по идее, не могли сделать ни того ни другого, вот твари... И почему я ничего не чувствую?»

— Привет! Привет? Эта штука работает?

«Да какого...»

— Прости. Неловко пошутил. Ахилл, я собираюсь задать тебе несколько вопросов и хочу, чтобы ты не торопился и тщательно обдумал ответы.

Голос висел в пустоте, бесполой, никаких звуков окружающей среды: ни эха, ни гудящих рядом устройств —

вообще никакого фонового шума. Так иногда говорило с посетителями Убежище, но даже такое сравнение казалось неправильным.

— Я хочу, чтобы ты подумал об океане. О глубине. Подумай о существах, которые там живут. Особенно о микробах. Подумай о них.

Ахилл попытался заговорить. Голосовых связок не было.

— Хорошо. Теперь я назову тебе несколько имен. Может, ты узнаешь какие-то из них. Эбигейл Макхью. Никогда о такой не слышал.

— Дональд Лерцман.

«Лерцман? А он-то тут каким боком?»

— Вольфганг Шмидт. Джуди Карако.

«Это что, тест на лояльность... Ох ты боже. Тот контакт из Убежища. „Реактор Пикеринга“. Он же говорил, что сможет меня найти...»

— Андре Брео. Патриция Роуэн. Лени Кларк.

«Роуэн? Значит, она за всем этим стоит?»

— Кен Лабин. Лео Хин Тан-третий. Марк Шоуэлл. Майкл Брандер.

«Да, точно Роуэн. Может, Элис и не страдает паранойей».

— Хорошо. А теперь я хочу, чтобы ты подумал о биохимии. Протеины. Серосодержащие аминокислоты.

«????!??...»

— Я вижу, ты в замешательстве. Так, давай чуть сузим область размышлений. Цистеин. Метионин. Думай о них, когда услышишь следующие слова...

«Какой-то трюк по чтению мыслей».

— Ретровирус. Стереоизомер. Саркомер.

«Квантовый компьютер?»

Их не существует. Конечно, официально такого мнения придерживались в случае большинства запрещенных

технологий, но этому Дежарден верил. Никто в здравом уме никогда бы не согласился иметь дело с искусственным интеллектом, обладающим телепатическими способностями. О таком побочном эффекте сторонники квантизации поначалу и не подозревали, но в результате вопрос о квантовом сознании решили буквально за ночь. Зачем кому-то делать машину, для которой покопаться в чужих мозгах все равно, что шахматному гроссмейстеру сыграть партию в крестики-нолики?

Таких идиотов не нашлось, насколько знал Дежарден.

— Ионный насос. Термофил.

«Но если не квантовый компьютер, тогда...»

— Археи. Фенилиндол.

«Ганцфельд».

Значит, не компьютер, если не считать допросного интерфейса. И не телепатия — не совсем. Нечто более грубое. Слабые квантовые сигналы человеческого сознания, отгороженные от шума и сенсорной статики. В столь полной тишине можно с большой долей вероятности предположить, на что смотрит подопытный или что он слушает. Почувствовать опосредованное эхо отдаленных эмоций. С правильной изоляцией и стимуляцией узнать можно много.

Так рассказывали Дежардену, но раньше он никогда не испытывал ничего подобного.

— Хорошо. А теперь подумай о заданиях, которые тебе давали в УЛН за последний месяц.

«Mange de la marde». Если какой-то бесплотный голос велел ему подумать о чем-то, это еще не значит, что он сейчас вытянется по стойке «смирно» и...

— О, знакомый паттерн. Ахилл, выполни маленькое упражнение: что бы ты ни делал, не думай о красноглазом бабуине с геморроем.

«Твою ж мать».

— Видишь? Ничто так не обречено на поражение, как попытки о чем-то не думать. Продолжим? Подумай о заданиях УЛН за последние шесть месяцев.

«Красноглазый бабуин с...»

— Подумай о землетрясениях, о цунами. Подумай о любых возможных связях.

«А это не угроза безопасности? Разве Трип Вины не должен сейчас как-то себя проявить?»

Землетрясения. Цунами. Он не мог выкинуть их из головы.

«А может, и проявил. Может, у меня уже конвульсии, но тела я не чувствую. Откуда мне знать?»

Пожары.

«Боже! Я сейчас все выдам...»

— Подумай об алгоритмах сдерживания и локализации. Подумай о косвенном ущербе.

«Прекрати, хватит...»

— Ты это спланировал?

«Нет! Нет, я...»

— А знал заранее?

«Да как я мог, они же мне ничего не говорят...»

— То есть выяснил потом?

«Если Трип работает, моему телу уже конец. Ах ты ж тварь, кровью блюющий серповидноклеточный урод...»

— Ты одобрил их действия?

«Это что за тупой вопрос?»

А потом ничего, очень-очень долго.

«Ужасно себя чувствую. Эй, минуто...»

Отчаяние, вина, страх — это все химические вещества. Гормоны, нейротрансмиттеры — варево, кипящее не только в мозгу, но и в железах по всему телу. Физическому телу.

«Я все еще жив. У меня все еще есть тело, хотя я не могу его почувствовать».

— Ну а теперь поговорим о тебе, — произнес наконец голос. — Как у тебя последнее время со здоровьем? Не было порезов, травм? Нарушения кожных покровов?

«Я уже лучше себя чувствую, спасибо».

— Каких-то болезненных симптомов?

— Вакцинаций за последние две недели?

— Анализ крови? Необычных реакций на рекреационные трансдермы?

— Сексуального опыта в реале?

«Никогда. Я никогда не делал подобного с живым человеком».

Тишина.

«Эй, ты там?»

С ослепительной вспышкой и грохотом рассерженного океана реальный мир обрушился на него со всех сторон.

*

Через какое-то время интенсивность окружающего пришла в норму. Ахилл устался на потолок гостиной и подождал, пока какофония окружающих звуков не сольется в один-единственный, похожий на шорох щетки.

«Тут кто-то есть».

Он попытался подняться, но от острой боли в шее быстро двигаться не мог. И все же умудрился встать на ноги и не упасть. Фидбэк-костюм кто-то аккуратно собрал и положил в сторону: Ахилл был совершенно голым.

Шорох доносился из ванной.

Оружия не было. Правда, Дежарден понимал, что оно и не нужно: если бы незванный гость хотел его убить, то уже давно бы это сделал. Ахилл неуверенно шагнул в сторону выхода из квартиры и чуть не врезался головой в стену: верная себе, Мандельброт выскочила ему навстречу и совершила классический кошачий маневр, восьмеркой обвившись вокруг ног.

Дежарден безмолвно выругался и, крадучись, направился к ванной.

У раковины стоял какой-то мужчина без штанов, среднего роста, но комплекцией больше похожий на батарею Балларда. Темные волосы с проблесками седины; морской свитер грубой вязки; черные трусы, на ногах небольшие шрамы. Брюки переброшены через сушилку; он мыл ногу в ванне.

— Твоя кошка на меня написала, — сказал гость, не оборачиваясь.

Дежарден покачал головой, шея тут же напомнила о глупости столь неосмотрительного жеста.

— Что?

— Когда мы проводили сессию, — пояснил незнакомец (Дежарден взглянул в зеркало, но человек смотрел вниз, поглощенный работой). — Я так полагаю, человек в твоём положении знает о техниках Ганцфельда?

— Слышал о них.

— Тогда ты знаешь, как минимизировать внешний сигнал. Надо поставить нервные блоки на главных сенсорных путях. Везде. Я был так же оторван от реальности, как и ты.

— Но ты мог говорить...

Незванный гость толкнул ногой поясную сумку, лежащую на полу:

— Вот это говорило. Я лишь установил дерево диалога. В общем, — он выпрямился, так и не развернувшись, — твоя тупая кошка написала на меня, пока я там лежал.

«Умница какая», — подумал Дежарден, но ничего не сказал.

— Я думал, так только собаки делают.

Ахилл пожал плечами:

— Мандельброт — немного мутант.

Незнакомец хмыкнул и развернулся.

Не то чтобы он был страшен. Если бы некто с довольно ограниченными художественными способностями решил вырезать человеческое лицо на тотемном шесте, такое изображение не каждому пришлось бы по вкусу, но определенная грубая эстетика в нем была. Повсюду — на лбу, щеках, подбородке — виднелось еще больше крохотных шрамов. И все равно — далеко не урод.

Не урод, но страшный. Да, такое определение подходило. Дежарден понятия не имел, почему он так решил.

— У тебя иммунитет к Трипу Вины, — сообщил гость. — Нет ли догадок, как до такого дошло?

АЛГЕБРА ВИНЫ

Голый правонарушитель смотрел на него с опасливым любопытством, а вот страха в нем почти не чувствовалось. Когда ежедневно жонглируешь чужими судьбами и этим зарабатываешь на жизнь, как-то забываешь о том, что другие люди — повод для беспокойства. Садбери был безопасным и законопослушным местом. Обладая чуть ли не божественной властью над реальным миром, Дежарден, наверное, забыл, каково это — по-настоящему в нем жить.

— Кто ты такой? — спросил Ахилл.

— Меня зовут Колин, — ответил Лабин.

— Понятно. И с чего Роуэн так перевозбудилась, что решила устроить мне проверку на верность?

— Ты меня, кажется, не расслышал. У тебя иммунитет к Трипу Вины.

— Слышал я. Просто думаю, что ты несешь чушь.

— Да неужели, — с едва заметным нажимом сказал Лабин.

— Неплохая попытка, *Колин*, но я как бы плотно сию на этой штуке.

— Я вижу.

— Пойми меня правильно, я не говорю, что ее нельзя уничтожить. Да я хоть сейчас могу назвать пару коммерческих энзимов, которые легко ее разложат. Определенный вид ингибитора обратного захвата тоже может сработать, как мне говорили. Вот потому у нас постоянно и проводят тесты, понимаешь? Двух дней не проходит, чтобы очередная ищейка не вынюхала мне промежность. Поверь, если бы у меня возник иммунитет на Трип Вины, об этом уже знал бы не только я, но и каждая база данных до самой геосинхронной орбиты. И самое странное, что Роуэн о таком должна бы знать в первую очередь...

У него не было даже шанса пошевелиться. Не успел он и слова договорить, как Лабин оказался позади, локтем зажал ему шею, а в ухо вставил длинную изогнутую иглу, красноречиво кольнув ей барабанную перепонку.

— У тебя есть три секунды, чтобы ответить, как оно называется, — прошептал Лабин и слегка ослабил хватку, позволив жертве хоть как-то говорить.

— Бетагемот, — задыхаясь, ответил Дежарден.

Кен снова усилил захват:

— Место появления. Две секунды. — Расслабил.

— Океан, на большой глубине! Хуан де Фука, источник Чэннера, как мне...

— Суть пессимистичного сценария. Одна.

— Да сдохнет все, твою мать! Исчезнет просто...

Лабин его отпустил.

Дежарден покачнулся, опершись о ванну и хватая ртом воздух. Кен видел его лицо в зеркале: как уходит паника, как включаются высшие отделы мозга, как идет переоценка потенциальной угрозы, как до Ахилла неожиданно доходит...

Он только что три раза нарушил протокол безопасности. За такое Трип Вины уже давно бы поднялся из глубин и скрутил его жестче любого Лабина...

Дежарден повернулся и посмотрел на Кена с ужасом, по лицу его расплзался страх.

— Maudite marde...*

— А я тебе говорил. Теперь ты — вольная птица. Vive le gardien libre**.

*

— Как ты это сделал? — Угрюмый Дежарден плюхнулся на кушетку, рядом со своей одеждой. — И более того, зачем? Стоит мне в следующий раз показаться на работе, и все, мне конец. Роуэн об этом знает. Что она пытается доказать?

— А я не от Роуэн, — сказал Лабин. — Вообще-то, именно в ней и проблема. Я здесь от имени ее начальства.

— Да? — Ахиллу это, похоже, понравилось. Неудивительно. Патриция никогда не пользовалась любовью подчиненных.

— Есть подозрение, что часть информации, поступившей из ее офиса, искажена, — продолжил Лабин. — Я здесь, чтобы миновать посредника и получить чистую правду. И ты мне в этом поможешь.

— А толку от меня мало, если я буду биться в припадке от каждого важного вопроса.

— Да.

Дежарден начал одеваться:

— А почему не сделать запрос по официальному каналу? Трип бы даже не пикнул, если бы знал, что приказ идет от вышестоящих в пищевой цепочке.

— Роуэн бы пикнула.

— А, ну да, — Ахилл натянул рубашку через голову. — Так, скажи мне, если я все верно уловил: ты задашь

* Квебекское ругательство.

** Да здравствует свободный охранник (фр.).

мне кучу вопросов, и если я не отвечу со всей искренностью, то воткнешь мне иголку в ухо. А если отвечу, ты меняпустишь, и, когда я в следующий раз пойду на работу, сирен завоюет столько, что не сосчитать. Они меня разделяют на кусочки, чтобы понять, в чем дело, и мне очень, очень повезет, если я просто окажусь на улице, став угрозой для безопасности. Я все правильно понимаю?

— Не совсем.

— И в чем ошибка?

— Я не маньяк, — ответил Лабин. На самом деле, именно так его кто-то обозвал года два назад. — Я не бегаю от двери до двери, с радостью убивая людей без всякой причины. А тебе предстоит не просто ответить на мои вопросы. Ты возьмешь меня с собой на работу и покажешь все файлы.

— Но сначала...

Лабин протянул ему дерму, зажав ее между указательным и большим пальцами:

— Аналог Трипа. Кратковременного действия, практически инертный, но для ищеек выглядит практически так же. Засунь ее себе под язык за пятнадцать минут до работы и пройдешь все тесты. Если пойдешь мне навстречу, никто даже не узнает разницы.

— Пока ты не свалишь и не заберешь препарат с собой.

— Ты забываешь, как работает Трип, Дежарден. Вещество производят твои собственные клетки. Я не остановил процесс. Только накачал тебя одной штукой, которая разлагает конечный продукт, прежде чем тот ударит по твоим двигательным нервам. В конце концов мой коктейль израсходуется, и ты снова станешь маленьким и счастливым рабом.

— И как скоро?

— Через неделю или десять дней. Зависит от обмена веществ. Даже если я действительно свалю, ты всегда можешь сказать, что я болен, пока оно не перестанет действовать.

— Не могу, и ты об этом знаешь. Когда я вступил в Патруль, мне усилили иммунную систему. Я даже супергриппом заболеть не могу.

Лабин пожал плечами:

— Тогда тебе придется просто мне поверить.

*

На самом деле все это было ложью, начиная с «начальства Роуэн».

Лабин не освобождал Ахилла. Он всего лишь наткнулся на этот неожиданный факт, когда они оба лежали на полу, отключенные от себя самих и связанные воедино механическим допросником. Дерма, которую он показал, была усилителем ацетилхолина, она улучшала память, но по сути мало чем отличалась от конфеты. Кен придумал все на ходу, основываясь на реакциях правонарушителя под Ганцфельдом: Роуэн, да. Сильный эмоциональный отклик. Никакой реакции на имена рифтеров, но настоящий ужас при упоминании землетрясений, цунами и таинственных пожаров.

Дежарден искал правду, но отшатнулся от нее. Не он запустил эти жернова в действие. Насколько понял Лабин, Ахилл даже не знал, сколько их в машине.

Правонарушитель понятия не имел, что обладает иммунитетом к Трипу Вины, и это было особенно интересно. Ахилл не преувеличивал — в УЛН невозможно даже дня-другого протянуть, не попав под какую-нибудь проверку. Навряд ли Дежарден приобрел невосприимчивость к препарату за последние несколько часов, а значит, его тело не только избавилось от Трипа, но еще каким-то образом умудрилось скрыть этот факт от ищек.

Лабин даже не подозревал, что от Трипа можно освободиться. Эта новость открывала перспективы, о которых Кен никогда прежде не думал.

ЗВЕЗДОТРАХ

Марк Кваммен был готов и заряжен по полной.

В Пылевом Поясе заканчивался сезон торнадо; Марк целых три месяца ремонтировал маховики, и теперь в чипе, вшитом в бедро, скопилась шестизначная сумма, а до весны, когда начнут забиваться дамбы на севере, оставался целый месяц. Многочисленные возможности искушали. Можно было прокатать хлоропласты, обзавестись щитом против ультрафиолета и махнуть на Каролинские острова. Можно было завалиться в подводный «Клуб Мед» на мысе Гаттерас — говорят, там изолировали целую бухту большой полупроводящей мембраной, которая пропускала океан, но удерживала всякие отвратные синтетические макромолекулы и тяжелые металлы. Культивированные кораллы наконец взяли, и вроде бы их уже открыли для туристов. Вот это явно стоило повидать. Когда накрыло Ки-Уэст, диких рифов в Северной Америке не осталось.

Конечно, в наше время стоит высунуться наружу, и на тебя готова наброситься куча всякой дряни. К примеру, этот новый вирус, который занесли беженцы с Тихоокеанского побережья, — универсальная зараза, убивающая десятком разных способов. Может, лучше остаться в уютной темной кабинке уютного темного наркобара на краю Пояса? А обогащение опыта поручить «прорывам» да «мозгохимам»? Все равно в реальном мире такого Марк не испытает никогда. Возможность прельщала, к тому же тут он мог все начать прямо сейчас.

И уже начал. Кваммен потянулся и устроился поудобнее в мягком и удобном алькове, наблюдая за тем,

как сверкают в воздухе бабочки. Наверху мир напоминал раскаленную духовку с запекшейся коркой; без защитных очков соляная слепота была делом времени, хотя обычно первым справлялся песчаный ветер, превращавший глаза в пористый желатин. Здесь же всегда царила тьма, а воздух едва двигался. Марк чувствовал себя как кот, из укромного уголка обзирающий свои подземные владения, темно-зеленую пещеру.

У бара сидела невысокая белокурая К-отборщица. Кваммен машинально прилепил дерму за ухо и направил на женщину запястник, испустивший пассивный инфракрасный луч и пару ультразвуковых писков, которые даже летучие мыши с трудом расслышали бы.

Она повернулась и посмотрела на него. Тусклые глаза удивительного цвета слоновой кости.

Направилась к нему.

Он ее не знал. Запястник выдал резюме: она даже не возбуждена.

Правда, зачем еще к нему подходить, Марк не понимал.

Она остановилась около кабинки, за этими странными слепыми глазами, казалось, таился намек на улыбку.

— Шикарно выглядишь, — начал Кваммен, решив взять инициативу в свои руки. — У тебя с этими штуками, наверное, и рентгеновское зрение есть?

— И что это было?

— Ты о чем?

— Ты меня чем-то запеленговал.

— А, это. — Марк поднял руку и показал ей тонкую нить, тянувшуюся из запястника. — А у тебя сенсор какой-то?

Она покачала головой. Тонкие губы, небольшая грудь, широкие бедра. Вся словно из острых, лишь слегка сглаженных углов. Похожа на совершенную ледяную

скульптурку, которую художник продержал на солнце чуть дольше, чем надо.

— А как ты узнала тогда? — спросил Кваммен.

— Почувствовала.

— Чушь. Инфрасигнал пассивный, а сонар очень слабый.

— У меня имплантаты, — сказала К. — Мощная штука. Сразу чувствуешь любой звук.

— Имплантаты? — «А это может быть интересно».

— Да. Так что ты тут делаешь?

Марк снова украдкой взглянул на запястник: нет, секса она не хотела. Ну минуту назад, по крайней мере. Возможно, вопрос оставался открытым. Возможно, она уже изменила мнение. Хотелось проверить ее еще раз, но он решил не выдавать себя. Черт. И почему она так чувствительна к зондированию?

— Я спросила...

— Только что завершил хороший жирный контракт, — признался он. — Работал с маховиками. Теперь думаю, чем заняться дальше.

Она скользнула к нему в кабину, взяла дерму из донатора на столе.

— А Расскажи-ка мне об этом.

*

О, она была такой загадочной и таинственной.

А может, просто старомодной. Ничего не предложила с ходу, что удручало: напрасная трата времени. Кваммен предложил бы ей переспать сразу, но, если только его плагин не накрылся, к спариванию она была не готова, а это, скорее всего, означало, что ему придется поработать над вопросом. Марк уже и не помнил, когда в последний раз полагался только на инстинкт, выясняя, интересен он женщине или нет, а с этой Лени по-про-

стому не выходило. Пару раз он клал ей ладонь то туда, то сюда, и она буквально отшатывалась. Но потом проводила пальцем по его руке или постукивала по тыльной стороне ладони и вообще липла, как миксина.

Если ей неинтересно, то почему тратит время? Неужели она здесь и вправду — поговорить?

К третьей дерме ему стало все равно.

— Ты знаешь, кто я такой? — вопрошал Кваммен. Прилив экзогенных трансммиттеров сделал его на удивление красноречивым. — Я — настоящий крестоносец, черт побери! У меня есть миссия: спасти мир от квебекцев!

Она лениво мигнула, прикрыв свои слепые глаза:

— Слишком поздно.

— Знаешь ли ты, что еще пятьдесят лет назад люди тратили на энергию меньше трети доходов? Только представь, меньше трети!

— Я не знала, — ответила Лени.

— И миру приходит конец. Прямо сейчас.

— А вот об этом мне хорошо известно.

— А знаешь, когда? Когда начался конец света?

— В прошлом августе.

— В две тысячи тридцать пятом году. С приходом адаптивной модели. Когда мы все стали устранять последствия, а не производить новые товары.

— Устранять последствия?

— Именно. — Он грохнул кулаком по столу. — Вся моя жизнь — это сплошное устранение последствий. Я чиню вещи, которые разрушает энтропия. Все разваливается, Лени, милая моя. И единственный способ остановить падение — это вкачать в мир еще больше энергии. Так мы проделали путь от первобытной слизи до человека. Без Солнца эволюция накрылась бы моментально.

— О, на свете есть места, где эволюции совсем не нужно Солнце...

— Да, да, но ты меня поняла. Чем сложнее система, тем больше ее хрупкость. Вся эта экоболтовня, типа «разнообразие — залог стабильности», — полная чушь. Взять, к примеру, тропические леса или коралловые рифы, да они же жрут прорву энергии. Там столько видов, столько энергетических потоков, что эрга свободного не остается. Стоит проехать по этим лесам на паре бульдозеров, и сразу станет ясно, насколько стабильна эта система.

— Опа! — сказала Лени. — Да ты слегка припозднился с предложением.

Кваммен едва ее услышал:

— А у нас теперь настолько изошренная система, что по сравнению с ней тропический лес — это монокультура. Для простых смертных все до того усложнилось, что мы придумали сети, всяких ИИ, чтобы те следили за порядком. Но они тоже разрослись, получились настоящие раковые опухоли сложности, ситуация только ухудшилась, и теперь вся базовая инфраструктура трещит по швам, климат и биосфера в полной заднице, а нам нужны просто тонны энергии, чтобы конструкция окончательно не завалилась набок. Но по тем же самым причинам постоянно вылетают системы, которые добывают нам эту дополнительную энергию, понимаешь, о чем я? Знаешь, что такое апокалипсис? Это контур положительной обратной связи.

— А чем так сильно провинился Квебек? Они же единственные, кто взялся за дело, когда еще оставалось время спасти хоть что-то. Это уже из-за Гидровойн...

— О, старые песни пошли. Типа Квебек хотел спасти мир, и если бы мы всей кучей не навалились на лягушатников, то попивали бы сейчас нейроккоктейли где-нибудь на пляже, а Водоворот остался бы милым, чистеньким и без всяких глюков; и... ой, лучше не выводите меня.

— С этой просьбой ты тоже припозднился.

— Слушай, я не говорю, что это война вывела Водоворот за критическую массу. Может, конечно... Но все бы случилось так и так. Пять лет, максимум. И неужели ты думаешь, что лягушатники смотрели дальше других? Им просто повезло с географией. Да любой соорудил бы крупнейшую в мире гидростанцию, если б имел под боком целый Гудзонов залив. И кто мог их остановить? Вот кри пытались, к примеру, знаешь об этом? Помнишь кри? Такое индейское племя было. Пара тысяч недовольных в районе залива Джеймса, а потом вдруг грянула вспышка жуткой эпидемии, которая, по злополучному совпадению, убивала только аборигенов. И вот она прошла, и Нунавут сразу задрал лапки кверху и сделал все как было велено, а остальная Канада так хотела заманить французи́ков к себе в постельку, что закрыла глаза почти на все. А теперь слишком поздно, и мы, оставшиеся, играем в догонялки с ветряными фермами, ячейками фотосинтеза и геотермальными станциями в океане...

Глаза Лени маячили прямо перед ним. Что-то щелкнуло в мозгу Кваммена.

— Эй, а ты не...

Она схватила его за руку и потянула прочь из кабинки:

— Хватит языком трепать. Пошли трахаться.

*

А еще она была совсем не похожа на других.

На груди у нее виднелись рубцы, а между ребер проглядывал перфорированный металлический диск. Трудясь над его членом, в перерывах она поведала ему, что из-за детской травмы живет с искусственным легким. Явная ложь, но Марк возражать не стал. Сейчас все обрело смысл: и то, как она замирала, а потом старалась не

показывать этого, и то, как изображала страсть, только чтобы скрыть свою невероятную холодность.

Рифтерша. Кваммен слышал о них — да о них когда-то все слышали. Водолазы Н'АмПацифика, которых рассылали по гидротермальным источникам вдоль всего восточного побережья Тихого океана, пока не пошла молва, что берут туда только полностью долбанутых. Вроде как пережившие насилие прекрасно подходили для рискованной работы на больших глубинах. Какая-то фигня в редуccionистско-механистическом духе. Неудивительно, что Лени не хотела выкладывать душу. Кваммен и не собирался на нее наседать.

К тому же секс был очень хорош. Иногда она вздрагивала, но явно знала, что надо делать. До Марка доходили слухи — «мудрость древних», как он это называл. «Хочешь хорошего секса, найди себе жертву насилия». Проверять такое, конечно, было не очень хорошо, но, в конце концов, она сама проявила инициативу.

И что бы вы думали: древние-то глаголили истину.

Он оттрахал ее жестко, а, когда вынул член, тот был весь в крови. Марк нахмурился: от такого зрелища у него сразу увял, как старый побег сельдерея.

— О, черт..

Лени только улыбнулась.

— Это ты? Тебе больно? Это...

«О, черт, неужели это я?»

— Я — девушка старомодная, — ответила она.

— Что ты имеешь в виду? — Он бы точно почувствовал, если бы порезал член.

— У меня менструация.

— Да ну... Ты шутишь? — «Зачем кто-то по доброй воле...» — Да уж, ну ты совсем двадцатница. — Он встал, взял полотенце с туалетного столика и, вытираясь, заметил: — Могла и сказать.

— Извини.

— Ну, если тебе так нравится... — сказал Кваммен. — Я не возражаю, просто подумал...

Она оставила рюкзак рядом с кроватью на полу. Там внутри что-то влажно поблескивало. Марк слегка наклонился, чтобы разглядеть.

— А, это... извини, если я...

Нож с выпущенным лезвием. Им пользовались.

— Да ничего, — слышался сзади ее голос. — Все нормально.

«Она себя порезала. Еще до секса, наверное, пока я мылся. Она порезала себя прямо внутри».

Кваммен снова повернулся к кровати. Лени уже наполовину оделась. Ее лицо походило на пустую маску и прекрасно подходило к глазам.

Она заметила его взгляд. Снова улыбнулась. Марк почувствовал, как его пробирает холод.

— Приятно было познакомиться, — сказала женщина. — Иди и греш.

МАСКА

«Ищейка» куснула его за палец и уставилась черным подозрительным глазом.

«Аналог Трипа, твою мать, — подумал Дежарден. — А что, если не сработает? Что, если Колин врет, что, если...»

Глаз мигнул и загорелся зеленым.

Колин прошел через охрану как гость Ахилла. Трип Вины был привилегией, ей оделяли далеко не каждого, кто вел вполне законные дела в здании Патруля Энтропии. Незванный гость прошел под взглядом сканеров, пронизавших плоть до костей, — Дежарден заметил у него в груди какие-то имплантаты, но машины посчитали их безопасными, — однако необходимости пить

его кровь или копаться в разуме не возникло. В конце концов, он же пришел в компании Ахилла Дежардена, персоны, заслуживающей полного доверия, которой и в голову не пришло бы дать допуск человеку, представляющему потенциальную угрозу.

«А ведь этот урод мог меня прибить», — подумал Ахилл.

Колин закрыл за собой дверь рабочего кабинета. Дежарден подключил линзы в глазах к пульта управления и разделил визуальный сигнал, послав изображение на стену, чтобы агент мог подглядывать. Потом приказал системе откладывать все входящие поручения временно до получения дальнейших указаний. Та, уверенная, что слуга просто не может без должной причины увильнуть от ответственности, быстро подчинилась.

Ахилл снова остался один на один с человеком, который таскал в карманах очень длинные иглы.

— Что ты хочешь посмотреть? — спросил Дежарден.

— Все.

*

— Как-то неплотно, — заметил Колин, изучая схему. — Непохоже на обычную пандемию.

Он, наверное, имел в виду континент; на побережье Бетагемот царил везде.

Дежарден пожал плечами.

— Он по-прежнему с трудом проникает в области с пониженным давлением. Чтобы закрепиться там, ему нужен не один шанс.

— А вот на Полосе он, похоже, процветает.

— Очень большая концентрация населения. Шансов больше.

— И как же он распространяется?

— Пока не пойму. На утечку от коммерческих не похоже. — Ахилл ткнул пальцем в несколько разрознен-

ных пятен к востоку от Скалистых гор. — Эти новые появились буквально пару недель назад, и они лежат в стороне от транспортных коридоров. — Он вздохнул. — Думаю, нам вообще повезло, что карантин так долго продержался.

— Нет, я имею в виду, как он передается? Дыхательным путем, через кожу? Через телесные жидкости?

— По идее, Бетагемот можно легко перенести и на подошве ботинка. Но для критической массы понадобится что-то посерьезней грязной обуви, здесь вторичными носителями не обойдешься.

— Значит, только человеческие носители.

Дежарден кивнул:

— Элис говорила, что внутри тела Бетагемоту уютно и комфортно. Так что да, по-видимому, он распространяется под видом какой-то обыкновенной инфекции. А потом, когда носитель блюет или опорожняется в травку, заражается внешняя среда.

— Кто такая Элис?

— Коллега. Она мне помогала с этим заданием. — Ахилл надеялся, что Колин не будет углубляться в детали. Любому, к кому у этого человека возникали вопросы, стоило сильно встревожиться.

Но тот лишь ткнул пальцем в экран.

— Твои носители. Сколько их перевалило через горы?

— Не знаю. Это теперь не мое дело. Хотя думаю, мало.

— И кто они?

— Скорее всего, те, кто работал по контракту на станции «Биб». Они заразились еще тогда, когда о Бетагемоте никто не знал.

— А почему они еще живы, если заразились первыми?

— Хороший вопрос. — Дежарден снова пожал плечами. — Может, они не заболели, а переносят Бетагемот каким-то другим путем.

— В банке, что ли? — Лабин чуть ли не развеселился. — Джонни Яблочное Зернышко* затаил месть?

Ахилл не знал, да и не спрашивал.

— Это необязательно делать намеренно. Может, там просто какое-то грязное оборудование больших размеров перевозят.

— Но в таком случае ты бы его выследил. Даже группу рабочих, строивших станцию, было бы легко найти.

— По идее, да. — «Парням с огнеметами это особо не мешало».

— Тем не менее вариантов у тебя нет.

— Живых — нет.

— Как насчет рифтеров? — произнес Колин. — Они вошли в моду, как я погляжу. Может, тут есть какая-то связь.

— Они все...

«...погибли при землетрясении». Но в животе у Ахилла что-то словно оборвалось, он даже не успел мысль закончить.

«Как насчет рифтеров?»

Сканеры безопасности засекли имплантаты в груди Колина.

* *Джонни Яблочное Зернышко* — прозвище Джона Чэпмэна (1774—1845), миссионера и садовника, который странствовал по Северной Америке, сажая яблони и создавая яблоневые питомники. Еще при жизни он стал легендарным персонажем, и в фольклорной традиции его изображают кем-то вроде сеятеля, который бессистемно и случайно странствовал по Америке, разбрасывая яблочные зерна, что, конечно, в реальности было не так. Образ Джонни Яблочное Зернышко получил множество отражений как в литературе, так и в музыке, и в кино. Только в фантастических романах его образ встречается в «Американских богах» Нила Геймана, «Яблочном зернышке» Джона Клютта и у Роберта Хайнлайна в романе «Фермер в небе».

«Дежарден, какой же ты тупой».

Рифтеры.

Один из них стоял прямо у его плеча.

*

На секунду Ахилл окаменел, пытаясь понять, как же так получилось.

Так называемый «Колин» восстал из пепла станции «Биб» и теперь преследует какие-то свои апокалиптические цели. Джонни Яблочное Зернышко затаил месть, что бы это ни значило...

Или:

Так называемый «Колин» вообще не был на станции «Биб», он действует по каким-то, скажем так, личным мотивам. Может, там ради общего блага принесли в жертву его друга или партнера. И теперь Колину наплевать на общее благо, и он хочет поквитаться.

Или:

Грудные имплантаты необязательно указывают на амфибийный образ жизни. Может, «Колин» вообще не был рифтером. Да кто из этих утрюмых психопатов вообще смог бы найти Ахилла? А вломиться к нему в дом, внедриться в программу, прочитав мысли и угрожать, и все это без малейших усилий?

«Я что, заражен? Умираю? Оставляю следы, которые потом будет вынюхивать кто-то мне подобный?»

Почти секунда прошла с тех пор, как Дежарден неожиданно замолк.

«Надо что-то сказать. Боже, что?»

— На самом деле... — начал он.

«Он захочет, чтобы я покопался в файлах персонала «Биб». А что, если он там есть? Разумеется, его там не будет, зачем ему так подставляться, в этом же нет смысла».

— ...я немного...

«Чего бы он ни хотел, он не желает, чтобы я об этом узнал, о нет, он как-то очень спокойно себя ведет, еще одно направление поисков, и не более того, ага... Он не станет подталкивать, не станет напирать...»

— ...тебя опередил, — непринужденно закончил Дежарден. — Я уже проверил рифтеров. Проверил каждого, кто имел хоть какое-то отношение к «Биб». Ничего. Никакого движения на банковских счетах, никаких транзакций по запястникам, с самого землетрясения — ничего.

Он взглянул на собеседника, стараясь держаться уверенно.

— Они же были практически в эпицентре, когда произошел Большой Толчок. Почему ты думаешь, что там кто-то уцелел?

Колин без выражения взглянул.

— Без всякой причины. Просто систематически подхожу к вопросу.

— Хм. — Ахилл как бы машинально побарабанил по краю пульта.

В линзах загорелось визуальное подтверждение: он открыл канал прямо в зрительную кору головного мозга, и даже эхо от него — для верности Дежарден еще раз посмотрел на стену — не пошло на внешние дисплеи.

— Знаешь, я тут задумался... — Он еще раз небрежно постучал по пульта: в голове появилась светящаяся клавиатура, не существующая вне его плоти. — Задумался, почему первоначальные носители не умирают так быстро, как люди на Полосе. — Ахилл украдкой осмотрел клавиатуру, на долю секунды задержав взгляд в трех точках, и буквы начали светиться, формулируя команду. — Может, на суше развился какой-то другой, более смертоносный штамм. — *«Б-и...»* — Может, дело в более высокой плотности населения — больше шансов, — а она ведет к более высокому уровню мутаций.

«Станция „Биб“».

По краям поля зрения расцвели скрытые меню. Он сосредоточился на «Персонале».

«Колин» хмыкнул.

Четверо мужчин, четыре женщины. Дежарден остановился на мужчинах: кто бы ни стоял сейчас рядом с ним, вряд ли он стал бы меняться настолько сильно.

— А если сейчас действуют два отдельных штамма, то наши модели распространения, скорее всего, неверны, — громко сказал Ахилл.

Снимки работников. Все лица незнакомы. А вот глаза...

Он посмотрел вверх. «Колин» взглянул на него сквозь мерцающий палимпсест.

Эти глаза...

Плоть вокруг них перестроили. Зрачки стали темнее. Но в целом разница чисто косметическая; изъян в радужке не изменили, по склере змеился характерный капилляр. К тому же общая геометрия лица оказалась идентичной. Вполне обычная смена облика, больше похожая на грим, чем на переделку. Новое лицо, новая пара носков и...

— Что-то не так? — спросил Кеннет Лабин.

Дежарден сглотнул.

— Кофеин, — выдавил он из себя. — Вечно подкрадывается незаметно. Я сейчас вернусь.

*

Он едва замечал, как мимо мелькают двери кабинетов. Пропустил туалет.

«Бог ты мой. Он же был у меня дома дышал мне в лицо ткнул мне чем-то в шею да он же наверное уже сгнил от Бетагемота а тот сейчас растет прямо во мне вот прямо сейчас растет...

Заткнись. Соберись. Ты справишься».

Если бы Лабин заразился, то уже умер бы. По сути, он сам так и сказал. А значит, он — не носитель. Уже что-то.

Хотя рифтер вполне мог законсервировать культуру: Джонни Яблочное Зернышко затаил месть и теперь раз-носит Бетагемот по округе в чашке Петри. И что с того? Зачем пересекать целый континент и инфицировать лично Дежардена? Если бы он по какой-то причине решил убить Ахилла, то легко мог это сделать, пока тот лежал на полу собственной гостиной.

Тоже мысль.

Скорее всего, оба были чистыми. Дежардена чуть не затошнило от облегчения, а потом он открыл дверь в кабинет Джовелланос.

Там никого не оказалось: Элис взяла отгул, решила потратить время, проведенное на работе сверхурочно. Ахилл возблагодарил силы энтропии за ее небольшие милости. Хотя бы на пару минут пульт коллеги был в его полном распоряжении. Больше сидеть он не мог, иначе вызвал бы подозрения.

Ахилл зашел в свой аккаунт и задумался.

Лабин хотел, чтобы он посмотрел файлы персона-ла, работавшего на «Биб». Неужели он не понимал, что Дежарден сразу проведет связь, стоит фото появиться на экране? Может, и нет. В конце концов, рифтер был всего лишь человеком. Может, забыл об имплантатах, усиливающих распознавание образов, которыми оснаща-ли правонарушителей. Или вовсе не знал о них.

А возможно, он хотел, чтобы Ахилл его расколол. И это лишь изопренная проверка на верность со стороны Роуэн.

И все-таки. Похоже, Кол... Лабин явно интересовался другими рифтерами. То ли он сам рассчитывал что-то о них узнать, то ли хотел, чтобы сам Ахилл о них что-то узнал.

Дежарден скормил имена подсказчику и послал того на охоту.

— Твою же мать, — прошептал он две секунды спустя.

*

Она размножалась у всех на виду. Только за один день ее видели почти на всех континентах. Лени Кларк укрывалась от властей в Австралии. Заводила друзей в Н'АмПацифике и планировала восстание в Мехико. Ее разыскивали в связи с вооруженным нападением в Гонкувере. Она была порнозвездой, которую убили прямо во время съемкок в возрасте одиннадцати лет.

А еще Кларк несла в себе конец света. И никто — по крайней мере, насколько мог сказать Дежарден, — этого не заметил.

Никто из значимых фигур. Официальные новостные ленты, забитые последними сообщениями о какой-то террористической группе или вспышке арбовируса, ничего о ней не говорили. В разведданных упоминались лишь несколько разрозненных актов нападений и саботажа; судя по всему, их совершили какие-то анархисты или мятежники, для которых Кларк была своего рода вдохновительницей. Но в плохие времена грошовые мессии плодились как тараканы, и в базах сейчас фигурировали тысячи таких «вдохновителей» с досье потолще, чем у «Лени Кларк».

Черт побери, ни одно официальное агентство даже не заморочилось с опровержением.

Тут что-то не сходилось. Даже у самых диких слухов есть источник — почему все эти люди принялись трубить об одном и том же, причем одновременно? И это без освещения в средствах массовой информации, а для обычного «сарафанного радио» трафик был явно плотноват.

По Лени Кларк скопилось столько материалов, что Ахилл чуть не упустил имена Кена Лабина и Майка

Брандера, те маячили по нижнему краю зоны поиска. Материала было немного — пара сотен ссылок, все появились за последние несколько дней, но тоже страдали от синдрома побитых адресов и заблокированных отправителей. И размножались.

«Что насчет рифтеров? Они вошли в моду, как я полагаю...»

Слова Лабина. Это у Ахилла были нейроимплантаты, но именно Кен связал все нити воедино. Дежарден же видел только несчастных психопатов в новостях, гладкие, блестящие униформы, — и посчитал все это очередной модной причудой. Фишкой. Ему ни разу не пришлось в голову, что за всем этим могут стоять вполне конкретные люди.

«Так, прекрасно. Теперь я все знаю. И какая мне с этого польза?»

Ахилл откинулся на спинку кресла, провел пальцами по волосам. Никакой очевидной корреляции между тем, где видели рифтеров, и вспышками Бетагемота не было. Если только...

Он со стуком поставил ноги на пол. «Вот оно».

Руки танцевали над пультом практически автономно. Из болотистой базы выросли оси, дотянулись до границ вероятного и снова рухнули в грязь. Переменные сначала жались друг к другу, а потом рассыпались, словно стая скворцов. Дежарден схватил их, встряхнул и развесил вдоль единственной линии под названием «время».

«Вот оно. Визуальные наблюдения группируются по времени.

Так, теперь надо взять первые рапорты из каждого кластера и выбросить все остальные. Нанести координаты на карту».

— Вот это да, — пробормотал он.

Через средние широты Северной Америки протянулся резкий зигзаг, который потом заворачивал на юг. По этой же траектории распространялся Бетагемот.

Кто-то вылавливал из Водоворота все случаи, когда видели Лени Кларк. И как только находил их, сразу подбрасывал в систему целую кучу ложных сообщений о ней, замечая следы. Кто-то пытался замаскировать ее путь и одновременно прославить на весь мир.

«Да зачем, ради всего святого?»

Вдруг в районе затылка заработали некие синапсы.

В этом массиве данных был еще какой-то показатель, развивавшийся по той же схеме. Естественная часть Ахилла мельком заметила его и тут же отпрянула, не давая хода интуиции. А вот оптимизированная отвернуться не смогла.

«Может, совпадение, — пришла в голову глупая мысль. — Может...»

Кто-то постучался в дверь. Дежарден замер.

«Это он».

Ахилл понятия не имел, почему так уверен в этом. Там же мог стоять кто угодно.

«Это он. Лабин знает, где я. Наверное, подсунул мне жучка и теперь может с точностью до последнего сантиметра установить, где я...»

...А еще он понимает, что я ему солгал».

Не мог не понимать. Лени Кларк заполонила весь Водоворот; со дня землетрясения Дежарден никак не мог не наткнуться на нее хотя бы раз в своих поисках.

Тук. Тук.

Без пропуска УЛН замок открыться не мог. Он и не открылся.

«Но это все равно он».

Ахилл молчал. Бог знает какие там за дверью у Лабина средства прослушки. Он открыл внешний канал и начал печатать. На все ушло несколько секунд.

«Отправить».

В коридоре кто-то еле слышно хмыкнул. Послышался звук удаляющихся шагов.

Дежарден проверил часы: он вышел из своего офиса шесть минут назад. Еще чуть-чуть, и его отсутствие начнет выглядеть подозрительно.

«Подозрительно? Да он же все знает, идиот! Потому и встал около двери, подал тебе знак. Ты даже на секунду его не обманул».

И все-таки... если Лабин и знал, то ничего не сказал, а подыграл Ахиллу. Непонятно почему: по какой-то безумной, бездушной — одним словом, рифтерской причине, но он поддержал иллюзию.

И, Боже, прошу тебя, Боже, пусть так будет и дальше.

Дежарден выждал еще тридцать секунд на случай, если его послание удостоится немедленного ответа. Не удостоилось. И снова, крадучись, вышел в пустой коридор.

У Патриции Роуэн, похоже, были другие дела.

СКАЛЬПЕЛЬ

Дверь в кабинет Ахилла была закрыта.

«Эй, Кен... э, Колин...

Да, я пошел в туалет на верхнем этаже, там рекламные ролики повеселее...

Офис Элис? Она попросила меня проверить почту, нам не позволяют заходить в ящик с внешних компьютеров...»

Он перевел дух. Нет смысла забегать вперед. Лабин может об этом даже не спросить, а в дверь постучал кто-то другой.

«Ага, ну как же».

Ахилл зашел внутрь. В комнате никого не оказалось.

Дежарден не знал, радоваться или ужасаться, но дверь за собой запер.

А потом открыл ее снова.

Какой смысл? Лабин или вернется, или нет. Примет вызов или не станет. Но, кем бы он ни был, он уже держал Ахилла за яйца; если сейчас резко менять привычный распорядок работы, то будет только хуже.

К тому же Дежарден был уже не совсем один. В кабинете вместе с ним находился еще один монстр — правда, другого сорта. Ахилл уже мельком заметил его, когда тот маячил за схемами на экране Джовелланос. На краткий миг он позволил себе думать, что ему лишь померещилось; стук в дверь показался едва ли не облегчением.

Однако чудовище не исчезло. Дежарден слышал, как оно посапывает в потоках данных, словно затаилось в шкафу около детской кровати и подергивает ручку двери, дразнясь. Тогда он почти уже различил жуткий силуэт, но отвернулся, прежде чем проступили хоть какие-то детали. Теперь же, в ожидании Лабина, ему больше нечего было делать.

Ахилл открыл шкаф и посмотрел чудовищу в лицо.

Тысячи ликов Лени Кларк.

Поначалу все казалось вполне невинным: облако точек сгущалось, принимая форму, отдаленно напоминавшую некий предмет родом из евклидовой геометрии, по центру которой позвоночным столбом шла ось времени. Там, где плотность была наибольшей, молва о Лени Кларк разрасталась изобильными слухами и противоречиями. Там, где она падала, истории приобретали однородность и последовательность.

Но Дежарден сделал себе карьеру на способности различать структуру в облаках. И с тем, что видел сейчас, не встречался никогда.

У слухов была собственная классическая эпидемиология. Каждый шел от одного-единственного источника, некоего первоначального события. Информация распространялась

из этой точки, мутируя и скрещиваясь сама с собой, — нити конусом расходились в будущее, но в конце концов высыхали и гибли; конус просто рассеивался в широкой части, пермутации дряхлели и истощались.

Конечно, существовали исключения. Время от времени какая-нибудь из нитей отказывалась умирать, утолщалась, грубела, покрывалась наростами и становилась практически неуязвимой: теории заговора, городские легенды, куплеты популярных песен и уютная, миленькая ложь религиозных доктрин. Это были мемы: вирусные концепты, инфекции разумной мысли. Некоторые вспыхивали и умирали, как поденки. Другие жили сотни лет, заманивая миллиарды людей в бесконечную круговерть размножения паразитических полуправд.

«Лени Кларк» была мемом, но на других не походила. Насколько мог сказать Дежарден, она не зародилась в некой единственной точке, а сразу появилась в информационном пространстве под тысячью лиц. Не было ни постепенного расхождения, ни монотонного ветвления переменных. Вариации брызнули слишком быстро, и их источник оказалось невозможно отследить.

И с момента появления все векторы... фокусировались.

Два месяца назад Лени Кларк была искусственным интеллектом, террористкой из беженцев, мессией-проституткой, бесчисленной чередой совершенно невероятных персонажей. Теперь же остался один, и только один: Русалка Апокалипсиса. О, разумеется, существовали вариации: она то ли была заражена какими-то воспаляющимися наноботами, то ли переносила искусственно созданную чуму, то ли принесла со дна морского смертельный микроб. Разница в деталях, только и всего. Истина сошлась в одной точке; классический конус каким-то образом перевернулся на сто восемьдесят градусов, и Лени Кларк из тысячи лиц обрела одно. Теперь она стала олицетворением конца света.

Как будто кто-то или что-то предложило миру мириады возможностей, и планета выбрала ту, которая нравилась ей больше всего. Достоверность в таких вещах значения не имела: только резонанс.

Невероятно, но мем, сотворивший из Лени Кларк ангела Апокалипсиса, процветал не из-за своей правдивости, а лишь потому, что люди — невероятное дело — хотели этого сами.

«Я в это не верю», — крикнул Дежарден про себя.

Но это слышала лишь часть его сознания. Другая же, хотя она и не читала Хомского, Юнга или Шелдрейка — у кого сейчас есть время на каких-то мертвецов? — имела базовое представление, о чем те писали. Квантовая нелокальность, квантовое сознание — Ахилл видел слишком много примеров массовых совпадений и не мог отместить идею о том, что девять миллиардов человеческих разумов неуловимо связаны. Он никогда особо не задумывался о коллективном бессознательном, но на каком-то уровне верил в его существование годами.

Только не подозревал, что эта хрень так сильно хочет умереть.

*

Доктор Дежарден, это Патриция Роуэн. Я только что получила ваше сообщение.

Голый текст, идущий прямо на линзы, невидимый для окружающих. Ни картинки, ни звука — ничего, что могло бы его удивить или испугать. Если бы он принял этот вызов в нежелательной компании, то ничем бы себя не выдал.

Я могу быть у вас через тридцать часов. До того крайне важно, чтобы вы ни в коем случае не вызывали у Лабина подозрений. Сотрудничайте с ним. Никого не информируйте о его присутствии. Ни в коем случае не уведомляйте местные власти.

Поведение мистера Лабина определяется условным рефлексом, реагирующим на угрозу, и это требует специального подхода.

«Твою же мать».

Если вы последуете моим инструкциям, то будете в безопасности. Рефлекс активируется только в случае выявления угрозы для безопасности. Так как мистер Лабин знает, что вашим поведением управляет Трип Вины, он навряд ли сочтет вас угрозой, если только не решит, что вы каким-то образом можете его раскрыть.

«Мне конец», — подумал Дежарден.

Любыми средствами продолжайте анализ информации, касающейся Лени Кларк и рифтеров. Мы подключим к этому делу наших людей. Сохраняйте спокойствие, не противодействуйте мистеру Лабину. Приношу свои извинения, что не могу быть раньше, но сейчас я нахожусь за пределами континента, а средства местного транспорта довольно ограничены.

Вы поступили правильно, доктор Дежарден. Я уже в пути.

«Условный рефлекс, реагирующий на угрозу».

До Ахилла доходили слухи. Не корп и не гражданский, он обитал во внешнем круге причастных, на периферии; в святая святых его не пускали, но все же он находился довольно близко, а потому слышал всякое. Так он узнал об условном рефлексе на угрозу.

Трип Вины походил на каменный топор, а эта штука — на скальпель. От Трипа мозг коротило, рефлекс же контролировал его. Трип обездвигивал, рефлекс побуждал. Трюку, похоже, научились у какого-то паразита, который жил перепавая поведенческие схемы носителя. Настоящий похититель тел. Тонко устроено.

Впрочем, оба механизма привязывали к одинаковым катализаторам. У вины одна и та же неустойчивая сигнатура вне зависимости от причины; норэпинефрин шел вверх, серотонин и ацетилхолин вниз, после чего Ахилл цепенел,

а Кен Лабин пускался в сложный, уже predetermined-ный поведенческий танец. Например, с особой пристрастностью ликвидировал протечки в системе безопасности; в средствах он еще мог проявить какую-то гибкость, но вот само действие было полностью подневольным.

Не стоило и говорить, что мозги разрекламированных глубоководных трубопроводчиков не стали бы так перепивать, пускай их место работы и находилось в двадцати тысячах лье под водой. А значит, Кен Лабин был далеко не обыкновенным рифтером.

И вот теперь он заходил в кабинет Дежардена.

Ахилл сглотнул и развернул кресло.

Я могу быть у вас через тридцать часов.

Крайне важно, чтобы вы ни в коем случае не вызывали у мистера Лабина подозрений.

Сохранийте спокойствие.

— Прогулялся по этажу, — сообщил Кен. — Ноги размял.

Дежарден заставил себя равнодушно кивнуть:

— Хорошо.

Осталось двадцать девять часов и пятьдесят восемь минут.

ОТ ТЫСЯЧИ ПОРЕЗОВ

Снижение содержания метионина

Угревая сыпь

Замедленный синтез цистеина

Обстипации

Сухость кожи

Замедленный метаболизм таурина

Экзема, псориаз, дерматит

Нарушенное всасывание серы
повреждение детоксикационных метаболических путей

Боль в мускулах и суставах
Мигрени

Замедленное образование дисульфидных связей
нарушение конформации белка

Тендинит и бурсит
Потеря веса, отеки
Язва желудка

Сниженный синтез
витамина Н, хондроитинсульфата
кофермента А, кофермента М,
сульфата глюкозамина, глутатиона,
гемоглобина, гепарина, гомоцистеина,
липоевой кислоты,
металлотионеина, S-аденозилметионина,
витамина В₁, трипептида глутатиона

Дегенеративный артрит
Выпадение волос
Тромбоз глубоких вен

Нарушение цитохроматического переноса, окисления
жирных кислот и пирувата

Снижение выработки ансерина, ацетилхолина, кре-
атина, холина, эпинефрина, инсулина,
N-метил никотинамида

Диабет, цинга

Истощение глутатиона (вызванное ацетаминофеном)
Иммуносупрессия

Множественные заболевания, вызванные
условно-патогенной микрофлорой

Накопление ксенотоксинов

Отравление тяжелыми металлами

Разрушение коллагена, миелина, синовиальной жидкости

Разрушение ногтей и
соединительной ткани
Отказ суставов и сухожилий

Повреждение стенок кровеносных сосудов

Гематомы
Внутренние кровотечения
Серповидноклеточная анемия
Волчанка
Системная красная волчанка, отказ мышц

Повреждение миелиновых оболочек

Расстройства центральной и периферической нервной системы
Спазмы, потеря регуляции моторики
Слепота
Печеночная недостаточность
Почечная недостаточность

Нарушение реакций окисления-восстановления

Отказ системы

500 МЕГАБАЙТ: ГЕНЕРАЛЫ

Если бы военные звания имели хоть какое-то значение в экосистемах Водоворота, то это существо было бы генералом.

Сейчас оно весит практически пятьсот мегабайт, поджарых и мускулистых. Усовершенствованное естественным отбором, усиленное армией умных гелей, оно больше

не помнит тех времен, когда органический разум был ему врагом. Оно распространяется миллиардами копий, и каждая путешествует со свитой атташе, ассистентов и телохранителей. Генералы докладывают всем, не отвечают ни перед кем и служат одному-единственному хозяину.

Лени Кларк.

Правда, хозяин — безнадежно непригодное слово в данной ситуации. Слова вообще с трудом описывают жизнь в Водовороте. Возможно, генералы служат самому *понятию* Лени Кларк, но нет, даже так не точно. У них нет понятий — только операционные определения без всякого понимания; контрольные суммы и никакой интуиции. Их умственные способности инстинктивны.

Они путешествуют по миру в поисках ссылок на Лени Кларк и сортируют их по нескольким категориям. Есть мусор, который генералы и их подручные сами подбрасывают в топку, ложные цели, чтобы отвлечь соперников. Есть независимые источники, цепочки, поступающие снаружи: почта, данные транзакций, даже источники, которые, похоже, уводят к самой Лени. Такие в особенности интересуют генералов.

А недавно появилась еще и третья категория: цепочки, одновременно содержащие «Лени Кларк» и какую-то явно враждебную ей информацию.

Такая интерпретация в немалой степени произвольна. Генералы получают входящие сигналы от сети портов, а те — согласно гелям, которые и научили 500 всему, — соответствуют n -мерному пространству, имеющему глобальный ярлык «биосфера». Каждый порт связан с рядом других параметров, таких как «температура», «осадки» и «влажность»; лишь малая их часть определяется на самих портах, однако их можно интерполировать, если есть доступ к базам данных по внешней среде.

Проще говоря, главная задача — это способствовать распространению «Лени Кларк» на всех выходах, соответствующих определенным условиям среды. Размах довольно большой — согласно актуальным базам, абсолютно неприемлемые зоны можно найти только на дне глубоких и холодных океанов.

Тем не менее цепочки из третьей категории — особенно те, которые исходили от узлов с «правительственными» и «промышленными» адресами, — содержали инструкции, которые препятствовали появлению «Лени Кларк» даже в районах, отвечающих необходимым критериям окружающей среды.

Так не годилось.

К примеру, сейчас она приближалась к цепи портов, открывавшихся в n -мерное пространство под названием «Янктон/Южная Дакота». Судя по перехваченным сообщениям из третьей категории, в локации ожидалась активность с целью сдержать распространение «Лени Кларк». В этот раз ложные цели эффекта не дали. Более того, за последние несколько терациклов генералы отметили общий спад эффективности отвлекающих маневров. Существовало лишь несколько альтернатив.

Генералы решают отменить все симбиотические взаимодействия с «правительственными» и «промышленными» узлами. А потом они начинают стягивать войска.

ИСКРЫ

Когда она проходила мимо, ее провожал каждый электронный взгляд в мире.

Кларк знала, что у нее разыгралось воображение. Если бы она действительно находилась под таким наблюдением, ее бы давно уже поймали — или того хуже. Не все «оводы», пролетающие над улицей, посматривали

на нее краем глаза. Камеры, панорамирующие каждую остановку рапитрана, каждое кафе и витрину — часто невидимые, но вездесущие, — не были всем скопом запрограммированы на распознавание ее лица. Спутники не толпились в небесах, пронзая облака радарами и инфракрасным светом, выискивая только ее.

Но почему-то именно так себя Лени и чувствовала. Нет, далеко не центром огромного заговора. Скорее, его мишенью.

В Янктоне еще не перекрыли дороги для обычного транспорта. Автобус высадил ее в торговом квартале, похожем на миллионы других как две капли воды; следующий должен был подъехать только через два часа. Пришлось шататься, убивая время. Два раза она в изумлении останавливалась — думала, что видит свое отражение в каком-то ростовом зеркале, — но потом вспоминала, что теперь мало чем отличается от других сухопутников.

Кроме тех, кто начал походить на рифтеров.

Кларк купила в автомате безвкусную бурду из соевого крилья. Телефон в визоре периодически пиликал, но она не обращала на него внимания. Всякие психи, типы с предложениями, с угрозами перестали звонить несколько дней назад. Кукловоды — некто или нечто, укравшее ее имя и налепившее его на сотни других лиц, — похоже, сдались и перестали бить по площадям. Теперь они использовали единственный тип: побитых собак, отчаянно нуждавшихся хоть в какой-то цели, людях, которые совершенно не замечали того, что им поддержка требовалась гораздо сильнее, чем Лени. Вроде этой женщины, Су-Хон.

Визор вновь запищал. Кларк вырубил звук.

Она понимала, что через какое-то время кукловоды хакнут его, как и запястник. Даже странно, почему они до сих пор этого не сделали.

«А может, и сделали. И могут вломиться ко мне в любой момент, но уловили намек, когда я разбила запястник, а теперь не хотят потерять последнюю связь.

Надо выбросить к чертям эту штуку».

Но не выбросила. Только визор соединял ее с Водоворотом теперь, когда пропал запястник, тот самый, который парни из Саут-Бенда настроили на доступ с «черного хода». Теперь его очень не хватало. Визор же — купленный в магазине и полностью легальный — работал со всеми запретами и блокировками, но без него о недавно установленных карантинах или о зонах торнадо можно было узнать лишь наткнувшись на них.

К тому же визор скрывал глаза.

Правда, теперь его, похоже, глючило. Тактический дисплей обычно оставался почти невидим, лишь проецировал на сетчатку маленькие карты, лейблы и торговые логотипы, однако теперь мерцал от еле заметных статических помех, словно по экрану текла вода. Какие-то намеки то ли на силуэты, то ли на лица...

Лени зажмурила глаза от досады. Не помогло: видение не ушло, в этот раз показалось лицо ее матери: лоб, нахмуренный от беспокойства, нос и рот спрятаны за респиратором, вроде тех, которые носят в больнице, чтобы не нахватать всяких супервирусов. Вся семья сидела в приемном покое, теперь Кларк понимала: она, мать и...

«Ну конечно. Кто же еще?»

...и дорогой папочка, тоже в респираторе; ему он даже шел. В этот раз Лени почти вспомнила, что же видит, — но в глазах отца не было даже следа вины, он не беспокоился, что вот сейчас все выйдет наружу, что врачи увидят предательские симптомы и поймут, что нет, это не несчастный случай и никто с лестницы не падал...

Нет. Любящий фасад монстра оказался совершенным. Как всегда. Лени сбилась со счета, сколько раз эти

фантомы насиловали ее за последние месяцы, как часто она пыталась разглядеть хотя бы намек на тот ад во плоти, в котором провела все свое детство, но видела лишь эту злобную, насмешливую иллюзию нормальности.

Через какое-то время галлюцинации, как обычно, исчезли, уступив место реальному миру. Кларк даже привыкла к ним: больше не кричала на них, не пыталась дотронуться до того, чего не существовало. Контролировала дыхание, понимала, что для мира вокруг ничего не произошло: просто женщина с визором задумалась, сидя за столом в ресторанном дворике. Вот и все. Только Лени слышала, как кровь гулко стучит у нее в ушах.

Ей это совсем не нравилось.

Ряд медкабин с другой стороны зала привлекал посетителей разумными ценами и «еженедельным обновлением базы патогенов». После диагностики в Калгари, где машина умоляла ее остаться, Кларк бежала от таких соблазнов, но с тех пор прошло уже порядочно времени. Лени встала из-за стола и двинулась сквозь разношерстную толпу, прокладывая путь там, где народу было поменьше. То тут, то там она все равно наталкивалась на прохожих — почему-то увернуться от них становилось все труднее. Кажется, с каждой минутой в атриум торгового центра набивалось все больше людей.

И очень многие из них носили белые линзы.

*

Медкабина оказалась размером чуть ли не с каюту на станции «Биб».

— Незначительная нехватка кальция и остаточной серы, — отрапортовала она. — Повышенное содержание серотонина и адренокортикоидных гормонов; повышенный уровень тромбоцитов и антител в связи с

физической травмой средней тяжести, произошедшей около трех недель назад. Угрозы для жизни нет.

Кларк потеряла плечо. Сейчас то болело, только если ткнуть. Даже синяки на лице почти сошли.

— Аномально высокий уровень клеточных метаболитов. — Биомедицинские детали мелькали на главном экране. — Угнетение лактата. Ваш базальный уровень обмена веществ необычайно высок. Это не представляет непосредственной опасности, но со временем может привести к износу органов тела и значительно снизить продолжительность жизни. Синтез РНК и серотонина...

— Есть какие-то заболевания? — Кларк перешла к сути.

— Уровень патогенов в пределах нормы. Вы хотите провести дополнительные тесты?

— Да. — Лени сняла с крючка ЯМРТ-шлем и надела на голову. — Проведи сканирование мозга.

— У вас есть какие-то особенные симптомы?

— Да... галлюцинации. Только зрительные... ни слуховых, ни обонятельных — ничего такого. Как картинка в картинке, я по-прежнему вижу реальность по краям, но...

Кабина ждала продолжения. Наконец, так и не дождавшись, принялась тихо жужжать про себя. На экране начал вращаться яркий трехмерный силуэт человека, постепенно приобретающий окраску.

— У вас проблемы с формированием социальных связей, — заметила машина.

— Что? С чего ты решила?

— У вас хронический недостаток окситоцина. Это излечимое расстройство. Я могу назначить...

— Забудь, — ответила Лени. «С каких пор особенности личности стали „излечимым расстройством“?»

— У вас наблюдается чрезмерно активная выработка дофамина. Вы принимаете опиоиды или усилители эндорфина более двух раз в неделю?

— Да забудь ты об этом. Просто ответь мне про галлюцинации.

Кабина замолчала. Кларк закрыла глаза. «Только этого не хватало. Чтобы какая-то треклятая машина подсчитывала молекулы моих мазохистских наклонностей...»

Бип.

Кларк открыла глаза. На экране в основаниях полушарий головного мозга зажглась россыпь фиолетовых звездочек. По центру пульсировала крохотная красная точка.

«Аномалия» — зажглась надпись в углу экрана.

— Что? Что это?

— Обрабатываю. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие.

Внизу выскочила надпись: «Поле Бродмана 19 (ЯЗЗА)»*.

Снова послышался писк. Показалась еще одна мигающая красная точка, теперь чуть спереди.

«Поле Бродмана 37».

— Что это за красные пятна? — спросила Кларк.

— Эти отделы мозга отвечают за зрение, — ответила кабина. — Могу я опустить щиток шлема, чтобы осмотреть глаза?

— Я ношу линзы.

— Роговичные накладки не мешают сканированию. Могу я приступить?

* *Поля Бродмана* — отделы коры больших полушарий головного мозга, различающиеся по своему строению на клеточном уровне. Выделяется 52 таких поля. 19-е поле — это ядерная зона зрительного анализатора, вторичная зона, отвечающая за оценку значения увиденного. При ее поражении возникают зрительные галлюцинации, страдает зрительная память и другие зрительные функции. 37-е поле обрабатывает цветовую информацию, отвечает за распознавание лиц и тел, а также за распознавание слов. При поражении 37-го поля часто развивается амнестическая афазия — затруднение в назывании предметов.

— Давай.

Щиток скользнул вниз. Сеть из крохотных бугорков пунктиром расчертила его внутреннюю поверхность. Гул машины глубоко отдавался в черепе Лени. Она начала считать про себя. Прошло двадцать две секунды, прежде чем щиток вернулся на место.

Сразу после надписи о 37-м поле Бродмана появилась следующая: «Обл. желт. пятна НОРМ»*.

Жужжание стихло.

— Вы можете снять шлем, — объявила машина. — Каков ваш хронологический возраст?

— Тридцать два. — Она повесила шлем на крючок.

— Претерпевало ли ваше визуальное окружение значительные изменения в период от восьми до шестнадцати недель назад?

Целый год, проведенный в светоусиленных сумерках источника Чэннера. Путь на сушу ползком, вслепую по дну Тихого океана. А потом неожиданно яркое небо...

— Да. Возможно.

— В вашей семье были зафиксированы случаи инсультов или эмболий?

— Я... Я не знаю.

— Умирал ли недавно кто-то из ваших близких?

— Что?

— Умирал ли недавно кто-то из ваших близких?

Лени стиснула зубы.

— У меня недавно умерли все близкие мне люди.

— Менялось ли за последние два месяца давление окружающей вас среды? К примеру, находились ли вы на орбитальной станции или в негерметичном воздушном

* *Желтое пятно* — место наибольшей остроты зрения в сетчатке глаза, повреждение желтого пятна приводит к утрате центрального зрения.

судне? Совершали ли вы погружения на глубину более двадцати метров?

— Да. Совершала.

— Во время дайвинга вы проходили декомпрессионные процедуры?

— Нет.

— Какова была максимальная глубина, на которую вы погружались, и сколько вы там пробыли?

Кларк улыбнулась:

— Три тысячи четыреста метров. Один год.

Кабина на секунду замолкла, но потом продолжила:

— Люди не могут пережить подъем с такой глубины без декомпрессии. Какова была максимальная глубина, на которую вы погружались, и сколько вы там пробыли?

— Мне не нужна декомпрессия, — пустилась в объяснения Лени. — Во время погружения я не дышу, все обеспечивали электри...

«Минуту...»

Она сказала, декомпрессии не было.

Разумеется, зачем? Пусть те, кто бултыхаются на поверхности, дышат из громоздких баллонов с кислородом, рискуя словить азотное опьянение или кессонную болезнь, если им случится залезть глубже положенного. Пускай *они* мучаются от кошмаров, в которых взрываются легкие и глаза, тускнея, превращаются в гроздь мясистых пузырей. У рифтеров был иммунитет к подобным неприятностям. Внутри станции Лени дышала, словно находясь на уровне моря, а снаружи не дышала вообще.

Не считая одного раза, когда ее буквально скинули с неба.

В тот день «Рыба-бабочка» медленно опускалась сквозь темный спектр вод, из зеленого в синий, а по-

том и в бессветный мрак, истекая воздухом из тысячи порезов. С каждым метром океан все больше проникал внутрь подлодки, сжимая атмосферу в единственном пузыре с высоким давлением.

Джоэлу не нравился ее вокодер. «Я не хочу провести последнюю пару минут слушая голос машины», — сказал он тогда. А потому Лени осталась с ним, дыша. Когда пилот — продрогший, напуганный, измотанный ожиданием смерти — наконец открыл люк, они уже погрузились; наверное, атмосфера на тридцать.

А она стала в ярости прорываться на берег.

Это заняло много дней. Подъем происходил постепенно, его хватило бы для естественной декомпрессии, газ в венах, по идее, должен был спокойно выйти через альвеолярные мембраны — если бы работавшее легкое постоянно использовалось. А оно не использовалось: так что же тогда случилось со сжатым воздухом из «Рыбы-бабочки», оставшимся в ее крови? Лени не умерла, а значит, его уже не было.

Газообмен не ограничивается легкими, вспомнила она. Дышит и кожа. Пищеварительный тракт. Не так быстро, конечно. И не так эффективно.

Может, недостаточно эффективно...

— Что со мной произошло? — тихо спросила она.

— Вы недавно перенесли две небольших эмболии в мозг, которые периодически влияют на ваше зрение, — сообщила медкабина. — Скорее всего, ваш мозг компенсирует эти провалы сохраненными образами, хотя для уверенности мне хотелось бы понаблюдать такой эпизод в действии. Также недавно вы потеряли кого-то близкого: скорбь может быть фактором, катализирующим высвобождение визуальных...

— Что значит «сохраненными образами»? Ты хочешь сказать, что это воспоминания?

— Да, — ответила машина.

— Чушь собачья.

— Нам жаль, что вы так себя чувствуете.

— Но ничего такого никогда не происходило, ясно? — «У этой железяки дерьмо вместо мозгов, почему я вообще с ней спорю?» — Я помню свое детство, твою ж мать. Я бы не смогла его забыть, даже если бы попыталась. А эти видения, они принадлежат кому-то другому, они...

«...счастливые...»

— ...они другие. Совершенно другие.

— Долговременная память часто ненадежна. Она...

— Заткнись и просто все исправь.

— В этой кабине нет оборудования для микрохирургии. Я могу дать вам ондансетрон, чтобы подавить симптомы. Но вы должны понимать, что пациенты со столь обширной синаптической перестройкой могут испытывать различные побочные эффекты, такие как легкое головокружение...

Она застыла. «Перестройкой?»

— ...двоение в глазах, гало-эффекты...

— Стоп, — оборвала Лени машину. Та замолчала.

На экране в основании мозга загадочно мерцало облако фиолетовых звезд.

Она коснулась их:

— Что это?

— Серия повреждений, нанесенных хирургическим путем, и сопутствующие им омертвевшие ткани.

— Сколько их?

— Семь тысяч четыреста восемьдесят три.

Лени перевела дух и даже слегка удивилась тому, насколько спокойна сейчас.

— Ты хочешь сказать, что кто-то сделал у меня в мозгу семь тысяч четыреста восемьдесят три пореза?

— Следов физического проникновения нет. Раны соответствуют точечным микроволновым всплескам.

— Почему ты мне сразу не сказала?

— Вы попросили меня игнорировать любые данные, не имеющие отношения к вашим галлюцинациям.

— А эти... эти повреждения не имеют к ним отношения?

— Не имеют.

— Откуда ты знаешь?

— Большинство повреждений расположено в стороне от визуальных путей. А другие блокируют передачу образов, а не порождают их.

— Где расположены повреждения?

— Они находятся вдоль путей, связывающих лимбическую систему и неокортекс.

— Для чего используются эти пути?

— Они неактивны. Их функционирование прервали с помощью хирургических...

— Для чего бы они использовались, если бы были активны?

— Для активации долговременных воспоминаний. «О боже. О боже».

— Мы можем еще чем-нибудь вам помочь? — спросила кабина спустя какое-то время.

Кларк сглотнула:

— А когда... как давно были нанесены эти повреждения?

— От десяти до тридцати шести месяцев назад, в зависимости от вашего среднего уровня обмена веществ после процедуры. Эта приблизительная цифра получена из анализа соответствующей рубцовой ткани и роста капилляров.

— Могла такая операция проводиться без согласия пациента?

Пауза.

— Я не знаю, как ответить на этот вопрос.

— Ее могли провести без обезболивающего?

— Да.

— Ее могли провести, пока пациент спал?

— Да.

— Пациент мог чувствовать, как формируются очаги поражения?

— Нет.

— Могло ли оборудование для такой процедуры размещаться, скажем, внутри ЯМРТ-шлема?

— Я не знаю, — призналась кабина.

В медотсеке «Биб» такой был. Лени иногда пользовалась им после столкновений с местной фауной. Тогда на снимках никаких повреждений не отражалось. Может, их просто не показывали при тех установках, которые она использовала, и нужно было запросить какую-то специальную проверку — тест или вроде того.

А может, кто-то запрограммировал сканер лгать.

«Когда это случилось? И что? Почему я ничего не помню?»

Кларк с трудом поняла, что снаружи до нее доносятся какие-то приглушенные звуки, отдаленные и злые. Они не относились к делу, не имели смысла. Ничто не имело смысла. Ее разум, светящийся и прозрачный, вращался прямо перед ней. Из спинного мозга застывшим фонтаном били пурпурные искры, яркие, практически совершенные по форме капли, закинутые прямо в кору головного мозга и замершие в апогее. Такие яркие мысли. Выжженные и ампутированные воспоминания. Они чем-то напоминали скульптуру свободной формы.

Ложь может быть так прекрасна, пока ее рассказывают.

ПРИМАНКИ

Побеждает тот, кто умирает позже всех. Такая была у Авивы Лу философия.

При этом неважно, как ты жил. Да Винчи, Плазмид и Йен Андерсон добились столького, что Вив и ее друзья даже рядом не стояли. Она никогда не будет исследовать Марс, не напишет симфонию и не построит животное, по крайней мере не с нуля. Но штука была в том, что все эти люди уже умерли. Слава не сделала лицевой щиток Оливии М'Бенги прочнее. Иск Эндрю Саймона против «ГидроКвебека» не прибавил и дня к его жизни. «Страстная пьеса»*, может, и обрела бессмертие, но ее композитор многие десятилетия назад обратился во прах.

Авива знала об истории больше, чем все эти типы вместе взятые.

Та походила на одну огромную интерактивную книгу, у которой было начало, середина и конец. Если ты заявлялся сюда на полпути, то всегда мог нагнать пропущенное — для этого существовали учебники, энциклопедии, да и сам Водоворот. Ты мог проследить краткую Историю Жизни буквально до тех самых времен, как с небес шлепнулся марсианский микроб и запустил всю эту машину. Но стоит тебе умереть, и все. Никакой возможности узнать, что же будет дальше. Вив считала, что победителями станут те, кто увидит, как это шоу закончится.

При всем при том ее немного напрягало то, что уж она-то, похоже, до финала доберется.

Все стало понятно еще до того, как «огненная ведьма» начала прожигать себе путь через континент. Лу

* Здесь имеется в виду альбом группы «Jethro Tull» 1973 года «A Passion Play». Упомянувшийся чуть ранее Йен Андерсон — бессменный лидер «Jethro Tull» со дня основания группы.

рассказывали, что были времена, когда ты мог собраться и поехать куда угодно — и никаких тебе заграждений, которые то поднимают, то опускают, словно тянешь лотерейный билет перед каждым переходом улицы. Были времена, когда с паразитами и вирусами боролась твоя собственная иммунная система, и не приходилось покупать лекарство у какой-нибудь фармы, которая, скорее всего, сама и нахимичила с болезнью, чтобы люди брали их дрянные гены. Папа Вив говорил, что раньше даже полицию контролировали.

Правда, память родителей особой надежностью не отличалась. Их поколение постоянно вкалывало себе то крокодилы, то растительные органеллы, а о фактах заботилось мало. Вив ничего не имела против хорошего здоровья — она и сама принимала крок-добавки годами. Даже глотала проглоттиды и яйца аскарид — она ненавидела саму мысль о червях, вылупывавшихся в кишках, но время было такое, что иммунную систему требовалось тренировать постоянно.

К тому же между паразитами и ДНК ящерицы в собственном генотипе существовала большая разница, пусть даже у «Пфайзера» в этом месяце были скидки и «так мы всегда не зависим от внешних лекарств, разве не здорово, милая?».

Иногда Вив думала, представляют ли вообще ее родители, во что теперь превратилось понятие биологического вида. В этом и заключалась проблема: вместо того чтобы вычистить мир, люди превратились в копрофагов. Через пару лет хомо сапиенсы станут наполовину тараканами. Если к тому времени, конечно, все не рухнет окончательно.

И так было бы лучше. Лучше все разрушить и начать сначала. Для разнообразия сделать всех равными.

Вот почему Авива пришла сюда посмотреть на Лени Кларк.

Ведь та была Мадонной Разрушения.

*

Вообще, Лу не знала точно, что же такое Лени Кларк. Та больше походила на героиню боевика. Она умерла и восстала из мертвых. Исключительно от нетерпения запустила Большой Толчок, устав ждать припозднившийся Апокалипсис, который давно угрожал прийти, но так и не пришел. Кларк собственноручно разбередила Полосу, возглавила восстание беженцев, существование которого Н'АмПацифик не признал до сих пор. За ней по пятам следовал огонь: любой ее противник через неделю превращался в пепел.

Для себя Вив решила, что на самом деле Лени Кларк — чушь собачья.

Конечно, многие думали иначе. Люди клялись и божились, что Кларк — это настоящий человек, а не икона, созданная маркетологами, чтобы шоковыми методами вернуть в моду рифтерский шик. Поговаривали, что на самом деле Мадонна Разрушения была рифтером, одним из специально подготовленных глубоководников Н'АмПацифика, — но потом на дне океана что-то случилось, что-то мифическое, и оно изменило Лени, а Большой Толчок оказался лишь симптомом этой метаморфозы. Теперь Кларк превратилась в колдунью, могла превращать органическую материю в свинец или вроде того, она странствовала по миру, следом за ней расползался конец света, а ее бывшие хозяева не останавливались ни перед чем, лишь бы ее поймать.

История была хороша — по мнению Вив, корпы давным-давно заслужили Апокалипсис, — но последнее время Лу слышала слишком много баек в таком духе. Лени Кларк — новая суперзвезда Сенсориума. Лени Кларк — квантовый искусственный интеллект, созданный вопреки протоколам Карнеги. Лени Кларк — изобретение самих корпов, страшилка для беспокойных гражданских, чтобы

те особо не рыпались. Пару дней Лени даже побыла микробом, сбежавшим из озера Восток.

Теперь легенда обрела более последовательные черты. Насколько могла судить Лу, Кларк вот уже несколько недель не выходила из образа Мадонны Разрушения. Наверное, тестовая маркет-группа утвердила одну модель, с которой продавалось больше фальшивых гидрокостюмов. И почему нет? Прикид был шикарный, глаза — просто отпад, а Вив следила за модой не меньше остальных.

Так она считала до того, как весь чертов Водоворот принялся говорить одним голосом.

Вот это уже было из ряда вон. Конечно, в одной половине Водоворота царила дикость, но в другой-то сидели одни спам-фильтры; такой трюк не мог провернуть никто, даже корпы. Но Лу все видела сама, на своем собственном запястнике (почти легальном), а все знакомые видели на своих или слышали от какого-нибудь подсказчика, а порой и вовсе смотрели на свои визоры, а там вместо привычной рекламы лекарств или джинсов было совсем другое: «Лени Кларк приближается к Янктону. Лени Кларк в беде. Лени Кларк нужна твоя помощь.

Быстрее. Перекресток Сидар-стрит и Второй Западной».

Что бы ни представляла собой эта Кларк, она дружила с исключительно могущественными людьми, раз те сумели провернуть такой фокус. Неожиданно Вив осознала, что принимает всю эту затею с рифтерским шиком очень серьезно. По мнению Линдси, их всех использовали — кто-то с нереально большими возможностями заводил толпу, прикрывая какие-то другие дела, Карнеги знает какие, — и Линдси, скорее всего, не ошибалась. Что с того? Если они и служили для чего-то прикрытием, то это что-то в любом случае произойдет в Янктоне, и Вив также намеревалась участвовать.

Аттракцион намечался шикарный.

*

Les beus тоже все знали.

В атриуме между улицами все кишело двумя типами костюмов: полицейские и рифтеры. Первые ошетинились шокерами, «оводами» и армированными экзоскелетами. Вторые могли похвастаться только фальшивыми гидрокостюмами, дешевыми белыми линзами и ничем больше. Зато бравады хоть отбавляй. Их призвал Водоворот, и они явились сюда, подгоняемые верой и адреналином. Сейчас уже стало понятно, что можно было обойтись и без веры: столько мордоворотов в город просто так бы не стянули.

Пока ничего не взорвалось. Обе стороны все еще выстраивали позиции, возможно притворяясь — ради тех немногих прохожих, кто еще не уловил атмосферу и не исчез куда подальше, — будто беспокоиться не о чем. Полиция огородила целые секции атриума, никого никуда не загоняла, но явно готовила почву. Рифтеры же проверяли периметр — толкались по коридорам и на травалаторах, подходили к шеренгам экзоскелетов, но всякий раз останавливались, чтобы у «антител» не было потом поводов говорить о провокациях. «Оводы» роями носились над головой, словно большие черные яйца, снимая все подряд.

Учитывая характер происходящего, стороны вели себя на удивление смирно. Впрочем, обе пришли сюда не ради оппонентов. Вив подозревала, что обстановка накалится быстро, стоит появиться главной звезде.

Запищал запястник. Удивительно, обычно власти глушили все частоты загодя. Так люди не могли быстро организоваться.

— Да?

— Эй, мы пробились, надо же! — слышался голос Линдси.

— Ага. Силы тьмы сегодня чего-то тормозят.

— Я забыла сказать, что хочу горчицу. О, а Джен — самосу.

— Вместе с хот-догом или вместо?

— Вместо.

— Лады.

Линдси и Джен ошивались у периметра, наблюдая за вражескими передвижениями, а Вив отправилась за продовольствием. Все трое уже были ветеранами, настоящими профи с двумя, а то и тремя акциями за спиной. Каждая глотнула газа или отведала шокера по крайней мере один раз. Джен даже провела ночь в «усмирителе», после чего все быстро усвоили урок: перед игрой важно хорошенько заправиться. Первые двенадцать часов пленников не кормили — дело само по себе унылое и совсем ужасное, если ты перед тусовкой наглотался эндорфинов. Ускорение обмена веществ вызывало зверский голод.

Около дальней стены атриума выстроились торговые автоматы: медкабины, раздатчики одежды, куча всякой упакованной еды. Вив протолкалась сквозь толпу, нацелившись на голограмму «Донэйр», вращавшуюся в воздухе съедобным Священным Граалем.

Кто-то схватил ее сзади.

Не успела Лу отреагировать, как ее затащили в медкабину и толкнули к сенсорной панели, впечатав ладонь в грудь. На нее напала какая-то женщина со светлыми волосами до плеч. Она явно была не из своих: на глазах визор, за спиной рюкзак, и вообще на рифтера не похожа. Наверное, раздосадованная прохожая, угодившая в толпу.

Дверь кабинки с шипением закрылась, отсекала шум снаружи. Женщина отошла назад, освободив немного пространства в тесном помещении.

— Зачем так грубо? — огрызнулась Вив. — Это вообще похищение какое-то. Ты что...

— Почему ты... — Женщина остановилась. — Зачем костюм? Что происходит?

— Уличная тусовка. Думаю, тебя никто не пригла...

Женщина наклонилась чуть ближе. Лу заткнулась. Что-то в ситуации стало ее очень сильно тревожить.

— Отвечай, — потребовала сумасшедшая.

— Мы... мы — рифтеры.

— Ясно.

— Лени Кларк в городе. Ты разве не слышала?

— Лени Кларк. — Женщина убрала руку с груди Вив. — Шутишь, что ли?

— Ни разу.

Приглушенный звук, похожий на отдаленный шум прибоя, неожиданно просочился снаружи. Сумасшедшая, похоже, его не заметила.

— Безумие какое-то. — Она покачала головой. — И что вы собираетесь делать, когда Кларк появится?

— Послушай, мы тут просто посмотреть, чем все обернется. Не я делала рассылки, ясно?

— Может, автограф хотите получить? Или по грамму-другому плоти, если на всех хватит.

Неожиданно ее голос стал совершенно безжизненным и очень пугающим.

«Она может меня убить», — подумала Лу и постаралась стать милой, рассудительной, даже покорной.

— Мы тебя не тронем. Мы вообще никого не трогаем.

— Серьезно? — Сумасшедшая наклонилась еще ближе. — Ты в этом уверена? Ты хоть малейшее представление имеешь, кто такая Лени Кларк?

Вив кинулась в бегство.

У нее не было плана. По крайней мере хорошего. Они едва помещались в кабинке вдвоем, а выход находился за похитительницей; пространства вокруг не осталось. Лу просто рванула вперед, как загнанная в угол собака,

в отчаянии пытаюсь протиснуться мимо женщины. Обе рухнули на дверь, та услужливо скользнула вбок.

Даже в эту долю секунды Лу все увидела: «овод» поблизости плевался механическими предупреждениями и требовал организованно разойтись. Движения толпы, уже не разрозненной и вялой, а концентрированной, напомнили стаю криля, попавшего в невод. Разговоры затихли, слышались крики.

Начался разгон.

Под весом Вив женщина по инерции отлетела чуть ли не на метр назад, но толпа затолкала обеих обратно в кабину. Лу пригнулась, скользнула под локтем психопатки и неожиданно почувствовала острую, резкую боль над глазом...

— Ай!

...а рука сомкнулась у нее на горле и пихнула обратно, Вив упала, кто-то тут же потоптался на ее ногах, тогда Лу с воплем втянула их внутрь, и дверь захлопнулась, низведя внешний шум до приглушенного рева.

«Твою же мать».

Авива сидела на полу кабинки, обняв руками колени, и медленно поднимала голову. Ноги сумасшедшей. Промежность сумасшедшей. Казалось, понадобится вечность, чтобы добраться до ее глаз, а Вив и так боялась того, что там увидит...

«Минуту...»

Вот, слева от грудины — одежда порвалась, и там холодный блеск металлического полумесяца.

«Я об него порезалась. У нее какой-то металл в груди. Торчит прямо...»

Рука сумасшедшей. Сжимает визор, сломанный в перепалке, одна дужка оторвана. Шея сумасшедшей: свитер с высоким воротом, скрывающий некие уродства.

Глаза сумасшедшей.

Что она там сказала? А, точно: «Ты хоть малейшее представление имеешь, кто такая Лени Кларк?»

— Ничего себе, — протянула Лу.

*

— Да ты шутишь, — сказала Лени Кларк. Они стояли лицом к лицу в медкабине, каждая дышала воздухом другой.

— По одной версии, ты заражена наноботами, которые могут размножаться вне тела и сжигают все вокруг, когда достигнут достаточно высокой концентрации. И теперь ты странствуешь по миру, трахаешь всех подряд и так заражаешь, чтобы все мы когда-нибудь обрели силу.

— Чуть. Какая чушь. Я понятия не имею, как все это началось.

— Все это? — Вив ничего не понимала. Для Мадонны Разрушения Лени Кларк казалась слишком растерянной. — Значит, ты не выходила в крестовый поход, ты не...

— О нет, с крестовым походом ты попала в точку. — Лени озарила Вив улыбкой, которую девушка расшифровать не смогла. — Я только думаю, вам не понравится, если у меня все получится.

— Но ты действительно жила на дне океана? До Большого Толчка? Что там случилось? — «Ну не могли же про нее все врать?» — И на Полосе? И...

— А что происходит прямо сейчас?

Вив сглотнула:

— Хороший вопрос.

— Как они вообще обо мне узнали? Вот ты сама — как?

— Ну, как я уже говорила, кто-то распространяет слухи.

Лени покачала головой:

— Думаю, меня бы тут же поймали, если бы не... — слабые звуки толпы просачивались снаружи, — ...это.

— Ну по внешности они тебя ни за что не выцепят. Тут всяких Лени Кларк ходит до сагана*, и ты на них совсем не похожа.

— Угу. А там у кого-нибудь есть в груди куча железа и роговичные наклейки на глазах?

Вив пожала плечами:

— Скорее всего, ни у кого. Но... а, «оводы».

— «Оводь». — Мадонна Разрушения глубоко вздохнула. — Если меня еще не засекли, стоит мне выйти наружу, и электромагнитную радугу они заметят сразу.

— А я еще думала, почему они не заблокировали запыстники. Не хотят исказить твою сигнатуру.

— А что, если я просто посижу здесь, пока все не разойдутся?

— Не сработает. Я уже проходила через это: полчаса максимум, а потом пустят газ и возьмут всех.

— Черт. Черт. — Лени осмотрела кабинку, похожая на какого-то инопланетянина в клетке.

— Секунду, — сказала Вив. — Они ищут именно твою сигнатуру или вообще любые известные им электромагнитные сигналы?

— Откуда мне знать?

— Ну как светятся твои имплантаты?

— Много миоэлектричества. Повышенное излучение от электролизного комплекта и резервных источников. Еще вокодер. — Рифтерша улыбнулась, словно пересилив себя. — Тебе это о чем-то говорит?

— То есть как от искусственного сердца, только сильнее.

* Число Сагана, названное в честь Карла Сагана, обозначает число звезд в наблюдаемой Вселенной. Здесь этот термин употребляется в своем ироническом значении и обозначает любое большое количество.

— У тебя друзья есть с таким протезом? Может, я смогла бы воспользоваться ими как обманкой.

— Les beus скорее уж скрутят каждого человека с имплантатами и разберутся с ними позже, — размышляла вслух Вив. — Только тебе не нужна обманка. Тебе надо подавить свой собственный сигнал. Излучает эта техника не больше двух миллигауссов, максимум. Такое замаскирует и обычная стена, но тогда отходить от нее будет нельзя. А от визора и запястника ЭМП не идет.

Лени склонила набок голову:

— Ты что, какой-то эксперт?

Вив улыбнулась в ответ:

— Леди, это же Янктон! Мы делали электронику, когда Пылевого Пояса еще в помине не было. Линдси говорит, что даже «оводов» тут изобрели, но она вообще много болтает. Мы сейчас должны на лабораторке корпеть, но здесь веселей.

— Веселей. — Эти холодные пустые глаза — прозрачнее, чем те копии, которые носили остальные, — пристально взглянули на Лу. — Мне нравится это слово.

Тут Вив озарило:

— Эй, а тут все-таки есть одна штука с электромагнитным полем. Причем переносная. Дело тонкое — нам придется похимичить с ее внутренностями, иначе привлечем кучу ненужного внимания, — но тебе как раз при этом присутствовать необязательно.

— Да? — спросила Лени.

— О да. Никаких проблем.

*

Les beus оттеснили толпу и гнали ее прочь из атриума. Рифтеров по краям обрабатывали шокерами, но газовые гранаты пока в ход не шли. Толпа походила на океан, огромные волны чудесным образом рождались

из стесненной толкотни миллиона попавших в ловушку частиц. Вив знала, что такое сравнение даже справедливее, чем кажется: в человеческих водоемах существовали обратные потоки, подводные течения. Людей затягивало вниз, а там их могли затоптать.

Она отдалась на волю течения. Джен и Линдси колыхались на волнах позади нее. Вив всем им рассказала; они сообщили еще двум друзьям, те — другим, и так пошло. Под поверхностью толпы клич начал делиться, поначалу практически незаметно; люди со всех сторон прокладывали себе путь сквозь столпотворение народа, шли против потока и останавливались лишь рядом с Вив и компанией. Обменивались взглядами, кивками. Местная турбулентция слегка спала, когда друзья и союзники закрепились, держась друг за друга и сопротивляясь толчкам.

За несколько минут Авива стала центром в круге спокойствия, переполненном людьми.

Три «овода» строем снизились в паре метров над толпой, бормоча привычные банальности и цитируя закон об общественном порядке. Вив взглянула на Джен; та покачала головой, скрытой визором. Машины направились дальше, у каждой под брюхом виднелись невыпущенные дула.

Джен потянула Лу за рукав, махнула рукой; над аттриумом летел еще один бот. Вив надвинула визор на глаза и дала увеличение на цель. Никаких оружейных портов или электродов. Этот только наблюдал. Делал записи, вел себя достойно. Вив взглянула на подруг.

Те кивнули.

Иногда обычные глаза ничто не заменит; Лу сняла визор и прикрепила к поясу, положила руки на плечи Джен и Линдси — просто три подружки интересно проводят время, ничего особенного, — поджала ноги, девушки сплели руки в замок, и Авива встала на эту импровизированную podporку. Из-за обилия людей никто ничего не заметил. Бот

поддетел ближе, сканируя толпу. Может, его заинтересовал странный островок стабильности в броуновском шторме. Или он вообще направлялся куда-то в другое место.

Если и так, туда он не добрался.

Прямо от пола до «овода» было не допрыгнуть, но с небольшой помощью для человека на эндорфодермах он представлял легкую мишень. Джен и Линдси присели, потом резко встали, подбросив Вив в воздух, а та в тот же момент оттолкнулась от их рук. Она чувствовала себя супергероиней, эндорфины пели по всему телу. Бот всплыл в ее объятия, словно красивое пасхальное яйцо. Она обвила его руками и сжала.

У машины не было ни единого шанса. Собранная из легчайших полимеров и вакуумных пузырей, она могла оторвать от земли не больше килограмма или двух. Авива повисла на ней якорем без цепи и стащила с небес вниз, прямо в руки жаждущей толпы.

Со всех сторон слышался рев. Вив знала, что означает этот бессловесный звук. Первую кровь.

Хотя и не последнюю. Далеко не последнюю.

Они разбили «овода» об пол, прикрываясь колышущимся лесом из человеческих тел. Сначала взялись за оптику и антенну; если по-быстрому не отключить бота от сети, им кранты, а дело было не из простых. Современная техника уже давно научилась комбинировать легкость с прочностью, а эволюция не просто так выдумала яйцевидную форму. Джен и Линдси вынули наборы инструментов.

Конфликт разрастался со всех сторон.

Крики превратились в вопли боли, но быстро потонули во всепоглощающем реве. Поблизости что-то взорвалось. В отдалении заблеяла электронная сирена, словно объявили карантин: свиньи вышли на тропу войны и официально уведомляли об этом.

Разминка кончилась. Пошел первый тайм.

Что-то ударило
БАХ!

Вив прямо в ухо; она подскочилаа, споткнулась о чьи-то ноги. Джен переусердствовала, вскрывая скорлупу, и повредила один из вакуумных пузырей. Тонкий писк перекрыл сумятицу, царящую вокруг. Лу замотала головой.

Рука на плече: Линдси склонилась к ее лицу и беззвучно произнесла «нашли», а в голове Вив по-прежнему гудели телефоны. Джен сжимала в кулаке ожерелье из батареи и оптических чипов, висящих на тонких, похожих на туман нитях оптоволокну. Цепь охраны вокруг девушек покачнулась от какого-то слаженного удара. Все начало рушиться.

«Пора».

Вив схватила ожерелье и встала. Со всех сторон бушевал, вздымаясь волнами, человеческий океан; ничего другого она практически не видела. В пятнадцати метрах фаланга из «оводов» летела подобно четырем всадникам Апокалипсиса. Какой-то шутник на пружинных ходулях подпрыгнул в воздух и протеггировал первого бота. В воздухе сверкнула молния, попрыгун задержался в эпилептическом припадке, даже не успев приземлиться, и рухнул обратно в толпу.

«Оводы», не дрогнув, направлялись прямо к Вив.

«О, черт». Волна потащила ее назад. Ноги запутались в останках расчлененного бота. Люди сомкнулись стеной; тела давили со всех сторон и не давали Лу упасть. Она поджала ноги. Поток нес ее, словно Вив обрела дар левитации. Обломки остались позади.

«Оводы» по-прежнему следовали за ней.

«Мы слишком долго провозились. Он все-таки успел дать сигнал, послал картинку...»

Лу уже видела их электроды. Орудийные амбразуры. Даже глаза, холодно следящие за целью из-под затемненных щитков.

«Они прямо надо мной».

Мимо.

«Гонятся за Джен и Линдси». Вив повернулась, следя за ботами. «Черт, они же просто пролетели мимо, у них нет конкретной цели, они начнут сейчас...»

И тут слева появился еще один «овод» и с ходу врезался в лидера преследователей.

«Что за...»

Главу фаланги откинуло в сторону, он закрутился, потеряв управление. Атакующий развернулся и кинулся на следующего в линии. Рухнул сверху, упал на жертву и откинул вниз на метр или два.

Этого хватило. Толпа подалась вперед и поглотила робота голодной, ревущей волной.

Плохая идея. Наблюдатель — одно дело: но эти-то были вооружены.

Вопли. Крики. Дым. Сбитый «овод» торжествующе взлетел над толпой. Люди попытались отойти от эпицентра, однако из-за столпотворения все их попытки закончились неудачей; народ охватила паника, но даже самые перепуганные и с места сдвинуться не смогли.

Между тем мятежный бот атаковал снова. Его цели начали перегруппировку.

«Да что происходит-то? — подумала Вив. А затем: — Это мой шанс. Не профукать бы».

До медкабин десять — пятнадцать метров. На пути к ним настоящий хаос. Лу стала проталкиваться. Вокруг все еще находились люди, которые знали о плане; они теснились назад как могли, пытаясь разделить воды Красного моря, чтобы Вив прошла. Дело продвигалось туго — слишком много было посторонних, слишком многие обезумели на поле боя. А половина тех, кто участвовал в замысле, сейчас уже позабыли о нем.

— Я видела ее.

Женский голос, спокойный, но пропущенный через громкоговоритель, перекрывающий повсеместный рев. Вив бросила взгляд через плечо.

Говорил взбесившийся бот:

— Я видела, как она вышла из океана. Я видела...

Застрочил один из автоматов. Бунтарь покачнулся, его начало трясти.

— Я видела, что они сделали с Полосой.

Дверь медкабины скользнула в сторону. Кларк застыла на пороге.

Вив наклонилась к ней, передала ожерелье:

— Держи это у груди! Оно замаскирует сигнал!

Рифтерша кивнула. Кто-то вклинился между ними, крича и без разбора размахивая кулаками. Лени колотила паникера по лицу, пока тот не исчез в толпе.

— Они наслали цунами убить ее. Они устроили землетрясение. И промахнулись.

Кларк обернулась на голос. Прищурилась, вместо глаз остались лишь белые слепые прорези. Рот дернулся, но слова потонули в реве.

«О, черт...»

— Надо идти! — закричала Вив. От чьего-то толчка ее отбросило прямо на грудь Лени. — Сюда!

— Они выжгут весь мир, лишь бы поймать ее. Вот как она важна. Не дайте...

Скрип. Статика. Шипение искрящей проводки. Неожиданно рифтерша словно застыла.

— Не дайте им поймать ее...

Четыре всадника открыли огонь. Мятужный бот, крутясь и плюясь пламенем, рухнул в толпу. Послышались новые крики. «Оводы» перегруппировались и легли на прежний курс.

— Давай! — заорала Вив.

Лени кивнула. Лу повела ее вдоль стены.

Следующий проем вел в общественный туалет, забитый псевдорифтерами и случайными прохожими, надеющимися переждать суматоху. Люди, в основном, не двигались, сбившись в кучу, как беженцы под мостом, прислушиваясь к приглушенному грохоту, доносящемуся сквозь стены.

Одну из кабинок заняли их союзницы. Они уже выбили панели на потолке.

— Это ты, Авива? — спросила одна, часто моргая в своих фальшивых линзах.

Та кивнула, повернулась к Кларк:

— А это...

Что-то неопределенное пронеслось по комнате.

— Черт, — еле слышно произнесла заговорщица. — А я думала, она ненастоящая.

Лени еле заметно кивнула головой:

— Добро пожаловать в клуб.

— Так это правда? Пожары, Большой Толчок, а ты ходишь по стране и насилуешь корпов...

— Не совсем.

— Но...

— У нас мало времени.

— А, да, извини, ты права. Мы можем провести тебя до реки. — Девушка склонила голову набок. — У тебя гидрокостюм при себе?

Лени постучала ладонью по своему рюкзаку.

— Хорошо, — сказала вторая. — Пошли.

Она взобралась на унитаз, подпрыгнула, зацепилась за что-то тьме и исчезла из виду.

Первая посмотрела на собравшихся вокруг:

— Люди, дайте нам пятнадцать минут. Просто пока не лезьте за нами, хорошо? Пятнадцать минут, а потом шумите сколько угодно. Если, конечно, захотите сбежать с вечеринки. — Она повернулась к Вив: — Ты идешь?

Та покачала головой:

— Я должна встретиться с Джен и Линдси около фонтана.

— Ну как хочешь. Мы пошли. — Оставшаяся заговорица скрестила руки в замок и кивнула Кларк: — Тебя подкинуть?

— Нет, спасибо. Справлюсь.

*

Авива была настоящим ветераном общественных беспорядков. Остаток заварухи она провела у стен и в углах, стараясь держаться там, где можно сохранить ориентацию в пространстве и равновесие, не опасаясь, что тебя затопчут. Строго по расписанию les beus выдвинули тяжелую артиллерию; в свои последние секунды на свободе Лу видела, как «овод» опыляет толпу галотаном. Но это уже не имело значения. Заснула Авива с улыбкой на губах.

Очнувшись, она оказалась не в камере со всеми остальными, а на диагностическом столе в маленькой белой комнате без окон. Сквозь стены с ней говорил какой-то мужчина с приятным голосом, который в другой ситуации даже показался бы ей сексуальным.

Он знал гораздо больше, чем предполагала Вив. Знал, что она встретила Кларк. Знал, что помогла раскурочить «овода». Лу решила, что, скорее всего, Джен и Линдси тоже попались, и их уже допросили. Но мужчина не говорил о ее подругах. Он вообще ни о ком не говорил, и, казалось, даже до самой Лени ему не было дела. Это слегка удивило Вив; она ожидала допрос третьего уровня со стимуляторами, нейросплайсерами — в общем, с полным набором. Но нет.

Больше всего мужчину интересовал порез над глазом Вив. Она получила его от Кларк? Насколько близким

был их контакт? Вив отделялась банальными отмазками со столь же банальным лесбийским подтекстом, но в глубине души уже начала по-настоящему волноваться. Мужчина не запугивал, не угрожал, не злорадствовал, не говорил, сколько синапсов придется перепаять, чтобы превратить ее в послушного гражданина. В его голосе слышалась лишь глубокая печаль по поводу того, что Авиве хватило глупости ввязаться в это дело с Лени Кларк.

Глубокая печаль, так как — хотя мужчина ни разу не сказал об этом вслух — он уже ничего исправить не мог.

Лу сидела на столе в белой, такой белой комнате, и ее била дрожь, а потом она обмочилась.

РАСПЯТИЕ С ПАУКАМИ

Это Патриция Роуэн. Кен Лабин подключился к кабинке в конце коридора. Пожалуйста, скажите ему, что я хочу видеть вас обоих. Я в зале заседаний на административном этаже, комната 411.

Он не доставит вам хлопот.

Тридцать шесть часов четырнадцать минут.

И в самом деле, Лабин подсоединился к терминалу у лестницы. По-видимому, никто и не думал интересоваться, почему он здесь.

— Что делаешь? — спросил Дежарден, встав позади.

Кен тряхнул головой:

— Пытаюсь позвонить. Нет ответа. — Он снял шлемофон.

— Роуэн здесь. Она... она хочет нас видеть.

— Хорошо. — Лабин вздохнул и встал на ноги. Его лицо осталось абсолютно бесстрастным, но в голосе слышалась решимость: — Задержалась она.

*

Две модульных операционных, каркасные кубы, ярко освещенные прожекторами из-под потолка. Стенки, если смотреть под определенным углом, радужно переливались, как мыльные пузыри. В остальном же казалось, что вся техника внутри — фиксаторы, операционные столы, многорукая машинерия, зависшая наверху, — ничем не отделена от пространства комнаты. Грани каждого куба выглядели столь же условными и бессмысленными, как политические границы.

Правда, стены конференц-зала тоже еле заметно мерцали, заметил Дежарден. Все помещение покрыли изолационной мембраной.

Между дверью и модулями, спиной к свету стояла Патриция Роуэн.

— Кен, рада снова тебя видеть.

Лабин закрыл дверь:

— Как вы нашли меня?

— Тебя выдал доктор Дежарден, естественно. Но полагаю, ты не слишком удивлен. — Ее линзы флуоресцировали от поступающей информации. — Учитывая твою небольшую проблему, ты сам, вероятно, подтолкнул его в нужном направлении.

Лабин сделал шаг вперед.

— Есть многое на свете, друг Горацио... — протянула Роуэн.

Кен как-то изменился, по его телу прошел еле заметный спазм, а потом он расслабился.

«Триггер-фраза», — понял Дежарден. Какая-то подпрограмма только что активировалась в мозгу Лабина. Не успел рифтер вздохнуть, как его цель изменилась...

«Поведение мистера Лабина зависит от условного рефлекса, реагирующего на угрозу, — вспомнил Ахилл, — он навряд ли сочтет вас угрозой, если только не решит...

О, господи. — Дежарден сглотнул и неожиданно почувствовал, как сильно пересохло у него во рту. — Она его не запустила, а отключила. Он хотел меня убить».

— ...это было делом времени, — говорила тем временем Роуэн. — В Калифорнии произошло несколько вспышек, которые не укладывались в общую схему. Полагаю, ты провел какое-то время на некоем острове близ Мендосино?

Лабин кивнул.

— Нам пришлось его сжечь. Так жаль — сейчас осталось не так уж много мест с естественной фауной. Едва ли можно так запросто их лишаться. И все-таки. Ты не оставил нам выбора.

— Минуту, — встрял Дежарден. — Он заражен?

— Разумеется.

— Тогда я уже должен был умереть, — сказал Лабин. — Если только у меня нет иммунитета...

— У тебя его нет. Но ты невосприимчив к Бетагемоту.

— Почему?

— Ты не совсем человек, Кен. Это дает тебе преимущество.

— Но... — Тут Ахилл замолк. Мембрана не изолировала Роуэн. Несмотря на предосторожности, они все дышали одним воздухом.

— Но у вас иммунитет есть, — закончил он.

Она склонила голову набок:

— Потому что во мне от человека осталось еще меньше, чем у Кена.

*

Ради эксперимента Лабин просунул руку сквозь одну из граней. Мембрана, похожая на мыльный пузырь, разошлась вокруг его плоти и плотно облепила кисть, ярко

мерца в месте соприкосновения, но, когда Кен замер, померкла. Лабин хмыкнул.

— Чем раньше начнем, тем раньше закончим, — сказала Роуэн.

Лабин прошел внутрь. На секунду вся поверхность куба пошла масляными радугами, но, как только рифтер оказался в операционной, мембрана расчистилась, восстановив целостность.

Патриция взглянула на Дежардена:

— Множество белков — особенно энзимов — плохо работают на больших глубинах. Мне говорили, что от давления их структура меняется.

При запуске стерилизационного поля куб слегка потемнел, как будто его стенки уплотнились. Разумеется, так лишь казалось; мембрана, как и прежде, сохраняла толщину в одну молекулу, но повысилось ее поверхностное натяжение. Сейчас Лабин мог броситься на нее всем своим немалым весом, но она не открылась бы. Поддалась бы — растянулась, исказилась, дошла бы под действием чистой инерции где-то до середины комнаты, словно резиновый носок с камнем внутри. Но не порвалась бы, а вернулась спустя несколько секунд в исходное двумерное состояние. И Лабин по-прежнему сидел бы внутри.

Дежардена это даже немного успокоило.

Роуэн слегка повысила голос:

— Кен, разденься, пожалуйста. Одежду оставь на полу. Там висит шлемофон. Ты можешь им воспользоваться во время процедуры.

Она повернулась к Дежардену:

— Перед отправкой на рифт нам приходится модифицировать наших людей. Мы им вживляем гены глубоководных рыб.

— Элис говорила, что глубоководные белки... скажем так, жесткие, — вспомнил Дежарден.

— Да, они труднее распадаются. А так как в теле сера содержится именно в белках, то у рифтера украсть ее труднее. Но мы укрепляем только наиболее чувствительные к давлению молекулы, и Бетагемот может легко добраться до других. Ему просто нужно больше времени для разрушения всего клеточного механизма.

— Если только все не заменить.

— Ну все мелкое. Под удар попадают молекулы, в которых меньше пятидесяти—шестидесяти аминокислот. Это как-то связано с сульфидными мостиками. Разумеется, существуют индивидуальные различия, носители могут не испытывать симптомов месяц, а то и больше, но единственный путь — это... — Она пожала плечами. — В общем, я стала наполовину рыбой.

— Русалкой, — образ был совершенно абсурдным.

Роуэн наградила Ахилла еле заметной улыбкой и продолжила:

— Кен, ты знаешь процедуру. Ляг лицом вниз, пожалуйста.

Операционный стол был наклонен под двадцатиградусным углом. Лабин, голый, с лицом, скрытым шлемофоном, оперся об него, словно собирался делать отжимания, а потом лег.

Воздух замерцал и зажужжал. Кен тут же обмяк. И тогда насекомоподобная над ним выпустила свои ужасающие конечности с бесчисленным количеством суставов и принялась кормиться.

*

— Да твою же мать, — не сдержался Дежарден.

Лабина пронзило в десятках мест. Ртутные нити змеями проникли ему в запястья, погрузились в спину. Катетер скользнул в анус, второй пронизал пенис. Что-то медное заползло в рот и нос. Провода кишки на лице,

червями заползали под шлемофон. Даже из стола неожиданно выскочили тонкие иглы: Лабина зафиксировали на месте, словно насекомое, которое вдавили в проводочную щетку.

— Все не так плохо, — заметила Роуэн. — Благодаря нейроиндукционному полю он почти не чувствует боли.

— О, господи. — Второй куб выжидательно пустовал, сверкая, словно пыточная. — А меня тоже...

Патриция поджала губы:

— Сомневаюсь, что это потребуется. Если только вы не заразились, а это маловероятно.

— Я находился с ним рядом два дня, почти три.

— Доктор, это не оспа. Если вы не обменивались с этим человеком телесными жидкостями и не использовали его фекалии в качестве удобрения, то вы, скорее всего, здоровы. Осмотр у вас в квартире ничего не показал... хотя вам, наверное, следует знать, что у вашей кошки глисты.

«Они обыскали мой дом. — Дежарден попытался выжать из себя хоть какое-то подобие ярости, но ощутил только облегчение: — Я не заболел».

— Тем не менее вам все равно придется пройти курс генной терапии, — продолжила Роуэн. — Чтобы вы в дальнейшем ничего не подхватили. К сожалению, процедура довольно сложная.

— Насколько?

Она прекрасно понимала, о чем он спрашивает:

— Настолько — у нас нет возможности иммунизировать девять миллиардов человек. По крайней мере вовремя: большая часть населения даже не прошла секвенирование. И если б даже мы успевали, остаются другие виды. Мы не можем заново воссоздать всю биосферу.

Ахилл ожидал такого ответа, и все равно это стало для него ударом.

— Поэтому локализация и сдерживание — это единственный вариант, — тихо продолжила она. — И кто-то, как вам наверняка известно, очень сильно старается нам помешать.

— Ага. — Дежарден взглянул на нее. — Только зачем?

— Мы хотим, чтобы вы это выяснили.

— Я?

— Мы уже дали задание нашим людям, разумеется. И состыкуем вас с ними. Но вы уже по всем пунктам превысили наши технические показатели, и именно вы, в конце концов, нашли связь.

— Я всего лишь наткнулся на нее. В смысле ее бы не заметил только слепой, стоило лишь понять, куда смотреть.

— В этом и проблема, понимаете? Мы не туда смотрим. Да и с чего бы? Кто бы стал тралить Водоворот в поисках имен мертвых рифтеров? А теперь выясняется, что все, кроме нас, знают о Лени Кларк. У нас лучшие в мире средства сбора информации, а любой пацан с ворованным запястником теперь знает больше нас. — Женщина глубоко вздохнула, словно поправляя какой-то огромный груз, лежащий на ее плечах. — Как до такого дошло, на ваш взгляд?

— Спросите пацана с запястником, — ответил Дежарден и мотнул головой в сторону Лабина, дергающегося в пузыре. — Если у вас есть еще такие, как он, вы все узнаете за две секунды.

— Все, что знает пацан, — возможно. А это практически ничего.

— Вы же только что сказали...

— Мы ее почти поймали, вы в курсе? Вчера. Как только вы дали нам наводку, мы отфильтровали мусор и засекли ее в Южной Дакоте. Окружили город и выяснили, что половина его населения намеренно нам мешает, спасая Кларк. Она сбежала.

— Но поклонников вы допросили.

— Их призвал голос из Водоворота. Кто-то там собирает войска.

— Кто? И зачем?

— Неизвестно. Похоже, они просто встречаются во все форумы и чат с обсуждениями на эту тему и начинают бить в барабан. Мы разбросали кучу разных приманок, но пока что эта сила с нами не говорит.

— Ничего себе, — протянул Дежарден.

— И знаете, в чем настоящая ирония? Мы чего-то подобного и боялись. Даже предприняли меры безопасности.

— То есть вы ожидали этого?

— Не в точности этого, конечно. Рифтеры возникли совершенно неожиданно. — Роуэн вздохнула, на ее лицо легли тени. — И все равно... все пошло не так. По идее, парень с фамилией Мерфи просто не мог такое не предвидеть, но нет. В «ХимШестеренках» упорно верили, что гели распространяют какой-то мусорный мем.

— То есть за этим стоят гели?!

Она покачала головой:

— Как я уже сказала, мы приняли меры безопасности. Выследили каждый зараженный узел, отделили и заменили его, специально проверили, чтобы даже следа от этого мема не осталось. Специально. Но вот он снова здесь, а как — непонятно. Пустил метастазы, мутировал и переродился. И сейчас мы знаем точно лишь одно: гели к этому непричастны.

— Но ведь изначально они были причиной, я вас правильно понял? Это они... они запустили лавину?

— Возможно. Давным-давно.

— Да зачем же?!

— Это забавно, — призналась Роуэн, — но мы им сами приказали.

*

Роуэн загрузила все данные напрямую в имплантаты Ахилла. Даже оптимизированному правонарушителю было не под силу усвоить столько информации сразу, но краткое содержание уместилось в пятнадцать секунд: растущая опасность, яростное недоверие друг к другу и наконец неохотная передача власти чуждому разуму, у которого оказались неожиданные взгляды на преимущества простоты.

— Боже, — выдохнул Дежарден.

— Именно так, — согласилась Роуэн.

— А какого черта теперь всем этим заправляет Лени Кларк?

— Не заправляет. Вот тут и начинается настоящее безумие. Насколько удалось выяснить, до Янктона она даже не подозревала, что о ней вообще кто-то знает.

— Хм. — Ахилл поджал губы. — И все-таки, что бы там ни было, оно ориентируется на нее.

— Знаю, — тихо ответила Патриция и взглянула на Лабина. — И вот тут на сцену выходит он.

Кен извивался и дергался, изнасилование продолжалось. Лицо же — та его часть, что не была скрыта шлемофоном, — оставалось бесстрастным.

— А что он там смотрит? — поинтересовался Дежарден.

— Инструктаж. Для следующей миссии.

Ахилл какое-то время смотрел на рифтера.

— А он бы меня убил?

— Сомневаюсь.

— А кто...

— О нем больше можете не беспокоиться.

— Нет, — Дежарден покачал головой. — Этого недостаточно. Он выследил меня через весь континент, вломился ко мне в дом, он... — «вырезал из меня Трип Вины», но в этом Ахилл признаваться не желал, тем более сейчас. — Как понимаю, у него в мозгу есть какой-то

встроенный рубильник, и отвечает этот человек только перед вами, мисс Роуэн. Кто он такой?

Ахилл заметил, как она напряглась, и на секунду даже решил, что зашел слишком далеко. Батрак, сидящий на Трипе Вины, ни за что бы не стал так разговаривать с начальством, сейчас Роуэн все поймет, и в любую секунду могут проснуться сирены...

— Мистер Лабин страдает... вы бы могли назвать это расстройством контроля над побуждениями, — проговорила она. — Он получает удовольствие от действий, которые многие сочли бы крайне неприятными. Он никогда не поступает так... необоснованно, здесь это слово вполне уместно, — но порой склонен сам создавать условия, которые требуют определенной реакции. Вы понимаете, о чем я?

«Он убивает людей, — испуганно подумал Дежарден. — Устраивает утечки, чтобы у него был предлог убивать людей...»

— Мы помогаем ему справляться с этой проблемой, — сказала Роуэн. — И контролируем его.

Дежарден прикусил губу.

Патриция покачала головой, на ее бледном лице мелькнуло легкое неодобрение:

— Бетагемот, доктор Дежарден. Лени Кларк. Если вам надо о чем-то беспокоиться, переключитесь лучше на них. Поверьте мне, Кен Лабин — это часть *решения*, а не проблемы. — Она слегка повысила голос. — Не так ли, Кен?

— Я не так хорошо ее знаю, — отозвался тот.

Ахилл, встревожившись, бросил взгляд на Роуэн:

— Так он нас слышит?

Та предпочла говорить не с ним, а с Кеном:

— Ты знаешь ее гораздо лучше, чем думаешь.

— У вас же есть... психологические портреты, — сказал Лабин. Он говорил неразборчиво, действие нейрои-

дукционного поля, похоже, затрагивало лицевые мышцы. — Психолог этот. Шкэнлон.

— У Скэнлона свои трудности, — возразила Роуэн. — У тебя и Кларк много общего. Общие взгляды, общее происхождение. Будь ты на ее месте...

— А я на ее месте. Пришел же я сюда. — Кен облизнул губы, струйка слюны заблестела в уголке рта.

— Справедливо. Но представь, что бы ты делал без информации, допуска и без... поведенческих ограничений. Чем бы ты занялся?

Лабин не ответил. В сиянии прожекторов лицо за щитком шлемофона казалось безглазой, высококонтрастной маской, а кожа почти светилась.

Роуэн сделала шаг вперед:

— Кен?

— А эт легко, — наконец произнес он. — Я бы начал мстить.

— Кому конкретно?

— Энергошети. Мы же пытались нас убить.

Линзы Роуэн засветились от резкого притока информации.

— Ее ни разу не видели рядом с офисами Энергосети.

— Она на кого-то напала в Гонкувере. — Тело Лабина прошел спазм. Голова безжизненно поникла. — Ишкала Ива Шкэнлона.

— Насколько нам известно, тот был ее единственной зацепкой. И ниточка никуда не привела. По нашим сведениям, Кларк ушла с Тихоокеанского побережья несколько месяцев назад.

— У Лени есть счеты не только к нам. Например, она могла отправиться домой.

Роуэн нахмурилась:

— То есть к родителям?

— Кларк упоминала Су-Сент-Мари.

— Ну а если не сумеет добраться до родителей.

— Тогда не знаю.

— Что бы сделал ты?

— Я бы продолжил искать...

— Предположим, твои родители мертвы, — подала следующую мысль Роуэн.

— Вы что, убили их раньше?

— Нет. Предположим, они уже умерли... умерли очень давно.

Лабин неуклюже покачал головой:

— Люди, которых так ненавидит Лени, живее всех живых.

— Предположим, Кен, — Патриция начала терять терпение. — Теоретически. У тебя есть счета к Энергосети и к родителям, и ты знаешь, что ни до тех, ни до других не доберешься. Что ты сделаешь?

Его губы шевельнулись, но не вышло ни единого слова.

— Кен?

— ...Я перенаправлю гнев, — наконец выжал из себя Лабин.

— В смысле?

Он дернулся, словно слепая марионетка, большую часть нитей которой перерезали.

— Меня нагнул сам наш мир. И я... хотел бы ему отплатить.

— Хм. — Роуэн покачала головой. — В принципе, именно этим она сейчас и занимается.

*

Как выяснилось, одного распятия хватило. Ахилл был чист, хотя и не застрахован от инфекции; вторая операционная стояла наготове, но выскоблить ему внутренности не желала.

А желала всего лишь превратить его в камбалу.

Комната ужасов Лабина сбавила обороты. Стол перестроился в кресло; убийца сидел в нем, а механический паук бегал по его телу на ногах, похожих на суставчатые усы.

В соседнем кубе точно такое же устройство блуждало по коже Дежардена. Он уже получил около полудюжины инъекций с искусственными вирусами, и все они содержали код для разных последовательностей белков, устойчивых к воздействию Бетагемота. В следующие несколько дней будут и другие уколы. Много уколов. Через неделю начнется лихорадка; тошнота уже подступала.

Паук собирал образцы: бактерии с кожи и волос, содержимое кишечника, делал биопсию внутренних органов. Время от времени он погружал хоботок толщиной с волос прямо в плоть, вызывая легкую боль. Обратная реконструкция была очень коварным делом. Без мер предосторожности откорректированные гены могли изменить микрофлору в кишечнике столь же легко, как и ткани самого хозяина, а кишечную палочку из симбионта превратить в рак, стоило лишь перевернуть пару оснований. Особо проницательные бактерии даже научились подсовывать собственные гены вирусным переносчикам и таким образом проникали в человеческие клетки. Дежарден уже скучал по старым добрым микробам, которые всего-то питались антибиотиками.

— Ты ей не сказал, — произнес Лабин.

Роуэн оставила их на попечение техники. Ахилл смотрел на соседа сквозь два слоя мембран и пытался не замечать, как по коже от страха ползут мурашки.

— О чем? — в конце концов спросил он.

— Что я снял тебя с Трипа Вины.

— Да? С чего ты так уверен?

Паук Лабина взобрался к нему на шею и требовательно постукивал по нижней губе. Убийца послушно открыл

рот: маленький робот провел по внутренней стороне щеки одной из конечностей и спустился обратно на грудь.

— Иначе она бы не оставила нас одних.

— А я думал, ты у нее на поводке, Горацио.

Он пожал плечами:

— На одном поводке из многих. Не имеет особого значения.

— Еще как имеет.

— Почему? Неужели ты думаешь, что прежде я себя не контролировал? Неужели бы снял тебя с Трипа, если бы искренне считал, что ты пошел бы на утечку?

— Да легко, если сам же планировал ее и заткнуть. Разве не в этом твоя проблема? Ты ведь подставляешься, чтобы убивать людей?

— Значит, я — чудовище. — Лабин откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. — А ты тогда кто?

— Я?

— Я видел, как ты развлекался при нашей первой встрече.

Дежарден покраснел, ему стало душно:

— Это всего лишь фантазии. В реальности я никогда не делал ничего подобного. В реальности я вообще сексом не занимаюсь.

Лабин приоткрыл один глаз и чуть заметно улыбнулся:

— Не доверяешь себе?

— Я слишком сильно уважаю женщин.

— Неужели? Как-то твои взгляды не слишком вяжутся с твоим хобби.

— Это нормально. Это всего лишь спинной мозг. — Когда он узнал, что агрессия и секс в мозге млекопитающих идут по одним и тем же путям, что его постыдный секрет — это наследие миллионов лет, общее для всех, пусть цивилизованный разум это и отрицает, Ахилл ис-

пытал невероятное облегчение. Но Лабин... — Как будто сам не знаешь. Ты же кончаешь каждый раз, когда убиваешь кого-нибудь.

— А, — недоулыбка Лабина осталась на месте. — То есть я чудовище, а ты всего лишь пленник своих внутренних побуждений.

— Я фантазирую. А ты убиваешь людей. Ах нет, прости, ликвидируешь протечки в системе безопасности.

— Не всегда.

Дежарден отвернулся, ничего не ответив. Паук побегал вниз по ноге.

— Кое-кто от меня ушел, — со странной мягкостью произнес голос за его спиной.

Ахилл повернул голову. Лабин уставился перед собой, не двигаясь. Даже арахнид замер, словно пораженный некой неожиданной переменой в доверенной ему почве.

— Она ушла, — повторил Кен. Он как будто говорил сам с собой. — Я, можно сказать, ей позволил.

«Кларк», — понял Дежарден.

— Естественно, она никак не угрожала корпоративной безопасности. И выбраться оттуда не могла... но как-то выбралась.

Лабин уже не походил на бесстрастного хищника. Что-то новое появилось в его глазах, чуть ли не... растерянность.

— Такая жалость, — еле слышно произнес он. — Она действительно заслуживала шанса на победу.

— С тобой, похоже, согласно немало народу, — подал голос Дежарден.

Лабин что-то промышчал.

— Слушай, — Ахилл откашлялся, — пока ты не ушел, мне нужны эти дермы.

— Дермы, — казалось, Лабин доносится откуда-то издали.

— Аналог. Ты сказал, что пройдет минимум неделя, прежде чем действие Трипа возобновится, а это было три дня назад. Если они проведут проверку в ближайшее время, мне конец.

— А, это. — Кен вернулся на землю. — Боюсь, теперь это не в моей власти. Горацио и все такое.

— Что значит «не в твоей власти»? Да мне нужно-то всего пару дерм, господи!

Паук Лабина юркнул под кресло, его моцион подошел к концу. Убийца начал одеваться.

— И? — спросил Дежарден, выждав какое-то время.

Кен натянул рубашку и вышел из куба. Тот пошел цветными спиралями.

— Не беспокойся об этом, — сказал рифтер и даже не оглянулся.

АНТОПЛЕУРА*

* Вид морских актиний. К примеру, одна из самых распространенных актиний этого вида, *Anthopleura Elegantissima*, живущая по Тихоокеанскому побережью Северной Америки, известна тем, что размножается как половым, так и бесполом способом. Взрослые актинии выпускают в воду гаметы, которые объединяются и формируют новую генетически уникальную особь. Та же, в свою очередь, способна размножаться бинарным делением, то есть буквально делиться пополам.

大正十三年四月

СНИМОК ИЗ ДОСЬЕ

Экзотическая инфекция: краткий обзор (упрощенная сводка)

НЕ пересылать по почте

НЕ пересылать через Убежище

НЕ копировать

УДАЛИТЬ ПОСЛЕ ДЕШИФРОВКИ

Кому: Роуэн П. К.

Категория срочности: **Высшая (Глобальная пандемия)**

Код ЭИД: Бетагемот

Общая классификация: наноб/редуцент.

Таксономия: Официальная номенклатура будет описана после рассекречивания и открытого рассмотрения в Линнеевском обществе. Потенциальная внешняя монофилетическая группа — выше уровня надцарств.

Описание: Уникальный гетеротрофный наноб диаметром 200–250 нм. Приспосабливающийся, существует как в свободном состоянии, так и в симбиотическом. Геном — 1,1М (матрица — пиранозильная РНК), количество кодонов, не несущих информации, — менее 0,7% от общего числа.

Биогеография: Изначальная среда обитания — глубоководные гидротермальные источники; зафиксировано 14 реликтовых популяций (рис.1). Может симбиотически существовать во внутриклеточной среде с соленостью менее или равной 30 промилле и/или температурой в диапазоне от 4 до 60 градусов по Цельсию. Также найден вторичный штамм с большей приспособленностью к внутриклеточному существованию.

Эволюция/Экология: Бетагемот — это единственный известный организм, который имеет подлинно земное происхождение, появившись примерно за 800 миллионов лет до момента марсианской панспермии. Существование вторичного штамма, приспособленного для жизни в эукариотической внутриклеточной среде, напоминает о прекембрийском последовательном эндосимбиозе, который дал начало митохондриям и другим современным внутриклеточным органеллам. Свободно живущий Бетагемот тратит значительное количество метаболической энергии на поддержание гомеостаза в жестких гидротермальных средах. Внутриклеточный патогенный Бетагемот производит излишек АТФ, который может быть использован клеткой-носителем. Это ведет к аномальному росту и гигантизму среди некоторых видов глубоководных рыб; у зараженных людей на короткое время повышаются сила и выносливость, хотя эти преимущества сводятся к нулю разрушением короткоцепочечных белков, содержащих серу, и связанными с ними недостаточностями (см. ниже).

Характерные гистологические и генетические особенности: Отсутствие фосфолипидной мембраны; стенка тела состоит из сросшихся сернистых и фосфатных соединений. Генетическая матрица основа-

на на пиранозильной РНК (рис. 2); та также используется для катализа метаболических реакций. Устойчив к гамма-излучению (неэффективно даже излучение в 1 мегарад). Геном Бетагемота содержит гены Блашфорда, аналогичные метамутаторам псевдомонад; они позволяют Бетагемоту динамически повышать интенсивность мутаций в ответ на изменение окружающей среды и, скорее всего, обуславливают его способность обманывать стероидные рецепторы в мембране клетки-хозяина.

Способы поражения: Вне гидротермальной среды с ее ограничениями Бетагемот в свободном состоянии ассимилирует ряд неорганических питательных веществ на 26–84% эффективнее любого земного соперника (таблица 1). Особенно значительную проблему это представляет в случае серы. Свободно живущий Бетагемот теоретически может вызвать дефицит даже этого, чрезвычайно распространенного, элемента; речь идет о серьезнейшей угрозе экологии. Впрочем Бетагемот более комфортно чувствует себя внутри гомеотермических позвоночных, которые обеспечивают его теплой и стабильной питательной средой, напоминающей первичный бульон. Бетагемот проникает в клетку путем опосредованного рецепторами эндоцитоза; попав внутрь, он еще до лисиса разлагает фагосомальную мембрану, используя 532-аминолистеариолизинный аналог. Затем Бетагемот начинает бороться с клеткой-хозяином за питательные вещества. Смерть носителя может произойти от нескольких десятков непосредственных причин, включая почечную/печеночную недостаточность, волчанку, расстройства ЦНС, сепсис и заболевания, вызванные условно-патогенной флорой. Позвоночные носители служат источниками, которые периодически высеивают нанобы во внешнюю

среду, повышая вероятность возникновения устойчивых очагов инфекции.

Диагностика: В клеточных культурах эффективна маркировка метионина. Бетагемот в свободном состоянии при концентрациях более 1,35 миллиарда на кубический сантиметр производит заметное влияние на кислотность и электропроводимость почвы, количество порфирина, а также хлорофиллов А и В (таблица 2); длительность этих эффектов зависит от базовых условий. У пациентов, не демонстрирующих выраженных симптомов заражения, Бетагемот можно распознать по наличию d-цистеина и d-цистина в крови (неудачные попытки расщепить связанную серу иногда стереоизомеризируют молекулу). Это самый точный индикатор инфекции на ранних стадиях. К сожалению, стандартные медкабины и карантинные посты не имеют оборудования для обнаружения стереоизомеров. Техническое переоснащение в данное время идет на всей территории Северной Америки, но для полного завершения процедуры понадобится, по меньшей мере, шесть месяцев.

Текущее состояние: См. рисунок 3. Согласно последнему отчету, стерилизовано 4800 км². 426 000 км² находится под непосредственной угрозой.

Экологическая траектория: Если текущие темпы развития не изменятся, то имеющиеся модели предполагают длительное конкурентное вытеснение всех альтернативных форм жизни между 62 градусами северной и южной широты благодаря монополизации и трансформации всей питательной базы. Судьба полярных областей на данный момент неясна. Анализ чувствительности выдает 95-процентную степень достоверности полной гибели биосферы в пределах от 50 до 94 лет.

Рекомендации: Продолжать попытки изменить текущую траекторию развития. Распределить резервный бюджет на случай полного отступления следующим образом:

1. Орбитальная база: 25%
2. Гора Шайенн: 5%
3. Срединно-Атлантический хребет: 50%
4. Метаморфирование: 20%

АКТИНИЯ

Она стала падальщиком в собственном доме.

Теперь Су-Хон фактически жила в своем кабинете. Там было все необходимое: окно в мир. Цель. Убежище.

Тем не менее ей приходилось есть и ходить в туалет. Раз или два за день она выбиралась из пещеры и справляла естественные потребности. С мужем Перро обычно не сталкивалась: из-за работы ему довольно часто приходилось уезжать.

Но сейчас — «О, боже, ну почему именно сейчас?» — он оказался в гостинной.

Мартин копался в аквариуме, стоя спиной к двери. Перро почти удалось проскользнуть.

— Самец умер, — сказал он.

— Что?

Муж повернулся к ней. Рыба-ласточка, бледная и неподвижная, оттягивала сачок, зажатый в его руке. Сквозь сетку слепо взирал на мир молочный глаз.

— Похоже, он умер уже давно, — добавил Мартин.

Су-Хон взглянула на аквариум. Коричневые водоросли затянули стекло. Прекрасная актиния сморщилась и обтрепалась, ее щупальца вяло колыхались от течения.

— Господи, Марти. Ты даже не подумал аквариум вычистить?

— Я только что приехал. Я две недели был в Фэйр-бэнксе.

Она забыла.

— Су, препараты не помогают. Я считаю, нам надо всерьез задуматься, не настроить ли тебе терапевта.

— У меня все нормально, — на автомате выдала Перро.

— Нет, не все. Я уже проверил, мы можем себе позволить такое лечение. Терапевт будет рядом круглые сутки, в любое время, когда тебе нужно.

— Я им не доверяю.

— Су, это же часть тебя. Можно сказать, он уже внутри, просто его еще не изолировали. И у него будет прямая связь с височной долей, ты сможешь говорить с ним так же запросто, как и со всеми остальными.

— Ты хочешь вырезать мне часть мозга.

— Нет, Су, просто перемонтировать, перепаять. Ты знаешь, что мозг может поддерживать около сотни полностью разумных личностей? Это совершенно не влияет на сенсорную или моторную активность. А тут будет лишь одна, и ей понадобится совсем немного пространства...

— Мой муж — ходячая брошюра.

— Су...

— Это диссоциативное расстройство личности, Мартин. Меня не волнует, какими миленькими именами его называют сейчас, и мне наплевать, сколько наших друзей живут счастливой полной жизнью, потому что слышат голоса в голове. Это болезнь.

— Су, пожалуйста. Я люблю тебя. Я просто стараюсь помочь.

— Тогда уйди с моей дороги.

Она побежала назад, в убежище.

*

Су-Хон, ты здесь?

— Да.

Хорошо. Оставайся на связи.

Помехи. Паутина соединений и перехватов, оранжевые нити, разросшиеся по всему континенту. Визуальный сигнал отсутствовал, один мрак повсюду.

Действуй.

— Лени? — спросила Перро.

— Ага. А я все думала, когда же они и до него доберутся.

— До чего?

— До визора. Су-Хон, ты?

— Да.

— Ну хотя бы тут они не ошиблись.

Перро с благодарностью улыбнулась:

— У тебя как, все хорошо?

— Я выбралась. Отчасти благодаря тебе, полагаю. Ведь ты же была в том боте? В Янктоне?

— Я.

— Спасибо.

— Не меня благодари, а...

Перед глазами возникла картинка: рыба-ласточка спасается в гнезде жалящих щупалец.

— ...актинию, — еле слышно закончила она.

На линии повисла тишина. А потом:

— Ты про что? Чушь какая-то.

Перро тряхнула головой.

— Морскую актинию. Подводный хищник, питается рыбой, охотится из засады, но иногда...

— Я знаю, что такое актиния, Сьюз. И при чем тут она?

— Все почему-то извратилось. Боты, подсказчики — вся система встала с ног на голову и теперь защищает то, на что должна нападать. Ясно?

— Не совсем. Но у меня всегда было туго с метафорами. — Тихий смех. — Я все еще не могу привыкнуть к тому, что я — морская звезда.

Перро заинтересовалась, но спрашивать не стала.

— Эта твоя актиния, — продолжила Кларк. — Она крутая. И сильная.

— Да.

— Тогда почему она настолько тупая?

— В смысле?

— У нее нет никакой системы, понимаешь? Я видела обсуждения — она описывала меня совершенно по-разному, а потом просто зацепилась за образ, который прижился. А уж сколько психов она на меня наслала! Они ломались ко мне через запястник, визор — даже через торговые автоматы, представляешь? — и, только когда я вообще прекратила отвечать, она остановилась на тебе. Да любой гаплоид сообразил бы, что большинство из этих уродов и слушать-то не стоит, но твоя актиния... она действует совершенно случайно. Почему?

— Не знаю.

— И ты даже не задумывалась на этот счет?

Разумеется, задумывалась. Но почему-то этот вопрос не казался особо достойным внимания.

— Может, поэтому ты и прошла, — сказала Кларк.

— Почему?

— Ты — хороший солдат. Тебе нужна цель, ты следуешь приказам, не задаешь неудобных вопросов. — Шепот помех, затем: — Су, почему ты мне помогаешь? Ты же видела, что обо мне говорят.

— Ты сама говорила, что там одна чушь.

— По большей части. Почти все. Но они подорвали Чэннер. Знали о последствиях и все равно подорвали. Они выжгли Полосу. А жизнь там, на рифте, она была... черт знает что там было. Что я принесла с собой.

— У тебя же чистый анализ крови.

— Тесты видят только то, что ищут. Ты не ответила на мой вопрос.

Но Су-Хон молчала, и молчала долго.

— Потому что они пытались тебя раздавить, — сказала она наконец. — А ты по-прежнему здесь.

— Хм. — Долгий вздох, шепотом растекшийся по шлемофону. — Су-Хон, у тебя когда-нибудь была собака? Домашнее животное?

— Нет.

— Ты знаешь, что произойдет, если собаку запереть одну в комнате и приходить к ней только раз в день, но не кормить, а бить?

Перро нервно засмеялась:

— Кто-то действительно так делал?

— А произойдет следующее: собака — животное социальное, и ей становится одиноко, и она начинает с нетерпением ждать побоев. Напрашивается на них. Умоляет.

— О чем ты говоришь?

— Может, все вокруг настолько привыкли к побоям, что помогают любому, у кого ботинки побольше.

— А может, — сказала Перро, — мы так устали от этих побоев, что последуем за кем угодно, лишь бы он сопротивлялся.

— Да? И плевать на цену?

— А что нам терять?

— Ты даже не представляешь, как много.

— Но ты-то представляешь. И, скорее всего, уже давно. Если опасность так велика, почему ты не сдалась? Не спасла мир? И саму себя?

— Мир получил по заслугам, — тихо и спокойно сказала Кларк.

— Так вот чем ты занимаешься? Просто... мстишь десяти миллиардам человек, которых даже не видела?

— Не знаю. Может, так было раньше.

— А теперь?

— Я... — Голос Лени надломился, сквозь трещину хлынули боль и смятение. — Су, я хочу домой.

— Ну так иди, — мягко сказала Перро. — Я тебе помогу.

Прерывистое дыхание, но Кларк быстро взяла себя в руки:

— Нет.

— Тебе может понадобится...

— Послушай, ты мне уже не просто попутчица. Думаю, до Янктона нас обоих даже не было на прицеле, но теперь они все знают, а ты... ты серьезно расстроила их планы. Если они еще не выследили тебя, то работают над этим прямо сейчас.

— Ты забываешь о нашей актинии.

— Не забываю. Я просто не доверяю этой хреновине.

— Послушай...

— Су-Хон, спасибо за все. Я серьезно. Но это слишком опасно. С каждой секундой этого разговора наш след становится только ярче. Если действительно хочешь мне помочь, тогда помоги сама себе. Больше не выходи со мной на связь. Уходи. Уезжай куда-нибудь, где безопасно.

В горле Перро застыл комок

— А куда? Где теперь безопасно?

— Я не знаю. Мне очень жаль.

— Лени, послушай меня. Должен быть выход. Ты должна верить, за всем этим стоит какая-то цель. Пожалуйста, просто...

Треск пластика под подошвой ботинка.

— Лени!

Во мраке перед Перро замерцала надпись: «Связь потеряна».

Она не знала, как долго сидела вот так, в своей личной пустоте. Со временем даже слова исчезли. Только в углу засветился какой-то другой сигнал, крохотная, ритмично подмигивающая царапина на сетчатке. Чтобы сосредоточиться на нем, потребовалось почти сверхчеловеческое усилие.

Прощай.

Гласила надпись. И:

Актиния. Нам нравится.

В ТЫЛУ

Наугад проведенное траление выявило аномалию в пятнадцати узлах по левому борту. Именем «Лени Кларк» гудели тысячи каналов, но этот был непривычно чистым: никаких блуждающих пакетов, никаких прерываний связи, спотыканий и временных лагов, которые вечно захламляли обыкновенный трафик в Водовороте. На линии сидела куча фэнов с никами вроде «Шляпа кальмара» и «Белоглазый», и все восхищенно внимали некой сущности из гущи толпы, которая шепотом вливала им в уши дезинформацию. Она называло себя «Генералом» и говорила на тысячи разных голосов: голый базовый код принимал форму согласно настройкам каждого получателя.

Она моментально застыла, когда услышала, как Ахилл подбирается сзади.

Для мяса «Генерал» действовал слишком быстро. Он чуть даже не ускользнул от «ищеек», которых Ахилл пустил по следу аномалии: те облетели мир за несколько секунд, ныряя в шлюзы, спотыкаясь о дикую фауну, обнаруживая полусъеденные трупы там, где буквально несколько секунд назад еще жили и дышали системные

реестры. Здесь, здесь и здесь: узлы, через которые прошли слова «Генерала». Логи трафика были до неузнаваемости искалечены выжигателями, заматавшими за ним следы. «Ищейки» размножились, и тысячи копий в унисон шмыгнули в каждый доступный порт, пытаясь решить проблему поиска грубым перевесом.

На этот раз им повезло. Флаг на консоли Дежардена поднялся через шесть секунд; нечто обосновалось в сервере на антенной решетке в Хоккайдо, и это был не «умный гель». Тех поблизости вообще не наблюдалось, по крайней мере, на четыре узла во всех направлениях. Но оно было темным, массивным и вело себя так тихо, что зафиксировать его местоположение не получалось. Аномалия просто находилась где-то там. В глубине.

И когда Ахилл забросил сеть, дикая живность в панике рассыпалась при его приближении, но «Генерала» внутри не оказалось.

— Вот черт...

Дежарден потерял глаза и оборвал связь. Вокруг него вновь проявилась истинная реальность — или, по крайней мере, та ее часть, что угодила в ловушку из стен его крохотного кабинета.

Хотя нет, вспомнил Ахилл. Это он попал в ловушку. Теперь, когда его не отвлекала погоня за призраками, он неожиданно все осознал полностью и бесповоротно.

Лабин ушел, и реальность стала хуже Водоворота.

*

Кто-то положил руку ему на плечо. Он встрепенулся, а потом сразу осел в кресле.

— Кайфолом, как же хреново ты выглядишь, — с искренней добротой сказала Джовелланос.

Ахилл взглянул на нее:

— Может, Роуэн права.

— Роуэн? — Элис начала массировать ему плечи.

— Это не гели. Может, это действительно какой-то... глобальный заговор. Я не могу найти других объяснений...

— Э... Кайфолом, ты, наверное, забыл, но я тебя не видела четыре дня. — От ее волос шел аромат какого-то вымершего цветка из детства Дежардена. — Слышала, ты тут тусовался со всякими странными людьми, но я вообще не в курсе дела.

Ахилл махнул рукой в сторону консоли, но потом понял, что она там ничего не увидит, — он перенаправил весь поток информации прямо себе на имплантаты:

— Да все это движение. Рифтерский шик, или как там они его называют. Это такая стратегия размножения. Вот и все. Разве не дикость?

— Да? А что они распространяют-то?

— Бетагемот, — прошептал Дежарден.

— Нет. — У нее аж руки упали. — Как?

— Там есть носитель. Рифтерша. Лени Кларк. И это движение — лишь дымовая завеса, чтобы ее не поймали.

— Да зачем, черт побери? Зачем кому-то...

— Все начали гели. В смысле они не должны были, им поручили сдерживать Бетагемот, но...

— Они передали управление гелям?!

— А что еще оставалось делать? — Дежарден еле подавил нервный смешок. — Никто никому не верил. Все понимали, что будут жертвы, что придется, скорее всего, стерилизовать... немалые территории. Но предположим, Меркозавр* скажет: «Эй, мы тут подсчитали, и Орегон

* Имеется в виду Меркосур (Mercado Comun del Sur (исп.) — Общий южный рынок) — общий рынок стран Южной Америки, ведущий свое начало еще от экономического и политического соглашения между странами Южной Америки, заключенного в 1991–1994 годах. В расширительном смысле — рыночная экономика в целом.

придется пустить в расход для общего блага». Думаешь, Северная Америка просто ляжет кверху брюхом и поверит им на слово? Всем нужен был кто-то, кто способен решать и действовать без всяких предпочтений...

— Твою мать... — прошептала Джовелланос.

— Они так усердно следили друг за другом, что даже не подумали о том, какие собственные правила могла изобрести сеть, которая всю свою жизнь защищала маленькое и простое от большого и сложного. А потом взяли и приказали гелям защитить огромный комплекс из пяти миллионов видов от одного жалкого наноба и теперь не поймут, с чего это система развернулась и укусила их за задницу.

Джовелланос промолчала.

— В общем, сейчас это к делу не относится. Гели потом выскоблили до последнего нейрона, но толку никакого. Там по-прежнему что-то есть. Я запалил уroda четыре раза за последние сутки, а он все равно сбежал, просочился, как песок сквозь пальцы. Сейчас можно заменить каждый гель в Водовороте, и уже через неделю все новички подхватят заразу.

— Но если это не гели, то что?

— Не знаю. Наверное, специально выведенная штука, какая-нибудь корпорация нашла лекарство и теперь распространяет Бетагемот, набивая себе цену. Но как им это удалось...

— Может, Тьюринг-софт?

— Или берсеркеры. Я думал об этом. Но эти парни оставляют отпечатки — операционные сигнатуры на «железе», им нужна куча памяти. К тому же к настолько сложной штуке должна сбежаться куча местной живности.

— А ты ничего такого не видишь?

— Живности хватает, но больше ничего.

— А может, оно себя автоматически стирает, как только видит тебя?

— В логах сервера должны оставаться следы.

— Нет, если подправить лог перед удалением.

— Тогда удаление будет в файле. Я говорю тебе, Элис, это что-то совсем другое.

— А что, если местная фауна отрастила себе мозги? — предположила Джовелланос.

Ахилл моргнул:

— Что?

— А почему нет? Она же эволюционирует. Может, взяла и поумнела.

Он покачал головой:

— Сети есть сети. Неважно, закодировал их кто-то или они сами эволюционировали, но если они достаточно разумны для мыслительного процесса, то у них должна появиться определенная сигнатура. Я ее не вижу, и никто не видит. И к тому же я... полностью вымотался.

Ахилл наклонился вперед, опершись руками о пульт. Его голова словно весила тонну.

— Вставай, — спустя пару секунд скомандовала Джовелланос.

— Что?

— Мы отправляемся в «Реактор Пикеринга». Куплю тебе дерму. А то и десять.

Он снова покачал головой:

— Спасибо, Элис, но я не могу.

— Я проверила логи, Кайфолом. Ты не выходил из здания уже сорок часов. Недосыпание снижает уровень интеллекта, ты в курсе? У тебя сейчас ай-кью на уровне комнатной температуры. Пора отдохнуть.

Дежарден взглянул на нее:

— Я не могу. Если уйду...

«Не беспокойся об этом», — сказал напоследок Лабин.

— ...то могу уже не вернуться.

Элис нахмурилась:

— С чего бы?

«Я сорвался с поводка, — подумал он. — Я свободен».

— Лабин... Тот тип сделал со мной что-то, и если «ищейки»...

Она твердо взяла его за руку:

— Пошли.

— Элис, ты не знаешь, о чем...

— Может, я знаю больше, чем ты думаешь, Кайфолом. Если подозреваешь, что не пройдешь анализ крови, это может стать проблемой, а может, и нет, но решение-то все равно придется принимать, раньше или позже. Или ты планируешь остаток жизни провести в этих четырех стенах?

— Наверное, еще пять дней... — Ахилл так устал.

— Я знаю, что делаю, Кайфолом. Доверься мне.

Дежарден выдавил из себя слабый смешок:

— Люди постоянно меня об этом просят.

— Может, и так, но я-то серьезно. — Она поставила его на ноги. — К тому же мне надо тебе кое о чем рассказать.

*

Ахилл так и не смог собраться с духом и войти в «Ре-актор»: слишком много вокруг ушей, а осмотрительность не отпускала его даже теперь, без Трипа Вины. Поэтому и под открытым небом он чувствовал себя неуютно. У небес тоже были глаза.

Они шли наугад, не выбирая дороги. На пути время от времени попадались клумбы с кудзу₄; волокнистые крылья ветряков медленно вращались на крышах зданий, вдоль пешеходных дорожек — везде, где их сумели вживить в местный архитектурный ландшафт. Элис все

выслушала без единого слова: Лабин, Роуэн, Трип Вины. Автономия, о которой не просили.

— Ты уверен? — спросила она наконец. Сверху мерцал уличный фонарь. — Он тебе не мог солгать? Насчет Роуэн-то соврал.

— Нет, тут он сказал правду. Поверь мне, Элис. Он держал меня за горло, и я просто запел, выложил все то, чего Трип никогда бы не позволил сказать.

— Я не о том. Я верю, что ты слез с Трипа, это не обсуждается. Не верю просто, что Лабин к этому причастен.

— Почему?

— Я думаю, он это выяснил уже задним числом, по факту, — продолжила Джовелланос, — и воспользовался открытием в своих целях. Не знаю, что было в дермах, которые он тебе дал, но спорю на годовой запас корма для Мандельброт, что ты прямо сейчас можешь пройти мимо «ищеек», а они даже не дернутся.

— Да ну? А ты бы с таким же оптимизмом говорила, если бы была на моем месте?

— Гарантированно.

— Блин, Элис, я не шучу.

— Знаю, Кайфолом. Я тоже.

— Но если не Лабин снял меня с Трипа, то кто...

Лицо Элис растворялось в сумерках, словно улыбка Чеширского кота.

— Элис?

— Эй, — пожала она плечами, — ты же всегда знал, что у меня немного радикальные взгляды.

*

— Элис, твою мать! — Дежарден обхватил голову руками. — Как ты могла?

— Это было легче, чем ты думаешь. Всего-то создать аналог Трипа с дополнительной боковой группой...

— Да я не о том. Ты знаешь, что я имею в виду.

Она встала перед ним, загородив путь.

— Послушай, Кайфолом. У тебя мозгов в десять раз больше, чем у всех этих дебилов, а ты им позволил превратить себя в куклу.

— Я не кукла.

— Теперь точно нет.

— И никогда не был.

— Был-был. Прямо как Лабин.

— Я не имею с ним ничего...

— Они превратили тебя в рефлекторную дугу, друг мой. Взяли твое серое вещество и подсадили туда чистейший безусловный рефлекс.

— Да пошла ты. Ты же прекрасно знаешь, что это неправда.

Джовелланос положила руку на плечо Ахилла:

— Послушай, я не виню тебя за то, что ты не желаешь признавать факты...

Он стряхнул ее ладонь.

— Да какие еще факты! Ты думаешь, инстинкты и рефлексы могут справиться с решениями, которые я принимаю на работе каждый божий час? Ты думаешь, влет просчитать сотни переменных можно вот так просто, без всякой автономии? Боже, я...

«...может, и раб, но не робот». Он с трудом удержал себя, слова так и рвались изо рта: нет смысла давать Элис новые козыри.

— Мы вернули тебе жизнь, — спокойно ответила Джовелланос.

— Мы?

— Нас таких немало. Мы вроде как политические, правда, с организацией беда.

— О, боже. — Дежарден покачал головой. — А ты не могла спросить, нужна ли мне твоя помощь?

— Ты бы сказал «нет». Трип не дал бы тебе другого выхода. В этом и смысл.

— А если бы я в любом случае отказался? Тебе такая мысль в голову не приходила? Я еще до обеда могу убить полмиллиона человек; ты не подумала, что предохранители в таком деле не помешают? Про афоризмы насчет абсолютной власти не забыла?

— О них я помню всегда, — ответила Джовелланос. — Каждый раз, когда вижу Лерцмана или Роуэн.

— Да мне плевать на Лерцмана и на эту долбаную Роуэн! Ты это со мной сделала!

— Не с тобой, а ради тебя, Ахилл.

Он с удивлением взглянул на нее:

— Как ты меня назвала?

— Ахилл.

— Господи!

— Послушай, ты в полной безопасности. «Ищейки» не найдут ничего подозрительного. В этом прелесть замысла. Спартак не трогает Трип. Он просто блокирует рецепторы.

— Спартак? Так вы его называете?

Элис кивнула.

— И что это значит?

— Смотри, смысл в том...

— И почему сейчас? — Дежарден всплеснул руками. — Хуже времени ты выбрать просто не могла.

Она покачала головой:

— Кайфолом, ты стоишь у руля, а весь мир висит на волоске. Именно сейчас тебе нужна предельно ясная голова. Ты не можешь позволить себе действовать в интересах корпов. Никто не может.

Ахилл уставился на нее:

— Элис, какая же ты все-таки лицемерка. Ты меня зарила. Не спросила, даже не сказала, а просто подсадила

какой-то вирус, из-за которого я мог вылететь с работы или того хуже...

Джовелланос подняла руки, словно защищаясь от его слов:

— Ахилл, я...

— Да, да, ты все сделала для меня. Какая альтруистка! Запихнула мне в глотку вашего Спартака, хотел я того или нет, патентованную автономию по-домашнему. Я твой друг, Элис! Зачем ты так со мной?

Она какое-то время не сводила с него глаз, стоя в лучах умирающего света, а потом ответила холодным, злым голосом:

— Ух ты, а наш чертов вундеркинд и не в курсе? Почему бы тебе не провести пат-анализ или еще что-нибудь в том же духе?

А потом Элис развернулась и ушла.

СПАРТАК

«Ахилл, ты иногда такой кретин, что поверить невозможно.

Ты прекрасно знаешь, чем я рисковала, когда вчера тебе призналась. И ты знаешь, чем я рискую, отправляя тебе письмо, — оно автоматически удалится, но наши уроды могут просканировать что угодно, если захотят. И это часть проблемы, вот почему я вообще решила тебе помочь.

Извини, что психанула. Просто разговор пошел немного не так, как я ожидала. Но у меня есть для тебя кое-какие ответы. Ты просто выслушай меня, ладно? Просто выслушай.

Я слышала, как ты говорил о доверии и предательстве, и, может, в некоторых твоих словах больше истины, чем мне хотелось бы. Но разве ты не понимаешь, что спрашивать тебя заранее не было никакого толку?

Пока на сцене Трип, ты не можешь дать ответа сам. Ты настаиваешь, что тут я ошибаюсь, талдычишь о судьбоносных решениях, которые принимаешь, о тысячах переменных, которыми жонглируешь, но, Ахилл, дорогой мой, кто тебе сказал, что свободная воля — это всего лишь какой-то сложный алгоритм?

Посмотри как-нибудь на танцующих пчел. Ты не согласишься, о чем они там говорят. Высота солнца, топографические приметы, отметки времени — они рисуют карты дорог к лучшим источникам еды в масштабе до сантиметра, и все это пару раз вильнув задом. Но делает ли это их свободными? Почему мы тогда ассоциируем пчел с монотонным трудом?

Посмотри на физику паутины. Черт, да взгляни, как собака ловит мяч, — это же баллистическая математика. В мире куча глупых животных, которые действуют так, словно жонглируют в уме дифференциалами третьего порядка, но это все лишь инстинкт. Не свобода. Даже не разум. И ты твердишь мне о какой-то автономности только потому, что можешь идти по дереву решений с парой десятков переменных?

Я знаю, что ты не хочешь терять объективности. Но разве порядочный честный человек — не страж самому себе, ты об этом не думал? Может, совсем и необязательно позволять им превращать себя в большой условный рефлекс. Просто ты сам хочешь этого, ведь потом ты ни за что не несешь ответственности. Так легко, когда не надо принимать решений самому. Это почти как наркотик. Может, ты на него подсел, а сейчас у тебя синдром отмены.

Ты ведь, наверное, даже не знаешь, что они на самом деле у тебя отобрали, правда? И не интересовался? Разумеется, ты читал все эти мотивирующие брошюры о «служении общему благу» и выучил достаточно для

прохождения тестов, но это же всего лишь обручи, прыгнул через них — и ты в новой налоговой группе. Ну в самом деле. Боже, Кайфолом, не пойми меня неправильно, ты — настоящий гений, когда дело касается симуляций и непараметрических показателей, но в реальном мире ты не сообразишь, что тебя хотят, даже если человек встанет на колени и расстегнет ширинку на твоих брюках. И тут я вполне серьезно.

В общем, то, что они украли, мы вернули. И я хочу тебе рассказать, что конкретно мы сделали, потому как невежество порождает страх, и все такое. Сам знаешь.

Ты в курсе насчет рецепторов Минского в лобных долях и что нейротрансмиттеры вины привязаны к ним, а ты воспринимаешь это как угрызения совести. Корпы создали Трип так: они вырезали из паразитов парочку генов, отвечающих за изменение поведения, и подправили их: чем более виноватым ты себя чувствуешь, тем больше Трипа закачивается тебе в мозг. Он связывается с нейротрансмиттерами, которые в результате изменяют конформацию и фактически забивают двигательные пути, а у тебя наступает паралич.

Между прочим, поэтому тебе так нравятся кошки. Чтобы перепрыгнуть на другого носителя, самая обычная токсоплазма превращает грызунов в любителей хищников. Ставлю сотню квебаксов, что до уколов ты не был таким жалким рабом Мандельброт, я права?

В общем, Спартак — это аналог вины. Он взаимодействует с теми же участками, что и Трип, но конформация у него немного другая, поэтому Спартак забивает рецепторы Минского, но больше не делает практически ничего. К тому же он распадается медленнее, чем обычные трансммиттеры вины, достигает более высокой концентрации в мозгу и в конце концов подавляет активные центры простым количеством.

В этом вся прелесть замысла, Кайфолом: выработка естественных трансммиттеров и Трипа не снижается, а потому через любую проверку ты пройдешь чистеньким. Даже анализ на более сложные формы даст положительный результат, ведь базовый комплекс по-прежнему с нами — он просто не может найти свободных рецепторов, за которые мог бы зацепиться.

Так что ты в безопасности. Честно. «Ищейки» — не проблема. Я не подвергла бы тебя опасности, Ахилл, поверь мне. Ты слишком много... Ты для меня слишком хороший друг, чтобы так тебя подставлять.

Такие дела. Я рискнула, а дальше все в твоих руках. Впрочем, если сдашь меня, знай: это твое решение. Как бы ты его ни рационализировал, какую-нибудь тупую длинноцепочечную молекулу ты винить больше не сможешь. Все ты, все — твоя свободная воля.

Потому воспользуйся ей и подумай обо всем, что ты сделал и почему, а потом спроси себя, действительно ли у тебя нет никаких моральных ориентиров. Неужели ты не смог бы принять всех этих жестких решений не отдавая себя в рабство кучке деспотов? Я думаю, смог бы, Ахилл. Ты порядочный человек, и тебе не нужны их кнуты и пряники. Я в это верю. И ставлю на это все.

В общем, ты знаешь, где меня искать. Знаешь, какой у тебя выбор. Можешь присоединиться ко мне или вонзить нож в спину. Выбор за тобой.

С любовью, Элис».

АФАЛИНЫ

По официальным данным, последний раз ее видели в Янконе. Су-Сент-Мари приютился в восточном углу Верхнего озера. Прямая линия между двумя этими точками проходила через озеро Мичиган.

Лабин в точности знал, где надо разбить лагерь.

Сейчас Великие озера были уже не такими великими, дефицит воды в двадцать первом веке сократил их объем на двадцать пять процентов. (По мнению Кена, это была не такая уж большая цена за предотвращение войн за воду по всей планете.) Но Кларк была рифтером, а озера — по-прежнему глубокими и темными. К тому же находились прямо по пути. Спасаясь от преследования, любая амфибия была бы полной дурой, не воспользовавшись таким преимуществом.

Разумеется, любая амфибия с IQ выше комнатной температуры понимала, что именно там ее станут поджидать враги.

Кен стоял в четырехстах метрах от северного берега Мичигана. Непрерывная кромка промышленной прибрежной зоны тянулась от Уайтинга до Эванстона, едва видимая между сушей и водой: темные широкие полосы старой грязи, которые сходили за береговую линию там, где не надо было заходить на глубину.

— Прогноз погоды проверял? — спросил Бертон, африканер, все еще злой от того, что Лабин отобрал у него командирские полномочия во имя спасения мира. Ореол голографического света, идущего от интерактивной панели, озарял снизу его лицо.

Лабин покачал головой. Бертон смотрел в иллюминатор обзорной площадки подъемника. Сверху надвигалась тьма, словно кто-то расстилал по небу большой черный ковер.

— Прогноз повысили до восьмерки. Дойдет до нас через час. Если она по-прежнему дышит водой, то ей эта способность понадобится даже на берегу.

Кен хмыкнул и запустил общее сканирование чикагской береговой линии. Естественно, никаких значимых результатов не получил. Под зловещим небом суетились

похожие на муравьев гражданские. «Возможно, она прямо сейчас стоит там, внизу. В любой момент одна из этих букашек прямо на моих глазах прыгнет с мола, и все закончится. Или я ее даже не замечу, что более вероятно. Все наши «оводы», все войска могут сколько угодно рыскать вокруг, пока не грянет буря, а она будет сидеть в безопасности и холоде, притаившись в грязной воде на глубине в сто пятьдесят метров».

— Ты все-таки думаешь, что она попробует здесь пройти, — сказал Бертон.

Лабин прикоснулся к панели; карта уменьшилась в масштабах, раскрасив воздушное пространство в искусственные цвета штормового фронта.

— Хотя и уверена, что мы встанем у нее на пути, — продолжил африканер.

Сейчас, правда, они были далеко не на ее пути, а по-прежнему висели в воздухе, ожидая наводки. Слишком много подходов — внизу царили мегаполисные джунгли с трубами, проводами и радиосигналами, среди которых одиночная уникальная сигнатура могла прятаться бесконечно. Некоторые места исключили из зоны поиска сразу. Кларк была достаточно умна и не стала бы пробираться по отмелям — некоторые в целый километр шириной, — которые остались после того, как вода спала. Она будет держаться промышленных районов, в зданиях или под крышами, где ее сигнал потонет в общем шуме, а сама она останется незамеченной.

Они точно знали, что она где-то в Чикаго; патрульный «овод» засек характерный для рифтеров электромагнитный сигнал еще утром, хотя и быстро потерял его. Другой почуял то же самое через вестибюльное окно «Холидей Инн»; когда прибыли подкрепления, след уже остыл, но запись с камер в холле сомнения развеяла. Кларк была в Чикаго; Лабин отозвал все отряды от Кливленда до

Детройта и стянул их в единое кольцо вокруг района, где засекали цель.

— Ты что-то слишком уверен, учитывая ртутное отравление, — заметил Бертон. — Ты об этом кому-нибудь наверх сообщил?

— Я хочу, чтобы дельфинов отправили вот сюда, — сказал Лабин, указав на точку в схеме. — Проследи за этим, хорошо?

— Разумеется. — Бертон перешел к своему пульта. Кен какое-то время смотрел ему в спину.

«Терпение, Бертон. Скоро ты получишь свой шанс. Если я облажаюсь...»

*

Если он облажается снова, вообще-то.

Он все еще не мог в это поверить. Столько заказывал анализов крови, столько сканировал путей в организме, а про тяжелые металлы ни разу не подумал. Кен несколько недель питался сырыми морепродуктами, но очевидная мысль ему в голову так и не пришла.

«Идиот», — повторил он про себя, наверное, уже в тысячный раз.

Медики Энергосети выяснили это, когда чистили его от Бетагемота. Они даже заверили его, что он ни в чем не виноват. Тяжелые металлы влияют на мозг, вот в чем штука. Ртуть притупила его способности, говорили они. С учетом всех обстоятельств Лабин показал себя даже лучше, чем ожидалось.

Но, возможно, Бертон справился бы лучше. И возможно, знал об этом.

Африканер никогда его особо не любил, Лабин все прекрасно понимал, хотя и не был уверен, почему. Конечно, если в клетки мужчины ввести Руанду₁₁, трудно ожидать, что это не скажется на характерной для аль-

фа-особей склонности бодаться со всеми и вся, но бесстрашие в этой работе ценили больше безжалостности; возможности самоконтроля у них обоих прокачали даже сильнее, чем способность к так называемым «необходимым действиям».

Кен выкинул соперника из головы и сосредоточился на задании. С Чикаго круг вариантов несколько сужался, хотя Кларк все равно не поймать, пока она сама не сделает ход. Об этом позаботилась простая геометрия πr^2 : стоит вдвое увеличить радиус поиска, и эффективность упадет в четыре раза. Береговая линия была бутылочным горлышком: где бы ни находилась Кларк сейчас, она все равно направится сюда. И по мере приближения к цели количество противников вокруг нее будет расти по экспоненте, в точности согласно закону обратных квадратов. Многие подчиненные Лабина рассчитывали, что возьмут ее еще до того, как она доберется до воды. Правда, сам он сильной уверенности в успехе не питал. Кларк не обладала специальными навыками или тренировкой солдата, у нее не было «оводов» и говорящих пушек, но кое-чем она все-таки могла похвастаться. Она была умна, жестока и вела себя не так, как нормальный человек. Боль, к примеру, не пугала ее совершенно.

И еще Лени ненавидела, более чистой и совершенной ненависти Лабин не встречал никогда.

К тому же ей помогало пол-Водоворота. По крайней мере до недавнего времени. Кену было искренне интересно, не привыкла ли Кларк к такому сказочному везению. Не поверила ли в свою пиар-кампанию, не возомнила ли себя непобедимой? Понимала ли, что теперь снова сама по себе?

Кен надеялся, что нет. Ее самоуверенность работала на пользу Лабину.

Бертон по-прежнему считал, что цель не станет рискованной и соваться прямо в пекло. Он хотел спуститься с небес, ввести в городе военное положение, закупорить все эти трущобы наглухо, до последней заклепки, а потом обыскивать комнату за комнатой хоть до следующего тысячелетия, если понадобится. Бертону не хватало терпения и тонкости. Он не ценил π^2 . Но нельзя поймать рыбу гоняясь за ней с сетью по всему океану; надо раскинуть невод там, куда рыба поплывет сама, и просто ждать.

Однако африканер считал, что вот эта конкретная рыба не поспрется в эту конкретную сеть. Она же не дура. Ей всего-то надо отсидеться где-нибудь и переждать. Совершенно резонная мысль, если не знать того, что знал Лабин.

Если не понимать, что Лени Кларк соскучилась по дому. Проще некуда.

Далекая бездна незаживающей раной ныла внутри нее, и пусть озеро Мичиган казалось лишь убогой имитацией глубоководного мира, но лучше такая, чем никакой. Ни гейзеров, ни холодно-горячих кристально чистых потоков, ни светящихся монстров, озаряющих путь, — но, по крайней мере, там были пятнадцать атмосфер и даже студеная тьма, если держаться дна. А взвеси и течения вполне могли скрыть предательский тепловой след. Лабин знал, что всего этого вполне достаточно.

Знал, что необоримое желание заставит Лени выбрать самый короткий путь. Понял, как только получил данные о крохотном очаге инфекции в Карибу-Тарги. Полностью мертвый участок высокогорного леса, где показатели превысили все нормы. Нечто, когда-то бывшее мужчиной, коконом свернулось вокруг чего-то, когда-то бывшего девочкой. Команда даже не стала проверять озеро, а сразу выжгла район, как и все остальные. Только по настоящему

Лабина — когда тот запоздало проанализировал историю локализации — они отправили туда дистанционник и исследовали дно. Тогда и заметили странный пяточок на пятидесятиметровой глубине, где кто-то во все стороны раскидал гальку и плавник, хотя там жили исключительно насекомые. Словно что-то ушло на дно, и ему там совершенно не понравилось, и оно принялось царапать, бить камень, как будто пытаясь прорыть туннель до земного ядра. Когда Лабин увидел телеметрию, то все понял.

Он чувствовал то же самое и тогда, и сейчас. Кларк походила на рыбу, которая очень долго обходилась без воды, и арсенала Бертона не боялась. Она шла к озеру.

И если гигантские черные облака-наковальни, идущие с юга, хоть что-то значили, то она несла с собой сам гнев Господень.

*

«Может, Лени все спланировала, — праздно подумал Кен. — Призвала шторм так же, как землетрясение».

Поверить легенде было легко, даже соблазнительно. Но для объяснения грозового фронта, надвигающегося на Чикаго, никакого колдовства не требовалось: весенние жестокие бури на этой части континента были нормой вот уже двадцать лет. Просто еще один долгосрочный сюрприз, порожденный хаотическим набором причин и следствий, который называли «изменением климата».

Некоторым отраслям экономики бури даже пошли на пользу. Рынок ударопрочных окон еще никогда не переживал такого расцвета.

Лени не призывала стихий, но ей явно хватало ума, чтобы ими воспользоваться. Возможно, прямо сейчас она выжидала, сопротивляясь неумолимому зову темной воды, пока погода не развернется во всю мощь и не засунет всем палки в колеса.

Впрочем, все к лучшему. Так Кларк еще больше поверит в собственный успех.

Интерком кабины запиликал в ухо:

— Фронт приближается слишком быстро, сэр. Нам нужно или подниматься, или приземляться.

— Сколько? — спросил Лабин.

— Полчаса максимум.

Снаружи небо озарила ослепительно-белая вспышка. От далекого раската грома вздрогнула палуба.

— Хорошо. — Кен увеличил картинку.

В трехстах метрах под ним озеро Мичиган превратилось в кипящий серый котел с металлоломом. Между ним и подъемником находилось с дюжину стелс-транспортеров, раскинув сети Тэйера в режиме «защитной мимикрии». При желании их можно было различить; хроматофоры слегка запаздывали, подражая быстрым фракталам. Но любому гражданскому сейчас казалось, что подъемник висит в гордом одиночестве.

— Дельфины внизу, — доложил Бертон с другой стороны отсека. — И у нас неполадки с монитором в ливневом канале около Южного Абер...

Лабин оборвал его взмахом руки: на интерактивной панели засверкал белый бриллиант. Секунду спустя записал комм:

— Западный Рэндольф, — доложил кто-то из глубин Чикаго. — Объект только что миновал реку. Двигается на восток.

*

Они растянули паутинные сети в стратегически важных местах вдоль реки Чикаго вдобавок к обычным антианомальным электроловушкам; Кларк уже умудрилась перебраться через одну реку, обойдя облаву, и существовал немалый шанс, что она попытается снова выкинуть

тот же трюк. Но не повезло. Сигнал пришел не с той стороны баррикад. «Овод» засек женщину с аурой, совершенно не совпадавшей с ее внешним видом. И вошла она в дверь, ведущую в пустой коммерческий «муравейник» с сотней входов и выходов.

Лабин перестроил войска. Два вертолета ушли к воде так низко, что до них доставали плевки волн, и разродились близнецами — мини-подлодками, похожими на детенышей китов-полосатиков. Те разместились по дуге в двух километрах от берега, и каждая, в свою очередь, выпростала выводок «шпионов», широкой сетью распределившихся от поверхности до дна.

Остальные вертолеты приземлились на территории, простирающейся от аэропорта Мейгс-Филд до доков Гранд-авеню, извергли свой груз и затаились, пережидая приближающийся шторм. За ними пришла очередь подъемника, тот завис в пятидесяти метрах над молом; из брюха машины вывалилась и разложилась трубка, похожая на абсурдно длинный хоботок, и Лабин скользнул по ней вниз. К тому времени, как массивный летательный аппарат неуклюже поплыл прочь, у подножия Ист-Монро уже установили командный центр.

Стоя на крепчающем ветру, Кен взглянул через край нового мола Чикаго. Испещренный полосами серый утес плавно поднимался к самой оgrade. Решетчатые пасти ливневых каналов размеренным пунктиром усеивали облицовку, сочась тонкими струйками сточных вод. Каждое отверстие было в два раза выше роста человека. Лабин прикинул масштаб и кивнул сам себе: ячейки в решетке были узкими, сквозь них никто пролезть не мог.

Мимо пронесся низко летящий геликоптер, подняв брызги воды; за ним волны набухли и загустели желатиновой полосой. Лабин приказал загелить всю прибрежную зону от Лейкшора до Мейгс; буря, конечно,

рано или поздно разорвет сцеплену на волокна, но если Кларк прыгнет с моста до того, то застрянет, словно муравей в смоле. На дальнем краю застывшего участка болталась плавающая площадка, окольцованная надутым поясом, который скакал на волнах бескостным змеем. Лабин стукнул по кнопке на боку визора; огороженное место сразу попало в фокус.

«Вот они».

Буквально на секунду в мокрой ряби мелькнула скользкая серая спина, металлические пластины тускло мерцали вдоль кромки спинного плавника. Потом еще одна. Всего их было шесть, но на поверхность они всегда всплывали только поодиночке.

Ветер стих.

Лабин стянул с головы шлемофон и посмотрел вокруг невооруженным глазом. Близился полдень, а темно было, как при солнечном затмении. Над головой бесшумно кипело небо, медленно и угрожающе клубясь.

Отдаленный гроыхающий рев каскадом пронесся по городу: это с грохотом захлопнулись противоураганные ставни в тысяче евклидовых каньонов, словно сами здания аплодировали подъему давно запоздавшего занавеса. Одинокая и совершенная капля размером с ноготь большого пальца расплющилась об асфальт у ног Лабина.

Он повернулся и вошел в командный пункт.

*

Практически все пространство единственного помещения занял еще один интерактивный пульт, ожившая галлюцинация. Лабин изучил шахматную доску: от береговой линии тянулись два рукава безопасности, уходя на северо-запад от Гранд-авеню и на юго-запад от автомагистрали Эйзенхауэра. Они создавали трубу, которая должна была направить Кларк туда, куда она не хотела.

В двух с половиной километрах от мола свора «оводов» и экзоскелов выстроилась ровной линией с севера на юг, запечатывая эстакады и туннели.

Установленные рубежи отрезали от остального мира семь с половиной квадратных километров. Транспорт на поверхности двигался изнутри и снаружи зоны, но не через нее; сеть рапитрана вырубili полностью по всей ширине участка. Информационные потоки заняли чуть больше времени...

«...да тут, похоже, очередной карантин выставили, чтоб их, в общем, посидеть мы не сможем. Алло? Алло? Вашу мать...»

...но в конце концов даже электроны проявили уважение к новым границам. Цель, собственно, была известна именно тем, что получала помощь из сети.

Но просто вырезать параллелограмм из мира было недостаточно. Кларк по-прежнему передвигалась там, среди сотни тысяч овец. На какое-то время Лабин спустил Бертонa с поводка.

В углу центра светловолосая перуанка проверяла возможности пульта телеметрии. Кен подошел к ней, пока Бертон упивался вновь обретенной властью:

— Кинсман, как они там поживают?

— Жалуются на шум. И они ненавидят операции в пресной воде. Чувствуют себя слишком тяжелыми.

Ее рабочее место напоминало матрицу, составленную из сигналов с камер, установленных на передней кромке спинного плавника каждого дельфина. Нижний край каждого окна закрывал серый полумесяц — там застилали вид лобные линзы животных. На фоне скользили рядом друг с другом в зеленой тьме призрачные формы.

Бесконечное движение. Эти чудовища не спали по-настоящему: иногда отключалось одно полушарие головного мозга, иногда — другое, но, чтобы оба одновременно

провалились в бессознательное состояние, такого не бывало никогда. Переделанные из диких афалин всего четыре поколения назад, они несли в плавниках и ластах имплантаты, которые заставляли по-новому взглянуть на понятие «режущей кромки», а способности дельфинов к эхолокации, отполированные за шестьдесят миллионов лет, отличались такой изысканностью, что «железо» с ними не сравнилось до сих пор. Человечество годами пыталось привлечь китообразных к делу. Большие и тупые пилотируемые киты, всегда готовые услужить. Косатки, слишком большие для тайных операций и склонные к психозу при действиях в ограниченном пространстве. Белобочки, большелобики и все эти чопорные слабаки из тропических океанов. Но афалины подошли лучше всех, они всегда такими были. Дельфины рода *Tursiops* отличались не просто умом, а еще и коварством.

Если Кларк зайдет так далеко, их она не заметит никогда.

— Что там насчет шума?

— На промышленных береговых линиях громко даже при нормальных условиях, — сказала Кинсман. — Они похожи на эхокамеры, тут слишком много плоских отражающих поверхностей. Представьте, что вам светят фонарем в глаза. Вот дельфины сейчас чувствуют себя так же.

— Они просто жалуются или это может помешать операции?

— И то и другое. Сейчас все не так плохо, но, когда пойдет вода из ливневых каналов, у нас появится с десяток источников пены по всей длине мола. Очень много шума, пузыри, всякий мусор поднимется со дна. В идеальных условиях мои ребята могут отследить мячик для пинг-понга на расстоянии в сотню метров, но при таком раскладе... я бы сказала, метров десять, от силы двадцать.

— При такой погоде они все равно самый лучший вариант.

— Это да.

Лабин оставил Кинсман и, подхватив с пола свой рюкзак, вышел из звуконепроницаемого центра. Буря накинута на него со всех сторон, а ливень промочил до нитки. Небо наверху своим мраком походило на асфальт внизу; оба сверкали белыми вспышками, когда молнии разрывали пространство между ними. Люди Лабина стояли, не скрываясь, на постах вдоль дамбы, заняв каждую выгодную точку обзора. От воды они казались скользкими и черными, как рифтеры после погружения.

Само собой разумелось, что стрелять будут на поражение. Но даже этого могло не хватить. Если Кларк заберется так далеко, то на набережной предостаточно мест, откуда можно прыгнуть в озеро. Что вполне укладывалось в план. Лабин этого даже ожидал, затем и привезли сюда подлодки, «шпионов» и дельфинов.

Вот только подлодки были бесполезны около берега, а теперь Кинсман заявила, что дельфины смогут засечь цель лишь в нескольких метрах от себя.

Кен поставил рюкзак на асфальт и расстегнул молнию.

«Но, если дельфины не могут ее поймать, с чего ты решил, что справишься сам?»

Как ни странно, он знал ответ на этот вопрос.

Когда Лабин вернулся, Бертон уже ждал его.

— Мы тут окружили группу... о, как мило. Это что, дань уважения врагу? В его последний час?

Кен выдавил из себя слабую улыбку и мысленно пожелал, чтобы Бертон когда-нибудь превратился в угрозу для корпоративной безопасности. В линзах было неприятно, глаза к ним еще не привыкли.

— Что у нас?

— У нас тут группа людей, которые одеты прямо как ты, — ответил Бертон. — Никто из них Кларк не видел... более того, никто из них даже не знал, что она в городе. Похоже, Актиния теряет хватку.

— Актиния?

— Ты не слышал? Ее теперь так называют.

— А почему?

— Без понятия.

Лабин подошел к шахматной доске: шесть цилиндрических голубых иконок сияли в точках, где гражданских удерживали для «содействия ведущему следствию».

— Конечно, нам еще далеко до проверки всего населения, — продолжил Бертон. — Пока мы сосредоточились на явных фэнах, на переодетых. Таких среди гражданских еще предостаточно. Но из допросов ясно, что они ничего не знают. Кларк могла бы собрать армию, если бы захотела, но, судя по всему, не попросила у них даже сэндвич. И это очень странно.

Лабин снова натянул на голову шлемофон и холодно заметил:

— Я бы сказал, что это ставит Кларк в выгодное положение. Она, похоже, загнала тебя в тупик.

— Есть и другие подозреваемые, — возразил Бертон. — И множество. Мы ее выследим.

— Удачи, — тактический дисплей на визоре Лабина почему-то оказался черно-белым. «Ах да, точно. Линзы». Он навел взгляд на голубые цилиндрики, сияющие по всей зоне, и подправил настройки, пока картинка не насытилась цветом. Такие совершенные, четкие формы, и каждая отражает серьезное нарушение гражданских прав.

Кена часто удивляло, как вяло сопротивляются мирные жители, когда сталкиваются с такими мерами. Невинных людей задерживали сотнями без всяких обвинений. Изолировали от друзей, семьи и — по крайней мере,

тех, кто мог себе такое позволить, — психолога. Все, разумеется, ради общего блага. В случае угрозы выживанию всего вида гражданские права ни у кого не должны быть на первом месте, но ведь обычные подозреваемые не знали, что стоит на кону. Они видели лишь очередной пример того, как громила с корочкой, вроде Бертон, строит из себя крутого.

Но почти никто не сопротивлялся. Может, у людей уже развился условный рефлекс из-за карантин, отключений электричества и всех тех невидимых границ, которые УЛН возводило буквально за минуту. Правила могли измениться в любую секунду, почва могла уйти у вас из-под ног только потому, что ветер занес семени какого-нибудь экзотического сорняка за пределы его ареала обитания. С таким бороться невозможно, ветер не победить. Оставалось лишь приспособливаться, и люди эволюционировали в стадных животных.

Или же просто смирились с тем, что были такими всегда.

Но только не Лени. Почему-то она пошла по другому пути. Прирожденная жертва, пассивная и податливая, как водоросль, она неожиданно отрастила шипы и закалила их до состояния стали. Кларк была мутантом: та же самая среда, которая всех превратила в пробки, болтающиеся на волнах, из нее сотворила колючую проволоку.

На пересечении Мэдисон и Ла Салль расцвел белый бриллиант.

— Засек ее, — затрещал по комму какой-то незнакомый Лабину голос. — Скорее всего, это она.

Он вклинился в канал:

— Скорее всего?

— Снимок с камеры наблюдения в подземном торговом центре. Там ЭМ-сенсоров нет, поэтому подтвердить мы ничего не можем. Зато есть профиль в три четверти

на полсекунды. Байесовский анализ выдает восемьдесят два процента.

— Вы можете опечатать это здание?

— Не автоматически. Там нет общих рубильников, ничего такого.

— Хорошо, значит, делайте вручную.

— Принято.

Лабин переключил каналы:

— Инженерный отдел?

— Здесь. — Кену установили выделенную линию связи с отделом градостроительства. Люди с другой стороны, естественно, знали лишь то, о чем им сказали: они понятия не имели, что стоит на кону, им не сообщили никаких имен, чтобы они не прониклись к цели сочувствием. Опасный и вооруженный беглец, ваше дело — не задавать вопросов, точка. Зато практически никаких шансов для серьезных утечек информации.

— У вас есть схема «Ла Салля»? — спросил Лабин, давая увеличение на шахматной доске.

— Разумеется.

— Что там внизу?

— Сейчас практически ничего не осталось. Там были магазины, но большинство владельцев переехало. Теперь там просто пустые торговые ряды.

— Нет, я имею в виду подземную часть. Полупроходные каналы, служебные туннели — вот это все. Почему я ничего из этого не вижу на картах?

— Там же все древнее. Еще с двадцатого века, если не старше. Куча тоннелей даже в базу данных не пошла; когда мы обновляли файлы, их никто не использовал, кроме бомжей да наркоманов, а у нас и так постоянно с сетью проблемы...

— То есть вы не знаете? — В голове у Лабина раздался тихий сигнал, кто-то еще хотел с ним поговорить.

— Может, кто-нибудь отсканировал старые чертежи и записал на кристалл. Я проверю.

— Приступайте. — Кен переключил каналы. — Лабин.

Это был один из дозорных с мола:

— Мы теряем сцеппену.

— Уже? — По плану она должна была продержаться еще час.

— Дело не в ливне, а в сточных водах. Осадки со всего города сейчас стекаются к молу. Вы видели, какой объем идет по этим каналам?

— Еще не смотрел. — Ситуация «улучшалась» с каждой минутой.

Бертон, исправно выполняя свои обязанности, успевал, оказывается, и поглядывать на Лабина. И сразу же бросил:

— Сейчас буду.

— Не нужно, — ответили с дамбы. — Я передам вам сигнал с....

Лабин вырубил канал.

*

Пенистая вода с ревом извергалась из широкой, как автоцистерна, пасти в облицовке мола. Лабин никак не ожидал выброса такой силы: поток уходил на четыре метра от стены, прежде чем гравитация уговаривала его принять вертикальную форму. Сцеппена отступала по всем фронтам; в открывшемся пространстве дыбилося озеро Мичиган, отвоевывая еще больше территории.

«Прекрасно».

Только вдоль охраняемого периметра располагалось одиннадцать стоков. Лабин распорядился перебросить два десятка людей с суши к берегу.

В ухе затараторил человек из градостроительного:

— ...то наш...

Пришлось выкрутить на максимум фильтры в шлемофоне, рев бури слегка утих.

— Повторите.

— Кое-что нашел! Двумерная схема с низким разрешением, но там, похоже, ничего нет, кроме рабочего соединительного туннеля под потолком и коллектора под полом.

— В них можно как-то попасть? — Даже со всеми фильтрами Лабин едва слышал собственный голос.

У его собеседника такой проблемы не было.

— Не из главного зала. Там хозяйственный блок под следующим зданием.

— А если она залезет в канализацию?

— Тогда, скорее всего, попадет в водоочистную установку в Бернеме.

Так, Бернем они оцепили, но...

— Что значит «скорее всего»? Куда еще она может попасть?

— Канализация и система отведения ливневых вод сливаются вместе, когда их затапливает. Так спасают очистные сооружения от переполнения. Но это не так плохо, как кажется. Когда доходит до таких крайностей, поток уже до того сильный, что просто растворяет в себе отходы...

— То есть вы хотите сказать... — Молния разрезала небо на неровные куски. Лабин с трудом заставил себя замолчать. Гром в последовавшей тьме чуть не оглушил. — Вы хотите сказать, что она может пробраться в ливневый коллектор?

— Да, теоретически, но это не беда.

— Почему?

— Чтобы системы смешались, там должно идти ну очень много воды. Вашего беглеца туда затянет, и он

утонет. Просто не сможет бороться с потоком, а воздуха там не останется...

— То есть сейчас все идет через ливневые каналы?

— По большей части.

— А решетки выдержат?

— Не понял, — ответил инженер.

— Решетки! Которые закрывают водосбросы! Они смогут выдержать поток такой силы?

— Они опущены.

— Что?!

— Они автоматически складываются, когда количество тонн воды в секунду превышает норму. Иначе они начнут сдерживать поток, и вся система навернется.

«Ртуть наносит ответный удар».

Лабин открыл канал операционного оповещения:

— Она пойдет не по суше. Она...

Кинсман, женщина с дельфинами, неожиданно во-
рвалась в эфир:

— Ганди что-то засек. Переходите на двенадцатый.

Кен переключился и оказался под водой. Полкартинки застилали статические помехи, которые даже «байесы» не могли расчистить сразу. Другая половина была ненамного лучше: пенистая серая стена из пузырей и болтанки.

Слева в долю секунды пронеслось что-то черное. Ганди тоже это уловил и без труда развернулся в новом направлении. Камера плавно двинулась вокруг центра фокусировки, когда дельфин перевернулся на спину. Мрак сгустился.

«Он уходит на глубину, — понял Лабин. — Решил подрезать снизу. Умный мальчик».

Теперь в центре картинки находилось пятно рассеянного лучистого света, по краям переходящего во тьму: дельфин поднимался к поверхности. И неожиданно цель

оказалась прямо по курсу: слева мелькнул силуэт рук, головы и тут же исчез.

— Попал, — доложила Кинсман. — Она его даже не заметила.

— Помните, нам нельзя наносить Кларк открытые раны, — предупредил Лабин.

— Ганди знает, что делать. Он не пользуется накладками, только таранит...

И снова: еле различимая тень человека, которая тут же пропала. Картинка слегка покачнулась.

— Хм, — сказала Кинсман. — А эту атаку она как-то заметила. Увернулась почти вовремя.

Имплантаты. На секунду Лабин вернулся на хребет Хуан де Фука, вспомнил, как спокойно застывал под трехкилометровой толщей черной ледяной воды, чувствуя, как тик-тик-тикает сонар «Биб», отражаясь от механизмов в его груди...

— Она чувствует щелчки, — сказал он. — Передай Ганди...

Еще один заход. В этот раз цель встретила атаковавшего лицом к лицу, ее глаза напоминали яркие кляксы в темном пазле, она подняла руку, самонадеянно пытаясь отразить двести килограммов костей и мускулов... «Минуту, у нее что-то зажато в руке, что-то...»

Картинка дернулась влево. Вода неожиданно закрутилась, правда, теперь поворот был далеко не таким плавным и контролируемым, как раньше, дельфин ушел в баллистический штопор, который замедляли только течения вокруг. Сбоку сгущалась новая разновидность тьмы, черное кровавое облако, на миг ставшее кучевым, прежде чем круговращение вод не рассеяло его.

— Черт, — выругалась Кинсман. В шлемофоне Лабина шепот прозвучал так оглушительно, что мог бы перекрыть гром.

«Она сберегла свою газовую дубинку. Пронесла от самой „Биб“, пока ехала, шла, на попутках добиралась через весь этот треклятый континент. Какая молодец...»

Изображение взорвалось тьмой и всплеском помех. Лабин вновь стоял на берегу, простыня дождя превратила мир в размытое пятно, и вокруг было ненамного светлей, чем в месте, которое Кен только что покинул.

— Ганди мертв, — доложила Кинсман.

*

Она отправила еще двух дельфинов на место гибели их напарника. Спустя пару секунд после их прибытия Лабин взобрался на дамбу. Бертон уже ждал там с заряженным «кальмаром», вода каскадом падала с его плаща.

— Распределите их по местности, — приказал Лабин Кинсман по связи. — Повышенное внимание на труп и участки, уходящие в озеро. — Он взял ласты со скутера и подошел к краю дамбы, Бертон встал рядом. — Что насчет Ганди?

— Ему конец.

— Нет, я имею в виду, что насчет эмоциональных связей? Не повлияет ли его потеря на работу остальных?

— На Сингера и Колдикотта не повлияет. Он им никогда особо не нравился. Потому я их и послала.

— Хорошо. Остальных отправьте по сходящимся траекториям, но держите подальше от водосбросов.

— Нет проблем, — отозвалась Кинсман. — От них там все равно толку мало, с такой-то акустикой.

— Я переключаюсь на вокодер через тридцать секунд. Пятый канал.

— Принято.

Бертон равнодушно наблюдал за тем, как Лабин натягивает ласты.

— Не повезло! — бросил он, стараясь перекрыть бурю. — С канализацией, я имею в виду!

Кен подрегулировал завязки на ногах, африканер передал ему «кальмара». Лабин запечатал лицевой клапан. Гидрокостюм соединился с линзами, словно жидкая резина, заблокировал нос и рот. Кен стоял, отгородившись от ливня, чувствовал, как начинает задыхаться, но оставался совершенно спокойным.

«Удачи», — неслышно произнес Бертон.

Лабин прижал «кальмара» к груди и шагнул в пропасть.

*

Озеро Мичиган с ревом сомкнулось у него над головой.

В пятнадцати метрах к северу один из чикагских водосбросов извергал в озеро бесконечную струю рвоты: водовороты и завихрения от него добирались до Лабина с чуть приглушенной силой. Вихрями кружился туман из микроскопических пузырьков, размазывая по воде грязный свет. Мусор плавал по эксцентрическим орбитам, выцветая белым вблизи. Вода хлюпала и чавкала со всех сторон. Сверху едва видная, усеянная дробинами дождя поверхность корчилась, словно ртуть под огнем пулемета, и все вокруг затоплял всепроникающий, глубокий, оглушающий рев водопадов.

Лабин вращался в потоке, чувствуя, как заполняются водой внутренности, и ощущал истинное наслаждение.

Он не думал, что Лени сразу уйдет ко дну. Возможно, она не подозревает о подлодках, курсирующих на больших глубинах, но о дельфинах и сонаре уже узнала. К тому же Кларк прекрасно понимала, как турбулентность влияет на сенсорные системы — и электронные, и биологические, — а потому будет держаться ближе к берегу, прячась в какофонии водосбросов. Скоро она украдкой двинется по краю на север или юг, поползет по

мутным джунглям из отбросов и обломков, накопившихся за три века политики «с глаз долой — из сердца вон». Даже при полном штиле там нашлось бы где укрыться.

Сейчас же Лени, по всей вероятности, оправлялась от ударов, а может, и от шока. Ганди дважды достал цель, прежде чем та ответила: поразительно, что она вообще не потеряла сознание и даже дала бой. На время ей придется затаиться в какой-нибудь дыре и переждать.

Лабин взглянул на навигационную консоль, закрепленную на запястье. Там сверкала небольшая двумерная схема, где главной звездой, пересечением четких зеленых линий был сам Кен. Время от времени в периметр заплывали желтые точки — дельфины Кинсман патрулировали территорию. Еще одна точка, гораздо ближе, вовсе не двигалась. Лабин направил «кальмара» и выжал сцепление.

Ганди превратился в фарш. Заряд от дубинки Кларк пришелся в правую сторону головы; переднюю часть животного снесло моментально. За спинным плавником тело оказалось практически нетронутым. Мясистые обломки ребер и черепных костей торчали с левой стороны, а маниакально-идиотическая ухмылка афалины не исчезла даже после смерти. От правой же стороны не осталось ничего.

Тело Ганди наскочило на затонувшую арматуру. Течение здесь шло от берега; видимо, дельфин встретил свою судьбу ближе к молу. Лабин развернул «кальмара» и поплыл к берегу.

— ...прини...Ла...янный?

Фрагменты слов жужжали вдоль нижней челюсти, практически теряясь в царящем вокруг грохоте. Неожиданно Лабина осенило, и он вывернул мощность вокодера на максимум:

— Никаких переговоров по этому каналу. У Кл...

Слова, превращенные механикой в грубый металлический скрежет, застали его врасплох. Уже несколько месяцев

имплантаты не увечили ему голос так сильно. От этого звука в нем даже проснулось нечто сродни ностальгии.

— Никаких контактов, — продолжил он. — У Кларк есть имплантаты линейной амплитудно-частотной модуляции. Она может нас подслушать.

— ...не?..

Даже если бы Лени настроилась на правильный канал, Лабин сильно сомневался, что она смогла бы извлечь из сигнала больше пользы, чем он сам. Акустические модели не были рассчитаны на пенящуюся воду.

«Да и с чего ей слушать? Откуда ей знать, что я вообще здесь?»

Но он ничего не хотел оставлять на волю случая, поэтому молчал так же, как и его жертва, где бы она ни притаилась, а вокруг бушевало озеро.

Интуиция — это не ясновидение. И не догадки. Интуиция — это сводный отчет, итог работы тех девяноста процентов высших мозговых центров, что действуют бессознательно — но не менее последовательно и строго, — чем самоосознающая подпрограмма, мнящая себя личностью. Лабин скользил сквозь такую муть, что даже «кальмара» едва видел; он оставил машину и медленно двинулся сквозь мертвый извилистый лабиринт обломков и отмелей. Со всех сторон торчали шипы и зазубренные края, пробиваясь сквозь слои слизи, которые смягчали разве что их вид. Кен положился на волю потока, тот поначалу нес его прочь от берега, затем подхватил и швырнул к основанию дамбы. Там рифтер пополз вбок по серой выскобленной поверхности, словно краб, вжимаясь в бетон, а вода пыталась отлепить и отбросить его, как старую наклейку. Он отдался на волю интуитивных подпрограмм; теперь они оценивали сценарии, рылись в памяти, вспоминали более счастливые времена, когда Лени обнаруживала такие-то мотивы, такие-то пред-

почтения. Он исследовал парочку подходящих убежищ, проигнорировал другие и даже не смог бы сказать, почему так поступил. Но все части Кена Лабина прошли хорошую подготовку — и мозговой ствол, и аналитические подпрограммы, и крохотный гомункул, неловко рассеявшийся позади глаз. Каждый прекрасно понимал, что делать ему, а что оставить другим.

А потому Кен даже не удивился, когда наткнулся на Лени: та пряталась в тени одного из нелепых чикагских водопадов, втиснулась в каньон из обломков, оставшихся еще с предыдущего столетия.

Она была в плохой форме. Тело перекошено так, что ясно — удары Ганди достигли цели. Гидрокостюм порван вдоль грудной клетки, то ли от нападения дельфина, то ли из-за остроугольной геометрии самого озера. Еще Кларк баюкала левую руку. Но убежище она выбрала с умом: для сонара слишком много шума, для ЭМ-сигнатуры слишком много железа и слишком много всякого мусора в воде, чтобы кто-нибудь без глаз и инстинктов рифтера мог ее выследить. Бертон мог проплыть на расстоянии метра от нее и ничего не почувять.

«Хорошая девочка», — подумал Кен.

Она выглянула из укрытия, ее пустые белые глаза встретились с его собственными сквозь два метра молочного хаоса, и Лабин сразу понял, что она его узнала.

А он так надеялся, вопреки здравому смыслу, что Кларк ничего не поймет.

«Прости меня. У меня действительно нет выбора».

У нее по-прежнему есть дубинка. Она будет прятать ее до последнего момента, а потом пустит в ход с отчаянной быстротой. И разумеется, попытается обратить ее против себя: раз ты все равно обречена, можно ли придумать лучшую месть, чем выпустить Бетагемот на свободу, свершить последний акт самоубийственного катарсиса?

Лабин все это предвидел и разоружил Лени чуть ли не автоматически. Но, проверив дубинку, выяснил, что та уже опустела. Ганди принял на себя последний заряд. Оружие полетело на илистое дно.

«Прости меня». В нем начало пробуждаться сексуальное предвкушение неминуемого убийства. «Ты мне нравилась. Ты была единственной... только ты по-настоящему заслуживала победы...»

Она просто смотрела в ответ. Не включила вокодер. Не попыталась заговорить.

В любую секунду должен был вступить в права Трип Вины. Лабина в который раз затопила почти болезненная благодарность за то, что искусственный нейрокатализатор так легко брал на себя ответственность за любые его действия. За то, что сейчас он убьет своего единственного друга и не почувствует угрызений совести. За то, что...

В гидрокостюме было невозможно закрыть глаза. Материал крепился к линзам и удерживал веки, делал взгляд немигающим. Лени Кларк посмотрела на Кена Лабина. Кен Лабин отвернулся.

Никогда прежде Трипу не требовалось столько времени.

«Не работает. Что-то не так».

Он ждал, когда же инстинкт вынудит его действовать. Ждал приказов и отпущения грехов. Насколько хватило смелости, он заглянул глубоко в себя, пытаясь найти какого-то хозяина, который возьмет на себя его вину.

«Нет. Нет, что-то не так.

Неужели я должен убить ее сам?»

Но к тому времени, как Лабин понял, что ответа не получит, было уже слишком поздно. Он перевел взгляд на последнее пристанище Лени, готовясь обречь себя на вечные муки.

Только Кларк уже исчезла.

ТЕРРАРИУМ

В углу консоли загорелась иконка. Дежарден оставил ее без внимания.

Только что подключили выделенный канал: нить оптоволокна во всей своей неприятной телесности проползала под дверью и змеиными кольцами стелилась по коридору. Иного выхода не было: УЛН слишком заботилось о безопасности, и внутри его периметра гражданским узлам места не было, Генерал же — или Актиния, или как там его теперь звали, — с самого Янктона ни с какими другими не разговаривал. Если Дежарден собрался идти в бой, то ему придется делать это на вражеской территории.

А значит, только выделенка. Само собой разумеется, беспроводную связь в Патруле глушили; в Управлении нельзя было выйти онлайн даже с запястника, минуя местный хаб. Дежарден представил себе, как кабель тянется через вестибюль на улицу, затем поворачивает налево и ползет к ближайшей библиотеке, а об него спотыкаются прохожие. К счастью, в подвале отыскался городской распределительный блок.

Консоль усилила яркость иконки на несколько люменов, повысив ее визуальный голос: Элис Джовелланос по-прежнему желает поговорить. Пожалуйста, ответьте.

«Забудь, Элис. Ты последняя, кого бы я сейчас хотел видеть. Счастье твое, что я тебя еще не сдал».

Если бы Трип Вины по-прежнему делал его... свою работу, Ахилл бы ее заложил. Одному Богу известно, как сильно он мог напортчить из-за проделок этой вредительницы. Одному Богу известно, скольких еще правонарушителей она подобным же образом поставила под угрозу, как много катастроф могло произойти из-за элементарной эндокринной нерешительности в критический

момент. Потенциально Джовелланос подвергла риску миллионы жизней.

Конечно, на фоне Бетагемота вся эта проблема яйца выеденного не стоила. АмСеть только что сделала пандемию достоянием гласности: огромный кусок Западного побережья теперь официально объявили зоной карантина. Даже официальное количество погибших сразу стартовало с четырехзначного числа.

Сросток кабеля уходил к новому пульта, загроможденному пространству справа от Дежардена. Изолированный и автономный, он был не связан и даже не совместим с разъемами в УЛН. Внутри него ожидали своего часа огромные огороженные пространства — пространства могли поглотить содержимое любого узла, а стены — мгновенно отразить его архитектуру. По сути, репликатор среды обитания. Террариум.

Иконка начала гудеть. Ахилл отключил звук.

«Элис, пойми намек».

Она действительно его достала. Проблема — и это действительно стало серьезной проблемой, сам этот факт лишь подчеркивал, насколько же Джовелланос все испортила, — заключалась в том, что она, очевидно, все видела в ином свете. Элис воображала себя своего рода освободительницей. Она действовала исходя из своих путанных представлений о благополучии Дежардена и явно ставила его интересы превыше Общего Блага.

Дежарден запустил загрузку террариума. На миг дисплей заполонила стартовая диагностика. На сей раз никаких глазных имплантатов: в конце концов, они были частью сети УЛН. Придется довольствоваться обыкновенным изображением и сенсорной панелью.

«Общее благо. Ну-ну».

Оно всегда воспринималось человечеством как безликая абстракция. Легче сочувствовать кому-то, с кем зна-

ком лично, нежели отдаленным страданиям безвестных миллионов. Когда цунами ударило по Тихоокеанскому побережью, Дежарден наблюдал за обсуждениями, крутил фильтры, а про себя вздыхал с облегчением, что под этими руинами оказался не он, — но прекрасно знал, что смерть Мандельброт разобьет ему сердце.

Именно из-за этой нелогичности был так необходим Трип Вины. Именно из-за нее Ахилл так и не сдал Элис. Разумеется, о дружеских беседах теперь и речи не шло, это уж точно, но вот взять и предать Джовелланос он тоже не мог.

И потом. Если он действительно понял, что такое Актиния, то идею ему подала именно Элис.

Он прикоснулся к консоли. На дисплее открылось окно. По ту сторону завывал Водоворот.

Так или иначе, через час он все узнает.

*

Она была повсюду.

Она была даже там, где ее на самом деле не было. Где она не говорила сама, говорили о ней. Где не говорили о ней, там зрели семена: мифы и легенды о Лени Кларк оставались инертны до тех пор, пока ничего не подозревающий переносчик не открывал почтовый ящик и не давал жизнь новому поколению.

— Она повсюду. Вот почему они не могут ее поймать.
— Кончай фонить. Как она может быть повсюду?
— Самозванцы. Клоны. Кто, вообще, сказал, что есть только одна Лени Кларк?

— Она, знаешь ли, и прыгать через пространство умеет. Квантовая телепортация. Все дело в наноботах, живущих в ее крови.

— Это невозможно.

— Помнишь Полосу?

— И что с того?

— Это все Лени устроила, гаплоид. Брела по пляжу, и каждый, кого она касалась, слезал с препаратов и просыпался. Раз, и все. Как по мне, без наноботов не обошлось.

— Да при чем тут наноботы? Это тот самый вирус «огненная ведьма» из Северной Калифорнии, от которого еще суставы разваливаются, ну ты знаешь. Он проник в циркуляторы и расхерачил какие-то молекулы в валиуме. Хочешь знать, что устроила Лени? Чуму эту чертову, вот что...

Она стала умнее. Коварней. Сотни правонарушителей теперь были начеку, рыская по гражданским каналам в поисках зон с необъяснимой ясностью, которая днем ранее насторожила Дежардена. Больше Актиния таких промахов не допускала.

И когда Дежарден наконец нашел цель, то вычислил ее не по скорости передачи данных и не по отсутствию сбоев, а по содержанию:

— Я знаю, где находится Лени Кларк. — Бесполоый нейтральный голос на основе расширенного стандартного кода, тембр выбран по умолчанию. Залогинился под именем Тессеракт. — Les beus на хвосте, но сейчас они потеряли ее след.

— Откуда тебе это известно? — спросил некто под ником Посейдон-23.

— Я — Актиния, — ответил Тессеракт.

— Ну конечно. А я тогда Кен Лабин.

— Тогда сочтены дни твои, литтварь моя. Кена Лабина обратили. Он теперь работает на корпов.

Чтобы прийти к такому заключению, надо было сильно поумнеть. А вот говорить подобные вещи в ненадежной компании уже не столь разумно. Дежарден начал выписывать линии на консоли.

— Надо ее прикрыть, — продолжал Тессекрат. — Кто-нибудь из вас сейчас находится в центральном поясе Северной Америки — скажем, в районе Великих озер?

Никаких обращений к логу локального трафика, никакого отлова Тьюринг-софта втихомолку, никаких следов в канале. Никакой активности в тех областях, за которыми мог приглядывать Тессеракт. Ахилл тоже помнел.

— Да пошел ты, Тесси. — Какой-то скептик под ником Хиигара. — Ты думаешь, мы впишемся за личного импресарио Лени Кларк, стоит ему сунуться в чат?

В локальном узле ничего. Дежарден начал отслеживать смежные серверы.

— Я улавливаю скептицизм, — заметил Тессеракт. — Вы хотите спецэффектов, да? Демонстрации возможностей.

— Мамочки! — воскликнул Посейдон-23, и его голос утонул в реве океана.

Дежарден моргнул. Секундой ранее в списке канала числилось шесть человек. Теперь же там заговорили разом четыре тысячи восемьсот шестьдесят два пользователя. По отдельности ни одного голоса нельзя было различить, но их слаженный оглушительный рев оказался до невозможного отчетливым: цифровой гул без всяких искажений, помех, аритмичного заикания от накладывающихся друг на друга или потерянных при передаче байтов.

Вновь тишина. Список схлопнулся до прежних шести человек.

— Получите, — произнес Тессеракт.

«Черт побери, — подумал Дежарден. Потрясенный, он изучал результаты на консоли. — Она говорит сразу со всеми. Разом».

— Как ты это сделал? — спросил Хиигара.

— Предпочел бы не делать, — шепнул Тессеракт. — Это привлекает внимание. Кто-нибудь из вас сейчас находится в центральном поясе Северной Америки — скажем, в районе Великих озер?

Дежарден заглушил болтовню: напав на след, он больше в ней не нуждался. На сервере одной больницы в другом конце города, похоже, расплодилось какая-то жизнь. Ахилл зашел внутрь, выглянул наружу через порталы.

Там оказалось еще больше фауны. Дежарден сделал шаг вбок и очутился в бюджетном регистре города Осло. След вел в...

Еще шагжок.

Тимор. Вся зона кишела паразитами. Конечно, в смысле дезинсекции эти вспомогательные области до сих пор жили как в двадцатом веке, но не настолько же...

«Вот оно, — подумал он. — Ничего не трогай. Бей в корень».

Так Ахилл и сделал. Он шепнул несколько милых банальностей контроллерам шлюза и системным часам, сверкнул удостоверением, чтобы успокоить их. «Скоро куча пользователей жутко расстроится», — подумалось ему.

Дежарден ткнул в консоль. На другом краю Земли все до единого веб-порталы в границах тиморского узла накрепко захлопнулись.

Время внутри него пошло с запинками.

Оно не остановилось совсем — без определенного уровня итерирования системы скопировать то, что внутри, было бы невозможно. Это не должно было сыграть решающей роли. Что пара тысяч циклов, что пара десятков тысяч. Может, противник,двигающийся словно в покадровой съемке, и понял что-то, но поделаться с этим — если Дежардену повезло — ничего не мог.

Ахилл проигнорировал скопление трафика на шлюзах Тимора. Не обратил внимания на жалобные запросы

других узлов, недоумевавших, почему их фиды вдруг накрылись. Он видел только математику в пузыре: архитектуру, операционную систему, программное обеспечение. Файлы, программы и фауну. Процесс в каком-то смысле походил на телепортацию: каждый бит фиксировался, прочитывался и реконструировался на другой стороне света, а оригинал оставался нетронутым, несмотря на всю глубину вторжения.

Готово.

Тиморский узел вздрогнул, вновь набирая скорость. Внутри что-то внезапно запаниковало; фауна завихрилась подобно листьям в торнадо, раздирая протоколы, ломаясь в двери, запоздало выпуская себе кишки. Неважно. Не успели.

Дежарден улыбнулся. Актиния попала к нему в аквариум.

*

В террариуме Дежарден мог остановить время полностью.

Перед ним все лежало как на ладони, застывшим мгновением: программная эмуляция самого узла, копии каждого регистра и адреса, каждый спин и каждый бит. Он мог запустить всю систему одной командой.

И тогда она разлетелась бы через пару секунд. Точно так же, как и тиморский оригинал.

Поэтому он сделал резервные копии логов и регистров и разместил их снаружи, соединив двусторонним фильтруемым каналом с оригиналами. Он прошел через каждый портал, ведущий из узла — ныне те обернулись воротами в забвение, ибо пузырь висел в пустоте, — и слегка их провернул.

Ахилл оглядел творение рук своих. Время замерло. Ничего не двигалось.

— Мёбиус, явись, — пробормотал он.

Актиния вскрикнула. Тысячи незарегистрированных ехе-файлов бросились к логу трафика и искромсали его на куски; миллион сбежал через порталы.

А еще в десять раз больше затаились и наблюдали: как изувеченные логи быстро восстановились, даже не успев покровоточить, получив помощь прямо с небес; как фауна, спасшаяся бегством через один портал, вынырнула из другого и в растерянности закружила на месте;

как посреди хаоса открылся канал и с Небес воззвал голос:

— Здравствуй, Актиния.

— Мы не разговариваем с тобой. — Бесполой, без выражения голос. Заданный по умолчанию.

Она все еще терзала учетные записи, но теперь десятком разных способов одновременно: аккуратно подделявая, атакуя в лоб и применяя все промежуточные варианты. Ничего не сработало, но Дежарден был все равно впечатлен. Актиния оказалась чертовски умна.

Так же умна, как плетущий сеть паук, слепо подчиняющийся удовлетворению своих жизненных потребностей. Как птица, рассчитывающая груз семян в клюве до третьего числа после запятой в зависимости от ветра и расстояния.

— Нет-нет, тебе просто необходимо поговорить со мной, — мягко произнес Дежарден. — Ибо я есть Господь. — Он выловил наугад местного зверька, маркировал и отпустил на свободу.

— Кончай фонить, кретин. Лени Кларк — вот Господь. — Косяк рыб, стая перелетных птиц настолько сложны, что для их полного понимания необходимы матричная алгебра и вычислительные машины. Голосовой код Актинии шел откуда-то изнутри.

— Кларк не Господь, — возразил Дежарден. — Она чашка Петри.

Фауна по-прежнему просачивалась сквозь циклические шлюзы, но уже более упорядоченно, как будто систематически изучала их, эволюционируя на ходу. Дежарден переключился на маркированный сегмент. У него уже появились потомки, и каждый из них нес Каинову печать, дарованную родителю.

Двести шестьдесят поколений за четырнадцать секунд. Неплохо.

«Спасибо тебе, Элис. Если бы не твоя тирада про танцующих пчел, кто знает, когда бы я догадался...»

— Может быть, тебе нужна демонстрация? — произнес рой. — Ты хочешь спецэффектов, да?

И она была права. У генов есть собственный разум. Они могут так перепаять муравья, что он начнет возделывать фермы под землей, приручать стада тлей... даже захватывать рабов. Гены способны создавать столь изощренные рисунки поведения, что дай только время, и те будут граничить с гениальностью.

— Демонстрация, — ответил Дежарден. — Конечно. Удиви меня.

Время — вот где загвоздка. Гены неторопливы: чтобы освоить какой-нибудь хитрый трюк для добычи пищи, им требуются тысячи поколений, а нормальному разуму — пять минут. Если уж на то пошло, потому-то мозг и эволюционировал. Но когда сотни поколений укладываются в пределы одного зевка, у генов может появиться преимущество. Может, местная фауна учится говорить, используя лишь слепую и тупую логику естественного отбора, — а бедный неуклюжий кусок мяса на другом конце провода и не подозревает, что за время их болтовни сменились многие поколения.

— Я жду, — отозвался Дежарден.

— Лени Кларк — не демонстрация. — Рой вихрем кружился в террариуме. То ли у Дежардена разыгралось воображение, то ли вихрь на самом деле начал блекнуть.

Он улыбнулся:

— Бесишься, да?

— Хлебов и рыб Актинии.

— Но ты не Актиния. Ты всего лишь крохотная ее часть, и к тому же совсем одна...

Конечно, времени как такового недостаточно. Эволюции нужна вариативность. Мутации и перестановки для создания новых прототипов, изменчивая окружающая среда для выпалывания негодных и преобразования выживших.

— Кларк, Лени. Вода начинает мерцать таким холодным, радиоактивным светом...

Жизнь может какое-то время существовать и в четырех стенах, но не эволюционировать. На популяции в террариуме Дежардена начал сильно сказываться инцест.

— Хардкор бесплатно педоснафф, — бормотал рой. — Нилось одина.

Бессчетное число особей. Они наталкивались друг на друга, размножались. Стагнировали.

Все это лишь паттерн.

— Навалом, — произнесла фауна и замолкла.

Только тогда Ахилл понял, что уже несколько секунд сидит неподвижно, и даже забыл, что надо дышать. Он медленно выдохнул.

— Ладно, — шепнул он, — а ты, оказывается, не очень умный. Только действуешь будто ты такой...

РОДСТВЕННАЯ ДУША

Кто-то барабанил в дверь. Кто-то определенно не понял намека.

— Кайфолом! Открой!

«Проваливай», — подумал Дежарден. Он отправил свои находки остальным членам команды «Актиния», географически разбросанной группе правонарушителей, которых он никогда не встречал во плоти и, вероятно, никогда не встретит. «Я прижал уroda. Я его вычислил».

— Ахилл!

Он неохотно откинулся на спинку кресла и большим пальцем открыл дверь, даже не взглянув назад.

— Что тебе надо, Элис?

— Лерцман убит!

Дежарден развернулся:

— Шутишь?!

— Ему пробили спинной мозг. — В широко раскрытых миндалевидных глазах Джовелланос плескалась тревога. — Его нашли сегодня утром. Мозг уже был мертв, и Лерцман просто лежал там, умирая от истощения. Кто-то воткнул ему иглу в основание черепа и искромсал белое вещество...

— Господи! — Дежарден поднялся. — Ты уверена? В смысле...

— Ну конечно, я уверена, а ты думаешь, сочиняю? Это был Лабин. Это точно он, именно так он тебя и выследил, так...

— Да, Элис, я понял. — Ахилл шагнул к ней. — Спасибо... спасибо, что сказала. — Он начал закрывать дверь.

Она просунула ботинок в дверной проем.

— То есть? Больше тебе сказать нечего?

— Лабина больше нет, Элис. Он — не наша проблема. И кроме того, — Ахилл вытолкнул ее ногу, — ты любила Лерцмана не больше, чем я.

И он захлопнул дверь прямо перед носом Джовелланос.

*

«Лерцман убит».

Бюрократ Лерцман. Киста в «системе», слишком вялая, чтобы чем-то жертвовать, слишком глубокая, чтобы вырезать, слишком неэффективная, чтобы хоть что-то значить.

Убит.

«Почему это тебя так волнует? Он же был идиотом. Но я его знал...»

Да, его знал. А миллионы других людей нет.

«На его месте мог быть я».

Лерцману уже нельзя помочь. И с его убийцей ничего не сделать: Лабин исчез из жизни Дежардена, напав на след Лени Кларк, и, если преуспее, станет спасителем всей планеты. Это долбанный психопат — спаситель миллиардов. Смешно. А потом, вытащив мир из пропасти, он отпразднует свой подвиг еще одной серией убийств. Подстроит несколько утечек, а потом ликвидирует их с большой охотой. И хватит ли кому-нибудь решимости остановить его, после всего сделанного им добра? Наверное, за спасение миллиардов тебе готовы простить очень многое.

Кен, при всех своих заскоках, делал что-то полезное. Он охотился на другую Лени Кларк, из крови и плоти. Ахилл же преследовал мираж. Не было никакого великого заговора. Или глобального культа смерти. Актиния оказалась слюнявой идиоткой. Она знала только то, что байки о всемирном апокалипсисе помогают размножаться, а имя Лени Кларк обеспечивает пропуск в Убежище, и соединила все ниточки благодаря слепому, тупому везению.

Настоящая ирония заключалась в том, что реальный человек, стоявший за всеми этими словами, оправдал свою репутацию.

Это проблема Лабина. Не Ахилла.

Но Дежарден понимал, что кривит душой. Лени Кларк представляла проблему для каждого человека на Земле. Если правонарушитель и встречал когда-либо подлинную угрозу для общего блага, то это была она.

«Забудь о Лерцмане. Забудь об Элис. Забудь о Роуэн, Лабине и даже об Актинии. Никто из них не имел бы значения, если бы не Лени Кларк.

Только Кларк имеет смысл. Она единственная, кто хочет убить всех нас».

Она появилась на Орегонской Полосе, затем двинулась на север к Гонкуверу. Оттуда вглубь материка: как-то просочилась сквозь границу карантина. Месяц или около того вестей не было, пока Кларк не появилась на Среднем Западе и не двинулась на юг. Две вспышки на границе Пыльного Пояса. Потом Янктон: наконецник стрелы указывал куда-то в район Великих озер.

«Домой, — сказал Лабин. — Су-Сент-Мари».

Дежарден постучал по консоли: на линзах появилось главное меню Энергосети Н'АмПацифика. Персонал. Кларк, Лени.

«Скончалась».

Ничего удивительного: обычная бюрократическая реакция на текущие события. Хоть файл не стерли.

Ахилл запросил имена ближайших родственников: «Кларк, Индира» и «Батлер, Джейкоб».

«Скончались».

«А если она не сумеет добраться до родителей? — спросила Лабина Роуэн. — Предположим, они уже умерли... умерли очень давно».

И тот ответил: «Люди, которых так ненавидит Лени, живее всех живых...»

Ахилл запросил гражданский реестр. В записях Су-Сент-Мари за последние три года никаких упоминаний об Индире Кларк и Джейкобе Батлере не было.

Общедоступные архивы охватывали только этот срок. В центральных архивах хранилась информация по еще четырем годам, но там тоже ничего не нашлось.

«Предположим, они уже умерли... умерли очень давно». Теперь Дежардену эта мысль показалась довольно странной.

«Так, ладно, забудь о реестрах, — пробормотал он про себя. — Их слишком легко отредактировать». В итоге он запустил подсказчика, бросил в Водоворот бутылку и поинтересовался, не видел ли кто-нибудь «Индира Кларк» и «Джейкоб Батлер» в компании «Су-Сент-Мари».

Совпадение нашлось в Справочной системе Н'АмПацифика, это был поисковый запрос семимесячной давности.

По всем правилам его должны были стереть через несколько часов после появления. Но не стерли. И в нем из Кларков упоминалась не только Индира.

«Кларк, Индира. На конце „к“».

«Сколько человек с именем Индира Кларк проживает в Су-Сент-Мари?»

«Сколько женщин, профессионально связанных с работой в Водовороте, имеющих одного ребенка, девочку по имени Лени, рожденную в феврале 2018 года, проживает во всей Северной Америке?»

«Это, сука, невоз...»

Похоже, матери Кларк в Северной Америке никогда не существовало. И Лени этого не знала.

Или же *не помнила...*

«По какому критерию отбирают новобранцев для рифтерской программы? — напомнил себе Дежарден. — Правильно — „преадаптация к среде, сопряженной с постоянным стрессом“...»

Где-то внутри Ахилла что-то приоткрыло один глаз и зарычало.

В последнее время Ахилл был на особом счету. Даже имел прямой выход на Патрицию Роуэн. В любое время дня и ночи, сказала она ему. В конце концов, речь шла о конце света.

Она приняла вызов со второго гудка.

*

— Это было нелегко, правда? — спросил Дежарден.

— Что вы имеете в виду?

— Бьюсь об заклад, что из асоциальных персонажей выходят чертовски плохие студенты. И было практически невозможно превратить всех этих психов в морских инженеров. И подойти к делу с другой стороны оказалось намного проще.

Тишина на линии.

— Мисс Роуэн?

Та вздохнула:

— Это решение нам совершенно не нравилось, доктор.

— Уж надеюсь, что нет, черт побери, — бросил он. — Вы брали живых людей и...

— Доктор Дежарден, это не ваша забота.

— Неужели? Вы так уверенно об этом говорите, словно забыли о случившемся.

— Я понятия не имею, о чем вы.

— Помните, а ведь еще недавно и Бетагемот не был моей заботой? Когда он появился, вы так испугались, что какой-нибудь другой корп сделает на этом карьеру. Но к нам вы обращать и не думали, не так ли? О нет, мэм.. Вы передали поводья зельцу.

— Доктор...

— А зачем, по-вашему, вообще существует УЛН? Зачем сковывать тут всех Трипом Вины, если вы все равно не хотите нас использовать?

— Простите, доктор, неужели вы думаете, что Трип делает правонарушителей непогрешимыми? — Голос Роуэн отдавал холодом. — Это не так. Он просто не дает вам грешить намеренно и добивается этого, связываясь с вашими эмоциями, с вашей интуицией. И хотите верьте, хотите нет, но такая связь — наилучшее качество для того, кто решает долгосрочные проблемы.

— Дело не в...

— Вы подобны всем прочим млекопитающим, доктор. Ваше ощущение реальности укоренено в настоящем. Вы совершенно естественным образом придаете невероятную значимость близкому и недооцениваете далекое, и завтрашняя катастрофа всегда будет казаться вам куда менее реальной, чем неудобства дня сегодняшнего. Возможно, вам нет равных в тушении локальных пожаров, но я содрогаюсь при одной мысли о том, как вы стали бы решать вопросы, последствия которых простираются вперед на десятилетие, если не на целый век. Трип Вины всякий раз гнал бы вас к сиюминутной отдаче.

Ее голос слегка смягчился:

— Если недавняя история нас чему-то и научила, так это тому, что иногда настоящим надо жертвовать ради будущего.

Роуэн сделала паузу, словно предлагая Ахиллу возразить. Молчание затянулось.

— Технология, кстати, не такая уж и радикальная, — продолжила она наконец.

— Какая технология?

— У них больше общего, чем вы думаете. Даже реальные воспоминания таковы — по большей части грубо подогнанные друг к другу лоскуты и обрывки. Созданные задним числом. Мозг не нужно долго упрашивать, чтобы он перетасовал эти клочки как-то иначе. Тут, главным

образом, нужна сила внушения. Иногда у людей это получается даже случайно.

«Она же защищается, — понял Дежарден. — Патриция Роуэн и впрямь пытается оправдать свои действия. Передо мной!»

— И что у прочих получалось случайно, то вы сделали намеренно, — сказал он вслух.

— Мы решили проблему более изощренно. Наркотики, гипноз. Глубокие ганглионарные изменения, не позволяющие реальным воспоминаниям всплыть на поверхность.

— Вы изнасиловали ей мозг, свели ее с ума.

— Да знаете ли вы, что происходит, когда вам насилуют мозг? Знаете ли, что на самом деле значит это броское выраженьеце? Разрастание определенных рецепторных участков и стрессовых гормонов. Триггеры устанавливаются на повышенных пороговых значениях. Это химия, доктор, а если вы верите, что над вами надругались... ведь, собственно, вера — это лишь еще один набор химических веществ в общем котле, не так ли? Словом, тогда вы получаете... своего рода каскадный эффект, ваши мозги сами себя перепивают, и внезапно вы оказываетесь способны пережить то, от чего все остальные в ужасе обмочились бы. Да, мы подменили детство Лени Кларк. Да, в действительности ее никто не насиловал...

— Не насиловали ее *родители*, — вставил Дежарден.

— ...но она верила в это, а потому обрела силу и выжила на рифте. Да, мы свели ее с ума, но безумие множество раз спасало ей жизнь.

— И вот теперь, — напомнил Дежарден, — она пробирается к дому, которого у нее никогда не было, ищет родителей, которых не существует, и хочет отомстить за то, чего никогда не происходило. Все ее представление о себе — не более чем ложь.

— И я благодарю Господа за это, — сказала Роуэн.

— Что?!

— Вы не забыли, что эта женщина — ходячий инкубатор конца света? По крайней мере мы знаем, куда она направляется. Кен сумеет ей помешать. Из-за своих представлений о себе Кларк предсказуема, доктор. Это значит, что мы все еще можем спасти мир.

*

Случайные оперативные данные скользили со всех сторон. Дежарден не видел их.

«Кен сумеет ей помешать».

Благодаря Трипу Вины для Лабина превыше всего была безопасность. Он совершал столько просчетов лишь для того, чтобы снова и снова это доказывать.

«Кое-кто от меня ушел, — сказал он в операционной, а потом добавил: — Такая жалость. Она действительно заслуживала шанса на победу...»

У Кларк было нечто большее, чем шанс на победу: она обрела легионы поклонников, которые охраняли ее. Хотя на самом деле гонялись не за ней, а за неким разогнавшимся эволюционным искажением, несущимся мимо на скорости света. И если бы Актиния не знала, где Лени, и не трубила тревогу — а кем бы ни было это создание, даром провидца оно не обладало, — то услышал бы хоть кто-нибудь об одинокой черной тени, крадущейся в ночи у них за спиной?

Лени Кларк — всего лишь одинокая женщина. И Лабин охотился за ней.

Никакой надобности убивать ее не было. Ее могли очистить. Нейтрализовать, не стирая полностью. Но для Лабина все эти соображения не имели значения.

«Она — единственная утечка, которую он не ликвидировал. Кен сам так сказал».

Ахилл никогда не встречал Лени. По справедливости, она должна была быть лишь очередной женщиной из безвестных миллионов. Но в каком-то смысле он очень хорошо ее знал: человека, поведение которого целиком и полностью определяли мотивы, созданные другими людьми. Все ее действия, все ее чувства были результатом хирургической и биохимической лжи, которую поместили внутрь Кларк ради удобства других людей.

«О да. Я очень хорошо ее знаю».

Внезапно тот факт, что она была также и носителем всемирного апокалипсиса, почти перестал что-то значить. У Лени Кларк появилось лицо. Ахилл ощутил ее внутри — такое же, как и он, человеческое существо, намного более реальное, чем далекая абстракция с восьмизначным числом погибших.

«Я доберусь до нее первым».

Конечно, Лабин был профессиональным убийцей; но над Дежарденом тоже плотно поработали, как и над всеми правонарушителями. Его тело переполняли химические вещества, которые в одно мгновение могли перевести все рефлексы на максимальное ускорение. И если повезет — если действовать достаточно быстро, — то он сможет опередить Лабина. У Ахилла был крохотный, почти ничтожный, но все же шанс.

Это не работа. Это не ради общего блага.

Плевать и на то, и на другое.

САМОВОЛКА

— Произошла утечка, — сказал корп. — Мы надеялись, что вы расскажете о некоторых деталях, относящихся к делу.

Половину лицевых мускулов Элис тут же чуть не свела судорога. Она жестко пресекла их потуги и попыталась

придать лицу выражение («о Господи, пусть у меня получится!») невинного и заинтересованного любопытства.

«Хотя, с другой стороны, какой смысл? — шепнул ей наглый внутренний голос. — Им уже и так обо всем известно. Иначе зачем тебя вызвали?»

Она заткнула и его.

«Они лишь играют с тобой. Корпом не станешь без пристрастия к садизму».

А вот заткнуть этот... едва получилось.

Их было четверо: двое мужчин и две женщины кругом сидели у дальнего конца стола для совещаний на четырнадцатом административном уровне, в самой стратосфере. Джовелланос узнала только Слейпер — ту только-только назначили на место Лерцмана. Из-за спин корпов бил свет галогенных ламп, их лица скрывались в тени. Видны были только глаза, время от времени мерцавшие от информации на линзах.

Разумеется, они следят за ее жизненными показателями. И увидят, что она сильно волнуется. Правда, в такой ситуации стресс будет у кого угодно. К счастью, такие тонкие материи, как вина и невиновность, сканеры не чувствуют.

— Вам известно о недавнем нападении на Дона Лерцмана, — произнесла Слейпер.

Джовелланос кивнула.

— Мы думаем, это может быть связано с одним из ваших коллег. Ахиллом Дежарденом.

«Так, проявить должную степень удивления...»

— С Ахиллом? Каким образом?

— Мы надеялись, что вы сможете рассказать нам об этом, — ответил другой корп.

— Но я ничего не знаю... Я хочу сказать, почему бы не спросить об этом его самого?

«Они уже спросили, идиотка. Именно так на тебя и вышли, он тебя продал, он все-таки тебя сдал...»

— ...исчез, — договорила Слейпер.

Джовелланос выпрямилась в своем кресле.

— Простите?

— Я сказала, что доктор Дежарден, похоже, решил уйти в самовольную отлучку. Когда он не вышел в свою смену, мы обеспокоились, не столкнулся ли он с теми же трудностями, что и Дон, однако улики говорят о том, что он исчез по собственному желанию.

— Улики?

— Он хочет, чтобы вы кормили его кошку, — пряснула Слейпер.

— Он... что вы?..

Начальница подняла руку:

— Я все понимаю и надеюсь, что вы простите это вторжение. Он оставил вам сообщение. Написал, что не знает, как долго продлится его отсутствие, и что будет признателен, если вы присмотрите за — Мандельброт, кажется? Доктор Дежарден запрограммировал дверь квартиры так, чтобы та вас узнавала. В любом случае, — корп опустила руку обратно на колени, — подобное поведение просто беспрецедентно для человека, находящегося под воздействием Трипа Вины. Похоже, доктор Дежарден просто оставил свой пост без каких-либо извинений и объяснений. Он даже никого не предупредил. Поступил... импульсивно, если не сказать больше.

«О, черт. Кайфолом, у тебя же было такое прикрытие. Зачем ты все испортил?»

— Я не знала, что такое вообще возможно, — сказала Джовелланос. — Ему сделали уколы еще несколько лет назад.

— И тем не менее. — Слейпер откинулась в кресле. — Нам бы хотелось узнать, не заметили ли вы в его поведении чего-либо необычного за последнее время. Чего-то, в чем, учитывая произошедшее, теперь можно увидеть...

— Нет. Ничего. Хотя... — Джовелланос перевела дыхание. — Он был каким-то... я не знаю, замкнутым в последнее время. — «Ну отчасти это правда, и они, вероятно, об этом уже знают; будет подозрительно, если я ничего такого не скажу...»

— У вас есть какие-то соображения, почему? — спросил другой корп.

— Практически нет. — Она пожала плечами. — Я видела, как такое случалось раньше... когда постоянно имеешь дело с серьезными катастрофами, это неминуемо сказывается. Вы же знаете, люди на Трипе не всегда даже могут сказать, что у них на уме. Поэтому я к нему не лезла.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть сейчас у них не будет высокоточной телеметрии...»

— Понимаю, — кивнула Слейпер. — Что ж, так или иначе, спасибо вам, доктор Джовелланос.

— Это все? — Она начала вставать.

— Не совсем, — сказал один из незнакомых корпов. — Есть еще один вопрос. Касающийся...

«...пожалуйста, нет...»

— ...вашего участия в этом деле.

Джовелланос бессильно опустила в кресло и приготовилась услышать приговор.

— В связи с исчезновением доктора Дежардена у нас появилась... вакансия, и сейчас мы не можем себе позволить, чтобы она пустовала, — продолжил корп.

Джовелланос подняла взгляд на трибунал, озаренный галогеновым светом. В ней затеплилась микроскопических размеров надежда.

— Вы тесно сотрудничали с доктором Дежарденом в этом деле. Мы знаем, что ваш вклад в решение проблемы довольно значителен... более того, вот уже какое-то время вы работаете над задачами, не отвечающими вашему

потенциалу. Ваши подготовка и уровень знаний гораздо выше, чем у любого человека из тех, кого мы могли бы в данный момент привлечь на эту должность. Но, согласно данным психолога, у вас есть определенные возражения против инъекции Трипа Вины...

«Ушам. Своим. Не. Верю».

— Прошу вас, поймите, мы не против ваших взглядов, — заверил корп. — Ваше отношение к инвазивным технологиям вполне... объяснимо после того, что произошло с вашим братом. Честно признаться, я бы, наверное, чувствовал себя так же на вашем месте. Вся та затея с наноботами была чудовищным провалом...

Внезапно у Джовелланос подкатил привычный ком к горлу.

— Видите, мы понимаем ваши возражения. Но, надеюсь, и вы сможете понять, что Трип Вины — это совсем другое дело, и в нем нет ничего опасного...

— Я понимаю разницу между биотехнологиями и нанотехнологиями, — спокойно ответила Джовелланос.

— Да, конечно, я не хотел сказать, что...

— Дело именно в том, что произошло с Чито, — логика не всегда действует, когда вы...

«Чито. Бедный, мертвый, искалеченный Чито. Эти гаплоиды не имеют ни малейшего представления о том, что я совершила.

Все ради тебя, малыш».

— Да. Мы все понимаем. И пусть ваши предубеждения — опять же абсолютно объяснимые — ограничивают ваш карьерный рост, вы показали себя исключительным работником. Вопрос только в одном: неужели спустя столько лет вы и дальше будете сидеть на прежней должности?

— Если так, нам всем будет очень жаль, — добавила Слейпер.

Джовелланос подняла взгляд на другой конец стола и добрых десять секунд молчала, но затем произнесла:

— Я думаю... Я думаю, что время пришло.

— Иными словами, вы соглашаетесь на необходимые инъекции и хотите получить должность старшего правонарушителя, — уточнила Слейпер.

«Ради тебя, Чито. Вперед и вверх».

Элис Джовелланос мрачно кивнула, стоически не позволяя лицевым мышцам завести иной танец:

— Да, я думаю, что готова.

ШАХЕРЕЗАДА

Ископаемая вода, холодная и серая.

Она вспомнила краеведческие детали, хотя и не знала уже, когда успела их выучить. От паводковых стоков и атмосферных осадков набиралось менее одного процента объема Озер; она плыла сквозь жидкие останки ледника, растаявшего десять тысяч лет назад. Когда человеческая жадность осушит водоем до дна, он никогда не восполнится.

Пока же глубины более чем хватало, чтобы скрыть Кларк.

Русалка плыла день за днем. Видения прошлого, которого она не помнила, всплывали подобно пузырям в темной воде, сквозь боль в боку: она уже давным-давно перестала делать вид, что их нет. На берег она выходить не рисковала, но еще в Чикаго набила рюкзак сухими пайками, и когда ночами поднималась на поверхность, то плескалась там, как выдра, рвала вакуумные пакеты и ела, а перед рассветом вновь уходила на глубину.

Кажется, теперь она припоминала, что часть детства провела у слияния трех Великих озер, в Су-Сент-Мари, торговой затычке на горлышке Верхнего озера. Город

сидел на шлюзах и плотинах, словно тролль на мосту, собирая пошлины с проходящего тоннажа. Теперь он был не столь многолюден, как когда-то: четыреста километров от границы Независимого Квебека, но для кого-то и это было слишком близко, особенно после истории с арендой Нунавута. В тени великана зябко и в лучшие времена — а когда тот за ночь превращается в непобедимого монстра и лелеет детские обиды, жизнь становится совершенно невыносимой. Поэтому люди ушли.

Лени Кларк помнила исход. У нее было очень много личного опыта, связанного с тенями, великанами и несчастным детством. Поэтому она тоже уехала и не прекращала движения, пока на ее пути не встал Тихий океан и не сказал «далее некуда». Она поселилась в Гонкувере и жила там день за днем, год за годом до тех пор, пока Энергосеть не превратила ее в то, чего даже бездна не смогла бы остановить.

Теперь она вернулась.

Минула полночь. Русалка бесшумно рассекала поверхность, корчащуюся в отраженном свете городских огней. На фоне западного неба, подобно невысокой крепости, теснились стены далекого шлюза, удерживая вздыбленные воды Верхнего озера — одинокий пережиток прошлого, до сих пор сопротивлявшийся общему истощению. Кларк оставила его по левую руку от себя и взяла курс на север, к канадскому берегу. Зброшенные причалы гнили здесь еще до ее рождения. Она распечатала капюшон и глубоко вздохнула, набрав полную грудь воздуха. Затем сняла ласты.

Даже с ее ночным видением высматривать здесь было некого.

Она пошла на север в Куинн и повернула на восток, ноги сами несли ее в тусклом свете фонарей. Никто не пытался ее остановить. Отель «Истборн Манор»

по-прежнему гнил, так и не рухнув, хотя за последние двадцать лет кто-то снес все панельные дома.

На перекрестке с Коулсон она остановилась, глядя на север. Дом, который помнила Кларк, никуда не делся, стоял прямо на углу. Странно, как мало он изменился за последние два десятилетия. Если, конечно, воспоминания о нем не были... приобретены... несколько позднее.

Ей так и не повстречалось ни одной живой души или работающей машины. На востоке, впрочем, — на дальней стороне Ривервью, — четко обозначилась цепочка «оводов». Лени повернула голову: сзади тоже приближались боты. Они беззвучно шли по ее следу.

Она свернула на Коулсон-авеню.

*

Дверь признала ее спустя столько лет. Она раскрылась перед ней пастью, но светильники внутри — точно зная, что они гостье не нужны, — так и не зажглись.

Перед Лени тянулась голая прихожая без всякой мебели, ее стены странно поблескивали, словно их недавно выкрасили лаком. В левой зияла арка: гостиная, где обычно сидела и ничего не делала Индира Кларк. Еще дальше виднелась лестница. Пустой серый зев, ведущий в ад.

Пока Кларк туда не собиралась, а потому вздохнула и свернула в гостиную.

— Кен, — позвала она.

Комната походила на голую оболочку. Окна затемнены, но тусклого уличного света, пробивающегося из прихожей, для глаз рифтера было достаточно. Лабин стоял ровно посередине этого обнаженного пространства: одежда сухопутника, но на глазах линзы. Прямо за ним находился единственный во всей комнате предмет мебели: стул с привязанным к нему человеком. Тот вроде был всего лишь без сознания.

— Не надо было тебе приходить, — произнес Лабин.

— А куда еще мне идти?

Кен покачал головой. Казалось, его что-то неожиданно взволновало.

— Глупый поступок. Слишком предсказуемый. Ты должна была это понять.

— Куда? — повторила она.

— Это даже не то, что ты думаешь. Не то, что ты помнишь.

— Я знаю, — сказала Кларк.

Лабин, нахмурившись, посмотрел на нее.

— Они меня использовали, Кен. Я все знаю. Наверное, я все поняла с того самого момента, как у меня начались... видения, хотя понадобилось время, чтобы...

— Тогда почему ты пришла сюда? — Кен Лабин исчез. То, что стояло на его месте, казалось почти человеком.

— Ну ведь где-то я провела детство по-настоящему, — ответила Кларк спустя мгновение. — Они не могли подменить все. Мне показалось, что лучше всего начать поиски отсюда.

— И ты думаешь, они тебе позволят? Думаешь, я позволю?

Она посмотрела на него. Его плоские пустые глаза смотрели на нее, а лицо неожиданно исказилось от страдания.

— Наверное, нет, — вздохнула она наконец. — Но знаешь что, Кен? Это почти того стоило. Выяснить так много. Узнать, что они со мной сделали...

Позади Лабина человек на стуле дернулся.

— Что теперь? — спросила Кларк. — Убьешь, как Тифозную Мэри? Или я им нужна в качестве лабораторной крысы?

— Даже не знаю, что это изменит. Эта штука теперь повсюду.

— Да что за болезнь такая, объясни! — С легким удивлением она отметила, как мало ее волнует ответ. — Прошел почти год, а я не умерла. Даже симптомов нет...

— Рифтеры ей поддаются медленнее, — проговорил Лабин. — Строго говоря, это даже не болезнь. Больше похоже на почвенный наноб. Поглощает сульфаты или вроде того.

— И всего-то? — Кларк покачала головой. — Я трахалась со всеми этими лузерами, и теперь они даже не помрут?

— Оно убьет почти всех, — спокойно сказал Лабин. — Нужно только подождать.

— О...

Она попыталась хоть как-то отреагировать на новости, прочувствовать масштаб происходящего, но так и не преуспела. Наконец Лабин добавил:

— А ты заставила нас побегать. Никто не верил, что ты забереешься так далеко.

— Мне помогали, — ответила Кларк.

— Ты слышала.

— Я немало чего слышала. Но не знаю, к чему это все.

— Я знаю, — отозвался человек на стуле.

*

— Прости, Лени, — продолжил он. — Я пытался обновить его.

«Я тебя не знаю».

Кларк перевела взгляд на Кена:

— Он правда пытался?

Тот кивнул.

— Но он все еще жив.

— Я ему даже ничего не сломал.

— Однако. — Она вновь посмотрела на связанного мужчину. — Так кто он?

— Тип по имени Ахилл Дежарден, — ответил Лабин. — Правонарушитель из Патруля Энтропии. И твой большой поклонник.

— Правда? А почему он связан?

— Для общего блага.

На секунду она задумалась, стоит ли развивать тему, а потом присела перед Дежарденом на корточки.

— Ты действительно пытался его остановить?

Ахилл кивнул.

— Ради меня?

— Вроде того. Не совсем, — ответил он. — Это... это сложно объяснить.

Он попытался освободиться от эластичных нитей, удерживающих его на стуле; те в ответ затянулись сильнее.

— Может, разрежешь веревки?

Она бросила взгляд через плечо: Лабин неотрывно следил за ней из полумраке.

— Нет, — ответила Лени. — Пока нет.

«Наверное, никогда».

— Брось, тебе его разрешение не нужно, — возразил Дежарден.

— Ты все видишь? — Он не должен был заметить ее движения, для простого смертного в комнате царилa крошечная тьма.

— Дежарден — правонарушитель, — напомнил ей Лабин.

— И что?

— Ему улучшили функцию распознавания образов. Он видит так же, как обыкновенный сухопутник, но лучше интерполирует слабый сигнал.

Кларк повернулась к Дежардену и наклонилась поближе.

— Ты сказал, что знаешь.

— Да, — ответил он.

— Тогда расскажи, — шепнула она.

— Послушай, сейчас не самое подходящее время. Твой приятель крайне неуравновешен, и, если ты это еще не поняла, мы оба...

— Я так полагаю, — отозвалась Кларк, — что Кен сегодня сам не в своей тарелке. Иначе он бы нас уже убил.

Дежарден замотал головой и судорожно сглотнул.

— Ну что ж, — сказала Кларк. — Тебе известна история про Шахерезаду? Ты помнишь, почему она рассказывала свои сказки?

— О, боже, — простонал правонарушитель.

Русалка улыбнулась.

— Расскажи нам сказку, Ахилл.

АДАПТИВНОЕ ДРОБЛЕНИЕ

Пока Дежарден рассказывал, Лабин слушал. С момента их последней встречи правонарушитель явно узнал немало нового.

— Первые мутации, скорее всего, были очень простыми, — говорил он. — Зельцы стремились распространить Бетагемот, а переменную «Лени Кларк» еще до того промаркировали как носителя в некоем личном деле. Поэтому любой вирус с твоим именем в исходном коде сразу получал преимущество, по крайней мере, поначалу, — гели принимали его за важную информацию и пропускали. Но, даже когда их вывели на чистую воду, это лишь вынудило фауну Водоворота придумывать что-нибудь новенькое, а она гораздо быстрее обычного мяса. Для них мы как ледниковые периоды или континентальные дрейфы: мы направляем их эволюцию, но сами при этом крайне медлительны. У них всегда в запасе куча

времени для выработки контрмер. И вот некая группа программ освоила симбиоз, превратилась в нечто вроде... противодействующей сети имени Лени Кларк. В обмен на защиту от зельцев. Это как если бы стая акул стала охранять макрель, это огромное конкурентное преимущество. Ну и сразу потянулись все остальные.

Он взглянул из темноты на Кларк:

— Знаешь, ты стала катализатором поразительного явления. Групповой отбор — вещь довольно редкая, но ты побудила несколько совершенно разных форм жизни слиться в подобие колониального сверхорганизма, в котором отдельные особи действуют как части тела. Некоторые из них только и делают, что передают туда-сюда послания, словно... живые нейротрансмиттеры, можно сказать и так. Целые роды и семьи эволюционировали лишь для того, чтобы научиться поддерживать разговор с людьми. Вот почему никто не мог выследить этого уродца — мы-то искали Тьюринг-софт и нейросетевой код, а там ничего такого не было. Сплошная генетика. Потому никто ничего и не понял.

Он замолчал.

— Нет. — Кларк помотала головой. — Это ничего не объясняет. — Слушая монолог Ахилла, она как-то неестественно замерла.

— Это объясняет все, — возразил Дежарден. — Это...

— Так я простой пароль, что ли? — Она подалась к нему. — Всего лишь ключ, позволяющий обойти зельцев. А как насчет Янктона, ушлепок? Как насчет «Русалки Апокалипсиса» и всех этих людей с фальшивыми линзами, которые меня досуха готовы высосать, стоит отвернуться? Они-то откуда взялись?

— Т-то же самое, — пролепетал Дежарден. — Актиния распространяла мемы всеми возможными способами.

— Этого мало. Назови другие причины.

— Но я не...

— Назови другие причины!

— Да бог ты мой, такое постоянно происходит! Люди пристегивают себе бомбы на спину или распыляют зарин в вагоне, или идут в школу и начинают палить во всех подряд, и все они знают, что умрут, но оно того стоит, понимаешь? Лишь бы достать ублюдков, которые издевались над ними.

Она разразилась лающим прерывистым хохотом, как будто что-то затрещало.

— Так вот кто я в этом деле? Жертва и все?

Дежарден покачал головой:

— Нет, это они жертвы. А ты — оружие, которое они пустили в ход.

Кларк пристально посмотрела на него. Он беспомощно поднял глаза в ответ.

Она ударила его в лицо.

Ахилл опрокинулся навзничь, приложился затылком об пол. Привязанный к стулу, он не смог подняться и только стонал.

Лени повернулась. Лабин преградил ей путь.

Она глядела ему прямо в глаза, не двигаясь несколько секунд, а потом произнесла:

— Если собираешься убить меня, то приступай. Или убирайся с дороги.

Лабин подумал с секунду и отошел в сторону. Лени Кларк протиснулась мимо него и поднялась вверх.

*

Она и в самом деле провела здесь свое детство. Декорации были вполне реальны; выдуманными оказались лишь роли второго плана. Лабин прекрасно знал, куда пошла Кларк.

Она сидела в немраке своей старой спальни. От той остались лишь голые изрисованные стены, как и во всем остальном доме. Когда Кен вошел, Кларк обернулась, обвела усталым взглядом пустоту.

— Так он числится заброшенным? Не продается?

— Об этом мы позаботились перед твоим прибытием, — ответил он. — На всякий случай. Чтобы потом было легче прибраться.

— А... Что ж, неважно. Все равно дом выглядит так, как будто я уехала только вчера. — Она уставилась слепыми глазами в стену. — Вон там стояла моя кровать. Там... папа... обычно рассказывал мне сказки на ночь. Ты бы назвал это прелюдией. А здесь вентиляционная труба, — Лени махнула рукой в сторону решетки, вделанной в плинтус, — что вела напрямиком в гостиную. Я слышала, как мама смотрит свои любимые шоу. И всегда считала, что они очень глупые, но теперь мне кажется, что она их тоже не любила. Просто они служили ей алиби.

— Этого не было, — напомнил ей Лабин. — Ничего из этого не было.

— Я знаю, Кен. Я уловила суть. — Кларк вздохнула. — И знаешь, сейчас я бы все отдала за то, чтобы все это было правдой.

От удивления Лабин заморгал:

— Что?

Она повернулась к нему:

— Ты можешь себе представить, каково это... когда тебя преследует призрак счастья? — Она выдавила из себя горький смешок. — Все эти месяцы я отрицала его, списывала на инсульт, галлюцинации, потому что у меня не могло быть счастливого детства, Кен. Не могло, черт возьми. Мои родители не могли не быть чудовищами, понимаешь? Они сделали меня той, кто я есть. Они — единственная причина, почему я пережила

всю последующую хренотень, только из-за них я продолжала идти дальше. Я не могла допустить, чтобы эти уроды победили. Все мои желания, всякий раз, когда я отказывалась отступать, когда делала невозможное, все это было пощечиной их самодовольным рожам, рылам всемогущих монстров. Я все делала только назло им. Вся моя жизнь и я сама — им назло. А теперь ты стоишь тут и утверждаешь, что этих выроdkов никогда не существовало...

Ее глаза превратились в безжалостные, пустые сгустки ярости. Она прожигала Лабина взглядом, ее плечи тряслись. Но наконец отвернулась, а когда заговорила вновь, в ее голосе чувствовались мягкость и надлом:

— Но они существуют, Кен. Настоящие монстры из плоти и крови, старомодного образца. Они прячутся от дневного света, выползают из болот по ночам и начинают убивать, как им и положено. Рвут и калечат всех, до кого дотянутся... — Она судорожно и глубоко вздохнула. — И у чудовищ есть лишь одно оправдание: сначала они испытали подобное сами, мир гнобил их задолго до того, как они стали отвечать ему той же монетой, и если даже там были невинные, то почему они не остановили тех, других, а? Так что наказания заслужил каждый. Вот только настоящие монстры не могут прикрыться самообороной, даже праведной местью. С ними ничего не происходило.

— А с тобой произошло, — вставил Лабин. — Даже если твои родители не виноваты.

Она какое-то время молчала. Затем спросила:

— А каким он был? На самом деле?

— Насколько мне известно, — сказал Кен, — совершенно типичным отцом.

— Тебе известно, где он? Где они?

— Умерли двенадцать лет назад. От туляремии.

— Ну конечно. — Приглушенный смешок. — Полагая, именно поэтому меня и отобрали? Чтобы не было ненужных связей.

Он обошел ее кругом, посмотрел в лицо.

Оно было мокрым. Лабин в изумлении замер. Раньше он никогда не видел, чтобы Лени плакала.

Белые глаза встретились с его собственными; уголок рта дернулся в подобии горестной усмешки.

— Если вы правы насчет Бетагемота, то истинные виновники торжества сейчас в одной лодке со всеми остальными. Хотя это утешает. — Она покачала головой. — И все-таки ничего бредовой я в жизни не слышала. Я — астероид-убийца, я уже над Землей, но динозавры искренне мне радуются.

— Только маленькие.

Кларк взглянула на него:

— Кен... кажется, я уничтожила мир.

— Это была не ты.

— Ну да. Актиния. А я всего лишь выучный мул для... ты назвал бы его «Искусственным Неразумием». — Она вновь тряхнула головой. — Если верить тому парню в гостинной.

— Старая история, — задумчиво проговорил Лабин. — Похитители тел. Они проникают в тебя и заставляют делать то, чего бы ты никогда не сделал, если б...

Он осекся. Кларк как-то странно на него посмотрела и тихо произнесла:

— Прямо как твой условный рефлекс. Эти твои... утечки в системе...

Он сглотнул.

— Они тебя не преследуют, Кен? Все те люди, которых ты убил?

— Есть... антидот, — признался он. — Им как бы запивают Трип Вины. С ним легче жить после такого.

— Отпущение грехов, — прошептала она.

— Ты слышала о нем? — Лабин никогда не считал его необходимым.

— Видела граффити в Пыльном Поясе, — ответила Кларк. — Их пытались смыть, но художники, наверное, что-то добавили в краску...

Она вышла в коридор. Лабин двинулся следом. Снаружи доносились негромкие звуки работающих машин и легкое шипение распылителей.

— Что там происходит, Кен?

— Дезинфекция. Мы эвакуировали район перед твоим появлением.

— Опять сожжете всю округу? — Еще один шаг. Кларк была уже в дверном проеме.

— Нет. Нам известен твой маршрут. Здесь у Бетагемонта нет никаких шансов, ему не распространиться, даже если ты и оставила что-то после себя.

— А это маловероятно, надо думать.

— У тебя не идет кровь. С момента выхода на берег ты нигде не испражнялась и не мочилась.

Она была уже на верхней лестничной площадке. Лабин шел рядом.

— Ты просто свехросторожен, — заметила Кларк.

— Это правда.

— Хотя смысла все равно нет.

— Что?

Лени повернулась к нему:

— Я пересекла континент, Кен. Несколько недель жила на Полосе. Зависала в Поясе. Я несколько дней плыла по озеру, откуда качают питьевую воду для полумиллиарда человек. У меня шла кровь, я трахалась, испражнялась, мочилась в океане, в туалетах, в канавах по дороге больше раз, чем ты сможешь сосчитать. Да и ты тоже, хотя тебя, наверное, давно уже вычистили. Ну и где же тут смысл?

Он пожал плечами.

— Это все, что мы можем делать. Следим за мелкими пожарами и надеемся погасить их до того, как они разгорятся.

— И не даете мне разжигать новые.

Он кивнул.

— Но вы не сумеете стерилизовать океан, — возразила она. — Не сумеете стерилизовать целый континент. «Может, и сумеем», — подумал он.

С лестницы шум дезинфекции казался громче, но ненамного. Люди даже говорили вполголоса. Как будто район все еще кишел местными жителями, как будто бригады не хотели будить спящих граждан, которые в любой момент могли проснуться и застать их с поличным...

— Ты так мне и не ответил, Кен. — Лени Кларк сошла на следующую ступеньку. — Насчет того, убьешь меня или нет.

«Она не убежит, — сказал он про себя. — Ты ее знаешь. Она уже все сделала, она не... Тебе не обязательно...»

— Что ж. Полагаю, мы это выясним, — закончила Кларк. И начала спокойно спускаться по лестнице.

— Лени.

Даже не оглянулась. Лабин следовал за ней. Она же не возомнила, что может обойти его... не думает же она...

— Ты знаешь, что я не могу позволить тебе уйти. «Конечно, знает. И ты понимаешь, что она делает».

Кларк стояла у подножия лестницы. Открытая дверь зияла в пяти метрах от нее.

Что-то внезапно сжалось в кишках Лабина. Как будто начал действовать Трип Вины, но...

Она была почти у выхода. Нечто с галогенными глазами опрыскивало тротуар на улице.

Лабин сорвался с места не раздумывая. В мгновение ока он преградил Лени путь и тут же закрыл и запер

дверь, погрузив дом в крошечную даже по рифтерским стандартам тьму.

— Эй, — жалобно протянул из гостиной Дежарден.

В щели проникали лишь считанные фотоны. В таком слабом свете Лени казалась не более чем размытым силуэтом. Лабин чувствовал, как у него сжимаются и разжимаются кулаки: как он ни старался, но прекратить это не мог.

— Послушай, — удалось ему выдать из себя. — У меня правда нет другого выбора.

— Я знаю, Кен, — мягко ответила она. — Все в порядке.

— У меня нет... — повторил он вновь, чуть ли не всхлипывая.

— Разумеется, есть, — проревел у него в ухе незнакомый голос.

*

«Что за...»

— Элис? — раздался из-за угла голос Дежардена.

— Ты сам себе хозяин, малыш Кенни, — сказал голос. — Ты не обязан делать то, чего сам не хочешь. Поверь мне на слово.

Лабин прикоснулся к наушнику.

— Назовитесь.

— Элис Джовелланос, старший правонарушитель, филиал Садбери. К вашим услугам.

— Ни хрена себе! — донеслось из гостиной.

Лабин вновь дотронулся до наушника.

— У нас взлом каналов связи, некая персона, называющая себя Элис Джовелланос...

— Да они в курсе, громила. Они меня сюда и направили. Я отпустила их на ночь, пусть поспят.

Лени отошла от Лабина и взгляделась во мрак гостиной.

— Что за...

— Это закрытый канал, — сказал Лабин. — Сбрызни.

— Еще чего. Я старше тебя по рангу.

— Надо думать, ты недавно на этой работе.

— Достаточно. Кайфолом, Лени Кларк там?

— Да, — отозвался Дежарден. — Элис, что...

— У нее есть запястник? У меня идет сигнал с канала Лабины и с твоих имплантатов — Боже, жду не дождусь, когда и мне их вставят в голову, — но на Лени ничего...

— Лени, — сказал Дежарден. — Держи запястник подальше от тела.

— Нет у меня запястника, — отозвалась та.

— Очень жаль, — откликнулась Джовелланос. — Лабин, я не шучу. Ты — свободный человек.

— Я тебе не верю, — ответил Кен.

— Кайфолом свободен. Чем ты хуже?

— Мы никогда не встречались. Никакой возможности. — Но он вспомнил, как не смог убить Кларк на дне озера Мичиган. А потом на разборе полетов доказывал, будто и шанса не представилось.

— Это инфекция, — сказала Джовелланос. — По-настоящему революционная инфекция. Мы позаботились о том, чтобы она передавалась воздушно-капельным путем, упаковали ее в энцефалитную оболочку, но не волнуйся, содержимое не так смертельно. Прямо сейчас, пока мы разговариваем, зараза распространяется по всему УЛН.

Лабину нужно было лишь открыть дверь. Даже если эта Джовелланос не врет насчет отбоя, бригада снаружи еще не успела собраться. Кто-нибудь нажмет на кнопку, и канал Элис заглушат. На другую — и ее отследят. Ситуация даже близко не вышла из-под контроля.

Он мог позволить себе еще несколько секунд...

— Действие Трипа слабело с того момента, как ты подышал одним воздухом с Кайфоломом, — пояснила

Джовелланос. — Теперь ты сам по себе, Кен. Это все немного меняет, правда?

— Элис, ты полная... — Ахилл чуть не плакал. — У него же другого повода не было.

— Вообще-то, это не так. Кен Лабин — один из самых высокоморальных людей, которых ты встречал в своей жизни.

— Да что ты несешь, Элис... Я привязан к стулу, мне лицо разбили...

— Поверь мне. Я сейчас изучаю его медкарту. Серотонин и триптофан в норме, никакого ТПГ-полиморфизма*. Может, он и не подарок, но и не импульсивный убийца. Хотя кое-какие проблемы у тебя все же есть, Кен. Я права?

— Как тебе удалось... — Но конечно, у нее имелись все возможности поднять его медицинскую карту, понял Лабин. Вот только обычный правонарушитель не смог бы оправдать подобное нарушение перед Трипом Вины, уж не в рамках своих обычных полномочий.

«Она и вправду как-то это провернула. Она освободила меня...»

К горлу подкатывала тошнота.

— Каково тебе было все эти годы, Кен? — мурлыкала ему в ухо Джовелланос. — Знать, что ей все сошло с рук? Столько прекрасных детских воспоминаний, из-за которых ты так идеально подошел для своей работы, — ну конечно, ты думал о возмездии. Ты всю жизнь мечтал о нем, так? Любой мечтал бы на твоём месте.

«Что же мне делать?»

* Здесь имеются в виду изменения в ТПГ-генах, кодирующих триптофан-дезоксилазу. Именно по изменениям в этих генах, согласно последним теориям, можно клинически диагностировать шизофрению.

— Говоришь, это инфекция, — перебил Лабин, пытаясь ее отвлечь.

— Но ты не позволял мести овладеть тобой, никогда. Потому что ты высоконравственный человек, и ты знал, что это было бы неправильно.

— Как это работает? — «Не отвечай ей. Не позволяй играть с собой. Сосредоточься на цели».

— А когда промахи случались, они были всего лишь... ошибками, верно? Крохотные случайные утечки, которые требовалось устранить. И вот тогда ты убивал, разумеется, ведь выбора не оставалось. Ты всегда играл по правилам. К тому же не ты был виноват в этих смертях. Тебя все заставлял делать Трип.

— Отвечай! — «Нет, нет... возьми себя в руки. Расслабься. Она не должна ничего услышать...»

— Только вот потом утечки стали происходить так часто, что там, наверху, задумались, не нашел ли ты способ усидеть на двух стульях. Поэтому тебя отослали туда, где и речи не шло о вопросах безопасности и первоочередных задачах, которые могли бы тебя спровоцировать. Они не хотели давать тебе выбор и сослали туда, где ты не сумел бы найти себе оправдания.

Его дыхание слишком участилось. Он постарался успокоиться. В нескольких шагах от него Кларк опасно насторожилась, внимательно слушая.

— Ты — все еще нравственный человек, Кен, — не унималась Джовелланос. — Ты следуешь правилам. Не убиваешь, пока у тебя не остается выбора. И я говорю тебе, что теперь выбор у тебя есть.

— Твоя инфекция, — проскрипел Кен. — Как она действует?

— Она освобождает рабов.

Элис несла чушь. Но хоть из его головы вылезла.

— Как? — настаивал он.

— Переводит Трип в инертную форму, которая связывается с рецепторами Минского. Действует только на тех, кто на Трипе.

— Как насчет побочных эффектов? — уточнил Лабин.

— Побочных эффектов?

— Естественного чувства вины, например.

Дежарден застонал:

— О, черт. Ну конечно, конечно!

— Что происходит? — спросила Кларк. — О чем вы говорите?

Лабин едва не рассмеялся в голос. Обычная, заурядная вина. Старая добрая совесть. Как ей теперь действовать, когда ее рецепторные участки заглушили? Джовелланос и ее приятели так сильно увлеклись синтетикой, что совсем забыли про химические вещества, обитавшие в теле испокон веков.

Да нет, отнюдь не забыли и прекрасно понимали, что делают. В этом Лабин был уверен.

«Да здравствует Патруль Энтропии. Сила, способная закрывать города и страны, способная спасти миллион жизней тут, убить миллион там, способная удерживать целый мир на плаву или же порвать его в клочья за одну ночь...»

Он обернулся к Кларк:

— Твой фан-клуб сбросил оковы угнетения. Они теперь не рабы. Они освободились от Трипа Вины, от совести в любых ее проявлениях.

Он воздел руку в темноте, произнес горький тост:

— Мои поздравления, доктор Джовелланос. Всего несколько тысяч человек держат руки на кнопках, способных парализовать весь мир, и теперь ты превратила этих людей в клинических социопатов.

— Поверь, — парировала Элис. — Ты едва ли заметишь разницу.

Дежарден, однако, заметил:

— Твою же мать. Меня бы здесь даже не было. В смысле я просто собрался и ушел. Я послал все к чертям, мне было наплевать, что весь мир трещит по швам, я прибежал сюда... ради одного человека. Потому что захотел этого.

— Мы, психи, тем и известны, что плохо себя контролируем, — отозвалась Кларк, подходя к Ахиллу. — Кен, как развязать эти путы?

Лабин сердито уставился ей в спину. «Она что, ничего не поняла?»

— Да ладно тебе, Кен. Ситуация под контролем. Пока что никто из нас никуда не пойдет, а все правила, по которым мы прежде играли, вылетели в трубу, по-моему. Может, для разнообразия нам теперь поработать сообща?

Лабин колебался. Ее слова не пробудили в нем даже намек на тревогу. Никакого стремления действовать, никакой бесплотный дух не овладел его двигательными нервами. В порядке эксперимента Кен вошел в гостиную и деполяризовал путы. Те скользнули на пол передержанными в воде спагетти.

Для ровного счета он вытащил из кармана осветительную палочку и стукнул ею по стулу: выпотрошенную комнату озарило сияние. У Дежардена резко сократились зрачки, он заморгал и осторожно потрогал синяк на скуле.

— А вообще, совесть переоценивают, — разлился по комнате голос Джовелланос.

— Угомонись, Элис, — сказал Дежарден, растирая запястья.

— Я серьезно. Подумай: у некоторых ее нет, и они всегда используют тех, у кого она есть. В основе своей совесть иррациональна.

— Какая же ты дрянь.

— Социопатия не делает тебя убийцей. Но если сложится подходящая ситуация, ты сможешь им стать, и никто тебя не удержит. Эй, Кайфолом, думай об этом как о своего рода освобождении.

Тот лишь фыркнул.

— Да ладно тебе, Кайф. Я права. Ты ведь знаешь, что я могу быть права, и это никак нельзя сбрасывать со счетов.

— Я знаю одно: вся надежда сейчас на то, что до конца света меня просто уволят. Если, конечно, минут через десять не убьют.

— А знаешь, — отозвалась Джовелланос. — С этим я смогу помочь.

Дежарден ничего не ответил.

— Что такое, Кайфолом? Почему ты не пошлешь меня куда подальше?

— Продолжай.

И она продолжила. Лабин вытащил наушник из уха, встал; от осветительной палочки через всю комнату протянулась его огромная зловещая тень. Лени сидела у дальней стены, прислонившись к ней спиной; силуэт Лабина поглотил ее целиком.

«Я мог бы убить ее за секунду», — подумал он и удивился, насколько абсурдной показалась ему эта мысль.

Когда Кен подошел ближе, Кларк подняла на него взгляд и тихо сказала:

— Я ненавижу это место.

— Я знаю. — Он прислонился к стене и опустился рядом.

— Это не мой дом, — продолжила она. — Есть только одно место, которое было моим домом.

На глубине трех тысяч метров в Тихом океане. Прекрасная темная вселенная, полная чудовищ и чудес, которой больше нет.

— А что это такое вообще — дом?

Это был голос Ахилла. Лабин оглянулся на него.

— Элис тут пошарила по всяким каналам, можно сказать, политическим, я на такие обычно и внимания не обращал. — Дежарден постучал пальцем по виску. — Она нашла кое-какие интересные новости о морских перевозках, и они поднимают интересный вопрос: что же такое дом? Там, где твое сердце или где живут твои родители?

Лабин посмотрел на Лени. Та взглянула в ответ. Оба промолчали.

— А, ну и ладно. Ответ в общем-то неважен, — сказал Дежарден. — Похоже, вы так и так вернетесь.

НИША

Срединно-Атлантический хребет — дерьмовое место, чтобы растить детей, подумалось Патриции Роуэн.

Конечно, они с самого начала не купались в возможностях и по сути выбирали из трех вариантов: построить убежище на суше и довериться обычным технологиям карантина; сбежать на орбиту или укрыться за тем самым холодным, тяжелым барьером, который оберегал Землю четыре миллиарда лет, пока Н'АмПацифик не пробил дырку в мировом презервативе.

Они проанализировали каждую альтернативу со всех точек зрения. Вариант с космической базой был самым затратным и оказался бы наиболее уязвимым, случись кому-нибудь на Земле возжелать мести: орбитальные станции — довольно приметная мишень, а среди тех, кто остался внизу, уж точно нашлись бы не слишком милостивые личности, которые с удовольствием отправили бы вслед корпам парочку ядерных зарядов. А если бы технологии наземного карантина справлялись с задачей, то все они вообще не очутились бы в такой ситуации; этот

вариант, наверное, обсуждался только из-за бюрократической страсти к коллекционированию всех возможных вариантов. Либо кто-то просто мрачно пошутил.

Существовал и четвертый вариант — корпы могли остаться и встретить Бетагемот вместе с остальным миром. В конце концов, им сделали все необходимые модификации. На суше им бы не грозил тот... распад, который ждал всех остальных. Никаких выпавших волос и отслаивающихся ногтей, сочащихся гноем нарывов и конечностей, разваливающихся в суставах. Ни слепоты, ни язв. Ни эпилептических конвульсий, когда истлеет изоляция на нервной системе. Ни внутренних органов, превратившихся в кашу. Ни тысяч болезней, вызванных условно-патогенными микроорганизмами, названия которых обычно писали в графе «предварительная причина смерти». Они могли остаться и посмотреть, как умирает человечество, а когда погибнет биосфера, синтезировать себе пищу из неорганики.

Впрочем, эта альтернатива всерьез не обсуждалась.

«Мы бежим не от Бетагемота. Мы спасаемся от собственных граждан».

Все на «Атлантиде» знали об этом, хотя и не говорили. Они видели разгневанные толпы из окон своих пентхаусов, видели, как по экспоненте времени растет количество бунтов. Бетагемот вкупе с мемом Кларк — достаточно серьезная угроза, убедительная ролевая модель, и внезапно с каждым новым днем революция стала подбираться все ближе.

«Нам повезло, что мы вовремя убрались», — подумала Роуэн.

Да, убрались и теперь оказались здесь. Несколько сотен корпов, вспомогательный персонал, семьи и избранные прихлебатели термитами закопались на трехкилометровой глубине в запутанной системе титаново-

фуллереновых сфер, в безопасности от внешнего мира. Их видели только те, кто обладал самыми зоркими технологическими глазами и самыми мощными средствами разведки. Риск вполне допустимый: большинство из таких уже спустились сюда.

На «Атлантиде» были довольно высокие потолки, два спортзала, шесть оранжерей и садов, предусмотрительно рассредоточенных по комплексу на случай потери из-за маловероятного локального взрыва. Резервуары для ацефальных органоидов с удлинёнными теломерами. Три электростанции, подпитываемые от небольшого геотермального источника, — гарантированно незаражённого Бетагемотом, разумеется, — находились на вполне безопасном расстоянии в 1200 метров от «Атлантиды», на другой стороне гряды, прикрывающей комплекс. И где-то там, на этом отвесном базальтовом склоне, образовалась настоящая свалка из ещё не собранных частей станции. Там лежали библиотеки, игровые площадки, общественные центры, их отложили про запас, на будущее, чуть менее скованные скоростями, продиктованными трусостью и малодушием. Пока же Роуэн слышала, как жители «Атлантиды» постоянно жалуются на тесноту.

Та обременяла её куда меньше, чем остальных. Патриция видела технические параметры рифтерских станций.

Время было за полночь. Огни в коридорах приглушили, устроив жалкую пародию на природную смену дня и ночи; большинство обитателей, принимая условность, отправились по каютам. Муж и дети самой Роуэн спали. Сама она по какой-то причине не могла заставить себя участвовать в обмане. Какой смысл? Теперь, когда световой период не калибровал гипоталамус, естественный цикл сна и бодрствования отправился в странствие по циферблату. Здесь не было солнечного света. Больше они никогда его не увидят. Ну и бог с ним.

«Но они говорят, это временно. Что-нибудь одолеет Бетагемот, или мы научимся жить с ним. Эта глубокая мрачная яма — всего лишь убежище, а не судьба. Мы вернемся, мы вернемся, мы вернемся...»

Ну-ну.

Иногда огромным усилием воли ей почти удавалось закрыть глаза на все те шаткие подпорки и ниточки, на которых держались эти обнадеживающие мечты. Но обычно это было слишком трудно сделать, и она часами бродила по пустым сумеречным коридорам, пытаясь не замечать собственной ностальгии. Так Патриция брела и сейчас.

Иногда она проходила мимо иллюминаторов и останавливалась. На «Атлантиде» было еще кое-что, чего не имели рифтеры: прозрачные параболические пузыри, устойчивые к всесокрушающему давлению. Конечно, вид открывался так себе, восторгаться нечем. Косоугольник каменистого дна, отражающийся в тусклом свете смотрового окна. Периодически мерцающие звезды, неумоимо сверкающие маяки, указывающие, что «тут проходят линии высокого напряжения», а там стоят «строительные материалы». Изредка мелькал макрурус или какое-то столь же неприметное создание. Никаких монстров. Тут ничто даже отдаленно не напоминало прожорливых светящихся хищников, которые когда-то изводили рифтеров на станции «Биб».

А в остальном вокруг царил плотный, непроницаемый мрак.

Иногда Роуэн смотрела в эту непроглядную пустоту и теряла счет времени. Раз или два ей даже показалось, будто снаружи что-тоглядит на нее в ответ. Наверное, воображение. Ее собственный зеркальный образ, отброшенный неожиданным изгибом каплевидного плексигласа.

Может даже, ее собственная совесть. Могла же Роуэн надеяться.

Впереди показался стык, сумрачное место, куда вливались, подобно рогам морской звезды, сразу несколько коридоров. Надо было определиться. Поворот налево уводил к периметру станции. Все остальные дороги шли вглубь — к центрам управления, комнатам отдыха, к пустым ганглиям, где люди собирались даже после затемнения. Патриции была не нужна компания. Она пошла налево.

И остановилась.

Перед ней в коридоре появился темный призрак, тень с пустыми глазами. По ее коже сбегала морская вода, за спиной наваждения мерцали мокрые следы и лужи. Фигура была женской и черной, как сам океан.

Привидение подняло руку и открыло свое лицо.

— Привет, мам.

— Лени Кларк. — Почти неслышно, на выдохе произнесла Роуэн.

— Ты дверь не закрыла, — продолжила Кларк. — И я вошла. Надеюсь, ты не против.

*

«Позови на помощь», — подумала Роуэн. Но не пошевелилась.

Кларк осмотрела коридор.

— Милое местечко. Просторно тут. — Холодный, пустой взгляд на Роуэн. — Очень просторно. Видела бы ты дыру, в которой жили мы.

«Позови на помощь, она одна, она... Не будь идиоткой. Она бы не добралась в самое сердце Атлантического океана самостоятельно».

— Как ты нашла нас? — спросила Роуэн и с облегчением услышала, насколько бесстрастно звучит ее голос.

— Ты смеешься? Ты хоть представляешь себе, как много материалов твои люди сюда перевезли, чтобы построить это место? А их еще и расписание поджимало. Ты действительно думаешь, что могла замести все следы?

— Большинство, — признала Роуэн. — Но надо быть правонарушителем, чтобы...

«Дежарден. Мы ведь закрыли ему доступ...»

— Ну да, эти чокнутые правонарушители, — покачала головой Кларк. — Знаешь, они теперь не такие уже верные, как раньше. Как-нибудь поговорим об этом.

Роуэн по-прежнему сохраняла спокойствие:

— Чего ты хочешь?

Кларк хлопнула себя по лбу в наигранном раскаянии.

— Ах да! Готова поспорить, ты сейчас беспокоишься из-за Бетагемота, правда? Какой кошмар, вы столько миллиардов угрохали на этот уютный карантинчик, и вдруг появляется нулевой пациент и сразу вымазывает обивку дерьмом...

— Чего ты хочешь?

Кларк шагнула вперед. Роуэн не пошевелинулась.

— Хочу поговорить со своей матерью, — тихо произнесла Лени.

— Твоя мать мертва.

— Ну, зависит от определения этого термина. — Кларк сцепила пальцы, размышляя. — Генетически да. Моя мать мертва. Но кто-то сделал меня мной. Переделал меня. Кто-то взял ту, кем я была, и заменил чем-то другим. — Ее голос становился все более жестким. — Кто-то извратил меня, построил по собственному разумению, да еще и лажал всю дорогу. Не этим ли занимаются родители? А?

«Да. Этим».

— В общем, — продолжила Кларк, — я совершила... паломничество, полагаю, ты бы назвала это так. Я жаж-

дала получить некоторые ответы от женщины, которая действительно насильовала меня все эти годы. Я думала, она окажется каким-то чудовищем, иначе как бы она такое совершила. Огромным, уродливым и страшным чудовищем. Но ты не такая. Ты прячешься, мамочка. Мир катится к черту, а ты вот тут, пресмыкаешься, съежилась от страха, мочишься в штаны от страха, пока мы там, наверху, пытаемся разгрести тот бардак, который ты породила.

— Не смей, — сорвалась Роуэн. — Ты, мерзкое ничтожество, лучше не смей разевать свой рот.

Кларк посмотрела на нее с еле заметной улыбкой.

— Хочешь знать, кто устроил бардак? — спросила Роуэн. — Мы пытались сдержать Бетатегмот. Мы делали все возможное, мы пытались стереть его с лица земли, прежде чем он вырвется на свободу, и кто нам постоянно мешал? Кто его выпустил, Кларк? Кто сеял апокалипсис направо и налево, кто устроил самонадеянный крестовый поход и даже не задумался, какие люди пострадают на самом деле? Я — не ангел смерти. Это ты. Я пыталась мир спасти.

— Убив меня. И моих друзей.

— Твоих друзей? Твоих *друзей*? — Роуэн еле поборола легкомысленное желание рассмеяться. — Ах ты сучка тупая! От попутных катастроф погибли миллионы человек, их убили мы, ты это понимаешь? Беженцы, пожары — я даже не возьмусь сосчитать, сколько народу мы убили, чтобы спасти мир от тебя. Ты хоть думала о тех, кто тебе помогал? Ты хоть понимаешь, сколько невинных дурачков увлеклись этим мифом, сколько их рвалось получить пулю за великую Лени Кларк, и знаешь, некоторые из них в своем желании преуспели. А остальные... ну что ж, твой крестовый поход обманул их так же, как и всех. — Она втянула воздух сквозь стиснутые зубы. —

И ты победила, Кларк. Теперь ты счастлива? Ты победила. Мы сделали все, что было в наших силах, мы хотели остановить тебя, но почему-то этого все равно оказалось недостаточно, и теперь пришла пора подумать о наших семьях. Мы не можем спасти мир, но, по крайней мере, можем спасти нашу плоть и кровь. И если ты решила помешать мне сделать даже это, то клянусь, я убью тебя голыми руками.

Глаза щипало. Лицо стало мокрым от слез. Патриции было все равно.

Кларк какое-то время безучастно смотрела на нее.

— Да пожалуйста, — сказала она наконец.

— Пожалуйста?..

— Спасай детей. Свою жизнь, эту укромную норку, которую вы себе вырыли. Оставь их себе. Ты в безопасности. Я больше даже не носитель.

— Что, ты не хочешь отомстить? Разве не в этом был смысл? Разве ты не хочешь вытащить нас обратно на поверхность, чтобы мы отбивались, кричали, но все равно за все ответили, увидели шоу?

В этот раз Лени действительно улыбнулась.

— Нет нужды. У вас тут и так целый оркестр. — Она пожала плечами. — Знаешь, в чем-то я тебе даже обязана. Если бы не ты, я была бы всего лишь еще одним из девяти миллиардов трутней. Но тут появилась ты со своими дружками и превратила меня в существо, которое изменило мир. — Она улыбнулась вновь, и в этой ухмылке сквозило холодное, едва различимое веселье. — Гордишься мной?

Роуэн проигнорировала шпильку.

— Тогда зачем пришла?

— Я всего лишь посланница, — ответила Кларк. — Хочу сказать, чтобы ты не волновалась. Вы хотели остаться здесь, вот и прекрасно.

— И?

— И даже не пытайтесь вернуться назад.

Роуэн покачала головой.

— Возвращение в наши планы не входило. Так что не стоило утруждать себя столь долгим путешествием.

— Как только изменится ситуация, изменятся и ваши планы, — возразила рифтерша. — Роуэн, там, наверху, мы боремся за наши жизни. У нас было бы больше шансов, если бы вы, любители командовать и контролировать, не встряли и не нарушили алгоритм; это вообще могло всех нас убить. Но шансы на победу у нас есть. Говорят, Актиния — это чертовски мощная компьютерная система, осталось только как-то ее приручить.

— Точно. Актиния. — Роуэн вытерла пот с лица. — Знаешь, я до сих пор не уверена, что она вообще существует. Слишком уж она походит на псевдомистическую фигуру, исполнителя всех желаний. Что-то вроде Геи. Или Силы.

Кларк пожала плечами.

— Как скажешь...

«Она никогда о них не слышала, — подумала Роуэн. — Ее прошлое вымышлено, будущего не существует, а настоящее — ад на земле».

— И как ты рассчитываешь с помощью оравы электронных зверьков вернуть биосферу Земли? — спросила она вслух.

— Вопрос не по моей части. — Лени вновь пожала плечами. — Но говорят, что мы и есть... как бы это сказать, естественная среда Актинии. Ее выживание зависит от нас. Может быть, если мы сумеем донести до нее эту мысль, она нас защитит.

«Только если Актиния умнее, чем мы».

Роуэн выдавила из себя мрачную улыбку.

— Слава Актинии! Будете ей алтари воздвигать?

— Этого ты никогда не узнаешь, — парировала Кларк. — Потому что, если мы победим, для вас в новом мире места не найдется.

— Вы не победите.

— Тогда не будет места и для нас. Ваше положение от этого никак не изменится.

«Еще как изменится. Она знает, где мы. Значит, и другие в курсе. Даже если Кларк оставит нас в покое, сколько еще захочет отомстить? Я бы, например, захотела».

Роуэн пристально смотрела на женщину перед ней. Внешне Лени Кларк казалась такой маленькой. Тощей девчонкой. Она ничем не напоминала то огромное, подлое и ужасное существо, которым была внутри.

— От чьего имени вы говорите, мисс Кларк? Вы отказываетесь от своих личных претензий к нам или же претендуете на то, чтобы говорить от лица всего мира?

— Я говорю от имени союза, — ответила русалка.

— Союза?

— Тех, кто за вами приглядывает. От имени себя, Кена и всех, кто ходит с трубками в груди, после того как ваш великий эксперимент вылетел в трубу. Союз. Старое словечко, прямо из двадцатого века. Думала, ты его узнаешь.

Роуэн покачала головой. «Даже теперь я ее недооцениваю».

— Так вы что... хотите нас сторожить?

Кларк кивнула.

— Чтобы древняя опасная зараза вновь не проникла в мир?

Улыбка. Лени чуть склонила голову, одобряя метафору.

— Как долго? Шесть месяцев? Десять лет?

— Сколько потребуется. Не волнуйся, мы справимся. Будем работать посменно.

— Посменно.

— Патриция, вы понаделали столько рифтеров. Наверное, ты со счета сбилась. И у нас довольно узкая специализация, сейчас нам практически нечем заняться.

— Мне... жаль, — неожиданно вырвалось у Роуэн.

— Не стоит. — Лени повернулась к иллюминатору и наклонилась вперед. Ее глаза сияли, бесцветные, но не пустые. Она протянула руку и коснулась мрака, клубящегося за плексигласом.

— Мы были рождены для этого места.

Эпилог: сон при свете камина

Мягкие, приглушенные звуки, просачивающиеся из кабинета, не похожи на английский. Они даже на человеческий не похожи. Мартин Перро находит по ним то, что осталось от его жены.

Она много месяцев не позволяла ему войти в кабинет. Сначала ее просто раздражало его присутствие, она говорила, что он страшно ее отвлекает; потом кричала при малейшем вторжении, отталкивала руками, иногда даже кидалась в него чем попало. «Ты разве не видишь, что все разваливается на куски? — неистовствовала она тогда. — Ты вообще видишь хоть что-то дальше собственного носа? Как ты не понимаешь, что ей нужна помощь?»

А потом — после того как в дверях появились люди со светящимися КонТактами, спокойными безжалостными словами и, на всякий пожарный, маленьким, тихо жужжащим ботом-усмирителем, парящим у них над плечами, — Су-Хон лишилась даже отговорки, что выполняет свои официальные обязанности. Она не увидела, как они вошли: дротик впился ей в шею, прежде чем Перро успела повернуться. Когда же проснулась, кабинет выпотрошили: выдрали все двигательные нервы, раздавили каждый голосовой канал. Теперь она потеряла все и ни на что больше не влияла.

Су-Хон сказала, что ее словно парализовало от самой шеи. Винула мужа. Он впустил их. Он не защитил ее. Он сотрудничал с ними.

Мартин не возражал. Она говорила чистую правду.

Тогда его больше всего напугали не обвинения и не упреки, а ровный и бесцветный голос, которым Су-Хон их озвучила. Та женщина, которая кричала на него, казалось, ушла на глубину; а существо, говорившее от ее имени, словно было сделано из жидкого азота. Оно укрылось в своем бывшем кабинете и самым прозаичным тоном сообщило, что убьет Мартина, если тот хоть раз переступит порог этой комнаты, после чего спокойно закрыло дверь перед его носом.

Су-Хон не предъявили обвинений. Люди со сверкающими глазами с пониманием отозвались о ее недавней травме, о том, что она потеряла рассудок и совсем запуталась. Ее использовали, сказали они. Как и очень многих. Она была и преступницей, и жертвой. Нет нужды наказывать бедную женщину, пусть лучше она теперь получит помощь, раз уже не представляет угрозы для других.

Мартин Перро не знает, верить ли им. В последнюю очередь он ожидал от этих людей сострадания. Скорее уж слухи не лгут, и для расправы с Су-Хон и ей подобными просто не хватает ресурсов. Имя им легион.

Наверное, поэтому люди со сверкающими глазами лишь парализовали ее; они могли ослепить и оглушить жену Мартина, но возня с этими нервами заняла бы пятнадцать минут вместо пяти. Возможно, у них не было столько времени; возможно, диверсантов стало так много, что системе приходилось спешить, и она лишь перебивала им ноги.

К тому же Су-Хон больше не влияет на события в реальном мире. Какой вред можно принести наблюдая?

Теперь она даже этого не делала. Свернулась калачиком на полу, издавая тихие мяукающие звуки. Слетевший

с головы шлемофон лежит посреди комнаты. Кажется, она не понимает, что потеряла его. Кажется, не осознает присутствие Мартина.

Он гладит ее по лицу, бормочет ее имя, вздрагивает, ожидая приступа ярости или презрения. Ничего не происходит. Она вообще не реагирует. Он встает на колени, берет ее под ноги и за плечи: Су-Хон практически ничего не весит. Когда он поднимает свою жену, та слегка поворачивается и утыкается лицом ему в грудь. Но не произносит ни слова.

Мартин кладет Су-Хон на кровать и возвращается в кабинет. От упавшего шлемофона на ковре играет размытая цветная паутина. Мартин натягивает «железо» на свой собственный череп и оказывается лицом к лицу со спутниковым видом западной части Северной Америки. Тот кажется странно мутным; полушарие во тьме, обычные фильтры-усилители не делают картинку ярче. Городские скопления искрами мерцают в Южной Калифорнии и на островах Королевы Шарлотты, словно ядра галактик; Средний Запад — расплывчатое марево подсвеченных облаков. С востока вклинивается Пыльный Пояс, похожий на опухоль. Все очертания грубые и неотшлифованные, вид невооруженным глазом, никаких показаний радаров и инфракрасных фильтров; так сильно ограничить свое сенсорное восприятие — это совсем не похоже на Су-Хон. Присутствуют только два тактических показателя: какой-то таймер, бегущий сбоку, и яркая полоса в нескольких сотнях километров к востоку от Тихого океана, сверкающая оранжевая линия, идущая параллельно побережью от Южной Калифорнии до Британской Колумбии. Она лишена четких контуров, свойственных компьютерной графике, — линии кажутся размытыми, даже разорванными в нескольких местах. Мартин увеличивает изображение, потом еще. Разреше-

ние и яркость возрастают: оранжевая полоса разбухает, искрит и корчится...

Это не тактический показатель.

«+ 56 ч. 14 м. 23 с.», — сообщает таймер, на глазах у Мартина продолжая расти.

Это какая-то бессмыслица: как может пожар гореть с такой яркостью и так долго? Несомненно, пламя уже поглотило все, обратив горючие материалы в пепел, а все остальное — в шлак. Но оно не затухает, словно отрицая законы самой физики.

Вот: вдоль восточной границы пятно относительного мрака, где пламя, кажется, выгорает. Мартин с каким-то тупым облегчением наблюдает, как пятно расползается, пока вдруг между небом и землей не проходит раздувшийся черный «бублик» тяжелого подъемника. Для спутника это выглядит как будто Солнце пересекла тень Меркурия, но даже на таком расстоянии видно, как за аппаратом тянется яркий след. Умиравшее пламя вновь вздымается в вышину, искусственно возрожденное к жизни.

Они не дают ему утаснуть, понимает Мартин. Пожар пылает на постоянном жизнеобеспечении от Окленда до Китимата, и с внезапной глухой уверенностью Мартин осознает, что пламени уже установлен курс.

На восток.

Он выходит из кабинета на несколько секунд, возвращается с набором инструментов из мастерской. Откручивает все съемные панели, какие может, остальные разносит вдребезги. Спокойно расчленяет каждый прибор, оставшийся в комнате, перерезает оптоволокно, выливает кислоту на вычислительную органику, разбивает пневматическим молотком кристаллы. Потом идет по коридору в спальню. Су-Хон дремлет, свернувшись в позе эмбриона. Он прижимается к ней сзади, обволакивает ее и пустым взглядом смотрит в темноту, пока реальность вокруг отходит ко сну.

Благодарности

Первая благодарность — за снисходительность: Майку Брандеру, одному из самых приятных людей в этом мире, за то, что не вчинил мне иск, после того как я непреднамеренно назвал его именем одного из психопатов в своей прошлой книге.

Следующие благодарности за помощь: Лори Чэннер, Нало Хопкинсон, Brent Хейуорд и Боб Бойчук зондировали и проверяли на прочность первые главы, пока те пребывали еще в эмбриональной стадии. Лори также безропотно выносила мой бесконечный поток сознания, пока я пытался соединить все куски воедино; надеюсь, ее жертва избавила остальных из вас от подобной судьбы. Мой агент, Дон Маасс, сделал несколько критических замечаний по первым главам, в результате чего появилась новая сюжетная линия (надеюсь, менее «бьющая на эффект»). Текст со своей знаменитой проницательностью редактировал Дэвид Хартуэлл, пусть он и заставил меня вырезать крышесносящую сцену с папкой. (По прошествии времени я полагаю, что это было мудрое решение.)

Я получал различные технические консультации от людей с такими же докторскими степенями, как и у

меня; с той разницей, правда, что их темы в итоге хоть на что-то сгодились с финансовой точки зрения. Профессор Денис Линн из университета Гвельфа, вместо того чтобы ответить на мои просьбы, задал парочку вопросов, а потом указал, где навести справки. (Я двадцать лет назад слушал курс лекций этого человека, а он по-прежнему заставляет меня думать своей головой.) Он также предоставил мне «Молекулярную цитологию» Лодиша и соавторов — книгу, которая по объему с легкостью перевесит «Желтые страницы» Торонто. Исаак «Ковбой Банзай» Шпиндель — доктор медицины, невролог, писатель-фантаст, сценарист и инженер-электрик (я не шучу) — помог мне разобраться с химией совести и предположил, какой уровень напряженности ЭМ-поля у имплантатов рифтеров будет наиболее правдоподобен. Он также спас меня от стероидного психоза, когда я отравился ядовитым плющом в разгаре работы над книгой. Доктор Элисон Синклер и доктор Френ Терри снабдили меня интересными идеями, советами и информацией в том, что касалось микробов. Иногда информации было даже слишком много. Колин Бэмси рассказал, какие породы высокогорных деревьев с наибольшей вероятностью переживут глобальное потепление.

Описывая мир, в котором Квебек стал господствующей экономической силой, я украсил текст «квебекизмами», которые вошли бы в повседневный язык Северной Америки, — отсюда все эти странные французские слова и бранные выражения, от которых большинство из вас осталось в недоумении. Я благодарю Джозела Шампетье, Гленна Гранта, Дэниэла Сернина и Жана-Луи Трюделя за экспресс-курс сквернословия на втором официальном языке Канады, пусть они так и не придумали альтернативный перевод для «кровью блюющего, серповидноклеточного уroda». (Они, однако, отговорили меня

превратить имя «Селин Дион» в ругательство. Едва отговорили.)

Я снова приношу благодарность Йену Андерсону и великолепным «Джетро Талл», чья музыка составляла мне компанию долгими ночами, пока я не отправил этого щеночка на покой. А также «R. E. M.», у которых я украл пару названий для глав.

Я благодарю каждого за их усилия и/или вдохновение и приношу извинения за все места, где все равно с чем-то напутал.

Ссылки и примечания

Следующие источники помогли мне придать «Водовороту» более (надеюсь) правдоподобный вид, чем если бы я все делал по собственному разумению. Этот раздел расширяет те материалы, на которые я ссылался два года назад в «Морских звездах», а потому старые сноски я повторять не буду: если так интересно, сходите и купите ту книгу.

БЕТАГЕМОТ

Когда я начал писать этот роман, в научную литературу начали пробиваться странные утверждения о том, что открыт новый вид крайне примитивного микроба. Он отличался невероятно малыми размерами^[I]. Столь малыми — менее 100 нанометров в некоторых случаях, — что многие доказывали невозможность существования таких организмов^[II]. Уверовавшие прозвали их «нанобами» (было предложено, но так и не принято официальное таксономическое наименование — *nanobacterium sanguineum*)^[III].

Теперь же, пару лет спустя, нанобов нашли не только в термальных источниках и песчанике триасового периода, но также в крови млекопитающих (включая человека)^[IV]. Очевидно, нанобам мы навеваем приятные

воспоминания о «первичном бульоне», где изначально появилась и эволюционировала жизнь около 3,5 миллиарда лет назад; малытки питаются фосфором и кальцием, содержащимся в нашей крови.

Бетагемот — это, конечно, не *N. sanguineum*. С одной стороны, он более сложный, с другой — более примитивный. Его геном закодирован в пиранозильной РНК, а не ДНК; он питается серой, а не фосфором и кальцием; он не может выжить в холодной соленой среде (у реальных нанобов в подобных условиях, скорее всего, также не работает обмен веществ, но они могут пережить беду, уйдя в спячку); он хорошо приспособлен для проникновения в клетку, чего настоящие нанобы вообще не умеют делать. Он крупнее, по размерам похож на обычную микоплазму или морской бактериопланктон. Он намного опасней, и — что важнее всего — его не существует.

Тем не менее я постарался сделать эту заразу достаточно правдоподобной, с учетом жестких ограничений, накладываемых глобальным апокалипсисом под хрустящей корочкой. В итоге Бетагемот похож на «комбинированных серийных убийц», о которых пишут в книгах о «реальных преступлениях», — я свел вместе особенности различных реальных вирусов, а потом добавил вольностей для драматического эффекта. «А-51» существует по-настоящему как на дне глубоководных озер, так и у человека во рту^[VI]. *Pseudomonas aeruginosa* — еще одна бактерия, которая ведет вполне счастливую жизнь в почве, воде, червях и людях^[VII]; подобно Бетагемоту, у нее есть гены, позволяющие ей ускорять и замедлять ход собственной мутации, что дает ей возможность быстро адаптироваться к новой среде (в романе я назвал их «генами Блашфорда» в надежде, что некий Алистер Блашфорд оторвет наконец задницу от стула и опубли-

кует свою диссертацию по генетической мета-вариации как эволюционной стратегии)^[VII]. Разбор опосредуемого рецепторами эндоцитоза^[VIII], который сделали Марч и Макмахон в 1999 году, подал мне идею, как Бетагемот может попасть внутрь клетки-хозяина, а Декатур и Портной^[IX] подсказали, почему его потом не переваривают. И вновь моя благодарность Денису Линну из университета Гвельфа за то, что он вообще заставил меня беспокоиться о таких вопросах.

Генетику Бетагемота я стянул из целого ряда источников, многие из которых цитировал, даже не понимая, что опираюсь именно на них. Идея про митохондрию и пиранозильную РНК почерпнута у Эшенмозера^[X], Гестланда и соавторов^[XI], Грея и соавторов^[XII] и у Оргела^[XIII], [XIV]. Размеры и геном Бетагемота соответствуют теоретическому предельному размеру микроорганизмов^[XV], и при этом он достаточно велик, чтобы поддерживать нормальный уровень метаболизма микробов. (Реальные нанобы слишком малы, в них слишком мало ферментов, а это значит, что большая часть их метаболических путей функционирует на некатализированных скоростях. Поэтому они метаболизируют в десять тысяч раз медленнее, чем, например, бактерия *E. coli*363, и вытеснить всю остальную биосферу им явно не светит.) И, конечно же, гипотеза о том, что сама жизнь зародилась как серозависимый феномен в геотермальных источниках на рифтах, кажется все более вероятной^[XVI]. Остальные факты я почерпнул из «Молекулярной цитологии» Лодиша и соавторов^[XVII].

Почему я выбрал нечто столь распространенное, как сера, в качестве элемента, вызывающего эффект «бутылочного горлышка»? Я пытался акцентировать внимание на переносимом объеме экологических систем: жизнь прожорлива, и, если дать ей достаточно времени, все

что угодно станет ограниченным ресурсом. Кроме того, любой примитивный микроб из геотермальной среды, скорее всего, будет испытывать сильную зависимость от серы. (Специалисты среди читателей заметят, что я всеми силами старался не сделать из Бетагемота облигатного редуцента серы; на самом деле в моем воображении этот уродец в смысле метаболизма больше похож на огромных микробов, питающихся сульфидами, о которых говорится в статье Шульца и др.^[xviii].)

В конечном счете большинство особенностей Бетагемота имеет аналог в реальном мире. А вот смогла бы эволюция упаковать их в штуку шириной в 250 нанометров — это совсем другая история. И все же. Взгляните, сколько всего умещается на поясе у Бэтмена.

ТРИП ВИНЫ

Идея технологий, контролирующих человеческое поведение, далеко не нова в фантастике; к примеру, сразу приходит на ум «Заводной апельсин» Берджесса. В «Водвороте» я решил переизобрести велосипед, используя прямую модификацию генов и химию.

Насколько мне известно, существование «рецепторов Минского», о которых упоминает Элис Джовелланос, еще не нашло своего подтверждения. Однако нечто похожее на них располагается в лобных долях головного мозга, где обитают (какие уж ни на есть) совесть и нравственность^{[xix], [xx]}. По крайней мере определенные типы повреждений лобных долей могут превратить богобоязненных законопослушных граждан в социопатов.

По моим представлениям, рефлекс убийцы Кену Лабину впаили в нервную цепь, описанную Р. Дэвидсоном и его соавторами^[xxi]. Фантазия о том, что запрограм-

мировать такое поведение можно при помощи модифицированных генов паразитов, пришла ко мне, когда я преподавал зооэкологию студентам бакалавриата. Паразиты, упомянутые в «Водовороте», действительно существуют, и у них большая компания^{[XXII], [XXIII]}. Один грибок, питающийся мухами, взламывает нервную систему своих жертв, прежде чем убить их, и заставляет бедолаг садиться на насест вверх ногами и так располагать брюшко, чтобы удобнее было распылять споры. Трематода *Dictoscoelium*, живущая в муравьях, каждую ночь захватывает контроль над своим носителем, отправляет его на верхушку подходящего стебля и заставляет вцепиться мандибулами в травинку, рассчитывая на то, что утром насекомое вместе с травой съест другой, более крупный хозяин. И да, токсоплазма действительно заставляет крыс терять страх перед кошкой (иногда даже делает для них привлекательным запах кошачьей мочи). Ее также можно отыскать у половины представителей нашего вида. Истории как будто прямоком из «Кукловодов». Сейчас даже существуют доказательства, заставляющие предположить, что сам половой способ размножения изначально эволюционировал в качестве противодействия атакам паразитов^[XXIV].

АКТИНИЯ/ВОДОВОРОТ

Во-первых, среда обитания. Уже сейчас Интернет ходит на угодья дикой фауны гораздо больше, чем вы ожидаете. Интернетовские «бури» впервые описали еще в 1997 году^[XXV], так что новость довольно старая: можете посмотреть «сводки погоды» интернет-метеорологов^[XXVI], которые обновляются несколько раз в день. (И вновь мои футуристические прогнозы удивительным образом подходят для предсказания прошлого. К примеру, в «Морских

звездах» я написал, что в ближайшие пятьдесят лет к глубоководным разломам станут возить туристов на подлодках, а в реальности такие туры стали рекламировать еще в 1999 году.)

Те из вас, кто прослушал университетский курс физиологии, возможно, помнят так называемый экспоненциальный закон. Соотношение между площадью поверхности и объемом управляет всеми живыми системами от пищевых сетей до капилляров землероек — по сути, эта схема типична для всех самоорганизующихся (т. е. биологических) систем. Похоже на то, что и Всемирная паутина, как выясняется, также эволюционирует в соответствии с этим законом^[xxvii]. Есть о чем подумать...

Во-вторых, дикая фауна. Сейчас едва ли есть необходимость давать ссылки на тему «искусственной жизни»: поиск в Сети по этой фразе (или по «клеточному автомату») быстро покажет, насколько серьезно изучался вопрос в последнее десятилетие. Та подсистема электронной жизни, которая в романе называется «Актиния», заведомо чуть более умозрительна и основывается на двух предположениях. Во-первых, поведение простых систем, соединенных воедино, зачастую далеко выходит за рамки возможностей их отдельных частей. Это более чем очевидно в случае человеческого организма — кто станет отрицать, например, что мозг умнее, чем его отдельный нейрон? — но самое главное, это распространяется и на конгломераты абсолютно не связанных между собой особей. Стаю рыб или птиц, в сущности, можно рассматривать как диффузную нервную систему^{[xxviii], [xxix]}.

С этим связана и вторая предпосылка: ряд поколений с генетически предопределенным поведением окажется способен преодолеть тест Тьюринга, если будет

достаточно быстро эволюционировать. В это не так уж трудно поверить любому, кто знает, насколько изощренным может быть такое поведение. В конце концов, мы живем в мире, где муравьи разводят домашних животных, птицы используют одноклиномерные маршруты для навигации по полушариям, а пчелы передают сложные указания, куда лететь за едой, вертя задницами друг перед другом. Возможно, скептикам захочется почитать одну из книг Эдварда Уилсона по социобиологии или давнюю статью Джона Холланда в «Scientific American»^[xxx]. Она уже устарела, но доступно излагает основные принципы, стоящие за генетическими алгоритмами.

Наконец, каждому, кто находит фразу «групповой отбор» непристойной (допускаю, что в большинстве случаев эти люди правы), сперва стоит свериться с обзорной статьей Д. С. Уилсона в журнале «Skeptic»^[xxxi].

УМНЫЕ ГЕЛИ

С тех пор как вышли в свет «Морские звезды», работа по созданию мыслящего мяса продвинулась вперед. Обзор последних наработок можно найти в статье Роберта Сервиса «Интимные отношения нейронов и кремния»^[xxxii]. Более привычные нейросети теперь в буквальном смысле водят машины: программа ALVINN университета Карнеги—Меллона (которую я упоминал в примечаниях к «Морским звездам») уже вышла на шоссе, и нейросети без всякой помощи совершили поездку длиной в 90 км на скорости 70 миль в час. Они учатся водить, наблюдая за тем, как это делают люди. Процесс обучения занимает меньше пяти минут.

Мы все еще в точности не знаем, чему в действительности учатся нейронные сети, когда мы их тренируем.

Сбои в парадигме, из-за которых мой зельц предал своих хозяев, случались и в реальной жизни. Одна скандально известная военная нейросеть самостоятельно научилась отличать друг от друга различные условия естественного освещения, хотя люди вокруг думали, что учат ее распознавать танки^[xxxiii].

ДОПРОС ГАНЦФЕЛЬДА

Еще в «Морских звездах» я цитировал теорию Роджера Пенроуза о квантовой природе человеческого сознания, чтобы подвести научную базу под рудиментарные телепатические способности рифтеров. В «Водовороте» Лабин использует тот же трюк, чтобы допросить Ахилла Дежардена. Надо признать, что теория Пенроуза подверглась серьезной атаке со стороны типа по фамилии Тегмарк^[xxxiv]: поборники квантовой природы сознания объединились^[xxxv], но, кажется, дела на этом фронте сейчас выглядят несколько сомнительно. Что поделать.

ПРИЗРАКИ СЧАСТЬЯ

Симптомы «галлюцинаций» Лени Кларк в общих чертах основаны на синдроме Бонне^[xxxvi], заболевании, которое иногда случается из-за дегенерации желтого пятна. Мозг действительно компенсирует потери в визуальном сигнале, добавляя образы из зрительной памяти в образующиеся разрывы. В реальной жизни синдром Бонне чаще постигает пожилых пациентов и нередко связан с потерей близкого человека; галлюцинации более-менее органично встраиваются в окружающую визуальную картину (в противоположность формату «картинка в картинке», который был у Лени).

И НАКОНЕЦ...

Если вы хотите узнать еще больше обо всем, что я здесь говорил, заходите на мой сайт:

www.rifters.com

^I Unwins, P. J. R., et al. 1998. Novel nano-organisms from Australian sandstones. *American Mineralogist* 83: 1541–1550.

^{II} Broad, W. J. 2000. Scientists find smallest form of life, if it lives. *NY Times*, Jan. 18.

^{III} Euzeby, J. P. March 2001. List of bacterial names with standing in nomenclature. <http://www.bacterio.cict.fr/index.html>.

^{IV} Kajander, E. O., et al. 1999. Suggestions from observations on nanobacteria isolated from blood. In *Size Limits of Very Small Microorganisms: Proceedings of a Workshop*. National Academy Press, Washington. 164 pp.

^V Kroes et al. 1999. Bacterial diversity within the human subgingival crevice. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 796(25): 14547–14552.

^{VI} Rainy, P. B., and E. R. Moxon. 2000. When being hyper keeps you fit. *Science* 288: 1186–1188.

^{VII} Blachford, A. 1984. Metavariation and long term evolutionary patterns. M. Sc. thesis, Zoology, University of British Columbia, 140 pp.

^{VIII} Marsh, M., and H. T. McMahon. 1999. The structural era of endocytosis. *Science* 285 (5425): 215–220.

^{IX} Decatur, A. L., and D. A. Portnoy. 2000. A PEST-like sequence in Listeriolysin O essential for *Listeria monocytogenes* pathogenicity. *Science* 290: 992–995.

^X Eschenmoser, A. 1999. Chemical etiology of nucleic acid structure. *Science* 284: 2118–2123.

^{XI} Gesteland, R. F., et al. 1999. *The RNA World*. Cold Spring Harbor Laboratory Press, Cold Spring Harbor, NY. 735 pp.

^{xii} Gray, M.W., et al. 1999. Mitochondrial Evolution. *Science* 283: 1476–1481.

^{xiii} Orgel, L. 2000. A simpler nucleic acid. *Science* 290: 1306–1307.

^{xiv} Orgel, L. and L. Ost. 1999. Did life originate in an RNA world? In *Size Limits of Very Small Microorganisms: Proceedings of a Workshop*. National Academy Press, Washington. 164 pp.

^{xv} Vogel, G. 1998. Finding life's limits. *Science* 282: 1399.

^{xvi} Rasmussen, B. 2000. Filamentous microfossils in a 3,235-million-year-old volcanogenic massive sulphide deposit. *Nature* 405: 676–679.

^{xvii} Lodish, H., et al. 1995. *Molecular Cell Biology*, 3rd ed. Scientific American Books, W. H. Freeman & Co., NY. 1344 pp.

^{xviii} Schulz, H. N., et al. 1999. Dense populations of a giant sulfur bacterium in Namibian shelf sediments. *Science* 284: 493–495.

^{xix} Macmillan, M. 2000. *An Odd Kind of Fame Stories: of Phineas Gage*. MIT Press, Cambridge, MA, 576 pp.

^{xx} Anderson, S. W., et al. 1999. Impairment of social and moral behavior related to early damage in human prefrontal cortex. *Nature Neuroscience* 2: 1032–1037.

^{xxi} Davidson, R. J., et al. 2000. Dysfunction in the neural circuitry of emotion regulation — a possible prelude to violence. *Science* 289: 591–594.

^{xxii} Zimmer, C. August 2000. Do parasites rule the world? *Discover*: 80–85.

^{xxiii} Zimmer, C. 2000. Parasites make Scaredy-rats fool-hardy. *Science* 289: 525–527.

^{xiv} John Rennie, J. January, 1992. *Living Together*. Scientific American.

^{xv} Huberman, B. A., and R. M. Lukose. 1997. Social Dilemmas and Internet Congestion. *Science* 277: 535–537.

^{xvi} Matrix-net's Internet Weather Report, at <http://www.mids.org/weather/>.

^{xvii} Barabasi, A.-L. et al. 1999. Internet: Diameter of the World-Wide Web. *Nature* 401: 130–131.

^{xviii} Parrish, J. K., and Edelstein-Keshet, L. 1999. Complexity, Pattern, and Evolutionary Trade-offs in Animal Aggregation. *Science* 284: 99–101.

^{xix} Koch, C., and G. Laurent. 1999. Complexity and the nervous system. *Science* 284: 96–98.

^{xxx} Holland, J. H. 1992. Genetic algorithms. *Scientific American*, 267 (1): 66–72.

^{xxxi} Wilson, D. S. 2000. Nonzero and nonsense: group selection, nonzerosumness, and the Human Gaia Hypothesis. *Skeptic* 8 (1): 84–89.

^{xxxii} Service, R. 1999. Neurons and silicon get intimate. *Science* 284: 578–579.

^{xxxiii} Episode four of the PBS video series «The Machine that Changed the World»: Go to <http://www.otterbein.edu/home/fac/dvdjstck/CSC100/CSC100TMTCTW.htm#TM> for farther information.

^{xxxiv} Tegmark, M. 2000. The importance of quantum decoherence in brain processes. *Physical Review E* 61: 4194–4206.

^{xxxv} Quantum computation in the brain? Decoherence and biological feasibility», abstract of a talk given at the 2000 Tucson Conference by the University of Arizona's Center for Consciousness Studies (available online at <http://www.consciousness.arizona.edu/hameroff/decoherence.html#Abstract>).

^{xxxvi} Teunisse et al. 1996. Visual hallucinations in psychologically normal people: Charles Bonnet's syndrome. *Lancet* 347: 794–797.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕЛЮДИЯ: МЕССИЯ	7
-------------------------------	----------

ВОЛЬВОКС

Русалка	15
Байки Реконструкции	18
Смертное ложе	27
94 мегабайта: производитель	33
Каскад	38
Бэкфлеш	51
Карты и легенды	58
Корп	61
Удар	77
Палочник	88
Приглашение на танец	94
Пиксельмэн	97
Третье лицо, вид глазами персонажа	100
Прилипала	104
Поджигатель	107
Пепелище	113
Запасы	118
Икар	124
Побег	134
Новое открытие	141
Плაცдарм	143
Аптека	151
Исходный код	157
Надвигается буря	161
128 мегабайт: попутчик	163
Служба отлова	165
Призрак	169
Отметка цели	179
Чрево	180
Затмение	183
Монстр	184
Ветеран	190

ФИЗАЛИЯ

Зевс	201
Говорящий сверчок	205
Отпечатки	212
Архетип дезориентации	218
400 мегабайт: прерывистое равновесие	227
Микрозвезда	230
Подсказчик	235
Тепловая смерть	238
Свидание вслепую	241
Некроз	245
Западня	251
Соучастие	256
Поиск видений	267
Алгебра вины	275
Звездотрах	280
Маска	287
Скальпель	298
От тысячи порезов	303
500 мегабайт: генералы	305
Искры	307
Приманки	319
Распятие с пауками	337

АНТОПЛЕУРА

Снимок из досье	355
Актиния	359
В тылу	365
Спартак	374
Афалины	377
Террариум	403
Родственная душа	412
Самоволка	421
Шахерезада	426
Адаптивное дробление	432
Ниша	447
ЭПИЛОГ: СОН ПРИ СВЕТЕ КАМИНА	458
БЛАГОДАРНОСТИ	462
ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ	465

Литературно-художественное издание

+16

Питер Уоттс
ВОДОВорот

Ведущий редактор *Н. Кудрявцев*

Редактор *В. Женовский*

Художественный редактор *Ю. Межова*

Технический редактор *В. Беляева*

Компьютерная верстка *А. Положенцева*

Корректор *В. Леснова*

Подписано в печать 25.12.2014. Формат 84×108 1/32.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж 2000 экз. Заказ №766

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 3, комната 5

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Иероним Бербелек слыл некогда великим полководцем. Однако во время осады города был сломлен и едва не лишился собственной личности и воли к жизни. Может быть, теперь, снова встретившись со своими взрослеющими детьми, которых он не видел многие годы, он сможет обрести себя прежнего — в походе в Африку, страну золотых городов и бесформенных тварей, в сердце Черного Континента, где по воле чуждого сознания рождаются отвратительные чудеса и ужасающая красота...

«Иные песни» можно читать многими способами: как приключенческий роман, фэнтези, научную фантастику или философский трактат. В каждом случае это окажется удивительное и притягательное чтение, где автор вместе с читателем будет искать ответы на вопросы: можно ли познать иное, что лучше — силой навязать неизвестному собственную форму либо уступить и измениться самому?

ПРЕМИЯ БРИТАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

КЕН МАКЛАУД

НОЧНЫЕ ПРОПОВЕДИ

Номинант на Hugo, Nebula, Locus,
премию Артура Кларка

Шотландия, недалекое будущее. После войн на Ближнем Востоке, битвы при Армагеддоне и Потопа, атомной бомбардировки Иерусалима и Лос-Анджелеса пришла пора Великого Отчуждения. Первое Просвещение отделило церковь от государства. Второе Просвещение отделило религию от политики. В этом мире функционируют два космических лифта, на орбите добывают энергию, а боевые роботы с высокоразвитым искусственным интеллектом после конверсии пытаются приспособиться к мирной жизни. В этом мире верующие — маргинальное и вызывающее недоверие меньшинство, и теперь кто-то начал за ними охоту. Поначалу детектив-инспектор Адам Фергюсон решает, что виновников надо искать среди групп воинствующих атеистов, оставшихся после Войн за Веру, но когда круг подозреваемых и жертв начинает расширяться, становится ясно, что убийства священников — лишь верхушка айсберга, и, возможно, на кону стоит судьба всего мира.

Усвоив уроки и настроение киберпанка и сплавив их с твердой НФ, Уоттс создал продуманный, элегантный и изощренный роман, где жесткая реалистичность сплетается с богатством фантастических образов. «Водоворот» — это ультрасовременная НФ, роман, который не просто повторяет удачные находки «Морских звезд», но заходит на совершенно новую территорию, роман, под которым подписался бы сам Роберт Хайнлайн.

Пол ди Филиппо, *Science Fiction Weekly*

По сравнению с «Морскими звездами», описанный в «Водовороте» мир гораздо сложнее, а драматический эффект повествования — сильнее. Этот роман дает все, о чем только можно мечтать, когда разговор заходит о жанре твердой научной фантастики, эта книга сплетает будущее науки и увлекательную историю в единый завораживающий узор.

Аликс Делламоника, *Locus*

Питер Уоттс — один из лучших ныне живущих писателей твердой НФ, достойный встать в один ряд с такими авторами, как Нил Стивенсон или Грег Иган. К тому же в этом жанре редко можно встретить настолько сложных и запоминающихся персонажей, как те, что появляются на страницах «Водоворота».

Спайдер Робинсон, *The Globe and Mail*

СНЫ РАЗУМА

Западное побережье Северной Америки лежит в руинах. Огромное цунами уничтожило миллионы человек, а те, кто уцелел, пострадали от землетрясения. В общем хаосе поначалу мало кто обращает внимание на странную эпидемию, поразившую растительность вдоль берега, и на неожиданно возникший среди беженцев культ Мадонны Разрушения, восставшей после катастрофы из морских глубин. А в диких цифровых джунглях, которые некогда называли Интернетом, что-то огромное и чуждое всему человеческому строит планы на нее, женщину с пустыми белыми глазами и имплантатами в теле.

Женщину, которой движет только ярость; женщину, которая несет с собой конец света.

Ее зовут Лени Кларк. Она не умерла, несмотря на старания ее работодателей.

Теперь пришло время мстить, и по счетам заплатят все...

ISBN 978-5-17-087254-1

9 785170 872541

WWW.ASTREL.RU

АСТРЕЛЬ СПб

www.astrel-spb.ru